

Андрей Проскуряков

VIA CRUCIS

Липецк
«ПОЗИТИВ»
2018

*Моему прадеду,
священнику Александру Проскурякову,
расстрелянному в 1938 году по приговору «тройки»,
Посвящается*

*«И толпы животных и диких зверей,
Просунув сквозь ёлки рогатые лица
К источнику правды, к купели своей
Склонялись воды животворной напиться»
Н. Заболоцкий «Лесное озеро», 1938 год*

Глава 1

*«Когда все устрояет Бог,
не станем требовать
от Него отчёта».
Св. Иоанн Златоуст, IV век*

Человеческая память бывает упрямой и неподатливой, сопротивляющейся любой попытке извлечь из её закромов нужные факты, образы, номера телефонов, лица одноклассников и отчества дальних знакомых. А порой, та же самая память, которая ещё вчера

нехотя, словно полоумная старуха, расставалась с крупицами прошедшего времени, застывшего в необъятных недрах станинного комода в виде стопок фотографий, вышитых платков и поломанных брошей, вдруг начинает фонтанировать воспоминаниями, давно похороненными под слоями стыда и раскаяния, лишая душу покоя. И пусть, большую часть времени память служит нам верой и правдой, в молчаливом смирении снабжая нас множеством фактов, не требует наград и благодарности, признать её служанкой человеческой воли было бы не справедливо. Нельзя путать добровольное повинование с беспомощностью, а кротость с рабской покорностью. Когда память, тревожимая безжалостным зовом совести, возвышает свой решительный голос, самая твёрдая воля со страхом и трепетом склоняет голову. Ну, а уж когда Мнемозина накинет волшебный покров на события нашей жизни, то они, будто завалившись за подкладку времени, исчезают на минуту, на час или навсегда. И мы, не будучи в силах смириться с потерей, выдумываем странные истории, убеждая самих себя и окружающих, что всё так и было на самом деле...

Высокий молодой человек, на вид лет около двадцати трёх, стоял среди примятой травы, заворожённо глядя на живописную картину июльского рассвета и растерянно пытался вспомнить, что же произошло за последние сутки, и как он здесь очутился.

Плотное, плазменно-оранжевое, будто жидкий чугун, солнце достигло, наконец, горизонта и вот уже неумолимо вырастало из небытия над острым краем Земли. Вокруг нашего героя было бескрайнее выгоревшее среднерусское поле, не засеваемое уже много лет, позади, метрах в десяти, на собственной крыше лежал изрядно помятый автомобиль с большими колёсами. Из его кабины раздался хриплый стон.

“ Живой, значит, Борис”, - равнодушно, будто глядя на происходящее со стороны, краешком сознания отметил молодой человек, но с места не двинулся. Стон повторился, и он, наконец, начал понемногу осознавать себя, своё тело и мысли, постепенно воспроизводя в сознании детали сегодняшнего дня вплоть до аварии. Тем временем адреналин, обильно выделяемый организмом, достигал заторможенного после перегрузки мозга, вызывая дрожь в коленях, приступ запоздалого и, потому, бессмысленного страха и предательскую слабость во всех мышцах.

Молодого человека, одетого в старые джинсы, мятую майку с рекламой страусовой фермы и, несмотря на лето, оранжевое старушечье пальто с меховым воротником и накладными карманами, звали Денис Теплоструев. По крайней мере, это он помнил хорошо. Память понемногу возвращалась.

Тем временем стон из автомобиля прозвучал громче, в нём послышались нотки нетерпения.

“Ему надо помочь, - уже осознанно подумал Денис, но не сдвинулся с места, поскольку сигналы мозга до ног ещё не дошли, застряв в низу живота и произведя в нём громкое немузикальное урчание. - А ведь несколько дней назад я знать не знал... и вот тебе на!”

- Денис, пегас в пальто! – раздался зов, переходящий в кашель. – Ты что, рассветом любуешься?

Речь Бориса, была громкой, но какой-то заторможенной, словно заедала плёнка старого магнитофона.

Денис был прав, вся его жизнь текла размеренно и спокойно, жизнь школьника, студента-историка, не увлекавшегося ни одним из экстремальных видов спорта кроме архивных изысканий. Но где-то на небесах посовещались ангелы, и вот, всё изменилось в одночасье. Такое случается не только с историками! Хотя, нет, какая уж тут внезапность... Ниточки этой истории уже давно плелись за кулисами повседневных событий. Плелись, переплетались, чтобы сойтись в неожиданные узлы и завязки, соединяя судьбы людей доселе незнакомых, производя события самые неожиданные и порой нелепые.

- Дэн, да помоги же, тулуп ты овчинный! - ещё громче рявкнул Борис, странно растягивая гласные, наконец, приведя Дениса в чувства и заставив двигаться. Несспешно оглянувшись, и мимоходом замечая, как красив мир, он обнаружил в поле зрения Маргариту Генриховну в элегантном костюме, спускающуюся с откоса обочины прямо к перевёрнутому автомобилю.

...а совсем недавно, всего-то неделю назад, в пятницу утром ему позвонили от имени учредителя исторического фонда “Забытые святыни”, с которым он понемногу сотрудничал уже два года, и спросили бархатным женским голосом с вкраплениями бриллиантовых адвокатских стразов:

- Скажите, Денис! Сколько книг у вас готово к печати? Кстати, я -

Маргарита Генриховна.

- Очень приятно, две, - неожиданно для себя соврал Денис. Конечно, целиком написана была только одна книга - "Святыни Зарецкой земли", бывшая компиляцией как широко известных, так и глубоко архивных, но доступных, трудов, с приложением десятка новых фотографий среднего качества и панорамы Зарецка, склеенной вручную. А вот вторая - это совсем другое дело! Она была важна для Дениса ещё и потому, что совпадала с его дипломом. Но эта, главная, книга (как и диплом) была едва начата.

До защиты оставалось меньше года, и предстояла немалый труд, в том числе и в архивах района и епархии, но Денис всегда представлял эту книгу как уже написанную. Не только написанную, но и изданную. В твёрдом переплёте, с плотными белыми, немного шершавыми страницами, книга лежала в специальном отсеке его воображения уже давно. На обложке этой книги скромным, не очень крупным шрифтом значилось: "Денис Теплоструев", а ниже, более крупно: "Жизнеописание епископа Зарецкого Тимофея (Короткова) на фоне эпохи". Когда большой труд, полностью продуманный, разбитый на главы и параграфы, украшенный рисунками и фотографиями существует в мыслях писателя или учёного, не мудрено ошибиться при ответе на вопрос: "А есть ли книга?".

- Замечательно! - голос в трубке потепел ровно на полградуса. - А сколько из них издано?

- Ну, я отправил рукопись в два местных издательства, на грант подал заявку... - Денис почему-то оправдывался и презирал себя за это. Не его вина, что краеведение и исторические изыскания не востребованы в народных массах и пытающих умы издательствах. Почему от должен отмазываться, да ещё перед незнакомым человеком? Да потому что подспудно в этом голосе, как бек-вокал за солистом, слышалось: "На что ты жить собираешься, лузер?" А может Денис сам задавал себе вопрос, не понимая, как и, главное, кому он будет продавать знание истории родного края и епархии.

- Так сколько?" - переспросил голос в телефоне.

Денис, разозлившись на себя и высокомерный голос, молчал, не смея произнести страшное" ни одной".

- Видимо, ваши труды в коммерческих издательствах не вызвали должного энтузиазма, - пришёл на помощь голос, в котором появилась

то ли капля сочувствия, то ли презрения.

- Да, э-э-э... а ещё я написал статью в журнал «Фома»!

Но голос в трубке продолжил напирать:

- Но вы по-прежнему занимаетесь епископом Тимофеем? - что прозвучало как “Делом епископа Тимофея”.

- Да, это моя тема, - с неким вызовом самому себе ответил Денис.

- И вы крупнейший знаток темы? - В голосе засквозило если не уважение, то удивление.

- Точно, - кратко и кротко ответил знаменитый историк Теплоструев. Более того, он был единственным специалистом по епископу Тимофею и его наследию во всей области, да что там, во всей стране.

- Значит, нам с вами по пути, - заключил голос и тут же рассказал, что известный бизнесмен и меценат, многократный депутат и мастер спорта по лыжам Николай Иванович Кобецкий (известный в народе как Николюня, подумал Денис) просит знатока истории епархии и краеведа Теплоструева об услуге. Надо помочь найти одну вещицу эпохи епископа Тимофея Зарецкого. Вознаграждение? Ах, вы и не спрашивали об этом? Ну, так всё равно, отвечаю: награда за труды - издание двух книг Дениса Теплоструева тиражом не менее чем тысяча экземпляров каждая, с рассылкой во все библиотеки страны, с выплатой авторского вознаграждения. Вы поняли? Хороший гонорар, и всякие бонусы за хлопоты. Для того Фонд “Забытые святыни” и существует.

Денис почувствовал странную лёгкость в голове и тяжесть в ногах.

- Николай Иванович вас просит лично, - с нажимом заключил голос. Денис уже давно всё смекнул и мысленно согласился с предложением. Точнее, он хорошо понял вторую часть, про гонорар и издание книг, а первая часть предложения, об услуге по поиску чего-то там оставалась абстрактной и малозначимой.

Твёрдый переплёт, плотная бумага, с шершавой поверхностью, автор подписывает книгу, делая завитушчатый росчерк на глянцевом форзаце...

- Аванс можно получить сразу после подписания договора, все расходы на поездку оплачиваются за счёт фонда, - голос в трубке, проявив стальную гибкость, выдал этот аргумент, как козырь, который невозможно крыть.

- Согласен, - хрипло ответил широко известный агиограф и краевед и подумал: "Куда-то надо ехать?"

- Тогда завтра в десять утра у вас встреча с напарником, заодно подпишете договор и получите аванс. Зовут его Кара-Борис, да... просто Борис, в руках у него будет журнал "Огонёк". Ха-ха. Кафе "Субмарина" в парке, на углу Пролетарской и Воскресенской, знаете? Break a leg!¹, - с бархата голоса в трубку посыпались стеклянные стразы адвокатского смеха, а вслед за ним - гудки.

"Юльке кольцо куплю", - подумал Денис и аккуратное золотое колечко с четырьмя крохотными изумрудами, выложенными крестом, незримо легло поверх стопки фолиантов с авторством историка и писателя Теплоструева.

"Субмарина" имела статус «особого места», которое обязательно присутствует в любом провинциальном городке, где влюблённые парочки пили кофе, сок, а иногда и пиво, просиживая часами на живописной веранде. Сводить девушку в "Субмарину" означало признать за ней официальный статус "девушки". Находилось кафе на задворках городского парка и имело обширную веранду, увитую хмелем.

На следующий день, утром, Денис безнадёжно опаздывал на встречу с "напарником", неким Борисом, но вовсе не из-за невежливости или рассеянности. Напротив, он вышел из дома заранее, походил немного по аллеям парка, пока ноги сами не вынесли его на боковую улицу с низкими кривыми строениями начала двадцатого века с претензией на купеческий модерн, между которыми лежала презрительно-гордая туша алкогольного маркета "Жесть и стекло", обитая кроваво-красным сайдингом. Перед магазином, на асфальтовом пятаке образовалась лужа, сохранявшая правильные округлые очертания вопреки всем законам гидродинамики. Дверь магазина открылась, и из него на белый свет шагнул мужичок, обычный, не приметный. Он остановился на несколько секунд, оценивая, каков же сегодня уровень всемирного тяготения (а он был велик и гнул головы прохожих к земле) и несмело шагнул. В лужу. Осознав ошибку, неуклюже разворачиваясь, мужик занёс ногу на спасительный сухой порог магазина, но не удержался и с размаху сел. В лужу. Подумал секунду и лёг туда целиком, вольготно раскинув руки и утопив затылок в мутной воде, нецензурно подосадовав небесам о

тяготах жизни. Сэр Ньютон был прав, яблоко от яблони не далеко падает.

Денис стоял на противоположном тротуаре и увлечённо наблюдал за дальнейшими событиями. Две женщины прошли мимо: слишком грязный. Работяга с батоном в руке покачал головой, но пошёл по своим делам: спешу. Девушка в джинсах и кроссовках остановилась и оценила: не поднять, в два раза меня тяжелее. Лысоватый человек с кейсом торопливо перешёл на другую сторону улицы: алкаш эдакий! Два бича, уверенно перешагнув руку лежащего, проследовали за пивом: отдыхай, братан, мы скоро!

Тем временем на часах было уже 9-45. Денис замер на мгновение, не зная, что предпринять. Пьяный мужчина лет сорока пяти лежал в грязной воде на асфальте перед магазином и ждал патруля. Ничего особенного, если бы не одно обстоятельство. На лежавшем в луже, упившемся до беспамятства мужике была точно такая же холщовая куртка, как на Денисе. Заметив это странное совпадение, молодой человек испытал чувство удивления, смешанное с жалостью и странным, трогательным отвращением, будто он сам вот так валялся, где попало, и сам же смотрел на себя со стороны, не зная, что делать.

Ну, было. Один раз всего. Отмечали с друзьями институтский экватор и, перебрав с непривычки какого-то британского пойла, Денис вышел на улицу из кафе. Голова существовала отдельно от остальных членов тела и была кристально чистой. А ноги, сделав несколько шагов вперёд, вынесли его на клумбу с городскими блёклыми цветами, и он упал ничком, раскинув руки в полёте, как лебедь крылья...

Денис быстро перешёл дорогу и подошёл к луже: надо было выудить бедолагу и не испачкаться самому. Потом вызвать мотор, уговорить таксиста отвести грязного клиента, соблазнив двойной оплатой и пригрозив карами небесными за игнорирование бедственного положения ближнего, такого пьяного и по-младенчески беззащитного. В кармане куртки у мужика обнаружилась ещё полная плоская фляжка какого-то командирского коньяка, послужившая дополнительным аргументом в торге с водителем.

Всё. На часах 10-10.

В несколько больших шагов, напоминавших прыжки, Денис преодолел расстояние до парка. Ещё рывок и он у дверей "Субмарины".

10-14. Отдыхаться, оглядеться и - внутрь. 10-15.

10-55. За шатким столиком в "Подводной лодке" сидели Денис, допивавший третью чашку чая, и его собеседник, представившийся Борисом Караваевым, перед которым стоял ряд кофейных чашек. Его мужественное, но несколько оплывшее лицо с потухшими зелёными глазами, и широкие плечи, расслабленная манера вести беседу и быстрая ещё реакция, выдавали в нём бывшего военного.

Борис изложил суть предприятия, передал Теплоструеву умилительно пухлый конверт с авансом (если предприятие не выгорит, то можно не возвращать) и банковскую карту с небольшой, но адекватно круглой суммой на дорожные расходы. Рядом с блюдцами на столе лежали два чёрно-белых фото, распечатанных на принтере в формате А4. На одном из них была группа из семи человек, запечатлённых на фоне дверей небольшого, явно сельского храма: трое мужчин в первом ряду, две женщины и мальчик - во втором. На переднем плане присел, так что в кадр попали только голова и плечи, некий юноша. Второе фото представляло собой сильно увеличенный фрагмент первого, выхватывающий одну единственную деталь группового фото.

Оказалось, «напарник» работал в охранном предприятии Кобецкого, но не рядовым охранником, а специалистом по решению проблем. Да не простых проблем, и не силовым путём, не подумайте, чего, а проблем хитрых, требующих расследования с приложением смекалки. Что-то вроде нелегального частного детектива, подумал Денис, переваривая информацию. Помощь же Дениса, как специалиста-краеведа, необходима для розыска и правильной идентификации артефакта, изображённого на втором, крупном фото.

- Всё, вроде, просто, но концы утеряны, - заключил свой рассказ Борис и подозвал официантку. - Хватит хлестать чай, пора переходить на кофе! Тебе что, капучино?

Через несколько минут Денис разглядывал фотографии и отхлёбывая горячий растворимый кофе с добавлением взбитых сливок из баллончика. Официантка, ставя чашку на стол жеманно сказала: «Ваше капучино».

Раньше, действительно, он пил только чай.

- А как ваше отчество? - поинтересовался Денис у собеседника, желая общаться в вежливой манере.

- Да ты что, какое ещё отчество? - последовал ответ.

Борис, не смотря на разницу в возрасте, тут же потребовал от Теплоструева, чтобы он называл его на «ты» и по имени, и, вообще, держался просто и без интеллигентских понтов.

- Давай внимательно посмотрим на первый снимок, - сказал Борис.

- Он ключевой для нас. Что мы видим?

В центре кадра, окружённый со всех сторон учениками и ученицами, стоял высокий широкоплечий пожилой священник, ростом с хорошего гренадёра и с окладистой белой бородой. Иконописный лик старца, смотрящего в камеру с небольшим прищуром весёлых глаз, обрамлённых широкими бровями, приковывал внимание сразу и бесповоротно. Старец был в светлом хлопковом подряснике и летней скуфейке. В правой руке он держал средних размеров крест, немного засвечененный на негативе выглянувшим весенним солнцем. Над головой священника карандашом было написано “О. Павел”. Расположенные вокруг люди чем-то напоминали опешивших апостолов вокруг фигуры светозарно преобразившегося Спасителя.

Справа на фото расположился средних лет монах в мантии и низком клобуке, сидящий в инвалидной коляске. Лицо его, худое, болезненное, с неопрятной кудлатой бородой, скрытое тенью, было снято в анфас. Глаза монаха смотрели в землю, руки были сложены на коленях. Карандашом на листе прямо поверх клобука было выведено “о. Мортирий”, зачёркнуто и приписано “Мартирий”.

Третья мужская фигура, та, что слева от центра на фото, была развернута в сторону старца. Стоящий коренастый молодой человек с несколькими волосинками на улыбающемся лице имитирующими бородку, в чёрном подряснике, но с непокрытой головой, держал в руках высокий обливной кулич, с воткнутой в него свечой. У юноши было смуглое глянцевое лицо, выпуклые глаза и надменно-виноватый вид. Над головой его красовался, нарисованный всё той же рукой, жирный знак вопроса.

В промежутках между мужчинами из первого ряда виднелись две женские фигуры. Та, что правее, была в глухом тёмном платье и белой косынке, завязанной по-крестьянски. Она имела смутно знакомые Денису черты лица, возможно, он уже видел её на архивных фото. Надписей рядом с ней не было. За головой отца Павла виднелась

остроносая мордочка лупоглазого паренька лет четырнадцати с виду. Тоже без подписи.

Женщина слева на фото, была примерно того же возраста, что и первая, но одета была по-монашески. На ней были клобук, мантия, в руках она держала чётки. Надпись рядом с ней гласила: "м. Надежда".

На переднем плане присел, удивлённо смотря в камеру, худой паренёк лет двадцати, в роговых очках и мешковатой куртке. Надпись гласила: "Иван Паравикин".

Денис сразу узнал на фотографии иеромонаха Павла Яснова, жившего в Лесном Озере и служившего в местном храме в семидесятые-восьмидесятые годы двадцатого века. Этот человек вызывал большой интерес историков и краеведов, а здешними верующими почитался за подвижника и старца. В архиве Теплоструева было два десятка фотографий отца Павла, но именно такой - не было.

Также узнал Денис и крест, который был в руке Лесноозёрского настоятеля. Этот же крест, сильно увеличенный, был и на втором фото. На обратной стороне листа была надпись карандашом: "Светлая Седмица. 2000 год".

- А причём тут Кобецкий? - без обиняков спросил Теплоструев своего собеседника, недоумевая, какая связь может быть между людьми на фотографии и удачливым зарецким бизнесменом.

- Всё что я скажу - конфиденциально, - предупредил Борис.

Рыхлая девица с отрешённым лицом принесла тосты, чай и омлет. Денис, никогда не страдавший отсутствием аппетита, но всегда испытывавший недостаток денег, рьяно принял за еду, слушая Бориса и вставляя реплики.

- Кобецкого интересует этот самый крест. А вот и он, на второй фотографии, крупно.

- Тимофеев крест, - кивнул с набитым ртом историк.

- Да. И с этим крестом он как-то где-то пересекался уже, давно. Подробностей я не знаю. Вот только не верил тогда Кобецкий ни в белое, ни в чёрное, как и я, и вся эта церковная ахинея шла мимо него. А теперь он, типа, уверовал...

- Типа или уверовал? -sarкастически вопросил Теплоструев.

- Вот потому, что крест считается в определённых кругах чудотворным, Николай Иванович его и ищет, - Борис проигнорировал вопрос. - Интерес его простой. Внучка сильно болеет, и он собирается

её исцелить. Именно так он и сказал: исцелить, а не вылечить. Он прочёл твою заметку в газете о чудесном исцелении от креста дочери купца Чаботырова и теперь ему кажется, что случаи Меланьи и его внучки совершенно одинаковые.

Услышав странную повесть о Николюне, жаждущем чуда, Денис не удивился. Он только задумался: хоть что-то есть в этой истории от правды? Рассказывать никому ничего нельзя, но спросить-то можно?

- Ты знаешь кто такой Кобецкий? Вор в законе? - Денис вышел из кафе и набрал Юльку по мобильному телефону. Его девушка, Юля Пьянова, училась на филфаке и подрабатывала написанием колонок об огородничестве, домашних животных и рукоделии в редакциях обеих Зарецких газет, поэтому владела информацией на самые разные темы городской жизни. Вчера вечером она вернулась в родной город: часть практики проходило в местной газете.

- Никакой он не вор, это не так: в тюрьме он не сидел, - Юля с готовностью поделилась редакционными слухами, которыми журналисты всегда располагают, но не всегда публикуют. - Он бывший фарцовщик, цеховик, кооперативщик. Да, жёстко отстаивал свои интересы в девяностые. Насколько жёстко? Quantum satis². В начале нулевых занимался безакцизной водкой, бадяжил спирт в промышленных масштабах, разбогател по-настоящему в начале нулевых, когда взял в бизнес местных силовиков со связями в области. Конечно, участвовал в разборках, кормил косяк местных депутатов и даже одного областного, спонсировал главу города, точнее трёх глав, последовательно. В середине нулевых избрался в городскую Думу Зарецка, был заместителем председателя. Сейчас легально владеет сетью автомастерских, мясными лавками "Теремок", держит оптовую торговлю птицей и яйцами в семи районах области и Зарецке. В областном центре ему принадлежат спортивный зал, автозаправки, водочный склад с магазином. Ресторан "Субмарина" в нашем парке - тоже его. Кто говорит, что он жесток, а кто - что склонен к сентиментальности. Но, точно, не чуждается благотворительности. Вот тот же фонд "Забытые святыни" или детские рождественские утренники с раздачей «Сникерсов»! В последнее время он безвылазно живёт в Подмосковье.

- А что за история с его внучкой? - поинтересовался Денис.

- Ну, - Юлька на секунду замолчала. - Эта тема сугубо медицинская,

врачебная тайна и всё такое.

- Мне очень надо, это по работе.

- По работе? - удивлённо отозвалась Юля, припоминая, что может иметь в виду Денис. - У неё, по мнению врачей, чистая психиатрия. Вялотекущая шизофрения с суицидальными попытками, как-то так. В окно вылететь хотела, с третьего этажа своего особняка. Так говорят, я не проверяла. Но Кобецкий эту болезнь не хочет признавать. Внучка у него свет в окне, он её воспитывает с пелёнок, всячески балует, оберегает, в Ниццу на всё лето отвозит. Тебе-то она зачем?

- Кобецкий просит с историческими изысканиями помочь, - ответил Денис невпопад и пощупал конверт во внутреннем кармане куртки, затем достал и поднёс к глазам "Визу" с олимпийской символикой. - Работу через Фонд предлагает.

"Если всё получится, обвенчаемся и заживём" - подумал Денис, вспоминая, как Юлька смешно теребит свой нос, когда задумывается, и как трогательно и беспомощно поправляет очки в тонкой золотистой оправе или смотрит на маленькие недорогие часики, единственный его подарок, кроме цветов, на который у него хватило денег за долгие два года знакомства.

- ... и отчитывали эту Варю три раза какие-то популярные старцы средних лет, да разве при шизофрении есть смысл отчитывать, - в сознание Дениса ворвался голос из трубы. Юлька, оказывается, продолжала рассказывать. - Ты где там? Уснул?

- Варя? Что за...

- Варвара. Так зовут внучку Кобецкого. Сам он в религию ударился. То йоги какие-то у него замечены были, то герои Шамбалы. Теперь он православный. Валаам, Дивеево, Оранки... ездит по святым местам, живёт в ВИП-номерах, оставляет большие пожертвования. На его деньги сейчас начато восстановление Зарецкого Предтеченского монастыря.

- Да, что-то такое я слышал.

- Сам Кобецкий жизненные устои не поменял, он всё так же замешан в массе серых сделок и операций, но благотворит на широкую ногу. "Приобретайте друзей богатством неправедным", так сказал ему наш соборный настоятель, глубокий знаток страстей человеческих и бывший полковник УФСИН. А Николюне это понравилось!

- Очередная попытка откупится от совести, - не удержался Денис.

- А что за работа у тебя? - неожиданно уточнила Юлька, как все женщины параллельно думавшая сразу две мысли.

- С элементом секретности, но по окончании всё расскажу, обмоем, - не без тайной гордости сообщил Теплоструев. - Уже завтра утром я уезжаю в вояж по историческим местам в рамках сего предприятия. Попьём сегодня вечером пива с рыбой в парке?

- О, на радикальный гламур потянуло? - ответила Юля и засмеялась своим тихим грудным смехом, от которого у Дениса всякий раз запотевали очки. - У меня тоже новостей полно. Не у тебя одного секреты имеются. Такие интересные события уже два месяца как происходят! Но давай уж не на природе под кустиком, найди что-нибудь поприличнее, ведь, считай, дней десять не виделись, конспиратор!

- Тогда в шесть, в "Субмарине". Аванс требует обмыва! - торжественно заключил Теплоструев.

Но вернувшись в кафе, гордый кавалер узнал, что планы на вечер у него теперь другие. Пришлось звонить Юле, сильно извиняться и удивить её тем, что в семь часов его ждёт к себе Кобецкий, желая лично осветить некоторые обстоятельства дела. Но на следующее утро Денис отбыл в своё путешествие, потом Юля уехала в областной центр, сдавать практику в Университете, и увиделись они только через неделю.

...В Зарецке Николаю Ивановичу принадлежали два особняка. Один из них, построенный в начале девяностых, стоял на самом высоком месте Угольной горки. Из его окон открывался великолепный вид на серебристые воды Летки и панораму обширных заливных лугов противоположного берега, переходящих в рощи и леса. Нелепый громоздкий дом о трёх этажах с башней для телескопа и мавританскими окнами стал символом безвкусицы и памятником, ушедшему бандитскому десятилетию. После случая с Варварой, чуть не выпавшей из окна башни, Кобецкий перестал там появляться.

Второй дом, в стиле палладинского классицизма, был выстроен совсем недавно, в непосредственной близости от храма в селе Лебединском, на заповедных землях, невесть каким образом выделенных под строительство. Именно в нём Кобецкий останавливался во время своих нередких приездов в родной город. Новая вилла была не велика, но в её отделке принимали участие

ведущие архитекторы и дизайнеры. Вокруг, на полу гектаре земли, был разбит классический регулярный парк с фонтаном, прудом и конюшней. Новый “барский дом” удивительным образом гармонировал с местностью и перекликался со стоящим на пригорке бывшим особняком господ Пьяновых, в котором располагались сельский фельдшерский пункт, библиотека, клуб, почта, две парикмахерских, магазин всякой всячины и ещё какие-то мастерские. Парк при старом доме был уныл и запущен, являя собой образчик постсоветского запустения. Кирпичная ограда, подновлявшаяся последний раз в восьмидесятые годы, почти разрушилась. Тем не менее, с маниакальным упорством её продолжали красить к каждому Дню Победы в ядовито-красный цвет, замазывая все неровности и выщербины. Вытоптанные дорожки, замусоренные газоны с клумбами из побеленных покрышек усиливали ощущение безвременья в бывшей усадьбе. И если бы нашёлся какой-нибудь местный захудалый Иеремия, могущий оплакать руины, картина была бы гораздо полнее.

Ровно в 18-30 к дому Дениса подъехала машина от Кобецкого, на которой он и отправился Лебединское. Через Новый мост, построенный в начале восьмидесятых, ехать было не более семи километров. Роскошный автомобиль без шильдиков и с наглухо тонированными стёклами беззвучно скользил по щербатому асфальту, без усилий проглатывая выбоины. С ветерком промчались по деревне до церкви, распугивая кур, и свернули влево, в переулок, в конце которого стоял дом Кобецкого в окружении стройных рядов самшитов, можжевельников и голубых елей.

Оглядываясь с неподдельным восхищением, Денис, в сопровождении пожилого молчаливого водителя, прошёл через парк ко главному входу, обрамлённому колоннами. По дому его вёл уже другой вергилий, такой же молчаливый старикан, только маленький и толстый. И всё же в доме было что-то такое, что создавало впечатление картонного аристократизма и нелепых потуг на врождённое благородство. Словно в величественно-мрачный замок рыцаря-императора вселился купец третьей гильдии и слегка “улучшил” его, привнеся с собой едва заметные штрихи ямщицкого шика и торгашеской роскоши.

- Прошу, - сказал провожатый и открыл высокие двери в один из

залов. Денис шагнул внутрь.

Сухой подтянутый стариk с мутными глазами и узловатыми пальцами сидел на бежевом кожаном диване в окружении двух лупоглазых престарелых мопсов, окрас которых был подобран в тон обивке. Или наоборот. Одет он был в голубые молодёжные джинсы, неоново-синие мокасины "Прада" на босу ногу и серую рубаху типа "Оксфорд" навыпуск. Довершала образ бандана с колумбийским флагом, лихо повязанная поверх лысого лба. Несмотря на актуальный лук, Николай Иванович был похож то ли на мелкого партийного работника времён упадка, то ли на вороватого приказчика из скобяной лавки эпохи Николая Первого, но ни как на среднекрупного бизнесмена двадцать первого века.

На двух креслах вокруг пушистого ковра серо-зелёного цвета сидели Борис и худая, спортивного вида остроносая женщина лет сорока в свето-сиреневой летней тройке и узких золотых очках. Между ними стояло пустующее кресло, в которое и сел Денис, пожав руку Борису.

- Знакомься, Денис, это Маргарита Генриховна, мой юрист и ангел-хранитель, - сказал Николюня, поправляя бандану. Сам он не представился и не поздоровался.

- Это я звонила, - растянув нижнюю губу в розовую нитку (верхняя при этом исчезла вовсе), улыбнулась адвокатесса, отчего её нос заострился до состояния боеголовки. - Чую?

- Что? - Растрелялся Теплоструев. - Да, конечно.

Маргарита Генриховна помахала кому-то в углу зала и тотчас перед каждым из сидящих появилось по маленькому выкатному столику с чайной парой и горочкой крошечных сахарных печений. Пожилая горничная (ну ни одного молодого лица среди прислуги!) в шотландской юбке с белым передником разлила довольно крепкий чёрный чай по чашкам и удалилась через боковую дверь.

- Денис, - серьёзно сказал Николай Иванович. - Дело вам с Борисом поручается большое. Для меня - очень важное. Я хочу тебе рассказать кое-что, может пригодиться. Да хоть для истории.

- Я с удовольствием выслушаю, - Теплоструев отхлебнул чай и почтительно кивнул головой.

- Было это году в пятьдесят пятом, или пятьдесят шестом. Нет, в пятьдесят пятом! Анна Фёдоровна, физичка наша, сообщила ещё, что

Эйнштейн умер, хотя нам всё до фени было. Она нас за мукомолов держала, а мы и не дрыгались. Как подсядет на уши со своей физикой, мама не горюй! Мне тогда только шестнадцать годков стукнуло, и был я знаменитый по Зарецку хулиган. В табло любому мог заехать, держал, значит, марку. А Мишка Трунов был мой лучший корефан.

Николюня вынул из палисандрового хьюмидора толстый "черчилль" шоколадных тонов, сорвал упаковку, покрутил в пальцах и бросил назад в ящик. Его пацанская речь так резко контрастировала с дорогой обстановкой, бронзой и сигарами, что вызывала невольное восхищение у слушателей.

- Мы, дети бараков, и коммуналок, голодное военное поколение, да что мы видели хорошего? - неожиданно перешёл на патетический стиль Николюня, обнаруживая совсем другую сторону личности. Понятно, подумал Денис, человек-то не глупый и язык подвешен.

- Ничего, - зачем-то ответил Теплоструев, хотя вопрос был риторический. Хозяин ухмыльнулся.

- Мы - послевоенные пацаны-босяки, а кругом разруха. Вокруг страх и веселье, тупость и взаимовыручка, менты и вседозволенность. Я - безотцовщина. Отец без вести пропал в сорок втором. Я его и не помню совсем. Несколько карточек осталось, там мама молодая. А в пятьдесят пятом уже как старушка... Вот она картина детства: кругом пьянство, заборы покосились, бухие слюнявые инвалиды, чёрный дым из трубы, угольным порошком топили. Жирный воздух коммуналок, всегда пахнет прокисшими щами. Детство, говорят, всегда весело. Ничуть не весело мне было, я и вспоминать не хочу. А помнится всегда одно и то же. И не смерть Вождя, даже не угоревший в бане пьяный Никифорыч, он ханыжник тот ещё был, растворитель пил! А помню я чувство хлеба, особенно по первым послевоенным годам. Странное и очень-очень злое чувство. И это не голод, нет. Голод он только первое время в тебе живёт, а потом он тихо уходит и уступает место какому-то ползучему серому туману, заполняющему голову. И в этой туманной дымке, вдалеке, только одно видение - на белом столе краюха чёрного хлеба с солью. И ты её не видишь даже, а чувствуешь всем нутром, словно волк добычу.

Денис замер с печеньем в руке, поднесённым ко рту и не смел откусить. Борис молчал, опустив глаза. Только Маргарита Генриховна с равнодушным видом пила из тонкой фарфоровой чашки, держа её

двумя пальцами за ручку.

- Чувствуешь этот хлеб так ясно... - продолжил хозяин. - Так отчётливо, словно в руки его взял и укусил уже, и он теперь - часть тебя. Такое вот предхлебное чувство, сродни помешательству. И ещё казалось, что как только хлеба будет вдоволь, сразу всё станет по-другому. Не что-то конкретное, а всё. Вот взойдёт это каравай-солнце над землёй, и мы станем другими, мир изменится. Может и драться стенка на стенку не нужно будет, да воровать и напиваться незачем станет. Да и как тут не стать другим, как не преобразиться, когда на тебя сверху зорко эдакий хлеб небесный смотрит!

Денис бесшумно откусил кусочек печенья и принялся жевать. Горничная не торопливо разнесла шоколадные конфеты и цукаты. Она же увела собак гулять и те пошли за ней, похрюкивая и шумно сопя. Хозяин же продолжил рассказ.

- Я рос без отца, а Мишка - без матери. Отец его, бухгалтер на МТФ, добрейший был человек и горький пьяница. В сорок пятом и сорок шестом, в Германии, сторожил цистерны со спиртом, вот и пристрастился. А как мать Мишкина в сорок девятом умерла, стал пить ежедневно, иногда и по-чёрному запивал, до зелёных аншибелов. Мишка был с виду тихий, не многословный, но это только первое впечатление. Он упрямый очень, а если разозлится, совсем с катушек съезжал, страшный становился, ударить мог. Отца поколачивал. Я его "дёрганый" звал. А некоторые даже дружка моего сумасшедшего считали, стороной обходили. Ну, в шестнадцать лет нас со школы погнали, за поведение. Я конечно заводной был, бедовый, но учился без двоек, читал с охотой. Меня без экзаменов приняли в железнодорожное училище, на путейца, стипендию платили, я самостоятельным стал. Кормили, опять же, уже не плохо. Мишка тоже голову имел светлую, химию любил. За два месяца выучил, что положено и поступил в фармацевтическое училище. Вот летом пятьдесят шестого, или пятьдесят пятого, это и произошло. Втроём мы пошли на речку, где Лесное Озеро. Хоть и не близко это, но там пляж песчаный и берег ровный, молодёжь там околачивалась летом. Я, Мишка и Костян Выксин с нами. Бутылку дёгтя купили у старухи Ярушкиной, только она школьникам самогон продавала, сигарет ещё у шоферов настреляли. Тряхнули двух малолеток на мелочь по дороге, дыню ферганскую прикупили. Девок звали с педухи, помяты-

пошпецать их хотели, да они не пошли.

Хозяин особняка тускло улыбнулся, растягивая необычно глубокие морщины между скулами, носом и верхней губой, словно выдолбленные теслой скульптура. Потом он поскоблил довольно редкую седую щетину на лице, которая перешла эстетическую грань и постоянно чесалась.

- Вот, отращиваю. Благодать скрыта в бороде, как в волосах Самсона, так говорит наш отец Василий, - немного оправдываясь, заметил Николюня.

Денис слушал внимательно, не заметно для себя глотая одно печенье за другим. Казалось, Николюня ударился в старческие воспоминания, никому не интересные и ни к чему не ведущие, но историк чувствовал, что скоро начнётся что-то важное и любопытное. Прошлёпала горничная с очередной дозой печенья и орехов для прожорливого гостя. Через пару минут хозяин продолжил рассказ.

- Расположились мы на песочке, друганы по жизни, стаканы вынули, накатили, повторили, закурили. Солнце вышло, припекло. Эх... Но нам что-то не весело. За жисть перетёрли. Только по третьему набулькали, приходят на берег три гребня нашего возраста с подругами. Холёные такие самцы, розовые. Рубашки белые, гладенькие. Девки дородные такие, завитые, щекастые, всё смеются, толкаются. Одна особенно красивая, волосы до пояса, гребешок в волосах перламутровый, за ручку своего кузю держит, а он ей на уши подсел, бу-бу-бу, в глаза заглядывает. Любовь, значит, у них. Вот они плед расстелили, харчи разложили. Ну, бублики там, лимонад в бутылках, конфеты какие-то. Тыры-пыры, сидят, едят, смеются. И мы, глядя на такой праздник жизни, выпили молча, как на похоронах и не хрена не смешно нам. И каждый думает: почему? Почему я тут на мятой газетке, в грязном пиджачишке самогон пью, а не на пледе шерстяном с подругой обнимаюсь? Как такая несправедливость в мире возможна, и кто за это ответит? Один ушлёпок, толстый, рыжий, в проволочных очёчках, встал на колени на пледе и давай своей подруге, такой же очкастой, как и он, читать стихи. Поклонился так картинно, смешно выло, он же на коленях стоял, будто земной поклон отвешивал и начал: "Шёпот, робкое дыханье, трели соловья..." Я это стихотворение слышал, училка в классе читала. Прочёл и опять кланяется. Девка его, губастая, мордастая, руки полные такие, в веснушках, уже венок

сплела и на голову этому чижику возложила. Мишка посмотрел на это дело хмуро так, выругался и отвернулся. Мы закурили, хмель как рукой сняло от негодования. Третий парнишка, самый тихий с виду, маленький, хромал ещё на левую ногу, вдруг встал и подошёл к нам. "Не могли бы вы не выражаться при дамах и не курить?" Так он и сказал. Даже мы с Костяном такой борзости не ожидали. А Михась поднимается во весь рост и смотрит на наглеца безумными круглыми глазами. Костян мне шепчет: "Это заведующей РОНО сын, я его знаю, тут жиганить западло". Но поздно, за минуту Мишка и тот, хромой, уже дошли до полного непонимания, Михась на мат перешёл, а этот роношник всё его утихомирить пытается, но держится смело и не отступает. Вся компания на пледе замолчала и в нашу сторону смотрит...

Николюня вновь взял в пальцы сигару и начал вращать её быстро и умело. Видно было, что он волнуется, дойдя до важного момента повествования. Денис, понятия не имевший, кто такие Костян с Мишкой, да и впервые видевший самого рассказчика, тем не менее, уже сопереживал происходившему в далёком то ли пятьдесят пятом, то ли пятьдесят шестом году.

- Что, драка была? - Денис прервал затянувшееся молчание рассказчика догадкой.

- Драка? - удивлённо переспросил Николюня. - Нет, драки не было. Драки в девяносто первом были, да в девяносто третьем немного, вот это драки, махались знатно. Хромоногий, Витька его звали, толкнул слегка в грудь Михася. А тот уже в прострацию впал и в долю секунды, так что мы не успели опомниться, нагнулся, вынул ножик из дыни и в живот этому рыжему воткнул. Витька за живот схватился, а на белой рубахе кровь выступила. Никто ничего понять не может! А с нашего пледа вообще не видать было, что происходит, поскольку их товарищ спиной стоял... Ну, как разобрались, крики, визг, народ сбежался!

Николай Иванович, наконец, обрезал кончик сигары и стал её раскуривать, громко пыхтя и отплёвываясь. Маргарита Генриховна сделала условный знак и на столик рядом с хьюмидором горничная поставила широкий стакан с ржано-соломенного цвета жидкостью, наверное, виски.

- Ножик-то хиленький был, перочинный, даже до брюшины не достал, - тут Николюня очень глубоко и сосредоточенно затянулся

сигарой. - Мишка нож в воду бросил... Сел на берег, голову обхватил руками и сидит, не шелохнувшись. Я к нему подхожу, толкаю, а он как каменный. Потом поднимает на меня глаза. Да, тут я ещё больше удивился. Никогда у человека такого взгляда не видел. Главное, страха там не было. Больше потрясение и тоска, тоска ... И ещё что-то такое, что я назвать не могу.

Он разогнал дым рукой и продолжил:

- Миху не посадили, хотя это уголовка, да и мать Витькина истерила как будто её сыночка на куски порезали. Несовершеннолетний, лёгкие телесные, не лютовали прокуроры почему-то. Отправили его в исправительный интернат для трудных подростков. Через полтора года он вернулся, потом училище закончил. Отец его заболел тяжело, рука перестала работать. Мишка в Лебединское в аптеку помощником фармацевта устроился, за отцом ухаживал. Компания наша распалась, и чем он жил я не знал. А потом отец его умер, в шестьдесят шестом и Мишка уволился из аптеки и уехал куда-то. Пропал. Никто в городе не знал, куда он подался, да чем занимается... Денис, ты спросишь, зачем я всё это рассказываю?

- Спрошу, - смиренно кивнул Теплоструев.

- В семьдесят первом открылась церковь в Лесном Озере, приехал туда с Кавказа один монах, Павел звали.

- Иеросхиромонах Павел Яснов, - уточнил Денис. - Отшельничал в Абхазии, служил в Сухуми, Телави и Тбилиси.

- Ну да, ты знаешь. А через несколько лет...

- В восемьдесят первом? - осторожно спросил историк.

- Да, похоже на то, я как раз пошивочный цех в старом бабкином доме открыл, батники шили, по области возили...

- Фамилия вашего друга Миши часом не Трунов была? - Денис теперь ясно понял смысл рассказанной истории.

- Догадался, молодец! - Николюня поиском глазами, куда деть пепел и стряхнул его в чашку с чаем. Горничная с запозданием зашаркала за пепельницей.

- Та-ак... а крест-то вы видели?

- Несколько раз видел, но давно, ещё в начале девяностых. Тогда мода на религию пошла, и я к Мишке, ну, к Мартирию, ездил на службы молился, чтобы дела шли гладко, и чтобы не грохнули в разборках. Но бизнес утянул меня в столицу, больше мы не виделись.

А потом он умер.

- В две тысячи девятом, - подсказал Денис.

- Да. Сердце на Кавказе подорвал, ревматизмом страдал, порок развился.

- А я в детстве несколько раз с матерью был на службе в Лесном Озере, но отец Мартирий не служил тогда. Народ к нему в келью в очереди стоял, помню. Но лично с ним я не познакомился, мал был совсем.

Николюня уже не слушал; он, думая о чём-то грустном и высоком, поднял стакан с двадцатилетним виски и выпил одним глотком.

Уже в парке, провожая гостей, Маргарита Генриховна, оценивающе оглядывая Дениса, добавила:

- Николай Иванович на вас, молодой человек, очень рассчитывает. Понимаете, он вам, хоть открыл некоторые факты, исповедоваться не собирается, так я от себя скажу. Внучке своей он хочет передать управление своим бизнесом, поскольку кроме неё у него никого нет. Мать Варина давно свою долю получила и в Испании живёт, замуж там вышла за тренера по фитнессу... в четвёртый раз. В России не бывает, только по Скайпу общается. Сюда никогда не вернётся, так сама говорит. Встречается с отцом только в Европе - в Мадриде, Сан-Себастьяне, Париже. Но кому передать дело? Бизнес-то у шефа очень серьёзный, а тут такое. Вы понимаете?

- Я понимаю. Только гарантий на чудо никто не даёт! - развёл руками Денис.

- Вы так не вздумайте при Николае Ивановиче сказать! И вообще, это не ваша забота. Крест найдёте, адрес его нахождения сообщите, расчёт получите и наслаждайтесь жизнью. Вообще, шефа лучше не злить... Нет, никаких угроз. Это я просто предупреждаю! А добро он помнит и добром всегда платит с хорошими процентами. Вы же видели горничную? Что, думаете, это просто change of race, жизненное разнообразие, и нельзя молодую да задастую нанять, а? Но Тётя Наташа в его первом цеху левайсы шила, от ментов натерпелась на полную катушку, но не сдала ни разу! А сторожа, дворецкие? Чучук с Порошиным в подпольной автомастерской – охрана, работали с конца восьмидесятых, а в девяностые все разборки прошли. Раненые да резаные все! А Николай Иванович им платит достойно и детям помогает. А Мария Трофимовна, к примеру, буфетчица. Так ей и вовсе

семьдесят лет в обед. Так Кобецкий у неё два сарай для розлива «Амаретто» снимал. Тётя Маша - глыба, а не человек, секретность полная, милиция с руки ела! Всю жизнь со спиртом, а водки или самогона ни разу в жизни не пробовала, но сладкое вино для снижения давления наперсточками пьёт. Так ей шеф самый дорогой патриарший кагор с Афона возит.

- И вы из тех? - бестактно поинтересовался Денис.

- Я, мой юный друг Stanford Law School закончила, так что, keep the warning under your belt³!

- А-а-а, - удивлённо протянул историк.

- Хе-хе, Маргариту Генриховну даже я побаиваюсь, всё-таки чёрный пояс по тхэквандо и значок мастера спорта по стеновой стрельбе, - засмеялся Борис. - К тому же прямой потомок Тотлебенов, типа, голубая кровь.

- Надеюсь, мы друг друга поняли, - выпускница Стэнфорда вновь заострила носик и растянула губы, всем своим видом показывая, что разговор окончен, и пора заняться делом.

- Всё он понял! - ответил за Теплоструева Борис.

- А ты проследи, - сверкнула очками в опустившихся на усадьбу сумерках адвокатесса. Автомобиль у ворот с престарелым водителем в несвежей белой рубашке и дешёвом полиэстеровом пиджаке уже ждал, чтобы отвезти Дениса домой. Борис сел рядом на заднее сиденье.

- А не заехать ли нам к монахине Надежде, она единственная живёт в Лесном Озере, - предложил Денис.

- Смысла нет никакого, - отверг идею Борис. - Поверь старому разведчику. Три дня подряд к ней ездил. Фотографию сразу отдала. Про Павла рассказала, про завещание его. Что дальше? Ничего! "Матушка Вера - то, матушка Вера сё. А я знать не знаю, никому она воли своей не открыла". Вот и весь сказ. Я и так, и эдак. Даже деньги сулил. Николюня... Николай Иванович передал ей круглую сумму. Не берёт! В храм, говорит, отнеси, мне не нужно. Даже про тех, кто на фото, ничего не выяснил. Один - Мартирий, вот про него она охотно говорит, но он умер давно. Этот сверху - отец Вассиан из Смысловки. Справа - Паравикин, профессор и реставратор, иконы собирает. Всё! Ну, Паравикина Маргарита пробила, адресок есть. А тот, что слева, спрашиваю, кто? Так она глухой прикидывается, охает, носом шмыгает, за спину держится.

- Стартуем завтра? – бодро поинтересовался Денис.
- Начнём с короткого совещания в восемь утра в “Подлодке”.
Завтракаем, пьём кофе и в путь!

Борис попросил водителя остановиться у моста, крепко пожал руку Денису, словно новому напарнику, и вышел из машины.

- Денис, я одного не пойму, - Борис сидел над листом со списком имён и адресов в той же самой “Субмарине”, напротив него Денис поглощал омлет с пармезаном.

- Вот везёт! - воскликнул с набитым ртом Теплоструев.

- Что?

- Только одно ему не понятно! А я вот вообще ничего не понимаю!

- Чудак, ты в сказки про вечную жизнь веришь, потому ничего и не понимаешь, - ухмыльнулся Караваев. Он пил третью чашку эспрессо, размышляя над списком необходимого в поездке и схемой примерного маршрута. - Скажи мне, зачем люди уходят в монастырь? Вот буддисты, у них свои монастыри, у христиан свои, чем они там занимаются?

- Христиане молитвой, буддисты медитацией, - с максимально кратко, чтобы не прерывать процесс поглощения завтрака, ответил Денис.

- Что молитва, что медитация, мне всё едино, - Борис пожал плечами. - Я отношусь к этим заморочкам с уважением, но и с каким-то юмором. Личное дело каждого, лишь бы ко мне не лезли. У нас две дамочки молодые из бухгалтерии медитируют с гибким бородатым учителем, так они уверяют, что могут вызвать самые волшебные образы в своём воображении! И даже ощущают сложные запахи и вкусы! Такое вообще возможно? И в чём тут секрет?

- Наверное, духовной составляющей тут нет вовсе. Сферу божественного нельзя постичь обычными чувствами, поэтому здесь всегда есть место некоей тайне. Многие святые отцы говорили о чувствах духовных. Но так это отцы! Точно можно сказать, что упоминаются и в Ветхом и Новом Заветах духовный слух и духовное зрение. Христос напрямую указывает на такой феномен. “Воню благоухания духовного” означает несомненное присутствие в арсенале благодатных даров особого “духовного нюха”. Известно, что

некоторые подвижники испытывали на языке “некую сладость” во время молитвенного соединения с Утешителем, то есть, с Духом Святым. Про осязание можно сказать примерно то же самое. Но, поскольку, в основе этих явлений лежит несомненное божественное влияние на органы чувств человека, здесь скрыта и наибольшая опасность. Мечтательное, прелестное (от слова “прельщение” или “лесть”) возбуждение чувств по гордыни и неопытности новоначальный “подвижник” может принять за благодатные дары, которые он по заслугам получает от Бога. Наиболее хорошо эта проблема - как отличить духовное от поддельного, сиречь душевного - проработана у восточных отцов-аскетов. Почитай, помогает! А западная христианская традиция в этом вопросе не сильна. Особое мнение на сей счёт у католических святых, а особенно девиц и женщин, многие из которых испытывали экстатические состояния, наподобие оргазма, во время молитвенных бдений. Естественно, любой опытный православный монах, наученный аскетике, моментально угадает в этих припадках проявление прелести духовной. То же самое с йогой. В лучшем случае - тренировка мышц таза и некоторых душевных мышц плюс самомнение в зависимости от характера адепта, не более того. Какая уж тут духовность! Я не сложно объяснил?

- Я понял. Это как пармезан. Один из Пармы, лежал несколько лет в подвале, созревал, а другой сделан на верхне-кундрючинской маслобойне из пальмового масла. Но этикетка соответствующая!

- Ну, типа того. А самое главное - цели у медитации и молитвы диаметрально противоположны. Ну, медитирует человек, и что? Нервы успокаивает. Чувства раскрашивает. Поток мыслей останавливает. При чём тут блаженства, заповеди, покаяние?

- Может, равновесие ищет?

- Не знаю, может и ищет чего. Читал я Евангелие, но слова “равновесие” там не встретил. Это, наверное, в буддийской литературе есть.

- Всё равно, какая-то игра слов, тут и запутаться легко, - Борис не скрывал своего непонимания и лёгкого раздражения, вызванного этим фактом.

- Зато, какая интрига! – подтвердил Денис. - За одну букву в одном слове от церкви отлучают, в раскол уходят! Да ты сам посуди. Вот три

слова на русском языке. Если их поставить в разной последовательности, получатся фразы с совершенно разным смыслом.

- Смотри. "Ты мой Бог" - это один смысл, исповедальный. "Бог ты мой" - это уже притчание. "Мой Бог - ты!". Здесь вообще третий смысл, с оттенком кощунства.

- Словоблудие, как я и ожидал. И как после этого можно спокойно есть мацу? Или то у буддистов? - Изdevательски осклабился Борис. - Давай договоримся. Крест мы ищем вместе, парень ты хваткий, но моих взглядов не касаемся. Я буду как сталкер на вашей территории. Забрал хабар и свалил.

- Ладно, проехали, - Денис расправился с завтраком и повернулся к себе записи Бориса. - Нам точно известно, что с конца шестидесятых до самого последнего времени крест хранился в приходском доме в Лесном Озере. От отца Павла Яснова святыня перешла к игумену Мартирию. Тот умер в две тысячи девятом году. В приходском доме остались жить две насельницы небольшой обители, сложившейся ещё при отце Павле. До самого недавнего времени крест оставался на хранении у одной из них, монахини Веры, которая умерла в мае этого года. Запомним, что Павел перед смертью завещал, чтобы никому посторонним крест не отдавать, только своим, надёжным. А те, кто свои, тех он этим кадром специально отметил. Я всё дословно за ней записал. Эту мысль он трижды повторил и Мартирию крест передал. Исполняя завет Павла, Мартирий завещал крест Вере. Та его хранила в келье до самой смерти своей. Умерла она 16 марта этого года. Монахине Надежде Вера сказала, что про фотографию помнит, крест уйдёт в надёжные руки, как велел отец Павел. Но у самой Надежды его нет, и кому она его передала, не известно. Вот у меня есть такая хронология, составил вчера.

Денис раскрыл тетрадь, в которой были в столбик выписаны имена и даты. Борис внимательно изучил список, не забывая о кофе.

"? - До 1764 года - митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич) - г. Ростов.

1764 - 1786 - епископ Тимофей Зарецкий - Илевайский монастырь; Зарецк; Покровский скит в Лесном Озере.

1786 - 1826 - схимонах Мельхиседек (Ворокушин)- скит в Лесном Озере.

1826 - 1839 - епископ Авель (Васенин) - Покровский скит в Лесном

Озере (от Зарецкого Предтечинского монастыря).

С 1842 года скит преобразован в приходской храм Покрова Богородицы при деревне Лесное Озеро.

1842 - 1914 - священники из рода Просвириных - в приходском храме Покрова Богородицы при деревне Лесное Озеро.

1914 - 1937 - иерей Александр Просвирин - приходской храм Покрова Богородицы в Лесном Озере.

1937 - 1969 - нет данных.

1969 - 1994 - иеросхимонах Павел (Яснов) - приходской храм Покрова Богородицы в Лесном Озере.

1994 - 2009 - игумен Мартирий (Трунов) - приходской храм Покрова Богородицы в Лесном Озере.

2009 - 2015 - монахиня Вера.

С мая 2015 года нахождение не известно.

У кого может быть Крест Тимофея:

- Монахиня Надежда (Яковлева) - Лесное Озеро

- Иван Самойлович Паравикин - г. Москва. Историк, археолог, реставратор, коллекционер.

- Игумен Вассиан (Голимов) - д. Смысловка, настоятель храма мученика Авенира Персидского

- Неизвестный слева на фото".

- Значит, люди на фотографии - круг "подозреваемых", - резюмировал Денис.

- Я выяснил, что все, кто на этом фото в течении месяца перед смертью монахини Веры у неё побывали, все говорили с ней наедине, - добавил Борис. - А некоторые неоднократно! Кроме Мартирия и Веры, все живы. Надежда отпадает, это точно, поверь старому разведчику. Иван Паравикин живёт в Москве. Мальчик на заднем плане - Васенька, так его назвала Надежда, теперь он монах и священник, живёт в ста километрах отсюда, в деревне Смысловке. Парень в рясе, тот, что слева на фото некто Сеня или Сёма. Ничего эта старуха точнее сказать не может, как я говорил, маразм её накрыл, или притворяется. Ни фамилии, ни адреса не знает.

- Начнём с Васеньки?

- Он поближе других будет, всего-то пятьдесят км от Зарецка! - поддержал Борис.

На том и порешили.

У ворот парка уже стоял автомобиль Бориса. Дорога до первой точки, деревни Смысловки, предстояла не дальняя, но надо было сразу же готовиться и к броску на Москву, где проживал реставратор Паравикин.

Денис с недоверием посмотрел на транспортное средство, приготовленное для дальней многодневной экспедиции. Старая Тойота-70 была прокачана под внедорожные рейды. Минимум удобств, максимум безопасности, вот кредо этого транспортного средства. Большие колёса с зубасто-тракторными шинами, стойки с дополнительными фонарями, рация и спутниковая связь, жёсткие пыточные сиденья первого ряда и салон без задних сидений с закреплёнными ящиками с оборудованием, внушительная бобина профессиональной лебёдки дополняли и без того суровый угловатый облик внедорожника. Внутри автомобиля была смонтирована жёсткая конструкция из труб, укрепляющая крышу, на которой висели два чёрных шлема. На раковине одного из них красовалась серебристая надпись "Kara-Boris", выполненная готическим шрифтом.

- Ты на старушку зря косишься, - с нотками обожания в голосе сказал Борис, похлопывая Тойоту по мощному бугелю, сваренному из двухдюймовых труб, именуемому в народе "кенгуруятником". - Она живая и всё понимает. У неё имя есть. Дочь предложила назвать её Стрикс, мне понравилось.

- Что это означает? - полюбопытствовал Теплоструев.

- А вот, - Борис подошёл к задней двери автомобиля, где располагалась запаска в разрисованном чехле. Небольшая сова на толстой ветке зорко смотрела сквозь опустившиеся тёмно-синие сумерки на зрителя, под ней была витиеватая вязь из латинских букв, складывавшихся в слово "Strix".

- Сова? - догадался Денис.

- Точнее, неясыть. Слышал о такой?

- "Уподобихся неясыти пустынней, бдех и бых яко птица, особящаяся на зде" - моментально процитировал Денис.

— Вот и дочь то же самое сказала, - сделал неопределённый жест рукой Борис. - Поехали!

- А Кара-Борис это ты, значит.

Показалось, что Борис немного смутился. Он нервно повёл плечом

и сказал:

- С Афгана ещё прилепилось прозвище. Давно это было, но друзья не забывают.

Автомобиль был слишком шумным. Рельефные внедорожные колёса гудели, панели дребезжали и поскрипывали на все лады. Двигатель работал ровно, но его звук беспрепятственно проникали в салон. Боковое переднее стекло сползло от тряски, приоткрывая щель в два пальца, куда с сиплым свистом врывался встречный поток воздуха. Говорить приходилось громко, с напряжением связок. Но времени на долгие остановки не было, да и Денис рад был получить хотя и своеобразно настроенного, но заинтересованного собеседника.

- Ну что ж, вводи меня в курс дела, историк, - едва тронулись, попросил Борис Теплоструева.

- Крест, который мы ищем, называется Тимофеев крест. Он связан с именем епископа Зарецкого Тимофея Короткова. Фигура очень интересная, особенно в историческом контексте: настоящий монах в архиерейской мантии. Буквально месяц назад, под редакцией некоего архимандрита Вараввы Смарагдова, вышло жизнеописание епископа. Так, несколько листочек. Я его приобрёл и внимательно прочитал. Сказать, что я обалдел, мало. У меня просто нет слов!

- Что такое?

- Это фэнтезийная литература. Конёк-Горбунок какой-то! Ни ссылок, ни источников, ни подтверждений догадкам. Даты перепутаны, а некоторые факты явно относятся к другой эпохе. Но тираж! 5 тысяч экземпляров, каково!

Денис дал волю научно обоснованному негодованию. Как историк, он требовал организованного мышления и сверки всех данных даже для внутрицерковных брошюрок, считая, что и малые искажения не идут на пользу сохранению правильной атмосферы в вопросе почитания подвижников. Если факт нельзя подтвердить, лучше его не публиковать. А воспоминания богообязненных старушек, как он убедился, это отдельный жанр, в котором витиевато переплелись былины, сельский магический реализм и басня.

- Исторические архивы, переписки, частные бумаги, свидетельства и мемуары! - продолжил возмущаться Теплоструев. - Ничего не нужно, ничего. Взял перо, бумагу, пару житий, составленных в шестнадцатом, а лучше в семнадцатом веке за образец, и давай, твори, автор, жги!

- С чего обычно начинают в таких случаях? - поинтересовался Борис.

- С хронологии. И она у меня есть.

Денис достал из старого армейского планшета, с которым не расставался (подарок деда Никиты любимому внуку) лист бумаги с печатным текстом. "Достоверная хронология жизни епископа Зарецкого Тимофея, в миру Тихона Короткова, составленная Дмитрием Теплоструевым", гласил заголовок документа. Далее шёл перечень дат и имён, достоверность которых сомнения не вызывала. Борис взял лист и, продолжая придерживать баранку левой рукой и посматривать на дорогу левым глазом, косясь, прочитал: "Родился в 1721 году в Москве. Родители: отец – Константин Васильевич Коротков - помощник провизора, мать – Неонила Викентьевна, урождённая Старостина. В детстве учился аптекарскому делу.

1745 год – окончание Коломенской семинарии.

1745 – 1750 служба в Коломенской семинарии учителем.

1750 года – поступление в Студиславльский монастырь, постриг в мантию.

1755 год – рукоположение в иеродьякона, затем в иеромонаха.

1764 год – назначение настоятелем в Илевайскую пустынь на Дону с возведением в сан игумена; вызов в Петербург для представления Екатерине.

Сентябрь 1764 года – июль 1770 года – игуменство в Илевае.

15 августа 1770 года – наречение во епископа Зарецкого в Московском Свято-Даниловом монастыре.

22 августа 1770 года – архиерейская хиротония в Успенском соборе Московского Кремля (хиротонию возглавил митрополит Московский Амвросий).

Сентябрь 1770 года - январь 1774 пребывание на Зарецкой кафедре.

Январь 1774 года – увольнение с кафедры.

Январь 1774 года – декабрь 1775 – затворничество в Лесноозёрском скиту.

Декабрь 1775 года – январь 1786 года жительство на покое в Зарецком монастыре.

Умер 3 января 1786 года".

- Не густо, - разочарованно протянул Борис.

- Дай Бог, чтобы от нас хоть это осталось, - моментально парировал Теплоструев, пряча документ. - Зато точно.

- Откуда? - стрельнул глазами Борис на потёртый военный планшет толстой конской кожи, явно очень старый.

- Дед в войну в разведке служил.

С водительского сиденья донеслось что-то вроде уважительного "хм".

- А теперь - то самое творение архимандрита Вараввы, - Денис извлёк на свет небольшую брошюру, изданную на толстой белёной бумаге. Сам текст жизнеописания епископа Тимофея был весьма кратким, но приложения содержали множество фотографий, подобранных как попало. Чаще всего на фото фигурировал сам автор в окружении учеников, учениц и последователей. В подписях тут и там упоминалось некое "Общество православных чиновников", сокращённо "Опрачин".

Денис громко и с нарочито театральными жестами начал читать текст брошюры.

- "Множество святых подвижников, старцев и святителей, страстотерпцев и мучеников за веру произрастила земля русская! Мы прославляем великих князей и государей, их жён и чад, епископов, игуменов, простых священников и благочестивых мирян. Все они, словно соль земли, обогащают русскую почву, чтобы и впредь на ней не переводилась отрасль добрая. Предстоя престолу Царя Небесного, святые земли российской ходатайствуют о процветании богоизбранного нам отечества, являя зримый пример верного служения Богу, власти земной и России. Наша же задача бережно сохранять память обо всех, кто верой и правдой послужив своей родине, перешёл в селения вечные, обретя родину духа.

Благословенной памяти епископ Тимофей, в миру Тихон Коротков, родился в Москве в 1721 году в благочестивой семье Константина и Неонилы Коротковых. Отец его был известный в Москве врач, прославившийся своим искусством..." Вот с чего это они взяли?

Денис прервал чтение и возмущённо затряс брошюркой.

- Ладно, дальше. " Безмездно врачевал Константин страждущих, пользуя не только людей знатных, но и не брезгая простыми крестьянами. Мать будущего святителя отличалась особым благочестием, соблюдала все постные и праздничные дни,

благотворила нищим, странникам, привечала больных и убогих. Милосердие этой доброй женщины было известно далеко за пределами Первопрестольной. С первых дней жизни Тихон проявил ревностное отношение к постам. Не вкушая молока матери своей по средам и пятницам, младенец вызывал удивление даже у видавших виды монахов и блаженных странников. Золотое детство Тихона прошло в тихих играх, молитвах и посте, под руководством любящих родителей и под сенью Покрова Пресвятой Богородицы. Повинование его родителям было полным и безоговорочным, в чём мы можем узреть зачатки великого послушания будущего святителя Царю земному, пекущемуся о благе всех православных христиан. С раннего возраста мальчик обнаружил особое прилежание к молитве и службам в храме Божьем. Он легко выстаивал многочасовые великопостные бдения, удивляя священников своим неложным прилежанием. Дома он легко постигал науки под руководством отца и приходского священника, обучившись письму, чтению, арифметике и латинскому языку. Но мирская жизнь с младых ногтей не прельщала будущего святителя. Не видя для себя никакого иного пути, кроме монашеского, Тихон, с благословения благочестивых родителей, поступил в Коломенскую семинарию и закончил её одним из первых учеников, усердствуя не только в земных науках, но и в послушании семинарскому начальству. В течении семи лет после выпуска Тихон Коротков преподавал различные науки в семинарии, передавая премудрость молодым ученикам, почитавших его за любвеобильный нрав и терпение. Мудрый не по годам преподаватель некоторое время исправлял должность префекта семинарии, проявив себя и на этом поприще. Уже во время обучения Тихон дважды порывался уйти в Боровскую или Лужецкую пустыни..." Вот и не состыковка. На самом деле он пять лет жил в Коломне и преподавал в семинарии. И не различные науки, а латинский и греческий языки! Да и префект семинарии - должность очень высокая, а он вовсе без сана. Разве что несколько дней он эти обязанности исправлял, пока начальство отдыхает.

- Написано витиевато, - заметил Борис.

- Это ещё не предел. Это всё же жизнеописание, а не житие святого. Вот там свой сложившийся стиль и свои каноны. Множество общих фраз, за которыми и фактов разглядеть невозможно! А вот что дальше.

“Тяга молодого семинарского учителя к уединённому молитвенному житию привела его, наконец, в монастырь в небольшом городе Студиславле, что недалеко от Тулы. Обитель эта была известна аскетической жизнью своих иноков. Предавшись подвигам послушания, поста и молитвы Тихон быстро снискал уважение и любовь среди братии. Взирая на неустанные подвиги молодого послушника, ревновавшего о дарах духовных, все насельники обители прославляли Господа, дарующего нам свои милости. После пострига в мантию молодой монах Тимофей удвоил подвиги, удивляя своей ревностью даже опытных иноков. Наипаче же преуспел он в послушании настоятелю и духовному отцу, беспрекословно исполняя все их благословения и находя в отсечении своей воли краткий путь к престолу Создателя. В молитве, терпении и смирении проводил время инок Тимофей. В 1755 году он был удостоен похвалы от Синода и представлен к рукоположению в диаконы, а затем, в священный сан. Став иеромонахом, Тимофей удвоил подвиги молитвы, послушания и поста...

- Опа, снова удвоил! - удивился Борис. - То есть, пищи он уже в четыре раза меньше ел относительно исходной нормы. А вот в армии наоборот, дают тебе очередное звание, и ты в два раза больше есть-пить начинаешь.

- Всё самое интересное впереди. “ С полным сердечным послушанием и доверием воспринял иеромонах Тимофей указы благочестивой императрицы Екатерины о передаче земель и другой собственности в казну. Российское государство, ведшее непрестанные оборонительные войны и расширявшее границы империи, нуждалось в деньгах, лошадях и продуктах для армии. С благоговейным смирением восприняли все служители церкви передачу имущества земного на нужды своей страны. С патриотическим порывом встретили они избавление монастырей и приходов от земного попечения, усматривая в этом сугубый промысел Божий, зовущий к стяжаниям духовным. Об этом мы можем судить по письмам в Синод и Тайную экспедицию, составленным келейником Тимофея, Михаилом (в мантии Мельхиседеком)”

- Тайная экспедиция — это ведь секретная полиция? А зачем это келейник туда письма писал?

- Хороший вопрос! - засмеялся Теплоструев, вспомнив свою работу

с советскими архивами, и продолжил читать. - "На молодого служителя Церкви обратили свои взоры члены Священного Синода. За неустанные труды на благо Отечества и православия, иеромонах Тимофей был возведён в сан игумена и представлен Императрице Екатерине. Лично побеседовав с Государыней, игумен убедился в её простоте, открытости нуждам простого народа, желании вникнуть во все проблемы русской церкви. Итогом этой беседы стало назначение свежеиспечённого игумена на Дон, в Илевайскую пустынь, известную строгой жизнью своих насельников. Мудрая царица знала, что преданные и высоконравственные люди, попав в отдалённые города, селенья и монастыри будут, следуя голосу совести, неукоснительно проводить в жизнь её волю по укреплению и расширению пределов Империи, молитвой и делом поддерживая мудрую государственную политику. Достигая порой крайних точек огромной и великой страны, раскинувшейся от моря до моря, эти люди становились гласом и совестью мудрой правительницы для всего местного народа. Именно с этого времени появляются намёки на то, что к Тимофею неким образом попал старинный чудотворный крест. Сей крест, предположительно, 13 века, обладал способностью врачевать болезни телесные и душевые, а наипаче, духовные. К сожалению, мы не знаем точно, как эта великая святыня попала к игумену, но во всей этой истории усматривается несомненный промысел Божий, немощных врачующих и оскудевающих исполняющий.

Примерно с 1764 или 1765 года игумен Тимофей нёс служение в Илевайском монастыре. Будучи человеком, облечённым властью, смиренный игумен всё своё влияние и силы направил на умножение благочестия во вверенной ему обители. Уже тогда древний серебряный крест, спутник всех молитвенных бдений подвижника, стал проявлять свою чудотворную силу. Чудес от Тимофеева креста столь много, что их описанию можно посвятить отдельную книгу. Мы же ограничимся лишь утверждением, что сбылась формула «Святая святым». Среди достоверных случаев чудотворения отмечены: движение епископа по Дону, поверх воды, посредством расстеленной на воде мантии с крестом в руке, укрощение бури, изобличение воров и многократное исцеление запойных пьяниц. Известны факты умножения в обители репы и раков в голодный год, самозастилание сарая соломой и прозрение слепого кота, не могущего ловить мышей.

Друзьями и наперсниками игумена в те годы были великие государственные мужи, приезжавшие за советом к опытному духовному наставнику, понимая, что вся мудрость земная есть тлен и тщета по сравнению с малой крупицей мудрости небесной. Просвещённый светом благодати и искренней веры, донской молитвенник давал советы, как в делах духовных, так и мирских, включая дела государственной важности, ибо благодать границ не знает и всё возможно верующему. Игумен обсуждал внешнюю политику Российской империи с графом генерал-фельдмаршалом Минихом, вёл беседы с Алексеем Григорьевичем Орловым о военной тактике, запросто пил чай с великим Потёмкиным, который не оставлял без должного внимания советами игумена и всегда щедро жертвовал на монастырь. Александр Андреевич Безбородко любил мудрые советы будущего святителя и никогда не пренебрегал их исполнением, так же как и многие другие знатные особы, при этом внося свой посильный материальный вклад в духовное процветание оплота православия на юге России. Так Илевайская обитель достигла процветания".

- Чему же из этого можно верить? - поинтересовался Борис.

- Конечно, тут есть факты из подлинной жизни епископа, но отскести с них налёт сказочной повести очень трудно, поэтому такие жизнеописания лучше не читать вовсе! Или читать, как пример манипуляции фактами и документами. И, всё же, пойдём дальше, пробираясь сквозь туман. "Труды телесные и духовные, мудрость и кротость подвижника стали примером для многих знатных людей России. В конце концов, светильник должен быть извлечён из-под спуда и явлен миру на подсвечнике. Так и Тимофей был облечён в епископское достоинство и назначен на кафедру в древний город Зарецк. Произошло это в 1770 году. Великое умиление, которое испытал святитель церкви после хиротонии..." Вот тут я пропущу четыре страницы, там никаких фактов нет. Одни дифирамбы и симфония с властями, напоминающая бульварный любовный роман. Но отмечу, что подвиги епископа опять были удвоены! "Многими чудесами, пророчествами и исцелениями отмечена деятельность епископа Тимофея на кафедре Зарецка. Большой резонанс..." Ого, в жанре парадных житий не часто встретишь газетный штамп! "Большой резонанс в городе вызвало чудо исцеления купеческой

дочери Мелании Чаботыровой от тяжёлой болезни...» О, про Меланию началось! А это моя родственница! «Девица Мелания страдала болезнью ног, потому и не могла самостоятельно передвигаться. Благочестивое семейство Чаботыровых вело жизнь строгую, в полном соответствии с канонами православия и в нелицемерном послушании духовному отцу. Много жертвовали Чаботыровы на нужды церкви и архиерейского двора. Их дары, яко тук и масть всесожжения, не прошли мимо взора Отца Небесного и молитвы их проникли в Его уши. Искренняя щедрость купца до сих пор служит примером поведения для всех, кто обладает богатством земным, но взыскиует награды небесной. После молебна перед чудотворным крестом, когда всё семейство в слезах, стоя на коленях, умилённо молилось о ниспослании благодати страждущей Мелании, епископ Тимофей возложил чудотворный крест ей на голову и обратился с искренней молитвой ко всем силам небесным. В тот же час Меланья встала, наподобие евангельского расслабленного, со своего ложа и вышла из дома...” Тут опять пропустим. “Часто общался епископ с благочестивой четой местных помещиков Пьяновых, которые держали в своём имении театр. Постановки этого театра, в отличии от распространявшихся в те годы тенденций, отличались нравственной поучительностью и моральной назидательностью, живописали картины народного быта и стремления души простого человека к послушанию, смирению и трудам на благо Отечества. Не мудрено, что епископ почтил своим вниманием это богоугодное дело. Будучи частым гостем в имении и театре, святитель давал ценные нравственные советы не только владельцам имения, но и крепостным актёрам, призывая их честно трудиться на своих хозяев, не помышляя об эфемерной свободе, полной соблазнов и искушений”.

Не понятно было, слушает Борис или только делает вид. Он сидел, держась за руль одной рукой, внимательно наблюдая за дорогой и отхлёбывая из маленького термоса крепчайший кофе, приготовленный ещё дома. Денису тоже захотелось сделать несколько глотков бодрящей обжигающей жидкости. Он уже перенапряг связки, борясь с шумом, так что язык шуршал о нёбо словно наждак о древесину. Ко всему прочему, от чтения жизнеописания во рту стало сладко, словно от старого заскорузлого варенья. Тем не менее, он продолжал:

- “Большую роль в духовном пути святителя сыграла благочестивая помещица Ираида Карловна Пьянова. Воспитанная в лютеранстве, она искренне восприняла глубину истин православия и вникала в разные стороны духовной жизни. Именно по её совету епископ Тимофей, презрев суету мира, оставил кафедру и удалился в Лесноозёрский скит, где предался уединённой молитве и постническим подвигам.

В этот период жизни епископа-затворника произошло ещё одно чудесное событие. Как и многие отшельники, пребывавшие в молитве, святитель излучал первозданную райскую благодать, которую чувствовали даже животные. Привлечённый незримым эдемским светом, в скит стал захаживать матёрый медведь. При этом дикий хозяин лесной чащи не разорял, по своему обыкновению, пасек и огородов. Напротив, вёл лохматый гость себя тихо, почтительно и первым смиленно кланялся при появлении затворника. Не прогнал святитель лесного пришельца, а, подобно святому Герасиму, приручившему льва, принял в послушание и мишку, кормил его хлебом прямо с ладони и говорил утешительные слова.

Одному Богу известно, сколько трудов понёс святитель в своей маленькой келье, сколько слёз было пролито им в сердечной муке о государстве российском. Но, без всякого сомнения, он всегда просил Бога о ниспослании благодати в сердца правителей нашей могучей империи, умолял Творца о снисхождении к их слабостям и мелким порокам, благословлял русское оружие и проклинал растленный мир, окружающий благословенную империю.

О, каким грозным становился лик святителя, когда он молился о ниспослании кар небесных на отступников веры, возмутителей спокойствия, зачинщиков беспорядков, устроителей раздоров и смут! Бессмысленный и беспощадный бунт Емельки Пугачёва вызвал в сердце затворника неподдельное возмущение и скорбь...” И дальше в том же духе! Всё, больше не могу. Только глоток крепкого кофе спасёт меня от этой халвы!

После чтения Денисом жизнеописания в машине воцарилось молчание. Автомобиль, надрывно гудя и вибрируя, старательно поглощал километры, всем видом показывая, что и такие дороги для него не проблема. Но складывалось впечатление, что одной из многочисленных фар он косит в сторону леса, прорезанного

грунтовыми, ухабистыми дорогами с никогда не просыхающими грязевыми лужами и поваленными поперёк просек стволами.

На заправке Денис выпил жидкого кофе с ароматом желудей и керамзита, но всё равно почувствовал прилив сил. Когда вернулись на шоссе, Теплоструев продолжал рассказ.

- Существует единственный достоверный словесный портрет епископа Тимофея. Оставлен он епископом Авелем. Кратко, но точно: "Святитель ростом был не высок, скорее, низок, сероглаз, бородою не широк. Волосов на главе малых, а бровей широких, седых. Глаза большие, веки подпухлые, щёки весьма впалые, нос прямой средний. На лицо щедровит..."

- Это что "щедровитый"? Добрый и гостеприимный? - поинтересовался Кара-Борис.

- Нет, рябой. Так... "Голос тенористый, тихий, говор московский"

- Это какой такой?

- Акающий. Таварищ, прахади, сталбом не стой, - изобразил Денис, но говор у него получился не московский, а кавказский. - "Пальцы рук узловатые, длань узкие, но крепкие, слегка сутулился, ногами страдал временами". Вот и всё. Этот уникальный документ сопровождался описанием одной интересной истории, в которой фигурирует Тимофеев крест. Прочту целиком на остановке.

Очередное придорожное кафе держали представители какой-то малоизвестной национальности, проживавшей некогда на границе Ирана, Армении и Турции, теперь осевшей вдоль Московской трассы. Судя по шашлыку, весело шкворчавшему на углях, их религия не знала запретов на свинину. В меню также присутствовали фесенджан, долма и несколько видов плова. Всё это было на удивление вкусным, жирным и свежим. Тяжеловесный букет восточных пряностей окутывал путника с головы до ног, пропитывая одежду и волосы. Шансов на избавление от такого амбре кроме жёсткой химчистки, не было. Заказали золотистый рассыпчатый плов с бараниной, чай и приторно-медовую пахлаву. Кара-Борис, хорошо знакомый с пряностями, и вообще, специфическими запахами Востока, принюхавшись, хмыкнул и покачал головой: травянистый, несколько химический аромат дыма, висевшего внутри веранды, был ему хорошо знаком.

Пока Борис, откинувшись на хлипком тонконогом стуле, дремал

после еды, смежив глаза, Денис продолжил рассказ.

- Теперь немного о епископе Авеле. Мой предок, Виктор Ильич Теплоструев сохранил обширный архив, касающийся аптеки, которую содержал его дед, Лев Данилович, кстати, хорошо знавший епископа Тимофея, поскольку Теплоструевы испокон веку проживали в Зарецке. Часть бумаг дошло и до нашего времени, они хранились на чердаке старого Зарецкого дома у моего прадеда. Когда семья переселялась после революции, большая часть архива была утрачена, но что-то сохранилось. Матушка, не вникая, хотела их сжечь, но я всё забрал четыре года назад и начал разбираться: что там может быть интересного.

- Нашёл что-нибудь?

- Бумаги в основном аптекарские, рецепты, прописи, медицинские журналы старинные. Вырезки из газет, в том числе на немецком языке, разрозненные листы «*Pharmacopoea castrensis*», некоторые другие книги на латинском и немецком. Но во всём этом ворохе провизорских бумаг нашлась небольшая папка, в которой были документы личного характера: дюжина черновиков писем Льва Даниловича, поздравления, варианты завещания. А ещё там были два интереснейших документа, напрямую касающиеся нашего вопроса. Вот тут-то и появляется преосвященный Авель, который с 1822 по 1831 годы был епископом Зарецким. Он ушёл на покой в Зарецкий монастырь, после чего и кафедра была упразднена. В папке были несколько листков воспоминаний Авеля о его знакомстве с епископом Тимофеем и истории, случившейся через много лет после этого. И связана эта история, оказалось с тем самым Тимофеевым крестом.

- Очень любопытно! - Непритворно заинтересовался Борис.

- Реальная история покруче детектива бывает. Вот слушай, что я нашёл в этих воспоминаниях." В 1783 году, в августе, я, то есть Андрей Васенин, сын надзирателя Зарецкого духовного училища коллежского ассессора Степана Артамоновича Васенина, сотоварищи отмечал своё 16-летие на берегу Лесного Озера. Несмотря на строгость порядков в стенах епархиальной школы нравы многих учеников были дикими. Не отличался и я примерным поведением. В тот день мы курили турецкий табак, который стянули у Училищного сторожа солдата-инвалида Вахрушина, пили хлебное вино, которое выменяли на рыбу. А рыбу ту украли у мужика с воза, когда он по нужде отлучился. Но все

бы ничего, если бы не потянуло нас на дальнейшие подвиги и не полезли мы в барский сад за грушами. Знатные были груши! Там нас и поймали садовые кустоды с собаками. Грозило нам по всем правилам отчисление. Родитель же мой, сам пребывавший по смерти матушки в вечном запойном состоянии,протрезвев моментально, пошёл на приём к епископу Тимофею, жившему на покое в монастыре, и, упав в ноги святителю, просил смилостивиться над шалунами и заступиться перед директором. Владыка взял с отца обет, что если сына оставят в школе, то сам Степан Артамонович немедленно бросит пить. И велел молиться святым угодникам. Также пригласил и нас, мальчишек, на беседу. Когда мы зашли к нему в келью, нас буквально объял священный трепет. Старец хоть и был слаб и сух, но глаза его горели светом ярким, в них читался и ум, и любовь и сила духовная. Посмотрел он на нас строго и говорит: «Как можно так родителей своих позорить? Спросит Господь, почитали вы отца и мать, что скажете?» Мы молчим, как в рот воды набрали. Да и что тут скажешь? И ещё: «Кто из вас хочет жизнь в канаве закончить, да фамилию замазать? Кто хочет смерть от лихого человека принять? Выходи!» Мы стоим как вкопанные. Так он попугал нас до полуобморока, а потом остановился внезапно, усадил за стол и чаем стал поить. И улыбается, а чай вкусный такой, да с баранками. А от этого ещё хуже на душе; стыдно сильно. Старец о своей учёбе в семинарии стал рассказывать, что и он с друзьями в молодые годы погулять любил, повеселиться, да вот меру знать надо. Те, кто остановился вовремя, полезными людьми стали. Богу и Отечеству служат, да спасения взыскиают. Кто не смог удержаться, все плохо кончили... Напоследок каждого поманил по очереди, благословил крестом серебряным и на ухо пошептал. Не знаю, что он моим товарищам говорил, а мне сказал странные слова: «Будешь ты Андрейка архиереем! А я тебя об одном простом, но важном деле попрошу. Так, ничего особенного, да и будет оно целиком в твоей власти. Обещай мою просьбочку исполнить». Я сразу согласился. «Обещаю!», - говорю. И потом наивно так спрашиваю: «А что за просьбочка?»

А он улыбается и говорит, мол, не время ещё, жди, все будет в час урочный, но не забудь об угворе, клятву не рушь.

Всех троих нас в школе по ходатайству епископа Тимофея оставили. Мы так испугались, что учиться лучше всех стали. Я так и

вовсе компании бросил. Вина с тех самых пор в рот не брал, даже по праздникам, да и отец мой стал проводить жизнь куда более трезвую. Стал я вскоре школьным цензором, а потом и авдитором. Закончил я семинарию в числе первых, затем и Московскую академию, принял мантию ещё в выпускном классе, трудился учителем в семинарии и ризничим в Лавре, переводами греческих отцов занимался...

А святой старец почил в 1786 году, и никаких просьб, писем или завещаний мне от него не передавали. Я же рукоположен был в иеромонахи, а в 1819 году восприял святительское достоинство. И уже когда я стал архиереем, то и гадать перестал, как же владыка Тимофей меня попросит об услуге, когда он умер давно. Казалось, что загадке этой не суждено разрешиться уже никогда. В 1822 году я переведён был на вдовствующую кафедру в свой родной Зарецк. Начал я знакомиться с хозяйством уже как епархиальный епископ, и нашёл положение епархии весьма в плачевном положении. Предшественник мой, епископ Лазарь, всё своё правление соответствовал своему имени, пребывая безвылазно в своих покоях и покидая их только для редких богослужений, что весьма повлияло на хозяйственную сторону вверенной ему вотчины духовной. Во всей епархии на день начала моего служения было 37 приходских храмов, из них только три каменных, все находились в упадке. Одна - большая, ещё елизаветинских времён, церковь в Лебединском, построенная тамошними помещиками. Другая - церковь Покрова Богородицы в Лесном Озере, которую заложил на собственные средства епископ Тимофей, а достраивали уже другие. Покровская церковь была на два престола, но из-за незаконченных работ, действовал только малый предел, в честь апостола Тимофея Едесского, небесного покровителя нашего Зарецкого епископа-затворника. Главный придел освящён не был, но работы шли быстро, недостатка в деньгах не было. Третья каменная церковь - летний собор Предтечинского Зарецкого монастыря, маленькая, неказистая, построенная с большими дефектами фундамента и сводов, из-за чего невозможно было устроить печное отопление в храме. Из-за перепада температур стена могла дать трещину и не выдержать тяжести массивных перекрытий и громоздкого купола. Это же хлипкое строение исполняло роль епископской кафедры наряду с тёплой деревянной Всесвятской церковью. Уже давно назрела необходимость строительства

каменного кафедрального собора. Тем не менее, самым богатым приходом, привлекавшим множество паломников и жертвователей, был именно Лесноозерский скитский храм Покрова Богородицы. Это место, связанное с памятью почитаемого в округе епископа Тимофея, привлекало толпы людей. Лесное Озеро находится в живописном месте и числится скитом Предтечинской обители. В деревянной ограде размером 57 на 32 сажени находится упомянутый недостроенный храм и старая, но крепкая деревянная часовня времён епископа Тимофея. Также в ограде келья святителя, в подклете которой проживал его ученик монах Мельхиседек, с архиерейскими покоями, а также братские кельи на шесть человек. Тут же были и конюшня с овином, так же все необходимые хозяйствственные постройки. Сразу за оградой у главных ворот скита, образуя улицу, построены четыре длинных одноэтажных флигеля для приёма паломников и трапезная с кухней для них. Бревенчатый барак для трудников располагался у хозяйственных ворот, ведущих к реке и лодочным мосткам на берегу.

В скитском храме для поклонения была выставлен саккос епископа, выделанный из цельного куска драгоценного алтобаса, расшитый китайским орнаментом с драконами. В часовне находится чудотворный серебряный крест старинной работы, именуемый в народе "Тимофеев крест". Именно эта святыня привлекает толпы паломников. По молитве у креста совершаются многие чудеса, которые после тщательного рассмотрения и проверки заносятся монахом Мелхиседеком в специальную книгу. На день моего приезда в епархию таких чудес было отмечено тридцать пять. Зарецкое общество ревнителей старины, недовольное тем, что Мелхиседек не записывает в свою книгу все известные чудеса от креста, а многие даже изображает как недостоверные, вело собственный учёт случаев благодатной помощи от святыни. В их архивах упоминается более чем о трёхстах подобных актов. Но все они записаны со слов паломников и проверке не подвергались. Некоторые из этих записей повествуют о фактах совсем уж немыслимых, наподобие отращивания отрезанного молотилкой пальца у государственного крестьянина Шамина Ивана, 47 лет. Молился этот Шамин Иван всю ночь в часовне у чудотворного креста, обрубок пальца тряпицей был замотан. Под утро уснул. А проснулся, глядит, а под тряпицей палец целый, как ни в чём не

бывало. За ночь, значит, вырос.

Есть в ограде и святой источник. Мельхиседек подтвердил, что когда епископ поселился в Лесном Озере, они вдвоём с иеромонахом Филофеем расчистили родник на берегу Летки и брали оттуда воду для кухни. Теперь источник называется Тимофеевским, а вода в нём почитается целебной.

Видя нужду в строительстве каменного собора, решился я в 1824 году перенести главные святыни нашей епархии (саккос и крест Тимофея) в Зарецк, поместив облачение в старый деревянный собор, а крест - в Зарецкий монастырь. Сборы от паломников позволили бы начать строительство новых храмов и гостиниц к ним. Такой план мне казался единственно верным, и я приступил к его осуществлению.

Посетив инока Мельхиседека, я подробно изложил ему свой план, на что он ничего не возразил, но и одобрения не высказал. Заметил только, что такое дело требует благословения самого Тимофея. Я возразил, что почитание святителя в народе велико и перемещение его вещей, привлекающих народ для поклонения, пойдёт на пользу бедной епархии. Тогда Мельхиседек принёс небольшой дощанец, запечатанный личной епископской печатью Тимофея и сказал: "Вот о том мне владыка и сказывал. Как будут крест забирать, говорил, неси это письмо архиерею". Я с большим недоверием отнёсся к словам монаха, но сломал печать и достал из ящика плотный голубоватый лист бумаги. На нём бледно-фиолетовыми чернилами было начертано:

"Ваше Преосвященство! Надеюсь, Вы помните о данном мне некогда обещании исполнить в точности мою смиренную просьбу. И паки прошу: не рушить клятву. Просьба моя простая и исполнение её будет лишь в Вашей власти. Настало время, и я обращаюсь к Вашему Преосвященству: Крест чудотворный, хранителем которого по сей день является отец Мельхиседек, пусть по Вашему благословению остаётся в Лесном Озере, на то есть воля Божия. Саккос же забирайте в город и используйте по своему усмотрению. Что касается строительства собора в Зарецке, то это дело совершенно необходимое. Начинайте строить и ни о чём не печальтесь. Господь, милующий рабов своих, и здесь явит своё благоволение, выслав нужных людей. Недостатка средств для строительства храма не будет. За сим остаюсь Ваш усердный богомолец, смиренный Тимофея, бывш. Епископ Зарецкий.

Собственноручно писано мною.

29 декабря 1785 года от Р. Х., г. Зарецк, монастырь св. Иоанна Предтечи"

Надо ли говорить, что изумление, которое я испытал после прочтения этого письма, было столь велико, что я на несколько минут лишился дара речи. "Не рушить клятву". Загадочные слова епископа Тимофея, которые я услышал от него тридцать шесть лет назад теперь стали понятны, загадка, не дававшая мне покоя многие годы, разрешилась. Отец Мельхиседек всё это время смиренno стоял, смотрел в пол, но казалось, что он в глубине души улыбается, обнаружив мою реакцию. С благоговением приступил я к исполнению воли епископа Тимофея.

Саккос святителя мы торжественно, с крестным ходом, перенесли в деревянный монастырский храм мученицы Параскевы Пятницы. В этом же году был разобран старый Предтечинский собор обители, который дал трещину по западной стене и был закрыт уже полгода. На следующий год было определено место для нового кафедрального храма в Зарецке - на пустыре, возле пересечения Уездной и Вышней улиц, там, где возле Зеленого рынка была обширна стоянка для телег и колясок. В 1826 году были одновременно заложены оба храма, и в городе началось соревнование, какой их них будет скорее построен. Жители Монастырской слободы ревновали о строительстве весьма усердно, но и народ с Угольной горки не отставал, радея о храме Божием с великим тщанием. Те же, кто жил на Крепостной (по другому названию - Плоской) горе наблюдали за ходом строительства с любопытством и даже делали ставки: кто первый стены выведет, кто купола поставит, кто кресты освятит, да чей иконостас лучше. В 1831 году был готов один из боковых приделов нового кафедрального собора, и я освятил его в честь апостола Тимофея на день Успения Богородицы. А монастырские, которые связались с дорогим и сложным проектом, отстали на два с половиной года. Зато храм в обители стал подлинным украшением города!

Такова моя история, за достоверность коей я ручаюсь.

Смиренный Авель, бывш. Епископ Зарецкий, 10 мая 1831 года,
Зарецкий Предтеченский монастырь".

- Так получается, что написано послание Авелю Тимофеем буквально за несколько дней до смерти? - опешил Борис.

- Именно так, за пять дней. Действительно, что-то типа духовного завещания или послания в будущее.

- И этому можно верить? Точно? Ты как историк что скажешь? - с сомнением в голосе спросил Борис.

- Проверить нет возможности. Сама записка Тимофея до нас не дошла, но не доверять епископу Авелю резона нет. Достоверно известно из архивов и воспоминаний тех времён, что перенос Тимофеева креста был намечен на август 1824 года. А потом всё отменили и почитаемую святыню в Лесном Озере оставили. Причина никому не была понятна. Видимо епископ не посчитал нужным делиться личным секретом при жизни. Только собственноручно написанные воспоминания Авеля проливают свет на многие события.

- А что за Мельхиседек там упомянут?

- Это келейник епископа, прошёл с ним рука об руку весь путь от Студиславльской обители до самой смерти Тимофея. Принял схиму, но в священный сан не рукополагался. Был хранителем креста до 1826 года. Вот даты жизни Мельхиседека, взяты из записок епископа Авеля: «Схим. Мельхиседек (Ворокушин) 1745 (г. Студиславль) - 1826 (Лесноозерский скит, Зарецк)».

- Считай, что приехали, - увидев, на обочине указатель сказал Борис. Автомобиль свернул с шоссе на узкую асфальтовую ленту, вихляющую среди подсолнечниковых полей. До Смысловки, согласно указателю, было всего 4,5 километра.

Игумен Вассиан Голимов был местный, смысловский. Он и провёл в родной деревне всё своё босоногое детство до окончания восьми классов, кроме одного короткого периода, когда он бросил школу в разгар учебного года и уехал на попутных машинах в Почаевскую Лавру, в которой обитала особая благодать, не такая как в Смысловке. Васенька, как называли будущего старца при появлении на свет батюшкой с матушкой, родился в той старой кособокой среднерусской деревеньке, где все мужики ходили в кирзовых сапогах и пили молочно-opalовый самогон, а бабы носили белые платки и знали множество то ли молитв, то ли заговоров. Советская власть в этой кондовой и архаичной атмосфере выглядела весёлой рождественской постановкой, а комиссары и партийные работники - ряжеными. Но старую церковь, ещё допетровской постройки, на

всякий случай местные мужики разрушили в 1931 году, чтобы не выделяться. Особым почтением в деревне, где никакого храма с этого времени не было, а священник исчез неведомо куда и того раньше, году в двадцать пятом, пользовалась пожилая скотница Павлина Кондратьевна, или просто баба Поля. Муж Павлины Кондратьевны, егерь Влас Фёдорович Рыков, происходил из старинного рода местных староверов не ведомо какого толка. Прадед Рыкова ещё до Революции совершил паломничество во Святую Землю и поклонился там Гробу Господню. В память об этом событии он привёз подлинные стружки от этого самого гроба и хранил их в красивой жестянной банке от монпансье фабрики Ландрина. Обе святыни, стружки и банка, перешли в наследство к Власу Фёдоровичу, а после его скоропостижной смерти от избыточного приёма мутного самогона, столь обычной для всех мужчин Смысловки, стала главным достоянием бабы Поли.

Васенька часто ходил к хранительнице святыни, слушал библейские истории про Иосифа и Моисея, рассказы о Святом граде Почаеве и чудесах Лавры, учил наизусть девяностый псалом, подпевал пасхальным стихирам. Но, уходя, он всегда просил свою наставницу дать поцеловать ему святые стружки. Обычно Павлина Кондратьевна заветную баночку прятала, и абы кому не показывала. Но для Васеньки она всегда делала исключение, считая его душой святой, безгрешной. Невозможно сказать точно, что манило мальчика больше: цветная круглая жестянка со старинными буквами и разноцветными фруктами на крышке или сами побуревшие от времени священные кусочки древесины, привезенные из далёкого Русалим-града. Васенька сначала переживал, что стружек на всех не хватит. Ведь если все паломники возьмут себе по кусочку дерева, что же останется в Иерусалиме? Но баба Поля, как мудрая старица, объяснила, что священный гроб, скобли его или строгай, не уменьшается. На этом мальчик успокоился.

Вернувшись из Лавры домой в сопровождении милиции, где он пережил самое сильное детское потрясение, узнав, что Гроб Господень это каменная пещера, мальчик решил во что бы то ни стало стать священником и построить в Смысловке храм, тем более, что он внимательно наблюдал за монахами и перенял у них несколько красивых жестов, освоил неспешную походку, научился распевному

чтению. Он поехал в Лесное Озеро, где жил знаменитый старец отец Павел, о котором хорошо отзывались в Лавре, и был очарован его простотой, сердечностью и мягкой иронией, не задевающей человека, но сбивающей с него спесь и самомнение. Васенька очень сильно захотел научиться и этому. Он запоминал манеры старца, его поговорки, манеру улыбаться и разговаривать. Авось и пригодится! После смерти иеромонаха Павла он, едва окончив восемь классов, приился к отцу Мартирию. Больше нигде и никогда не учился, постигая духовные науки своим пытливым умом и ловя всё на лету с крестьянской ловкостью и хваткой.

В 2001 году Василий перебрался в Лесное Озеро. Прожив в келейниках игумена почти девять лет, он так и не удостоился долгожданного пострига в монашество. А ведь ему уже стукнуло двадцать девять, уже пора было рукополагаться и начинать руководствовать заблудших. После смерти игумена Мартирия в 2009 году, Васенька уехал в один монастырь на Волыни, где скоропостижно был пострижен в мантию и рукоположен в дьяконы, а потом и священники. Получив все необходимые регалии и уволившись за штат из гостеприимной епархии, иеромонах Вассиан вернулся в Лесное Озеро и, не меняя статуса заштатного священника, решил было сколотить крепкую общину, став во главе её как отец-основатель. Но тут вмешалась монахиня Вера, изгнавшая новоявленного старца из Лесного Озера. И главное, за что? Ничего такого, чего бы не делал отец Мартирий, за Вассианом не замечалось. Но упрямая монахиня думала иначе.

От почившего игумена Мартирия, почитавшегося в народе за прозорливца и молитвенника, Вассиану досталось множество старинных книг, икон, облачений, тетрадей с воспоминаниями, богослужебной утвари, чем молодой иеромонах любил подтверждать своё право преемственности, восходящее к великому старцу Павлу Яснову. Тут кстати вспомнилась Вассиану его давняя мечта о строительстве храма в родной Смысловке. Получив назначение от архиерея в родные пенаты, иеромонах поселился в старом домике родителей (мама ещё была жива, хотя и страдала лишним весом, диабетом, катарктой, варикозом и экземой, как и все местные женщины, после тридцати пяти лет) и стал принимать заблудших, сирых, убогих жаждущих слова мудрости и алчущих пророчества.

Слава молодого, но умудрённого уже нездешней благодатью священника, понеслась по среднерусской земле быстрее ветра! Случай прозорливости подтверждали его молитвенную крепость, а манера держаться и разговаривать (благообразная, надо признаться, манера) позволяла приходящим забыть, что перед ним человек, не достигший и тридцати лет. Но благодать, её же видно за версту и ей, как сказал поэт, все возрасты покорны!

Новые и новые люди ехали за сотни километров, везли щедрые пожертвования, порой отдавая последнее, лишь бы великий старец наставил на путь истинный, помолился, попрочествовал и благословил. Да и храм стал строиться. Со временем, иеромонах Вассиан стал совершать тайные постриги, стриг в основном женщин, одиноких и пожилых. Они продавали квартиры и другое имущество, вверяя свои судьбы и заодно деньги духовному наставнику. Конечно, были и трудности, ведь враг рода человеческого не спит и не ест, ища как бы напакостить подвижнику. Например, одна пожилая женщина из Зарецка перед постригом каким-то образом продала свой большой дом в то время, когда её сын служил в армии. Деньги от продажи она, конечно же, сразу отдала старцу, ибо не престало будущей монахине владеть серебром-златом, а тот аккуратно сложил их в холщёвый мешок и спрятал под матрас, ибо так надёжнее. Вернувшись со срочной службы, неразумное чадо не оценило духовного порыва своей матери, вопросив её в тоске: "Где мне жить теперь, мама?" Но мама промолчала. Сын судился с матерью (о, верх нечестия и суетности!) и доказал, что без него сделка не могла состояться и должна быть признана ничтожной. Осталось малое дело - вернуть деньги покупателям, а у мамы их уже не было...

Вот так, преодолевая подобные препоны, и совершал свой ежедневный подвиг молодой игумен. Да-да, этот долгожданный указ, о возведении иеромонаха Вассиана в сан игумена, был получен три месяца назад от архиерея за попечение о строительстве нового епархиального дома и его благоукрашение со всем подобающим тщанием, выразившееся в нескольких существенных взносах непосредственно в архиерейский сейф. Не стоит забывать, что к заслугам новоиспечённого игумена можно отнести и строительство небольшого пятиглавого храма в родном селе и большого подворья с множеством пристроек на его окраине для нужд собственного

“монастырька”.

Монастырёк получился знатным, именно таким, каким представлялось Вассиану в самых смелых мечтах. Один только хозяйственный двор занимал четверть гектара и потрясал монументальностью построек. Кирпичный птичник, устроенный по современным технологиям, конюшня с тёплым полом, овчарня с кондиционированием воздуха и коровник “на три персоны” с автоматическим кормушками, всё это было построено очень основательно и находилось под неусыпным взором молодого игумена. Большой деревенский дом, одноэтажный, но с огромным подвалом-хранилищем, служил резиденцией настоятеля. Чуть в глубине двора, в окружении идеально ухоженных клумб, стояли два двухэтажных строения: корпус с кельями для насельниц обители и гостевой дом, в котором были как простые комнаты с двухъярусными кроватями для трудников, так и очень комфортные апартаменты, отделанные в стиле “сельский шик” для особых гостей. Такие гости всегда ожидались с нетерпением, поскольку везли прозорливому старцу толику материальной благодарности, получая взамен многия премудрости, не написанные в книгах, а наипаче - пророчества и прозрения. “Посеял я в вас духовное, - всегда говорил Вассиан. - Так не забудьте поддержать наш тайный монастырёк материально, в этом и смиление, и послушание, и заветы святых отцов!”

Утро было замечательным, тёплым и солнечным. Послушник выгнал трёх рыжебоких коров на пастбище, передав деревенскому пастуху, однорукому алкоголику Славке. Игумен сам поучаствовал в кормлении кур и сборе яиц. Он растёр в пальцах помёт фазанов, понюхал, и отдал распоряжение трём трудникам о смене рациона для этих птиц. Долго ходил в пустом углу двора, меряя его шагами, разводя руки в сторону и с прищуром оглядываясь. Здесь, по мнению игумена Вассиана, и должен будет находиться тёплый сарай для двух выписанных из Калмыкии верблюдов, а точнее верблюда и верблюдицы. Вообще, идея разведения этих животных в средней полосе России очень занимала игумена. Он прочёл гору литературы на сей счёт, от корки до корки проштудировал фундаментальный труд по верблюдоводству народного академика Нардинкасымова и только укрепился в своём мнении: кораблям пустыни в Смысловке быть! Уникальная польза молока верблюдицы доказана учёными: несколько

статей кандидата медицинских наук из Киргизии Абдукаrima Кирикмасова давали исчерпывающую информацию о его чудесных свойствах. О шерсти верблюда говорить нечего, лучшего средства от болей в спине и ногах пока не придумано. А верблюжья моча? Мало кто знает, но великие врачи древности, такие как Бухари, Муслим, аль-Джетлақ и сам великий Идрис использовали её целебную силу в лечении бессонницы, парши, опухолей и женских болезней, вплоть до бесплодия.

Игумен тщательно вычитал все утренние молитвы и позавтракал сладким крепким чаем с копчёной скумбрией. Отец Вассиан очень уважал эту благородную рыбу за высокий уровень витаминов, содержащихся в её нежном, маслянистом мясе, а особенно - в душистом подкожном жире, из-за чего он всегда тщательно обсасывал шкурку, заботясь о своём здоровье по заповеди святых отцов. Во время трапезы он лучезарно улыбался, предвкушая следующий раунд своего азартного, хотя и очень мирного по форме, противостояния со священником из соседнего села, Нижней Гузновки. Соперничество это Вассиан именовал в глубине души не иначе как "Битва игуменов". Сидящие за столом послушник Виктор и три монахини (Мартирия, Павла и Николая) с умилением отмечали, что батюшка, слава Богу, сегодня в отличном расположении духа.

Тут же за столом отец Вассиан решил надиктовать ответы на несколько писем, которые приходили ему из самых разных мест, даже от незнакомых людей. В своих неизменно слёзных до надрыва посланиях люди спрашивали старца о том, как поступить в сложных жизненных ситуациях, просили молитв и благословения, решали духовные проблемы. Письмами ведала самая грамотная из монахинь, Николая.

- Пишет Зина из Москвы, - начала матушка.
- Это молодая такая, в библиотеке работает? - уточнил игумен. - Она ещё на инкубатор новый пожертвовала...

- Да, батюшка, - подтвердила Николая, - спрашивает: "Как мне быть, отчюшка? Вы благословили меня всё время про себя напевать духовные песни, и списочек их приложили, а я забудусь, и у меня "Три белых коня" на языке сразу вертится!"

- Хорошая песня, красивая, - кивнул Вассиан. - Этого не пиши. Ответь, что пусть семь раз почтает акафист преподобному Лавру,

Бугульминскому мольчальнику. Очень действенная штука.

- А где ж его взять, акафист тот? - уточнила монахиня.

- У нас, например, - погладил бороду игумен, и замурлыкал нечто похожее на "И уносят меня, и уносят меня..."

- Далее. Письмо от Валентины с бородавкой...

Вся покрытая островами ржавчины, синяя "Газель" остановилась у ворот ровно в десять утра. Игумен Тит служил в Нижней Гузновке уже третий год. Что греха таить, бедная маленькая деревенька, в которой осталось всего-то сто сорок человек, большинство из которых - оседлые цыгане, едва позволяла настоятелю сводить концы с концами. Приходилось активно привлекать паству, разъезжая с проповедями и проводя подробные, скрупулёзные исповеди с откровением помыслов, что создавало определённую известность игумену и привлекало в его приход тех, кто искал особой, потаённой духовности. Но не смотря на старания, ни крепкая община, ни свой "монастырёк" никак не складывались.

За рулём "Газели" сидел тощий черноволосый парень, похожий на цыгана, по имени Баро, но крещёный в честь мученика Викторина. Проходящий мимо пьянецкий мужичок заглянул в кабину, но услышал строгое: "Лавэ нанэ!" и поспешно ретировался.

Водителя проводили в гостевой дом, а отец Тит в сопровождении монахини Мартирии прошёл в библиотеку. Игумен Вассиан в монашеской рясе и клобуке с необычайно длинными шёлковыми намётками стоял перед красным углом, погружённый в созерцание глубин собственного сердца. Обернувшись на гостя, и стряхивая с лица строгую молитвенную сосредоточенность, Вассиан широко улыбнулся и своим напевным голосом заговорил:

- Отец игумен! А я тут утром индюшку по двору ловил. Знаете, живёт у меня с десяток этих птиц, небольшая обитель почти что. Забралась одна из них на поленницу, да всё выше, выше прыгает, до самого верха долезла. А потом... оторвалась она от поленницы, крыльями бьёт, тушка-то тяжёлая, да вдруг низко-низко, но быстро, словно камень из пращи, по-над землёй полетела. Так до гостевого домика и дотянула. Ну не чудеса ли? Я и думаю, что бы это значило? Знамение, не иначе! А оно вон что, к гостю! Это вы, значится, отец игумен, приехали.

После традиционного монашеского приветствия хозяин и гость

сели у круглого дубового столика и завели беседу.

- Как поживаете, отец игумен? - спросил отец Тит, благообразно потупив взор.

Гость был тонок, сух, большеглаз, имел правильные черты лица, длинную шею и костлявые белые пальцы, которыми он не без изящества держал массивную чайную чашку, поднося её к тонким ниточкам губ. Тит был старше на семь лет, чем Вассиан, и в юности окончил два курса университета по специальности "социология", после чего, в поисках Бога удалился в Архангельские леса, где, по слухам, в землянках жили духоносные старцы. Ни землянок, ни старцев он не нашёл, видимо, не там искал, или старцы умели прятаться от непрошенных гостей. Несколько лет он прожил на правах балды в большой семье священника одной из южных епархий, был замечен архиереем, поступил заочно в семинарию и принял постриг в честь ученика апостола Павла, критского епископа Тита.

- Немощи, леность и неразумие довлеют мя, - в тон вопрошившему ответствовал хозяин. - В общем, вашими молитвами, отец игумен. А вы как поживаете? Что паства? Внемлет ли слову?

- Паstryрское слово не должно быть сурово, - уклончиво ответил Нижнегузновский настоятель.

В приоткрытую дверь выглянуло растерянное лицо монахини Мартирии.

- Что, матушка? - поинтересовался Вассиан.

- Батюшка, тут Ленка из областного центра, та, что в детсаде работает, приехала!

- Она же вчера была? - непривычно удивился игумен.

- Я ей то же и сказала. Зачем, говорю, двести вёрст отмахала? А она говорит: "Со своими людьми чаю попить!"

- Что? - не понял Вассиан. И вдруг засиял свежим, живым смехом.

- Чаяю попить? - сделал комичное лицо Тит.

- Чаяю попить! - широко улыбаясь, вторил ему Вассиан.

Отсмеявшись, игумены понимающе взглянули друг на друга, ощущив некое единение. Битва на время перешла в подспудную, подковёрную форму.

- Напои чаем, благослови конфетами и выпроводи, - резюмировал Вассиан и вновь изобразил полное внимание к собеседнику.

Отец Тит сидел на стуле неровно, размахивал левой рукой в

разговоре (в правой руке держал то чашку, то сушку). Был он возраста самого цветущего, не то тридцати пяти лет, не то сорока двух. В игумене Вассиане он видел конкурента и собрата одновременно и ревновал к его популярности в столь юном для духовного руководства возрасте.

- Очень востребовано сейчас руководство в семейной жизни, - держа чашку на весу, продолжил Тит. - Но для того, чтобы погрузиться во мрак души грешника, а семейная жизнь зело удобосогрешительна, необходимо самому заглянуть за черту добронравия и целомудрия, на время отречься от всего... этического, что ли. Или же стать как бы в стороне и непредвзято оценить, что есть добро, что зло. А инде следует и малый шаг за эту грань сделать самому, дабы и предмет наших рассуждений был ближе и не выглядел столь абстрактно. Авраам, праотец наш, перешёл все границы разумного, занёс смертоносную свою руку над сыном, а в итоге прав оказался. Люди же немощны, на исповеди вольно или невольно утаивают свои грехи, гнусные поступки, покрываются во след ложным стыдом, чем и усугубляют нечестие. Что я должен сделать, как опытный духовник и добрый пастырь? Растворить грань между своим сознанием и разумом пасомого и, отринув сомнения, кинутся в пучину беззакония с протянутой для спасения рукой...

Тит отпил травяного настоя с добавлением мандариновых шкурок из большой деревенской чашки и потянулся за аппетитным домашним бубликом, отливавшим на блюде румяным боком и благоухавшим свежестью выпечки. Тит знал, что он гораздо сильнее в области теоретических рассуждений, что преуспел в догматическом богословии и философии (всё-таки, семинарию окончил, хоть и заочно) и пытался перетянуть беседу на эту поляну. В знании живой жизни, умении вести хозяйство, остроумии, простоте обхождения с людьми он был гораздо слабее Вассиана и, подспудно осознавая это, избегал непростых для себя тем. Да и бубликов таких у него не было.

- Да, раствориться, - продолжил гость с достоинством. - Это сложный приём, доступный только опытным духовникам. Но такая исповедь наиболее очищающая, наиболее точная и действенная. Результаты её по силе почти равны тем, что получаем мы при проведении древнего чина отчитки, сиречь изгнания злых духов.

- Каким же грехам, отец игумен, вы уделяете наибольшее

внимание? Что наипаче тяготит вашего пасомого? - вопросил Вассиан.

- Мнится мне, что такова есть страсть блудная. Вот в мытарствах Феодоры...

- Феодоры, отец игумен? - Заулыбался хозяин.

- Ладно, без Феодоры. - Тит сбился от такого вопроса, поскольку иронию уловил. - Но эта упомянутая страсть - всем страстям голова.

Гость замолчал, подбиравая слова, хозяин же, пряча улыбку в бороде, смотрел на его замешательство.

- Блудная страсть - корень всех зол. И в семейной жизни мы видим поле непаханое, неоранное. Другие духовники как поступают? Венчался - не венчался. Как будто это индульгенция какая. Но именно в семейной жизни похоть и скоктания находят себе пристанище, укореняются и, скрытыя от посторонних взоров, расцветают пышным цветом, яко крин сельный при благорастворении воздухов. И только опытный духовник, знающий врага в лицо, способен вытащить из глубин сокровенных на свет белый все потайные корешки и корешочки. Можно сказать, без преувеличения, но и не без некоего удовлетворения, что я нашёл ключик, открывающий жизнь семейную, крючочек для сих корешочеков. И какие разверзаются бездны! Потянешь за одну малую страстишку блудную, а там... такое изумление испытываешь! И вот что удивительно. Грехи одни и те же, казалось бы, а как по-разному на них смотрят муж и жена. Самое же интересное, когда об одном и том же грехе спрашиваешь супругов раздельно. Это прямо мякотка! Вот, например, такой случай...

- Скажите, отец игумен, кто наиболее подвержен страсти сей: мужеский пол, али женский? - Перебил зарумянившегося рассказчика Вассиан.

- Тут сомнений быть не может, отец игумен, - уверенно ответил гость. - Женщина - по природе своей существо блудное, духом слабое, ко греху удобопреклонное. И потому, лечение болезни надо начинать как можно раньше! Чем моложе жена, тем лучше результат. Не закоснела она покамест в пороке, может ещё воспрянуть и исправиться. Идеальная ситуация, когда исправление начинается ещё до замужества. И духовник, действуя превентивно, если вы понимаете, в девичестве, так сказать...

- Тяжёл ваш труд, батюшка!

- Ох и тяжёл! - не чувствуя подвоха покачал головой Тит,

сочувствуя сам себе. - Два года уже тружусь над составлением полного каталога всех страстей блудных, их видов, подвидов, способов и вариантов. Не только телесных, но и чувственных, проникающих в душу через око, ухо, а также и обоняние, и осязание, творимых во сне и мороке, воображении и мечтании.

- Отец игумен, так тяжёл труд сей, что отец Мартирий, приснопамятный старец, у которого я много лет келейничал, не дерзал за него браться и всех монахов от такого дела предостерегал. Белым попам, оно сподручнее в таком тонком вопросе разбираться, говорил он, да и то не всем.

- Так-то оно так, - не сдавался Тит. - Этот крест не каждому духовнику по силам, это точно. Но для того, кто пересёк грань, жертвуя собой за други своя, нет ничего невозможного.

В библиотеку через приоткрытую дверь вошёл толстый рыжий кот Боян и, дойдя в развалку до Вассиана, требовательно замяукал. Хозяин взял на руки кота, не способного уже запрыгнуть на стул от лишнего веса, и стал кормить маленькими кусочками сыра. Боян уютно замурлыкал, посматривая на тощего пришельца искоса. Этот нервный гость никогда не нравился Бояну. И пахло от него как-то странно.

- Чуть не похоронил его Великим постом, - вздохнул Вассиан, имея в виду своего рыжего кота.

- Что, соседские кошаки задрали? - со знанием дела поинтересовался Тит.

- Нет, обожрался, мученик, - умильно вздохнул хозяин, продолжая теребить за ухом рыжего толстяка. - Пожертвовал мне один доброхот тридцать четыре килограмма солёной сёмги. Отборное филе, жирное, нежное такое, как сливки. Какой-то у него там рыбный заводик, скумбрию делают - пальчики оближешь! Пожертвовал, мы и рады, многая лета. Рыбы три коробки, расходится медленно, опустили её в погреб. Мать Николая раздать хотела, да я не велел, всё же - подарок, что ж его налево-направо. Недели через две стала сёмга та чуть припахивать. Но мы не выбрасываем, гости какие бывают, угощаем. А Николая вышла раз к почтарке, да погреб не прикрыла. Боян, разбойник, залез туда и спрятался. Три дня его искали, а он, значит, пировал в одиночестве. Килограммов пять съел, окаянник. Витька его нашёл еле живым, когда грибы маринованные полез расставлять.

Стонал наш Боян, как человек, на глазах слёзы, умирал почти, разве что исповеди не просил. Неделю его маслом оливковым отпаивали, еле подняли. Потом он бегонию с подоконника целиком съел, проблевался и вконец очухался, победная голова с усами.

Боян задремал, глухо урча и изредка потягиваясь то одной, то другой лапой. Они немного посидели в тишине, гость с удовольствием поедал бублики. Всё же, женская рука в доме нужна, подумалось ему. Беседа возобновилась, но текла вяло, и затрагивала самые общие темы: всеправославный собор, взносы в епархию и банкротство местного консервного завода, за внимание которого соперничали три окрестных прихода.

Через час игумен Тит встал и начал откланиваться, хваля смысловское гостеприимство и свежую выпечку.

Победа по очкам, вроде бы, была за хозяином, но ему всё же ещё хотелось отправить противника в нокаут. В этот день судьба благоволила Вассиану, предоставив ему шанс на чистую победу, и он им незамедлительно воспользовался. Целуя, как принято у священников, руки друг другу, Вассиан заметил, что на левом запястье у Тита нет чёток. То, что монах не может расставаться этим своим духовным мечом, знает каждый. И есть, и пить, и спать подобает иноку, не выпуская сего оружия из рук. Чётки даются при постриге как символ молитвенного делания, внутреннего совершенствования и непрестанной духовной браны человека против собственных грехов.

- Помолитесь обо мне отец игумен, - смиленно сказал Вассиан. - Помолитесь о моих немощах, а особенно, чтобы чётки к руке приросли, а то какой же я монах без них!

Тит перевёл глаза на свою руку, побледнел, как белый лист и буквально выбежал из дома, шатаясь, как от пропущенного апперкота и сгибаясь под тяжестью всемирного позора. Гуси смотрели на убегающего игумена своими чёрными глазами надменно, куры в полголоса насмешливо кудахтали, а великолепные фазаны наперебой издавали победные крики. Видимо, так и выглядит "курам на смех". Заработал мотор, и синяя газель умчалась, поднимая клубы пыли, в Нижнюю Гузновку. День начался хорошо.

Не успел игумен насладиться победой, обходя свои владения, как у ворот остановился внедорожник, облепленный цветными наклейками, и из него вышли двое мужчин. Пройдя в незапертую

калитку, новые гости остановились и один из них, высокий молодой человек с намечающейся бородкой громко сказал:

-Батюшка, благослови!

- Бог благословит! Идите-ка сюда, поглядите. Вот они, мои послушницы. - Отец Вассиан улыбнулся хитрой крестьянской улыбкой. - Цып-цып-цып! Сорок кур, три петуха, семнадцать уток и пятнадцать гусей. Ещё перепела, им же несть числа, и два хазана, это я на развод взял. Ещё куры - хохлатые, карликовые петушки и даже лысые еврейки со Святой Земли. Но моя гордость - вот эти индюшки-индейки. Индееки! Взял птенцами, да выхаживал, как младенцев. Из двух десятков девятнадцать выжили. Знаете ли вы, что индейки самые необыкновенные из всей домашней птицы. Он самые умные и странные, прямо мистическим чутьём обладают, и если к ним присмотреться, можно события предсказывать! Вот, например, сегодня утром... Вы же знаете, что индюшка летать не может? А тут такое дело, странное. Забралась одна из них на поленницу, да всё выше, выше прыгает, до самого верха. Потом огляделась, буркнула так сердито, и полетела. Оторвалась от поленницы, крыльями машет, и низко-низко, но быстро, словно из пращи выпустили, по-над землёй летит. Так метров пятнадцать и одолела. Ну не чудеса ли? Я и думаю, что бы это значило? А оно вон что! Это вы приехали.

Игумен заулыбался в рыжеватые усы и потрогал длинную узкую бороду, словно проверяя, на месте ли она. Из сеней главного дома выглянул молодой длинноволосый мужчина, заросший по самые глаза, и недовольно осмотрел нежданных гостей.

- Витя, всё в порядке! - кивнул ему отец Вассиан.

У ворот остановилась телега, запряжённая золотисто-каштановой лошадью, и две бабы в резиновых сапогах протиснулись в калитку, неся каждая по сетке отборного фиолетового лука.

- Батюшка, - возгласила одна и осеклась, увидев гостей. - Мы это...

- Не сейчас, - отмахнулся игумен. - Лук Витьку отдайте, он в погреб снесёт.

Вассиан обернулся к дому и звонко, распевно, тряся бородой, крикнул:

- Матушка Мартирия! Проводи гостей в библиотеку, я сейчас подойду!

В сопровождении женщины лет пятидесяти, одетой во всё чёрное,

не смотря на жару, гости вошли в дом и сразу из сеней проследовали в большой прохладный зал, где хранились книги, иконы и всевозможные святыни.

Библиотека была оформлена так, что у посетителей дома не могло остаться ни малейших сомнений в праве игумена Вассиана на вакантное место старца. Все стены просторного помещения сплошь были заставлены шкафами с книгами. Здесь были и старинные требники, и богослужебные книги второй половины девятнадцатого века, полные собрания житий и творений святых отцов, Библии разных размеров и степени потёртости. Одно только многотомное "Добротолюбие" было представлено в шести различных изданиях, от начала девятнадцатого века, до конца двадцатого. Большую часть собрания представляли собой книги и святыни, перешедшие к игумену от отца Мартирия, который, в свою очередь, унаследовал всю библиотеку иеросхимонаха Павла. Перед красным углом выстроились в ряд шесть массивных резных аналоев с ковчегами разных форм и размеров на них, от очень больших до совсем маленьких, предназначенных для хранения принадлежащих игумену святынь. Один из аналоев, обитый тёмно-красным бархатом, стоял в самом центре и возвышался над остальными, но был пустым и казался уготованным для особого, главного предмета, святая святых.

Денис подошёл к объёмному шкафу, занимавшему всю стену, где за чистыми стёклами стояли ряды безмолвных свидетелей духовной жизни русской земли последних двухсот лет и, открыв резную дверцу, наугад вынул книгу в картонном переплёте, с оторванным корешком и торчащей на его месте жёлтой марлей. "Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский. Аскетические опыты", - было написано на крышке тиснёными буквами, сохранившими кое-где позолоту.

- Не читайте никогда святителя Игнатия без опытного духовного наставника! - раздался голос над ухом Дениса. Он вздрогнул от неожиданности, поскольку не заметил, как вошёл хозяин библиотеки и встал за его спиной. Борис книгами не интересовался, но с интересом осмотрел собрание старинных икон в красном углу.

- Что привело вас ко мне, смиренному сельскому игумену? - В своей распевной манере спросил хозяин. - Я человек простой, тевелизер не гляжу и радиво не слухаю. Убог и сир, мало разумен и не смыслю в вопросах духовных! Идите с Павлой коров подоите!

Последняя фраза, как оказалось, адресовалась голове рыжебородого послушника, заглянувшей в приоткрытую дверь. Голова тут же исчезла. Отец Вассиан обратил на Дениса свои прозрачные серые глаза и, слегка прищуриваясь, сказал:

- В обед коров всегда надоено подоить. А то некоторые ленятся за реку на пастбище ходить, далеко, мол, три километра туда, три назад, да с вёдрами. А скотина бессловесная до вечерней дойки терпит, мучается, домой еле доходит, гудит, как пароход на реке. Так что у вас?

- Мы того... - растерялся Денис.

- Насчёт креста нам... поговорить, - нашёлся Борис. - Николай Иванович Кобецкий поклон передаёт.

Он достал из внутреннего кармана тugo набитый конверт и передал игумену. Тот взял его в руки и, не скрывая волнения, раскрыл. Конверт был набит зелёными дензнаками с изображением президента далёкой державы. Удовлетворённо улыбнувшись, но, не теряя при этом смиренного достоинства, отец Вассиан спрятал конверт в глубинах монашеской рясы.

- Я так понимаю, вам нужно рукоположение по ускоренной программе? С постригом или без? Наши украинские друзья с недавнего времени за постриг стали брать отдельно...

- Да мы насчёт Тимофеева креста, - смутился Денис.

- А, вот оно что! - всплеснул руками игumen. - А я, грешным делом...

Мать Мартирия, чаю нам, чаю! Скажите, молодой человек...

- Денис, - представился Теплоструев.

- Да, Денис, скажите, что бывает после чаю?

- Что? - Денис никак не поспевал за стремительной сменой тем и терялся. - Сладкий сон?

- Ах-ахах! Подловил! - Заливисто рассмеялся отец Вассиан, обнажая ровные крупные зубы. - После чаю - всегда - воскресение мёртвых!

- А, ну-ну, конечно, - Денис знал эту старинную семинарскую шуточку, но не ожидал её услышать при таких обстоятельствах. Борис, не знавший Символа Веры, пожал в недоумении плечами.

Вошла Мартирия с метровой ширины подносом, уставленным разномастной посудой. При её появлении, Борис вздрогнул, побагровел и заиграл желвакам. Покуда она управлялась с угощением, он не спускал с неё глаз. Денис этого не заметил, поскольку уже вёл беседу с игуменом.

- Мы, батюшка, знаем про фотографию и круг избранных хранителей Тимофеева креста, определённых отцом Павлом. Но куда делся сам крест после смерти монахини Веры, понять не можем.

Отец Вассиан проверил, на месте ли борода и заговорил в своей распевной, убаюкивающей манере, при этом, почти не скрывая досады:

- Никто этого из наших не знает. Никто. Хотя, очевидно для всех, крест должен был перейти ко мне вместе со всеми вещами отца Мартирия. Я, конечно, человек простой, смиренный, сплю на рогожке, радива не слушаю, но по милости Божией, девять лет келейничал у великого молитвенника, старца и чудотворца отца Мартирия. Никто так не был близок к нему, как я, никто. И что мать Вера? Захватила власть после смерти батюшки. Изгнала меня из Лесного Озера, клеветы и напраслины возвела на меня. Обуяла соль святого места, обезумела! Пусто стало, бесприютно. А крест к ней перешёл по недоразумению, сущему недоразумению. Стоило мне отлучиться на короткое время, как она, словно коршун с неба, налетела на бедного старца, бывшего в глубокой болезни, почти что при смерти, и правдами-неправдами крест к рукам своим прибрала. А теперь, вот, умерла, царство ей небесное, Господь ей судья, а куда крест дела? Куда святыня запропастилась?

- Но хоть какие-то зацепки есть? - уточнил Борис.

- Искушение! Меня мать Надежда на порог не пускает... Хорошая она, добрая, но разум как у птички-невелички. Всё твердит, что матушка Вера запретила со мной про крест разговаривать. Я Витьку, послушника, три раза посыпал и в Москву, и в Лесное Озеро, всё без результата. Паравикин, он человек со связями, ищет крест, знаю. Говорит, мол, найду святыню святителя Тимофея, схиму приму. С него станется! Если крест найдёте, любые деньги просите, я заплачу. Любые! Дело не в деньгах. Крест должен перейти ко мне, как преемнику и духовному наследнику батюшки Мартирия! Вот у меня каталог всех вещей, доставшихся мне от старцев. Двести семьдесят три книги, вы их видели в библиотеке, сорок одна икона, пять подрясников, но они мне великоваты, фелони, епитрахи, параманы, клобуки, служебники, требники, дарохранительниц две, покровы бархатные и парчевые, солонка серебряная, портсигар старинный... Ну, и так далее. А вот запись: "Крест серебряный фигурного литья,

шестиконечный с четырьмя изумрудами, именуемый Тимофеев крест, гурт оформлен по рукоятке с двух сторон клеймением с надписями на латинском языке (левая сторона) и русском (правая сторона)". Вот этого нет. Прочерк.

В сенях загремели вёдрами, видимо Виктор и Павла собирались на дойку. Борис продолжал сверлить глазами Мартирию, почти не притронувшись к чаю. Денис, как всегда, отдал должное и чаю, и белому деревенскому хлебу с мягким домашним сыром, и ароматному малиновому варенью, и густейшей коричнево-золотистой баклажанной икре, выложенной в большую алюминиевую миску.

Потом Борис достал групповую фотографию и положил перед игуменом.

- Батюшка, не подскажите, кто это? - спросил Денис, показывая кривой чайной ложкой в неопознанного пока семинариста.

Игумен, сощурив глаза, полюбовался на себя в молодости, а потом, переведя взгляд на человека в подряснике уверенно сказал:

- Это отец Варавва. Он настоятель в Замшело-Чащинском монастыре, под Москвой. Вот у него, вполне вероятно, крест может и быть, доходил такой слушок от верных людей!

Денис записал в телефон информацию и стал благодарить хозяина.

- А на прощание... Вот, возьмите! - Вассиан плавным движением взял с подоконника переплетённую вручную небольшую книгу и передал Денису. - Воспоминания об игумене Мартирии. Подлинные факты, всё что я видел своими глазами. Одна лишь правда. Книга почти готова к изданию, а пока что сами печатаем, переплетаем, да среди своих распространяем. А как соберём посмертные чудеса старца, так и в издательство пристроим. Добрые люди уже готовы оплатить. И ещё вот это...

Из большого бумажного пакета игумен достал две серых футбольки и развернул одну из них. На ткани была изображена птичья голова с радостно раскрытым широким клювом. Тончайшие пёрышки на голове торчали во все стороны, придавая птице вид лихой и обаятельный. Надпись под ней гласила: "Смысловская страусиная ферма."

- Ну как? - заговорщически произнёс игумен.

- Замечательно! - опешил Денис.

- Приезжайте через три месяца, со страусами своими познакомлю!

- Непременно!

- А если кто желание будет иметь, дабы Царство небесное заработать, жду к себе на послушание, мне трудники нужны. Петушки редких пород - они как дети, за ними уход нужен постоянный.

- Мы учтём! - поспешили откланяться гости.

- Царство небесное силой берётся, - глубокомысленно изрёк Вассиан и проверил наличие бороды. Она была, как всегда, на месте и, как всегда, пахла скумбрией.

Уже в автомобиле, не заводя двигателя, Борис, смотря прямо перед собой, вдруг спросил Дениса:

- А попов... бить можно? В случае крайней нужды.

- Бить никого не позволительно, даже самого глупого священника, - пожал плечами Денис. - Да только бывают случаи, что сам бы приложил, не скрою. Как в старые времена считалось? Если всем миром долгополого проучить решали, то главное при этом, чтобы скуфейку с его головы снять. В скуфейке никак колотить нельзя.

- А за что ж их побивали?

- Один казну приходскую пропьёт, что всем миром на храм собирались, другой - таким учениям учить станет, что молокане с хлыстами отдыхают, а иной себя вторым после Бога возомнит, почтения требует и полного послушания, а сам дурак да пустомеля, ну а кто и на чужую жену позарится. Уж лучше такому отцу кулаками по бокам пройтись, чем он сам погибнет, да людей соблазнит, считали на Руси. Но по лицу не били, а то поп этот на службе с фингалом не благолепно выглядеть будет.

- Шапку, значит, снять? - повторил Борис и вместо того, чтобы тронуться в путь, решительно вышел из машины и исчез во дворе Вассиана, бросив на ходу: "Здесь посиди!". Через несколько минут из дома донёсся грохот пустого ведра и разговор на повышенных тонах. Слов было не разобрать, но гневный басистый голос что-то громко возглашал, а другой, высокий, немного обиженный и растерянный пытался ему возражать. Потом всё стихло, и из приоткрытой калиткиглянул толстый рыжий кот, огляделся и лениво последовал дальше. Он пристроился на солнышке и через полуприкрытые веки наблюдал за стайкой молодых воробьёв, резвящихся в ветвях рябины.

Минут через двадцать, когда Денис уже собирался пойти

проводать, что случилось, Борис вышел из калитки, спокойно сел за руль, и машина рванулась вперёд по деревенской улице, а потом, пыля, помчалась через жёлтые головы подсолнечников к шоссе. Выехав на дорогу, Борис достал из внутреннего кармана пакет с купюрами и бросил на колени Денису.

- До банка доедем, Максу Лошакову переведём.

Пакет был тот же, сиреневый с узором, что отдавал Борис отцу Вассиану.

- Монашка, что нам чай накрывала...

- Мартирия, - подсказал Денис.

- Эта Мартирия, ети её, мать Макса. Они зарецкие, на Пролетарской жили. Я и отца Максова, Славку Лошакова, знал хорошо, служили вместе. Он лет семь уже как от семьи в бега подался, до самого Магадана доехал, а там уже три бабы сменил. Жена его сначала молодилась, хорошилась, а потом в веру подалась, да к какому-то попу прибилась. Как сын её ушёл в армию, она дом втихаря продала, кто-то с юристами помог, а деньги этому попу снесла, а сама в присугах у него осталась, он её тайно в монашки посвятил, что ли. Я давно хотел того попа разыскать, да концов не находил. Вот это он, значит, и есть.

- Ты что, деньги у него отнял? - удивился Денис.

- Да ладно, так сразу и "отнял"! Сам он отдал, даже бить не пришлось. Только шапку с него снял, он всё понял. Вот его расписка, батя собственной рукой нашкрябал.

Борис достал тетрадный лист, где круглым, прыгающим почерком было написано: "Я, игумен Вассиан (Василий Власьевич Голимов), передаю означенную сумму Максиму Олеговичу Лошакову, как бывшему собственнику дома №12 по улице Пролетарской г. Зарецка, проданного в мае с.г. Деньги находились у меня на временном хранении и касательства к ним я не имею. Вся сумма передана добровольно и без всякого давления, от каких-либо претензий отказываюсь". Под распиской стояла витиеватая многобуквенная подпись, дата и печать местного прихода.

- Ну, ты Робин Гуд, - удивился Денис, с уважением посмотрел на Бориса, которого он всегда осуждал в душе за демонстративный атеизм. - А то что эти приходские игумены до сих пор практикуют тайный постриг, это смущает многих. Во времена гонений, в советские времена, я понимаю! Так мантию прятали от властей, был монастырь

в миру. А сейчас прячут от кого? От архиерея? Конечно, если постриг официальный, монахиню могут в любом монастыре поселить, а если тайный, то другое дело. Живёт женщина на приходе, помогает при храме, не подкопаешься. Но фактически принадлежит она на правах крепостной своему духовнику.

- Ты сам ему ничего не дарил, машину там, или курей редкой породы по штуке баксов за голову?

- Да ты что? - возмутился Денис. - Тут курами не отделаешься! Ему надо разум свой взять да в руки предать. Делай, мол, старец с ним чего захочешь. А вот я боюсь, что он руки после рыбы не помыл.

- Ещё я батяню попросил матери Макса ничего не рассказывать, - добавил Борис. - А если какой слух пойдёт, обещал вернуться, курятник спалить.

- Вот террорист! Понятно, откуда "Кара-Борис" взялось! - воскликнул Денис.

Тут Борис тихо засмеялся. Вслед за ним захмыкал и Денис, вспоминая вассиановских гордых гусей, молчаливых индоуток, летающих индеек и глупых пёстрых фазанов. Кривая сельская дорога выбросила их на скоростное шоссе, и они помчали в Москву. Подсолнечниковые головы тянулись вдоль дороги ещё долго, пока их не сменили злачные места - поля, засеянные пшеницей, или рожью, кто их там разберёт.

Обострённое восприятие внешнего мира, излишне тонкое, с включением в хоровод событий множества деталей, не заметных большинству представителей современного рассеянного человечества, было для Теплоструева наградой и жалом во плоть. Поток второстепенных персонажей, врывающихся в сознание, говорящих, двигающихся, живущих своей жизнью, рвущихся на авансцену, позволял ему видеть жизнь как в многомерном кино. Но сознание, перегружаемое информацией, как сервер запросами, начинало периодически сбить и тормозить. Массовка становилась агрессивной, превращаясь в толпу кочующих варваров, опустошающих империю, мешающих сосредоточенной работе мысли, изводящей психику постоянными выкриками на своём диком наречье. С раннего детства и до знакомства с Юлей Денис применял простую и

действенную технику ухода от нашествия деталей мира, освоенную им случайно. В девятилетнем возрасте, будучи с классом на экскурсии в Боровском монастыре, он, незаметно отстав от группы, зашёл в пустую древнюю монашескую келью и опустился на поленницу дров, сложенных в углу. Сознание его едва выдерживало поток впечатлений от нового места, галдежа одноклассников, мелькания лиц, автомобилей и деревьев... Даже деревьев, с их сумрачными сухими лицами аскетов и острыми глазами разбойников, кривыми ручищами колдунов и щербатыми ртами нищих бродяг.

В келье был неживой музейный порядок и тишина, но была чистота и в том воздухе, которым келья была наполнена. Через несколько минут, неожиданно для Дениса, волны образов в голове улеглись, потом отступили за стены, не смея беспокоить своим присутствием. Сознание стало ясным и спокойным. Он огляделся, стараясь запомнить как можно больше подробностей. Белёная печь с двумя голубыми изразцами, покрытыми сеткой трещин, тяжёлый, низкий сводчатый потолок, узкое стрельчатое окно, крашеные в тёмно-синий цвет доски пола. Толстые монастырские коты, тёмно-серый полосатый и грязно-белый, голубоглазый, ходили снаружи окна по широкому подоконнику, открывая пасти. Коты, наверное, мяукали, просясь внутрь, но звуки не проникали через барьеры.

Это разнообразие предметов и явлений существовало вокруг Дениса, не проникая в сознание. Ничто не тревожило мысли, всё было миролюбивым и убаюкивающим спокойным. Впервые Денис ощутил равновесие с миром, доселе таким шумным, бестолковым, крикливым и агрессивно-навязчивым. Он отгородился от него не только каменными сводами, но и незримой пеленой, сотканной из неведомого доселе материала. Мальчик запомнил это место и это новое ощущение, чтобы потом мысленно перемещаться в спасительную келью, укрываясь в её таинственном мире от суетного и бессмысленного потока образов и звуков.

Познакомившись с Юлей Пьяновой, Денис внезапно осознал, что теперь спасительным пристанищем для его утомлённого сознания является не воспоминание о монастырской келье, затерянной в дремучем лесу, а воспроизведение в воображении всех подробностей образа простой русской девушки. Образа одновременного обыденного и неземного.

Юлькина кожа всегда благоухала куличом и ванильной творожной пасхой. Денис поражался, как вообще человек может так сдобно пахнуть. Он ни разу не говорил своей невесте (да, он всё-таки сделал предложение, пусть и мысленно), и себе самому едва признавался, что, обоняв однажды от простой, незамеченной доселе девушки такой удивительный, такой тёплый и праздничный аромат, он почувствовал, как калейдоскоп чувств в его душе собрался в неведомый доселе узор. И если первый вдох этого аромата был нечаянным и мимолётным, то второй глоток был вполне осознанным, для чего пришлось осторожно приблизиться к источнику благоухания почти вплотную. Приятный запах не померещился, он только распался как свет, пропущенный через призму, на спектр. В его сложном составе солировала густая сдобно-коричная нота в обрамлении спелых ароматов изюма, кураги и жирного свежесбитого сливочного масла, сквозь которую не броско, но заметно для внимательного обонятеля, пробивался тон сладкого хереса. Страстный андалусский дух стыдливо прятался за пшеничной сдобы, но ровно настолько, чтобы подразнить и запутать. Он словно сулил раскрытие некой приятной тайны, наподобие долгожданного подарка, завёрнутого в несколько слоёв бумаги. Если воспринимать этот аромат отдельно от внешнего облика конкретного человека, то более всего он ассоциировался с быстрой, как течение горной реки, свежей струёй радости, в которую добавлены две капли волнительной грусти близкого моря и льдинка гордости из холодного горного истока. Если и был у Дениса соблазн назвать это удивительное ароматическое явление ромовой бабой, то только в возвышенном, одухотворённо-обонятельном смысле.

Автомобиль остановился у кособокой придорожной закусочной, и сложная гамма спасительных запахов в мечтах Дениса сменилась вполне реальным, тяжёлым, стелящимся по земле духом горелого свиного жира, с припахом сладковатого мускуса, присущего только старым хрякам. Денис с удовольствием потянулся. Ватная слабость обволакивала спину, ноги плечи. Борис выглядел охотником на звериной тропе: его мозгу требовался очередной кофеиновый заряд. Денис никогда раньше не пил столько кофе, предпочитая чай. На знаменитый вопрос: “Чай или кофе?” он всегда отвечал: “Чай, Пастернак, собака, коньяк”.

Они подошли к зацарапанной высокой стойке цвета лежалого

лимона.

- У вас кофе какой? - устало спросил в пустоту Борис. Перед прилавком никого не было. В углу кафе, надвинув на глаза мятую льняную кепку, дремал над чекушкой и стаканом томатного сока какой-то местный старик.

- Варёный, - раздался из ниоткуда тихий волшебный голос, и из-за ширмы к стойке вышла девушка. Она была хороша той особенной русской красотой, в которой татарский омут тёмно-карих глаз и размах широких скул сочетается с нежной гармонией всех черт лица. Таким девушкам из глубинки присуща пугливая диковатость взгляда, ловкость подвижных, чуть полных, рук, едва заметная сдобная полнота и детская припухлость щёк. В них всегда есть природная грация, пусть и слегка тяжеловесная, которая позволяет прямо здесь, за ширмой, переодеться в вечерний наряд и стать королевой провинциального бала, примагничивающей к себе взоры мужчин всех возрастов и сочетающей в себе всё сразу: и материнскую доброту, и женскую желанность, и детскую наивность.

- А жареный есть? - неожиданно резко отреагировал Борис.

- Извините нас, с дороги устали, - вмешался Теплоструев. - Нам два кофе... варёных.

Загудела, задребезжала, разогреваясь, массивная машина. Замелькали ложки, чашки, сахарница, салфетки.

- У нас в округе все пьют растворимый, кофеварка есть только у нас, - немного оправдываясь, пояснила девушка и подняла на Дениса глаза, задержав на его лице слегка потерянный взгляд. Внутри её зрачков переместилась густая тень, словно перевернулась с боку на бок, затем девушка вновь опустила взгляд долу.

Кофе был крепкий, с яблочной кислинкой и густой коричневой пенкой. Старая машина давала отличный результат.

Денис сел за столик и быстро опустошил свою чашку. Затем, повинуясь бессознательному зову, он вновь подошёл к стойке, желая ещё раз заглянуть в глаза девушке, убедиться всё ли он разглядел правильно. Официантка смотрела в окно, на подоконнике без звука работал маленький пучеглазый телевизор.

- Девушка, ваш кофе удивительно хороший, - прервал её размышления голос Теплоструева.

Плечи девушки вздрогнули, и она медленно повернула лицо к

Денису.

Тень в глубине глаз была реальной, она встала в полный рост и владела сознанием девушки. Её полубезумный взгляд с отблесками тёмного пламени в широких зрачках горел болезненным страданием. Неожиданно глубокая складка прочертила её переносицу, исказив гармонию черт лица. Полные, но такие сухие губы страдальчески кривились.

Замерев, как птица-портной перед ритмичными колебаниями кобры, Денис не мог отвести взгляда от ведьмовских плясок теней в глазах девушки за стойкой и детского пушка на розовых скулах.

- А нам уже пора, - крепко ударил Дениса по спине Караваев и зло усмехнулся.

Стрикс, не знающий усталости, гулко урча, помчал дальше.

“До Москвы больше часа пути, можно и вздремнуть”, - подумал Теплоструев, но заснуть было не суждено, поскольку внезапно заговорил Борис.

- Ты ведь заметил, - это был не вопрос, а утверждение.

- Как ты запаниковал и вылетел пулей? – Теплоструев скривился. – Конечно, заметил. Даже кофе бросил. Варёный!

- Я три войны прошёл. Про страх забыл ещё на Кавказе, остались только холодный фатализм и сухая злоба... Но таких глаз, не поверишь, боюсь, как муха дихлофоса. А что война? Тебе любой скажет: есть враг, и ты сам для него – враг. А представь себе, что ты вот такую загадочную девушку полюбил, свадьбу с ней сыграл, а муть эта самая, что во взгляде этой официантки ты сейчас видел, пряталась до поры до времени.

- Это ты про себя рассказываешь, или так рассуждаешь, абстрактно? – Уточнил Теплоструев, заметивший резкую перемену в лице своего напарника.

- Ну, про себя, допустим, - угрюмо буркнул Борис. – Вот женился я на такой красавице, а она ещё и умная была, стихов знала наизусть множество. Прожили год душа в душу! Я в милицейском спецназе служил, зарплата, паёк, форма. А как с Кавказа вернулся, там меня первый раз ранили, нас уже не двое, я и она, а появился этот третий. И он тенью в глазах у неё мелькает. Я с женой разговариваю, а он на меня смотрит! Сначала он присматривался, молчал, только жену мучал: ночью она стала просыпаться часто, а днём, наоборот, засыпать

посреди дня. Я думал, это она от переживаний, мол, муж раненый, нервы, волнения. Всё пройдёт, думал. И правда, ей лучше стало. Дочкой она много занималась, ну ни дать, ни взять - счастливая семья. Тут уехал я ещё на три месяца, а болезнь того и ждала... Эх!

Борис замолчал, но даже сквозь гул двигателя было слышно, как он скрипит зубами, преодолевая глухое отчаянье. Тяжело ему давался это признание, но неосознанное доверие к своему попутчику толкало его на то, чтобы впервые рассказать живой душе о засевшем в сердце переживании.

- Шли колонной через долину, попали под обстрел, три или четыре миномёта и десяток абреков с автоматами, троих наших - насмерть, у меня тяжёлая контузия. Шесть месяцев в госпитале провалалялся, стоял вопрос об увольнении из МВД. Вернулся домой и тут, мама родная, такое началось! Я на эту войну, как на курорт с массажем вернуться хотел! Эта тень уже в полный рост стала между нами, я порой не знал с кем и говорю-то. Другой бы запил на моём месте, но я водку не переношу, а с пива, сам знаешь, ссать хочется, много не выпьешь. Так я в погранвойска перевёлся, в Среднюю Азию уехал на три года, чтоб с ума вместе с ней не сойти. А был на грани! Я с ней говорю, она мимо смотрит. Пожалеть хочу, слышу шипение: «Не трогай, гадина»! Это мужу она такое говорила, каково! И ещё - стирала. Но как? Словно маньячка какая! Целый чулан порошков стиральных, отдушек, замочек, примочек. А ещё: синька, белила, краска, чёрт пятнистый! Отмочка в трёх водах, машинка шуршит, на кухне бельё кипит... Покупай, говорит, вторую машинку, «Малютку»! Чуть скатерть постелила, крошки уронили, всё - стирать.

Борис удариł руками по рулевому колесу, в ответ Стрикс испуганно вильнул по шоссе.

- Может, остановимся? - заволновался Денис.

- Нет, я в норме, - ответил Борис, но вряд ли это было правдой.

- Эх, кабы я догадался, что это болезнь, может, сразу бы лечить начали, помочь можно было бы. Я с матерью своей заранее поговорил: уеду, за внучкой приглядывай... Но всё-таки, получается, убежал с поля боя, дезертировал. А заклинило меня после одного случая. Я с дочкой из парка вернулся, спать её уложил. Захожу в ванную - жена стирает, наклонилась над тазом и трёт, трёт. Я сзади приобнял её, мол, соскучился. А она такая тёплая, мягкая! Но не тут-то было. Супруга моя

законная поворачивается и пристально так, словно впервые видит, на меня смотрит! Но, честное слово, я и испугался не на шутку. Не она на меня смотрела, а кто-то чужой, злой и голодный. И показалось мне, что этот монстр душу мою выпить хочет. Я замер, а она спокойно так руки о полотенце вытерла и по лицу меня ладонью – хрясть! Я понимаю, даже с точки зрения науки женщина – существо малоизученное! Ну и пусть будет загадка, но если к ней добавить душевную болезнь, то препятствия для семейной жизни будут непреодолимые. Никому не захочется бродить по мрачному лабиринту, в глубине которого воет минотавр. И не страх в твоём сердце, а ужас и ты абсолютно беспомощен, и оружия никакого не придумано...

После этих слов Борис ударил по тормозам и съехал на обочину. Он вышел из машины и широкими шагами, напролом, обдирая руки о колючие ветки кустов, пошёл в ближайшую рощу. Денис выскочил тоже, не зная, чем помочь, но услышав за деревьями странные гортанные звуки, остановился. Караваева рвало.

Через двадцать минут Караваев вышел к машине, весь в листве и репейных колючках, но уже привычно спокойный. Только лопнувший на белке левого глаза сосуд напоминал о буре, прошедшей по его сердцу. Он сел в машину и с усталой улыбкой посмотрел на бескураженного Дениса, тихо сказав:

- А ты говоришь, кофе варёный!

Глава 2

*«Не домогайся начальства не данного
и не отвергай данного»*

Св. Григорий Богослов, IV век

В город Зарецк епископ Тимофей прибыл 24 сентября 1770 года (или лета 7278 от сотворения мира в старом исчислении) поздно вечером. В день тот праздновалась память первомученицы Фёклы Иконийской, сподвижницы апостола Павла и безмездной целительницы тяжёлых болезней. Лечила Фёкла и травами, и насторожами, и мазями, но наипаче молитвою. Она жестоко пострадала от местных знахарей, имевших хороший доход от пользования недужных и немощных. Так, любое доброе дело, творимое человеком, возбуждает в тёмных душах злобу и зависть, разъяснял епископ смысл этой житийной повести своему келейнику Михаилу, молодому ещё человеку с едва наметившейся бородой. Тот вздыхал и качал головой, мол, благо творить не прочь, да пострадать не готов.

Солнце, ещё по-летнему ясное и тёплое, медленно садилось за ольховую рощу. Его лучи расцвечивали резной деревянный городок, стоящий на трёх невысоких горках жёлтым, оранжевым и розовым светом, делая его похожим на пряник. Никуда не заезжая, повозка с путниками в запылённых льяных подрясниках сразу последовала на подворье. Уставшие с дороги лошадки, каким-то наитием почувяв скорый отдых, овёс и воду, припустили по пыльной улице так, что Михаилу приходилось их сдерживать.

Архиерейский дом был новый, двухэтажный, с каменным первым этажом, и резным деревянным балкончиком, но весьма невелик размерами. Внизу располагалась канцелярия и кухня, на втором этаже – покой епископа на три комнаты, включавшие келью, кабинет и приёмную залу. Впрочем, в зале той могло поместиться не более двух дюжин человек, не толкая друг друга локтями. За домом были длинный бревенчатый каретный сарай, конюшня, дровяной и продуктовый сараи (последний с погребом), неуклюжий одноэтажный дом для монахов архиерейского подворья (коих не было в наличии) и людские. Подворье было окружено старым плодовым садом. Собственной церкви здесь не было. Все эти строения были возведены стараниями предшественника по кафедре – первого Зарецкого епископа Митрофана.

Кратко осмотрев владения, новый архиерей решил, что всё не плохо, но надо пристраивать к покоям домовую церковь. Вечерние

визиты Тимофей отменил, сославшись на крайнюю усталость после дороги, что было сущей правдой. Но тут же послал служителя к настоятелю соборного Зарецкого храма с известием, что завтра в оном храме будет отслужена им божественная литургия и молебен, а также сказано приветственное слово для народа по случаю вступления на кафедру. Настоятель Кафедрального собора, получив известие о прибытии правящего архиерея, велел звонить в колокола четверть часа, что и было исполнено со всем тщанием местными звонарями братьями Подлесных. Сам же епископ уединился в покоях для отдыха и молитвы, попросив лишь горячего смородинового отвара и сушек. Михаил же, забравшись на балкон, с удовольствием вдыхал густой воздух нового места (пахло подгоревшими пирогами, сеном и разнотравьем) и, вытянув босые ноги, долго смотрел, как садится солнце, играя лучами на узкой ленте речки Летки.

На следующее утро разряженные горожане собрались у Покровского собора задолго до назначенного времени. Торжественное настроение и волнение охватили публику, видевшую на своём веку не так уж много архиереев. Кроме удалившегося на покой в Высокопетровский монастырь по болезни первого Зарецкого епископа Митрофана, в общем-то, и никого более в скромном уездном городе из них отродясь и не было. Ну, может, заезжал пару раз Азовский епископ, да когда это было!

Но вот в конце улицы показалась карета нового епископа. Два соборных протоиерея, протодиакон Мефодий и полтора десятка окрестных священников составляли делегацию местного духовенства. Староста собора, купец второй гильдии Чаботыров, дородный и лохматый, с добрыми васильковыми глазами, в одиночку держал каравай на полпуда с деревянной солонкой на вышитом его дочерью рушнике. Позади него стояли представители местного общества во главе с потомственным дворянином Гурием Ивановичем Пьяновым и его супругой.

Внутри храма тем временем, по команде первого иподьякона все служители – оба его помощника, посошник с архиерейским жезлом, свещеносец с примикирием и один из рипидчиков с архиерейской мантией – прошли на солею. После положенных по чину поклонов, все спустились с солеи и проследовали к главным дверям.

Гурий Иванович сказал краткую приветственную речь, купец

поднёс хлеб-соль. Новый епископ впервые перешагнул через порог Соборного храма и встал на орлец.

Молодой посошник Илья, сын единственного местного аптекаря Льва Даниловича Теплоструева, стоял чуть поодаль, с прямой спиной и волнением на лице, благоговея перед новым владыкой и гордясь оказанной ему (а точнее, его отцу – ктитору соборного храма) неслыханной честью. Сам того не замечая, он постоянно теребил парчовый сулок, привязанный к посоху. Старший иподьякон свирепо выпячивал на него глаза, пытаясь привлечь внимание, но тщетно. На пару с другим служителем Илья раскладывал перед архиереем и убирал в нужное время орлецы – коврики с вышитыми парящими орлами, символизирующим, как говаривал протодьякон, что ни один суслик не прошмыгнёт незамеченным.

Когда епископ Тимофей проследовал к старинной чудотворной иконе святителя Николая, Илья кинулся с орлецом к небольшому возвышению-помосту перед ней, зацепился за гвоздь, предательски высунувший головку из потертой половой доски, и чуть не растянулся перед иконой в земном поклоне. От ужаса и стыда, охватившего Илью, небо свернулось в свиток и звёзды опали с неба со странным скрежетом. А нет, это первый иподьякон, побагровев, издал тихий, но гневный рык.

Протодиакон возгласил густым, как сметана на сырной неделе, голосом: "Премудрость!" и хор торжественно начал петь "От восток солнца..." Илья с трепетом принял у архиерея посох – старый, без резных украшений, но крепкий, лёгкий и очень тёплый. Сразу после этого он подал епископу жезл, и тот принял его, такой тяжёлый и неудобный, со съехавшим вниз сulkом, но тут же вернул. Пришло время облачаться. Первый и второй иподиакон одели на архиерея мантию, после чего духовенство целовало крест из рук нового епископа. Илья вновь подал архиерею жезл и взялся за мантию двумя руками.

Первый иподьякон появился за спиной и прошипел на ухо Михаилу: «Ноги выше подымай, хобяка колченогий!». Епископ Тимофей двинулся к кафедре, Илья шёл следом, ступая аккуратно, и неся мантию двумя руками. Разворот с широкой складчатой мантией на амвоне дался Илье с трудом, но прошёл без происшествий.

Епископ чинно повернулся лицом к народу и осенил его на три

стороны дикирием и трикирием. Хор запел на умилительный, специально разученный, протяжный мотив «Тон деспотин». Солировал пожилой толстый хорист с подозрительно блестящими глазами и вдохновенным лицом. Его чистый тенор ни разу не сорвался, не вылез неуклюже поверх хора, но и не потерялся в наваристых провинциальных басах и баритонах. Народ почти что плакал, кто от умиления, а кто от облегчения, что всё идёт без помарок.

В конце чина облачения, после возгласа протодьякона «Тако да просветится...» епископ вновь осенил народ на четыре стороны, и хор повторил приветствие «Тон деспотин кэ архиэреа имон кирие филатте ис полла эти деспота!» на тот же мотив и с не меньшим умилением. После чего большинство присутствующих уже и не знали, на небе они или на земле. Литургия была отслужена новым епископом и соборным духовенством с благоговением и молитвенным вниманием. В алтаре, после пения «Отче наш» епископ поманил к себе Илью и вручил ему из собственных рук девятычинную просфору. Не чуя ног от радости и благодарности, Илья проследовал на своё место. И, не удержавшись, бросил торжествующий взгляд на каменное лицо первого иподьякона, делавшего вид, что ничего не произошло.

После обедни новый архиерей в мантии вышел на амвон для произнесения приветственного слова. В руке его был благословляющий серебряный крест с четырьмя небольшими, в ноготь годовалого младенца, круглыми зелёными камнями на лучах, видно, что старинный. Илья положил орлец владыке под ноги и замер рядом, слушая негромкий, но твёрдый и светлый до прозрачности голос. Торжественная речь была очень краткой и не напыщенной:

- Братья и сестры, возлюбленные о Господе чада. Прошли те времена, когда народ христианский из своей среды выбирал благочестивого мирянина или клирика для того, чтобы он занял епископский престол и стал бы пастырем пастырей и отцом для верующих. Своим непорочным житием, своим благочестием, неложной скромностью, но и учёностью также, такой человек многие годы был примером для всех и вся. С упованием на Бога, народ доверял такому человеку жезл пастырский и кафедру святительскую. Теперь же всё иначе. И мне, приехавшему в ваши богоспасаемые земли, только предстоит показать всем людям, что не напрасно пал на

меня выбор Синода и Государыни. Мне предстоит, по слову апостольскому, для всех стать всем. Потому и прошу я молить у вас об укреплении моих скромных сил телесных, а наипаче душевных. Так призовём же соборно благословение на наши начинания и с терпением и молитвой станем трудиться во славу Божию и процветание Зарецкой земли!

После целования креста народом, во время которого архипастырь благословлял каждого подошедшего лично, говоря по нескольку приветственных слов, сам епископ, духовенство и знатные горожане проследовали в трапезную при соборе, для утешения телесного.

Все званые на трапезу горожане уже выстроились в очередь с приглашениями на обед в собственном доме, имении, усадьбе. По умилительно-требовательным выражениям лиц хлопотливых хозяев было ясно, что отказа они не переживут, а порядок визитов сразу может нарушить сложившуюся в городе иерархию, приведя к обидам друг на друга. Епископ Тимофей предельно ясно увидел эту ситуацию и её последствия и немного растерялся, хотя виду не подал.

- Ну, держись, Владыко, - с завистливым сочувствием вздохнул себе в усы настоятель кафедрального собора протопоп Фёдор. По хорошей провинциальной привычке, в распорядке дня настоятеля всегда было время и для благочестивых наставлений, и для визитов вежливости к знатным особам, ну и, конечно, для хорошего обеда. Часто все три важных дела совмещались по одному адресу, что давало немалую экономию времени. Приезд епископа невольно перемещал настоятеля с первой позиции на вторую, делая его фигурой менее весомой. А с другой стороны, должность его превратилась теперь в более значимую. Настоятель кафедрального собора! Да таковых всего три человека на всю большую епархию с викариатствами, что сулило немалый почёт.

Михаил собрал приглашения в специальный ларец, подготовленный им заранее, отвечая каждому, что епископ никого не обидит и будет в молитве усердствовать за всех и вся. Архиерей же, сохраняя благодушную улыбку на лице, молился с великим внутренним напряжением, прося вразумления себе и мира в сердце каждого.

Сразу после утренней службы епископ Тимофей посетил дом

местного магистра Арсения Александровича Бочарникова и благословил всех его щекастых детей-погодков числом то ли семь, то ли восемь. Там же ему предложен был обед, за которым присутствовали некоторые благородные особы и чиновники.

После этого епископ переехал на соседнюю улицу, где пил чай в обществе купца Прохора Васильевича Чаботырова и его семейства, а именно супруги Ларисы Нититичны и двух сыновей, Николая и Петра. Тут же за чаем, Прохор Васильевич погорился Тимофею, что болезнь проклятая одолела его доченьку Меланьюшку. Мастерица она, рукодельница, да испуг её взял, теперь из дома не выходит, исхудала вся. Росла Мелания до шестнадцати лет живая, впечатлительная, всё выдумывала про птиц и зверей, сказки да небылицы любила. А раз в деревне летом, спала она на сеновале с дочкой приказчика из поляков, Ядвигой и дочкой конюха Анчуткой. А Ядвига та полночи рассказывала страшные истории про драконью яму да краковскую старуху-колдунью, слышанные от бабки. А конокрады цыгане (ночь была тёмная, безлунная) забрались за лошадьми да заглянули на сеновал, вдруг, чем поживиться можно. Мелания крикнуть хотела, а её цыгане и припугнули: слово скажешь, смертью мучительной умрёшь. А Ядвинка с Анчуткой, что с ней были, те даже не проснулась.

Епископ в задумчивости помолчал немного, а потом велел показать ему девушку. В небольшой комнате за вышиванием сидела миловидная, но очень бледная, высокая и широкая в кости девушка, как две капли воды похожая на купчиху Чаботырову. Она бросила нитки, вскинула руки, заслоняясь от гостей, и втянула голову в плечи. Епископ Тимофей осторожно положил правую руку ей на голову и, вновь помедлив слегка, сказал купцу:

- Я завтра опять приеду, помолимся вместе, а там, как Бог управит.

И тут же отдал распоряжение келейнику:

- Готовь с утра молебен с крестом и водосвятием!

После прощания с семьёй купца епископ с келейником пешком прошли полквартала и остановились возле аптеки Льва Даниловича Теплоструева. Незаметно для себя самого Тимофей стремился в это царство склянок, ступок, порошков, тинктур и декоектов. Мир аптеки незримо соседствовал с миром далёкого детства, помогал воскресить в памяти усопших родителей и напоминал о весёлом и беззаботном

времени, проведённом в отчём доме.

Внутри аптеки, у широкой стеклянной витрины застыл Илья с большой бутылью кипячёной воды в руках и, не веря своим глазам, взирал на шествие епископа с келейником. Сообразив, наконец, что гости направляются прямо к его витрине, он сорвался с места и побежал предупреждать отца, расплёскивая воду по полу.

Открав дверь внутрь помещения, Тимофей на секунду задержал дыхание и только потом вдохнул полной грудью насыщенный, благовонный воздух аптеки. Вместе с запахами трав, спирта, горелого дерева и щёлока нахлынули образы улыбчивой матери и вечно спешащего отца, в переднике из белого холста и круглых очках. Его руки, изъеденные кислотой и многократно обожжённые кипятком, держат большую книгу для записей с деревянными переплётными крышками и кожаным корешком. И вот-вот отец позовёт Тишу, чтобы дать очередное поручение: отнести готовый заказ или слазить на чердак за пучками сухих лекарственных травами, многие из которых некоторые они с матерью и братом собирали своими руками...

- Вот так и живём, я да Илюша. Посетителей много - врача-то в городе нет, только старый военный фельдшер Мур, да он ослеп совсем, - рассказывал Лев Данилович, проводя епископа и его келейника по аптеке, показывая своё хозяйство.

Небольшой приёмный зал с прилавком и парой скамеек у стен, рецептурная комната с чистым столом, на нём три агатовые ступки разных размеров и медные весы. Большой вращающийся шкаф для лекарственных веществ с белыми фарфоровыми штанглазами на полках. Епископ взял наугад один из них и прочитал вслух надпись на нём, покачав головой:

- *Sapo jalapinus*. Какая редкость!

Вот материальная комната с запасами трав, порошков и жидкостей. Всё в порядке, всё аккуратно подписано, развшано и разложено: душа радуется. В комнате провизора накрыли чай для гостей. Михаил, выпивший у Чаботырова семь чашек китайского чая с пирогами, тем не менее, с удовольствием сел за стол. Тимофей, по своему обычанию, никогда не допивал и одной чашки.

- Я сам учился в Киеве, в казённой аптеке у Лютберта Шульце. Все ученики звали его херр Лютый, - рассказывал Лев Данилович. - Ох, и правда, лют бывал этот лощёный фрайбургский господин.

Колачивал крепко слуг и учеников своей ореховой тростью. Чуть что не так, хвать по спине или по рукам с криком: «Фауле шмахтер, доннерветтер!» Меня он прозвал «Штумпер», что по-ихнему «халтурщик». Надо сказать, бранных выражений немецких я знаю теперь несколько дюжин, ибо ругался наш лютый хозяин только на родном наречии, а поскольку он почти всегда был не в духе, то ругался часто и вместе с наукой провизорской я и это учение накрепко усвоил.

Лев Данилович ещё подлил гостям необыкновенного душистого травяного чая из глиняного запарника. Епископ поводил носом и сказал:

- Дай угадаю... Тимус, мента, оцимум и что-то ещё. Неужели, нелюмбо?

- Всё точно, и лотоса я немного добавил, - развёл руками Теплоструев. Михаил с гордостью покосился на аптекаря: вот таков наш епископ!

Лев Данилович продолжил рассказ:

- Сдал я в девятнадцать лет экзамен на должность гезеля и забрали меня в войска году в 1740-м, в полевую аптеку. Четыре года на юге служил. Но война с Турцией уже год как закончилась, следовательно, боёв и тяжёлых раненых я не видел. Были поносы, отравления, натёртые ноги, падения с лошадей, вши да парша. Всё что в обычной жизни необходимо знать. А экзамен на провизора я сдал в Москве в сорок шестом, где и женился в тот же год на Ольге Васильевне. Потом переехал в отцовский дом в Зарецк, где по разрешению аптечного приказа открыл свою аптеку. Потом и Илюша родился, в 1753 году, а больше Бог нам с Олюшкой детей не дал. А три года назад она умерла.

Епископ после чая вновь вышел в приёмный зал, огляделся и встал за прилавок, положил руки на шершавое дерево и вновь задумался о чём-то далёком. Потом подвигал левой рукой деревянную коробку с дешёвым немецким кнастером, поверх которой аккуратной рукой Теплоструева были уложены ровно нарезанные листки. Из них вертелись кулёчки, в которые и насыпался табак после взвешивания.

Странно смотрелся епископ в своей мантии, низком клобуке, надвинутом на брови и панагии среди аптечных склянок и бутылок. Но сам он этого не замечал, погружённый в воспоминания.

- Большую склянку капель почечуйных, пожалуйста, да поскорее,

- сгорбившись, гнусавя и тряся руками, вдруг сказал Михаил, обращаясь к Тимофею. Пародия эта была очень удачной и смешной, что никто не удержался от улыбки.

- Ну, а ты, Илья, думаешь дальше учиться? – спросил епископ сына аптекаря, когда они уже вышли прощаться к дверям аптеки.

Илья собрался с духом, но ответил честно, выложив все свои тайные помыслы и мечтания последнего года:

- Владыко святый, я хочу следовать путём монашеским. Более всего на свете я люблю богослужения, молебны, каноны и духовные песнопения. Хотел бы проповедовать с амвона и заботиться о народе божьем.

Сердце его радостно трепетало в ожидании одобрения и благословения. Архиерей не сдержал хитрой улыбки:

- Епископского сана желаешь? Доброго дела желаешь! Послужить ближнему в сане архиерея – чем не занятие? Так и апостол нам заповедал. Только не так всё просто устроено в мире, и где пути Божии проложены, нам порой не ведомо. Я вижу твоё усердие о службе церковной, и волен ты сам выбирать поприще. Но сдаётся мне, что имею я право дать тебе совет пастырский. Чем в эмпиреи возноситься, помогай усердно отцу в его благом деле, усердно учись, стань провизором или врачом, женись...

Илья с удивлением посмотрел в глаза епископу, не ожидая услышать от него такого странного совета. Сердце забилось часто и тревожно. Уж монах, думал он, в таком деле, какое он задумал, поддержит. Ладно, отец, тот и слышать о монастыре не желает, головой качает, даже слезу смахнул однажды. Но что отец, если сердце рвётся к жизни иноческой? А тут...

- Вот ты горишь сейчас как свеча, чистым пламенем, хочешь ангельский образ принять, - продолжил Тимофеий, как бы читая мысли Ильи. – Но смысл жизни нашей не в том, чтобы желания свои исполнять, а чтобы волю Божию слушать. Монастырь монастырю рознь, не все иноки - ангелы и не все настоятели – отцы.

- Мне...

- Слишком ты человек добрый и чувствительный, да жалостливый очень. В этом и хорошая сторона есть, но и слабость твоя будет всегда. А ты ведь жизнь пока по книгам знаешь. А есть люди такие, что посмотрят – вот безответный человек, да подмять, да

поломать тебя захотят. Я разного и всякого в жизни повидал. Бывает, поскребёшь немногого монашка, а под ним или мужик безграмотный, невежа, или дурак, или пропойца, не дай Бог...

- Но я... - попытался слово вставить Илья, буквально оторопевший от такой прямоты епископа. Он пребывал в полном недоумении: семья – это же... жениться надо. И не знаешь, как к такому деликатному делу подступиться.

- А девицу хорошую не так трудно найти. Как отцы учат: семья – малая церковь! Вот и будешь верховодить над своей епархией наподобие архиерея. Деток уму-разуму учить, добрые дела делать и в храме помогать, как батюшка твой.

Илья густо покраснел, но возражать больше не посмел. А епископ продолжал, как ни в чём не бывало:

- Я вот что думаю, приготовь-ка сам по прописи настойку пионовую с нашатырём и отнеси завтра вечером в дом купца Чаботырова. Скажешь, что я прислал! Да отдай склянку лично в руки дочке его, Меланье, и расскажи ей подробно, как, да поскольку, принимать. И не забывай, аптекарь не только прописью, но и словом добрым и участием лечит!

Утро следующего дня выдалось непогожим. Сквозь плотную завесу туч едва проглядывало осеннее солнце. Клонило к дождю. Ветер хлопал немногими ещё распахнутыми окнами и гнал сухую серую пыль по переулкам маленького городка Зарецка.

Епископ Тимофей после утреннего правила и чая с калачом уединился в кабинете. Михаил трижды с промежутком в четверть часа заглядывал к нему, чтобы узнать, не пора ли ехать к Чаботыровым. Но епископ всё махал рукой и сосредоточенно листал какую-то медицинскую книгу.

Наконец, подняв глаза от книги, он произнёс:

- «Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую. Ревнуй бо и покайся». ⁴ Это слова святого апостола Иоанна Богослова, память которого сегодня совершается. Но он же и сказал, дабы мы не забывали о милосердии Божием: «Видите, какову любовь дал есть отец нам, да чада Божие наречемся, и будем» ⁵.

Он опять замолчал, задумавшись, нащупывая неуловимую грань между составами душевными и духовными, выбирая средства, необходимые для помощи в такой странной болезни, какая была у

купеческой дочери. Тяжёлый медицинский фолиант в коричневом переплёте на латинском языке лежал на столе разверстый всей своей бездной научных знаний. Рядом с ним примостилось не большое по формату, но толстое, не меньше фута толщиной Евангелие с десятком нитяных закладок.

- Вот, Миша, - заключил епископ. - Дело нам предстоит не простое. У Меланьи болезнь нервная, от испуга произошедшая, к тому и из комнаты она уже год не выходит, спит при свечах. Но девушка она хорошая, добрая. Нет у болезни сей духовной основы! И средства для лечения нужны медицинские. Но мы поедем с тобой в дом купца, и молебен отслужим, полагаясь во всём на Промысел Божий. А дальше посмотрим. А ты мне вот что подсоби...

И епископ отдал подробные распоряжения насчёт молебна.

Прохор Васильевич с раннего утра стоял у ворот своего дома, ожидая приезда епископа. Дважды молодая кухарка Лизавета растапливалась самовар, он простывал, но гостя всё не было. И вот, наконец, показались две кареты: первая - архиерейская и ещё одна, попроще. Лошади поравнялись с домом Чаботырова и остановились посреди улицы. Из второй кареты не спеша выбрались четверо соборных певчих и по мановению руки Михаила во весь голос затянули тропарь кресту: «Спаси Го-о-споди лю-у-ди твоя-а-а...». В окне показались удивлённые лица сыновей Чаботырова, а жена его, путаясь в юбках, выбежала из дома навстречу шествию. Хор усилил громкость песнопения до громогласного и проследовал в дом. Лиза чуть не опрокинула самовар, который второпях разжигала в третий раз. На словах: «И твое-э сохраня-а-я крестом твоим жи-тель-ство-о-о» двери архиерейской кареты распахнулись, и оттуда торжественно шагнул на землю епископ Тимофей с серебряным крестом в левой руке и посохом в правой. Выражение лица его было до того возвышенным, что казалось, будто дюжина ангелов трубит в свои невидимые трубы у него над головой. Михаилу показалось, что занавесочка в угловой комнате купеческого дома, где затворничала Мелания, слегка поколебалась.

Вновь затянув тропарь, певчие проследовали в дом, за ними с торжественным видом прошли Тимофей и Михаил с серебряным сосудом для воды и кропилом. Прямо в главной зале немедленно начали водосвятный молебен. Трижды окунув в воду крест, епископ

быстрым шагом проследовал в комнату Меланьи и возложил его на голову девушке, пребывавшей в полном ступоре.

Напряжение в комнате было такое, что воздух, загустевший до состояния овсяного киселя, отказывался втягиваться в ноздри и все дышали ртом, как рыбы.

- Тебе говорю, встань и ходи, - громко сказал епископ. Меланья осталась сидеть на месте. Лариса Никитична разочаровано всхлипнула, закусив конец шали. Тимофей наклонился к купеческой дочке, мягко взял её обеими руками за голову и нарочито сердито, но твёрдо, как власть имеющий, проговорил ей на ухо:

- Чего сидишь-то? Всю жизнь тут провести хочешь? В старуху превратишься, не успеешь оглянуться.

Меланья вздрогнула и медленно подняла глаза на окно, за которым застыли лица братьев. Тимофей осторожно взял затворницу за руку и она, всем естеством чувствуя чужую волю, такую сильную, что сопротивляться не было сил, но и столь же добрую, как бабушкина колыбельная в детстве, встала и сделала несколько шагов в сторону двери. Ещё немного и она вышла в главную залу. Кухарка, стоявшая в дверях, уронила на пол стопку тарелок, но никто этого не заметил. Епископ вывел девушку на улицу и повёл за ворота. Хор, разогревшийся аниской, как ни в чём не бывало, грянул: «Тебе Бога хвалим...»

Утром следующего дня Михаил с удовольствием докладывал епископу о событиях, произошедших в доме Чаботыровых после молебна. Он спозаранок успел посетить счастливое семейство и еле вырвался, со смиренiem съев два пирога с вязигой и ватрушку со сладким творогом. Чая и варенья никто не считал.

- После того, как болящая приложилась к кресту, и мы уехали, она проследовала в свою комнату и первым делом, легла на кровать и мгновенно уснула, - рассказывал келейник епископу, сидящему в кресле с босыми ногами, обёрнутыми свежими капустными листьями (от долгой тряски в дороге голени сильно отекли). – Проспала она аккурат до обеда. Потом вышла сама и попросила у Лизаветы поесть.

Тимофей спрятал в бороде довольную улыбку и спросил:

- Хорошо ли откушала?

- Да уж хорошо, с аппетитом, подобающей купеческой дочери - усердствовал в докладе Михаил. Достав листок бумаги из кармана, он

начал перечислять:

- Съела пирог с капустой малый, пирог с грибами малый, две ватрушки сладких, выпив за завтраком две чашки больших фарфоровых чаю, тех, что из виноградовского столового сервиса... так... с вареньем из райских яблочек, ну, мелкие такие, с горечью, но вку-усные... и халвы кусочек с четверть фунтика. Потом слив чёрных немного... да, и с братьями всё шутила. А как отобедала, запрягать велела рессорную коляску и с няней поехала в дальний купеческий сад, что за рекой, за поздними грушами.

- Приходил ли вечером Илюша?

- Как же, приходил. Сама Меланья у него склянку взяла, пропись внимательно почитала. Предложила она Теплоструеву чаю, да тот, дурак, отказался со страху.

- Так и ушёл? – разочаровано спросил епископ.

- Ну не сразу, нет, у калитки они вдвоём стояли, битый час разговаривали. А вот о чём речь вели, купчиха сказать не может. Слышала, смеялись. Пыталась она послушать у забора, да Меланья сразу её прогнала. Идите, говорит, мама, в дом, вечер холодный, простынете ещё.

- Хорошо, - деловито сказал епископ, пошевелил пальцами одной ноги, потом другой, - Ну, слава Богу, легче и мне. А тебе Михаил, как лёд станет, дорога дальняя предстоит. Поедешь в Москву за медицинскими книгами. Где молитвой, где лекарством, а где и обоими средствами вкупе – будем врачевать. А покамест, вели запрягать, прокатимся по окрестностям!

- Да, вот ещё что, владыко! В воскресенье, после обедни, Чаботыров просится приехать в архиерейский дом с благодарственным подношением за исцеление Меланьи. По слухам, сама она сейчас усердно трудится над подарком. А мастерица она знатная!

Михаил расплылся в улыбке, вспоминая искусно вышитые скатерти и салфетки в доме купца, на которых расставлены были фарфоровые вазочки и тарелки, в коих, подобно курганам в донской степи, возвышались горки пирогов, сдобных булочек и ватрушек. Вспомнилась ему и скромная девушка, кухарка Лизавета, розовощёкая и улыбчивая. Приятные воспоминания прервал голос епископа.

- Ну, так запиши в мой синодик и Теплоструевых и Чаботыровых!

– сказал Тимофей, аккуратно разматывая повязки. Отёки почти ушли, синева стала бледной, матовой. Старые язвы закрылись и блестели тонкими слюдяными плёнками новой кожи. Таких «дивных», по выражению Михаила, ног у Тимофея не было со времён его игуменства в Илевайском монастыре.

В воскресенье, ближе к вечеру, к архиерейскому дому подъехали две кареты и телега. Купец с супругой, сыновьями и прислугой, образовав внушительную процессию, проследовал в архиерейский двор. Старшие сыновья несли на руках за четыре угла чехол из холстины, в котором, как догадался Михаил, внимательно наблюдавший из окна за событиями, было скрыто благодарственное подношение.

После долгих приветствий, благодарственных речей и витиеватых словоизлияний Чаботыровы, наконец, отбыли к себе в дом, оставив подарок на столе в приёмной зале.

Уходя, купец, наклонившись к Михаилу в полголоса, но со значением произнёс загадочную фразу:

- Настоящий циньский алтобас! Чудо невиданное!

Что это означает, келейник не понял, а потому с нетерпением ждал, когда епископ развернёт холстину, и они увидят это чудо.

В чехле оказался архиерейский саккос, сделанный из большого куска драгоценной китайской парчи с золотыми нитями, именуемой алтобасом. Умелыми руками Меланьи он был раскроен, обшил красной тесьмой с вышитыми золотом виноградными гроздьями. На нужных местах облачения красовались кресты, шитые разноцветным бисером. Ткань, пошедшая на облачение, стоила не малых денег и досталась Прохору Васильевичу среди других вещей за долги молодого и беспутного графа Ямпольского. Долгие месяцы путешествовала она с караваном, идущим по Великому шёлковому пути до Бухары, откуда была переправлена в Астрахань, а потом в Москву, где её и купил старый граф Ямпольский. Выделанная из лучшего кантонского шёлка ткань имела цвет средний между оливковым и патинированной бронзой и была расшита драгоценными нитями: порфировыми, серебряными, золотыми. Все тона были приглушёнными, глубокими, сумеречными, так что узор на ткани был, как бы скрыт. И узор этот был самый, что ни на есть удивительный, не привычный и поражающий воображение.

- Именуются эти твари драконам, - объяснял епископ своему келейнику, показывая на четырёх великолепных в своей ужасной первобытной красоте змеев, украшающих ткань саккоса.

- Я такого на иконе святого Георгия видел, там он ему копьё в глотку вставляет, крепкою мышцею поражая сего ящера негодного, - потрясённый красотой и непривычностью зрелища Михаил ходил вокруг стола с саккосом и не мог оторвать взора.

- На архиерейском облачении такие узоры большая редкость, их надо воспринимать как символы и знаки, - Тимофей слегка погладил рукой гладкую и плотную ткань. Чешуйчатые тела драконов задвигались в лучах вечернего солнца.

- Эти змеи – суть скорби, непрестанно одолевающие святителя, радеющего за свою паству, - предположил Михаил.

- Ну, нет, - задумчиво возразил Тимофей. - Скорби - это один дракон, вот он, зелёный, самый тощий, но длиннохвостый. Болезни, печали, неудачи житейские, зависть и споры, - для многих и этого на всю жизнь хватает с лихвой, и такого дракона победить, уже – терпение в душе родить. А три других - это не скорби вовсе, а искушения злые, приходящие под видом сладостного участия века сего в жизни епископов церкви Христовой. Вот слава земная, почёт и похвалы - дракон багровый. Предавшись власти этого змея, мы забываем о грехах своих. Тёмно-синий как грозовое небо дракон - это дружба епископов с сильными мира сего, за которой мы забываем о сирых и убогих, мня себя людьми особыми, из другого теста слепленными, а не из персти и брения, как и все человеческие от Адама, сделанными. Водя дружбу с особами знатными, чиновными, но под лицом благочестия скрывающими гнусные пороки, мы в освящении сих пороков участвуем.

- А последний, какой красивый! Но страшный, жуть, – Михаил опасливо наклонился над изящной вышивкой. Умелые руки мастеров, сплётшие тонкие шёлковые разноцветные нити в замысловатые узоры, смогли передать грозный нрав мифического зверя. Каждая чешуйка его отливалась безжалостно холодным светом, каждый коготь и зуб торчали с пугающей остротой. Миндалевидные змеиные глаза визирали на мир с безучастным презрением изумрудными льдинками радужки.

- А четвёртый, серебряными нитями вышитый, и золотую пасть

разинувший, злейший из всех, - серьёзно и даже немножко скорбно продолжил епископ. - Сей дракон - деньги: серебро и золото. Ослеплённые их блеском, даже чернецы-пустынники забывают о Боге и продают свою совесть. Взыскиают они рая земного, который на деньги купить можно, да о небесном граде, который каждому верующему во Христа уготован, забывают. И поселяется змей лукавый в селениях душ сих несчастных вместо совести христианской, опустошая ум от помыслов благих, снедая, как дев невинных, кротость, целомудрие и беспечалие до тех самых пределов, пока не сделается, душа пустыней безводной, землёй безлюдной!

Михаил молча покачал головой.

- И настают времена, когда змей сей злато-серебряный, премногих святителей церкви поглотит скоро да без остатка. И три других собрата его без добычи останутся! - завершил свои рассуждения епископ Тимофей.

Он не спеша закрыл новое облачение тканью и перекрестился на образ Спаса Нерукотворного, возле которого день и ночь горела лампада, а на старом дубовом аналое лежало всё собственное имущество епископа: Евангелие в кожаном переплётё, Канонник и серебряный крест с четырьмя зелёными каменьями на концах. Крест этот оказался у епископа при обстоятельствах совсем уж необычных, став свидетелем его жизни, келейных бдений, слёз, а также и множества удивительных событий, о большей части которых мы никогда не узнаем.

- Что это вы, Михаил Прокопович, к нам зачастили? С барышней ужо месяц как всё справилось!

- Не подумайте, Елизавета Савельевна, что я гультай какой, по пироги ваши захаживаю... Хотя, признаюсь, стряпня ваша по нраву мне.

- Смущаете меня только, Михаил Прокопович. Я девица простая... а вот как барыня прознаются?

- А что барыня? Я, кабы намерения в себе самом не имел, так не хаживал бы вовсе!

- Что за намерение? Расстегаев с осетриной отведать? – прыснула девушка, закрывая рот чистым полотенцем.

На натопленной кухне, где хозяйствовала молодая кухарка Чаботыровых Елизавета, большой стол был застелен серой льняной скатертью. Тихо и уютно, словно кот на печи, урчал начищенный до боли в глазах круглый самоварчик с липовым взваром. За столом, с прямой спиной и строгим выражением лица восседал единственный гость. Михаил, келейник нового епископа, после того памятного случая с купеческой дочерью Меланьей, по заданию Тимофея, теперь часто захаживал к Чаботыровым, дабы справиться о здоровье их дочери и передать епископское благословение. Гостеприимные хозяева всегда усаживали архиерейского посланца за чай с пирогами, не переводившимися в их доме. Елизавета пекла великолепные кулебяки, курники, сочники и расстегаи. А оладьи постные с мёдом да блины со сладким взваром по воскресеньям? Думаете, вы бы устояли перед такими разносолами? Елизавета настолько тонко чувствовала тесто, что казалось, иногда шёпотом разговаривает с ним и слушает его ответы. По её просьбе даже была переложена печь на кухне. После долгих мытарств, обозвав кухарку малахольной, печник добился, наконец, и правильного гудения пламени в трубе и требуемой равномерности жара.

Меланья Чаботырова быстро шла на поправку, резону следить за ней не было. Потому сегодня, как, впрочем, и вчера, и позавчера, Михаил приходил исключительно по собственной инициативе. А сегодня так и сбежал от епископа, когда архиерей уединился в келье для послеобеденного отдыха.

Михаил прерывисто вздохнул. Он сильно волновался, а потому старался говорить красиво, как это делают, по его мнению, образованные люди:

- Всё вы Елизавета Савельевна, насмешничаете! Мне от того неутешение выходит.

- Уж не обижайтесь, Михаил Прокопович! Кокурки вот отведайте, только из печки, да со сметанкой.

Елизавета обернулась вокруг себя, махнув полами лёгкого сарафана-летника, и в её руках появился вынутый из самого жара хлеб с запечённым внутри яйцом. Её крепкие, удивительной белизны руки (а рукава рубахи были закатаны почти по плечи) не давали Михаилу покоя уже несколько недель. А пироги, так, предлог, хотя и вкусные, конечно.

Кухарка посмотрела пристально на гостя и вдруг сказала серьёзно:

- Вы, Михаил Прокопович, человек образованный, грамоте наученные, при архиерее состоите. А я и читать то едва умею, батюшка мой крепостным у Пьяновых был. А то, что вы в гости захаживаете, это мне приятно, конечно, но и на большие умы промашка живёт. Кажется только вам, что гладко дело ладится, да только, беспокоюсь я: владыка о ваших визитах всё ли знает?

- Так я прямо скажу!

- А чего ж вы скажете?

- А всё! – храбрился Михаил.

- Что на девку-кухарку смотреть ходите? – снова подзадорила гостя Елизавета.

- Вот прямо так скажу, - собрался с духом гость. - Благослови жениться, Владыко святый, а там по милости твоей, может, и мне дьяконского места в Зарецке просить не зазорно будет!

Михаил покраснел от собственной дерзости и залпом выпил стакан душистого липового настоя.

Елизавета нимало не смутилась, а только произнесла:

- Хороший вы человек, добрый!

И налила вспотевшему то ли от липы, то ли от волнения, Михаилу ещё стакан взвара.

Исполненный решимости отправился Михаил к архиерейскому подворью, раздумывая по пути, как лучше испросить у владыки благословения на брак и не слишком ли расстроится архиерей от такой неожиданной просьбы. Однако, дальнейшая судьба представлялась молодому человеку в очень радужных цветах: хорошее место (лучше при Кафедральном Соборе), собственный домик, хозяйство, заботливая матушка дьяконица, детки... А там и об иерейском рукоположении хлопотать не грех.

Но поговорить с епископом в тот день не удалось, как не удалось этого сделать и на третий и на седьмой. Тимофей то был занят неотложными делами, то с озабоченным видом загружал келейника срочными поручениями, в том числе, связанными с поездками в отдалённые приходы.

И только на восьмой день, вконец вымотанный разъездами, начал Михаил подумывать, а не случайно ли отдалил его от себя

Тимофей, может он тем самым хочет дать своему келейнику время хорошенько подумать над важным шагом, взвесить все последствия, приглядеться к финансовой стороне вопроса...

Михаил был третьим сыном бедного дьячка из Студиславля. Отец его, псаломщик и сторож маленькой Успенской церкви был человеком чрезвычайно добрым, но очень непрактичным. Мать подрабатывала прополкой чужих огородов, нанималась порой на сезонные работы. Несмотря на все её усилия, семья жила крайне бедно. Но даже эта скучность показалась Михаилу достатком, когда после смерти матери и тяжёлой болезни отца он, шестнадцатилетний юноша остался почти без средств к существованию. Старшие братья сами жили очень трудно, и Михаил не посмел докучать им просьбами о помощи. Он ухаживал за больным родителем и ходил по домам с просьбами дать любую работу.

Отец умер глубокой осенью. Надвигалась зима, и Михаил уже мёрз в нетопленном ломе, не имея средств на покупку дров, как на пороге появился игумен старенький игумен Захарий, соборовавший Мишиного отца перед смертью. Он забрал к себе монастырь сироту, выполняя предсмертную просьбу Успенского дьячка, и поселил в покоях иеромонаха Тимофея на правах келейника. Долго ещё Миша с жадностью набрасывался на горячую кашу, прятал корочки хлеба и сухари под матрас, борясь со страхом голода с помощью создания запасов на чёрный день.

Михаил, будучи обучен с малолетства отцом, хорошо знал грамоту, бегло читал, понимал богослужение. Он был бесхитростным, искренним и напуганным жизнью. Заботливое участие Тимофея в конце концов сделало своё дело, и молодой келейник отаял душой, перестав бояться внезапных бедствий, морозов и страшного, сосущего чувства голода.

До сих пор Михаил, по молодости лет не принял иноческого пострига, но Тимофей всерьёз рассчитывал, что его помощник пойдёт путём монашеских обетов и видел для этого все предпосылки. С самим Михаилом напрямую он на эту тему не разговаривал, но личным примером и постепенным вовлечением его в монашескую жизнь, давал серьёзное основание юноше для выбора жизненного пути.

В конце октября прошли сильные дожди, и на Зарецк опустились непроглядные туманы. Из кудлатых молочных хлопьев, накрывших

город, торчала только колокольня монастыря и крест Трёхсвятской церкви. Туман не рассеивался даже днём, проникая в дома, откуда жители выгоняли его жаром натопленных печей. Собаки, потеряв зрение, волновались, всё время тревожно перебрёхивались, будто убеждая друг другу, что мир ещё зиждется на старом твёрдом основании, а не погрузился в пучину холодного густого киселя.

С приходом туманов Михаил загрустил, потерял аппетит, ходил, будто заспанный. Чувство раздвоенности, которое он не мог победить ни разумом, ни усилием воли, угнетало его с того самого момента, как он покинул Елизавету, обещав ей решить с епископом вопрос о браке. Теперь, через две недели после того разговора, он уже не был решительно настроен на перемену жизни, мучился от сказанных слов, понимая их необдуманность и поспешность. Монашеская жизнь, такая привычная, протекавшая ежедневно перед его глазами и её высокий образчик в лице епископа Тимофея, стали видеться ему как бы со стороны и вызывали теперь неподдельное восхищение.

В таких душевных муках, почти утратив сон, Миша провёл ещё три дня. К Елизавете он больше не ходил, хотя архиерей ослабил свой контроль, и сбежать на два-три часа в дом к Чаботыровым было вполне возможно. Наконец, разжигая утром печь в архиерейских покоях, Михаил так ослабел духом и растерялся, что сел с кочергой в руке прямо на пол и замер, пребывая в полной растерянности. В келью незаметно для Михаила вошёл епископ и положив руку на голову Михаилу произнёс с лёгкой умиротворяющей улыбкой:

- «Принеси Богу юность твою, вземши иго Его, сядь наедине и умолкни», рек пророк Иеремия. Не к каждому человеку сие применить можно, но думаю, что сказал он это и для тебя, как и для меня тоже.

Простые и понятные слова отзывались в сердце Михаила чистым и утешающим чувством щады всего мирского.

- Это драгоценный дар, иметь очи, обращённые к Богу, а не к миру, и не всем он доступен, - будто заглядывая внутрь души своего келейника, сказал Тимофей. – Жизнь, как горящая свеча, день ото дня истаивает, уменьшается. И всё, что нам отпущено, надо прожить с умом, ища воли Божией. Ты счастия взыскуешь? Христианское счастье - в духе мирном. Будь доволен тем, что у тебя есть и будет тебе счастье, какое в миру человеку и не снилось.

Как будто туманная пелена медленно спадала с внутреннего

взора Михаила, и взгляд на вещи стал вновь таким же привычным, каким был ещё совсем недавно.

- Совета тебе не даю, ты сам всё хорошо понял, - заключил епископ, и искорки пробежали в уголках его прищуренных глаз. - А теперь затопи-ка печь, ноги стынут!

Михаил, чувствуя ясность в уме и лёгкость в теле, встал и, воздев кочергу к потолку, в тон Тимофею возгласил:

- Аминь!

Епископ Тимофей в свои пятьдесят лет был человеком, хотя и не старым, но болезненным и физически немощным. Боль в суставах от молитвенных бдений в келье Студиславльского монастыря и вынужденного «столпничества» в Петербурге, утренний сухой кашель (слав Богу, не чахотка), набухшие на голенях синие-багровые вены, которые то ныли на грозу, то нестерпимо чесались по утрам, рискуя открыться язвами; досаждала, мешая быстро ходить, и лёгкая хромота на праву ногу – последствие падения с поленницы ещё в бытность семинаристом... Всё это давало о себе знать или поочерёдно или (чаще в пост) одновременно, делая жизнь монаха постоянным напоминанием о бренности бытия, скором часе смертном и суде Божием. Пытался Тимофей лечиться у докторов, ещё в бытность иеромонахом. Приезжал в Студиславль лекарь, как водится, немец, Фердинанд Кетлер. Доктор был подозрительно юн (вряд ли это был сам Кетлер, скорее его ученик или сын, думал иеромонах Тимофей), оставил капли и притирки в склянках. Облегчения от полугодового лечения не последовало, и Тимофей решил более не прибегать к помощи дохтура, посчитав, что будет в меру своих сил терпеливо переносить «болезни и язи», по единодушному мнению святых отцов, столь благотворно влияющие на душу. Одним словом, что тебе надо, грешный человече? Родился ты на страдания, в юдоли плачевной сей, вот и терпи.

А родился Тихон Коротков (таково было имя будущего епископа при рождении) в 1721 году, в Москве, в семье Константина Короткова, аптечного приказчика, служившего у шотландского врача, архиатера Аптекарского приказа Роберта Карловича Арескина, мужа учёного, но к табаку пристрастного, от которого, по мнению матери Тихона, барин и умер. Мать его, Неонила, была из многодетной семьи мелкого

московского торговца квасом и соленьями Викентия Ивановича Старостина, получившего фамилию от самого Коломенского митрополита Леонида за долгое и безупречное служение старостой Всехсвятской церкви. Этот же митрополит, видя благочестие юноши, способствовал поступлению его в Коломенскую семинарию и окормлял Тихона до самой своей смерти, благословив принять монашество. Отец юноши некоторое время жил в Санкт-Петербурге, когда туда был переведён Аптекарский приказ, но после смерти Роберта Карловича в 1719 году вернулся в московский дом, где проживала его дочь Кирсти (Христина) Робертовна.

Окончив в 1745 году Коломенскую семинарию и прослужив в ней пять лет учителем латинского языка, Тихон Коротков был направлен на жительство в Студиславльский монастырь, где принял монашество с именем Тимофея. В сентябре 1755 года был рукоположен в диакона, а через три месяца – в иеромонаха.

О первых десяти годах жительства Тихона в Студиславле почти ничего не известно. Видимо, жизнь его протекала, как и у большинства, ему подобных иноков, в послушании старшим, богослужении и келейном рукоделии. Со слов самого епископа, переданных его келейником Михаилом, семинаристом Тихон был любопытным и говорливым, любил компании, само собой – благочестивые, чаепития и дискуссии на разные темы. В монастыре же ему в первую очередь пришлось обуздывать язык, по слову святых подвижников, «малый член, оскверняющий всего человека». С годами появилась привычка говорить кратко и по сути дела. Только после возведения монаха Тимофея в иерейское достоинство дар красноречия нашёл своё применение в проповедях с амвона, так полюбившихся братии и народу.

В светлую седмицу 1762 года, будучи уже почти семь лет иеромонахом, получил Тимофея первое ответственное послушание – заведовать ризницей Студиславльского Неопалимовского монастыря. Родная обитель в те годы переживала серьёзные потрясения, связанные с началом реформы по освобождению церквей и монастырей от «лишней» земли и имущества.

Реформа шла быстро, не встречая противодействия ни среди монашествующих, ни среди белого духовенства. К лету 1763 года Главная духовная коллегия провела полную и окончательную

ревизию монастырского имущества, о чём архиепископ Петербургский Гавриил и доложил Государыне. По данным Комиссии, всего крестьян, состоявших в ведении монастырей и их подворий, архиерейских домов, приходских храмов и духовных учебных заведений было 910 тысяч душ. Фактически, каждый двадцатый житель Империи был крепостным в церковном владении. Масштабы экономической выгоды в случае успешного проведения Реформы так поразили Екатерину, что она распорядилась немедленно изъять в казну всё без исключения. Естественно, она радела за чистоту Церкви и мощь Государства. По новой росписи оставалось 167 мужских и 67 девичьих монастырей, половина обителей было вовсе закрыто, остальные выведены за штат, без казённого содержания.

Шестьсот лет жертвовали русские люди родной Церкви пахотные земли, леса, деньги на помин души: благочестивые князья и их распутные дети, раскаявшиеся разбойники и отважные воеводы, добрые и не очень помещики и бояре искали заступников перед Богом среди иноков. Цари и царицы тоже не забывали облагодетельствовать святые обители в земной жизни, чтобы в жизни вечной голос их насельников дошёл до слуха Спасова и простил Он душам царским грехи человеческие. Этот обычай так распространился в русской земле, что к середине 18 века некоторые крупные монастыри имели столь обширные владения и великие доходы, что многократно превышали они потребности братии, монастырских богоугодных заведений и паломников, приходящих на богомолье.

В Манифесте, подписанным Екатериной было заявлено, что государство в её лице избавляет Церковь от служения суетным благам мира сего. А она, как Монархия, поставленная мудро управлять земными делами, смиренно принимает на себя послушание о попечении этими благами, оставляя служителям Божиим благую часть. По иронии судьбы одним из первых попал под закрытие монастырь Нила Сорского, сторонника нестяжания, последовательного противника владения монахами любым имуществом.

За два года непрестанных трудов Комиссия экономии, работавшая под неусыпным оком Государыни, воплотила в жизнь задумки Петра Алексеевича и Елизаветы Петровны о полной централизации доходов в Империи и лишении Церкви какой бы то ни

было экономической силы. Теперь все, от членов Синода до семинаристов находились на денежном довольстве у государства, что исключало проявление нелояльности внутри самой влиятельной после Ватикана силы христианского мира. В духовной среде отнятие владений было воспринято со смиренным и благодарным чувством к трудам матушки-императрицы. И все, кроме Ростовского митрополита Арсения, склонили головы перед новым порядком.

Для содержания Синода, архиереев, епархий, семинарий и училищ, а также оставшихся в штате монастырей, было положено содержание, назначенное через Коллегию экономии. По новой росписи монастыри делились на три класса и получали соответствующее содержание из казны. Впрочем, по русской традиции, ничего «полного и окончательного» в Империи не должно существовать вовсе. Там мельничку водянью не учили, а тут, приняв за пазуху увесистый кошель, ревизор не внёс в опись лесок и прудик.

Неопалимовский монастырь не попал под немедленное закрытие, но был выведен за штат. Чиновник от Коллегии экономии составил нешибко грамотную опись следующего содержания:

"В том монастыре: каменных 1 церковь с приделом, в оной 2 престола; 1 церковь деревянная, келий каменных 2: первая настоятельская длиной - 8 саж. 2 1/2 аршина, шириной - 4 саж., монашеская - длиной 2 1/2 саж., шириной - 2 саж. и 3 четверти, однопартаментная; две братских келии - длиной - 10 саж. и шириной - 4 саж. с арш.; кухня; погреба; житница; конюшня; старые кухня и келия. Ограда кругом монастыря вся каменная, высотой 4 арш., толщиной - 5 четв."

Около ограды монастырский двор длиной на 25 саж., шириной на 11 саж. На нём построены деревянные избы для приезда архиерейским служителям.

Того же монастыря двор за городом, за Главными воротами, при часовне, для приезда монашеским людем: длина 14 саж., 2 арш.; ширина 13 саж., 2 арш.; оный двор огорожен тёсом. На дворе деревянные строения.

Оного же монастыря, двор при р. Увянке. Обширностью оной состоит: длина - 39 саж., ширина 40 саж. На том дворе строения: изба деревянная о двух партаментах, изба хлебная, погребища, кухня, анбар мушной, конюшня, баня. При том же дворе яблонный сад длиной - 22

саж. и шириной на 18 саж. При том саде анбар для хлеба и овин.

На р. Увянке при том же дворе мельница и анбар. С мельницы оброку платится ежегодно в казну по 1 р. 75 коп. При той же мельнице изба.

Подле монастыря по данной 1695 г. крепости пожалованы вкладные в монастырь для поминования огородные места, на коих местах поселилось разных чинов жителей самовольно дворов 110.

При том монастыре никаких школ, учителей и учеников, также богаделен не имеется. В том монастыре ныне налицо: настоятель игумен Захария, казначай и ризничий иеромонах Тимофей, 4 иеромонаха (два престарелых), 11 монахов мантийных и 7 послушников. Все оные из великороссиян и находятся в монастырских трудах, за исключением двух немощных иеромонахов. Монастырю денежного и хлебного жалованья не определено, а имеют пропитание настоятель с братией от своих трудов и от подаяния мирского.

Монастырю принадлежат угодья:

Пахотных земель при монастыре 20 десятин. При помянутом же дворе на р. Увянке хлеба немолоченного, ржи да пшеницы небольших 2 одонья, овса и ячменю небольших 2 же одонья. Вокруг оного гумна с одной стороны от мельницы по речке Увянке саженая ольховая и ветловая роща, а с другой стороны городьба плетневая, длина гумна на 57 саж., ширина против овина на 36 саж.; молоченого хлеба: гороху 5 четвертей, семя конопляного 1 осмина, проса 2 четверти. Оной хлеб сеется для монастырского обиходу поблизости двора вверх по речке Увянке на поросшей степной земле, и ныне посеяно ржи 6 четвертей. Меж двора и сада саженая карабучевая небольшая роща.

При монастыре содержится скот: лошадей - 15 голов, рогатого скота - 12 голов, овец - 55 голов".

Сады и пашни древней обители, паче чаяния, не отошли казне, а переданы были иностранному посланнику (а скорее, шпиону императрицы при Савойском дворе) графу Феодору Феодоровичу Борзыкину. Из всего леса монастырю оставили только 12 десятин - на починку храма и келий. Подворье было закрыто сразу же. Рыбные же промыслы отошли в казну. Только старую мельницу чудом удалось оставить во владении монастыря. Из 25 человек наличествующей братии к 1764 году в монастыре осталось лишь 10, в основном пожилые, из них двое в священном сане - Тимофей и старый

настоятель игумен Захарий, совершенно впавший в детство, и, порой, не узнававший даже своих монахов.

Студиславльский монастырь был основан в самом конце шестнадцатого века двумя выходцами из Чернигова, монахами Иаковом и Нилом, искавшими уединённого места для монашеской обители. Несколько лет они жили на избранной ими древней, развалившейся засеке, на лесистом холме под городком Студиславлем, в землянках. Но, как часто случается, жажда слова Божия в окрестном народе привела к тому, что рядом стали селиться ученики. Уже через двадцать пять лет на верхушке холма, где стояла деревянная часовня, начали строить тёплый каменный храм. В 1655 году царь Алексей Михайлович закрепил за новообразованным монастырём первые земли и леса. Началось время рассвета обители. При настоятеле иеромонахе Афанасии в 1660 году в обители проживало 47 насельников. Под горой у реки находился святой источник, ископанный собственоручно монахом Иаковом, вода в котором имела целебные свойства. Множество богомольцев, щедрые пожертвования, рост угодий и промыслов, открытие подворья – что ещё оставалось желать? Только полуородивый монах Алексий всё вздыхал, протяжно: «Не в Бога богатеет оби-и-тель... Придёт тать и всё исхи-и-итит!» Именно при настоятеле Афанасии началось возведение каменных монастырских стен взамен бревенчатого частокола.

Тимофей любил эти старинные монастырские стены, поросшие у основания пушистым тёмно-зелёным мхом от речной сырости. Они стояли как стражи, оберегая покой и молитву братии. Стены, которым не было и ста лет, казались не просто старыми, а древними, впитавшими всю историю русского иночества, наследие трудов нескольких поколений монахов. Эта незыблемая твердыня сохранилась в памяти Тимофея навсегда, до самого смертного часа, символом монашеских бдений и духовного делания.

Со стороны реки у стены росли два вяза, по преданию посаженных ещё основателями обители. В высоту они достигали двадцати саженей, и каждый порыв ветра от воды застревал в их кронах, перебирая листву, словно лестовки. Было здесь место и для третьего вяза, посаженного некогда первым благодетелем монастыря, боярином Авраамием Турениным. Страшная майская буря 1739 года повалила дерево, вырвав его из земли с корнями, но обломав лишь

ветки у соседних вязов. Под корнями рухнувшего дерева в рыхлой земле монахи нашли полуразвалившийся дубовый сундук, обитый медными полосами. В нем было пуд золота в монетах и три пуда серебра в слитках. Хотелось бы думать, что боярин оставил таким необычным образом монастырю пожертвование, но, скорее всего, он просто утаивал часть доходов от царских податных сборщиков. На «вязовые» деньги построили мельницу, обновили братский корпус. Дровяной сарай заблестел новой железной крышей. На оставшиеся деньги отлили небольшой колокол.

Игумен Захария, чуть ли не ровесник монастырских вязов, жил в Студиславльском монастыре больше шестидесяти лет, прия сюда из Козлова юного послушника. В тридцать два года стал иеромонахом и казначеем, в тридцать семь – настоятелем. Никто и представить себе не мог монастырь в Студиславле без игумена Захарии - его лёгкая, маленькая фигура обнаруживалась то в храме, то на мельнице, то на дальнем покосе, то в трапезной. Он был везде и знал про всё, что происходит в монастыре, обладал острым умом и лёгким нравом. Даже в часы отдыха он занимался рукоделием или чтением. Он принимал Тихона на жительство в обитель, давал первые послушания и подзатыльники, поддерживал в трудные минуты, утешал в скорбях, учил годовому кругу богослужений и устройству монастырского хозяйства. Он собственноручно совершил постриг Тихона в рясофор и малую схиму, нарёк его новым иноческим именем, в честь Тимофея, любимого ученика апостола Павла. При постриге сказал, что имя Тимофей означает «почитающий Бога», что помнить об этом надо всю оставшуюся жизнь и подражать святому, имя которого носишь.

Именно Захария был первым человеком, объяснившим молодому ревностному послушнику внутреннюю суть монашеской жизни. Исходя из того, что Тихон видел и слышал в детстве или в семинарии, он более всего проникся внешней красотой иночества, воскрилиями чёрных риз и намёток клубков. Монахи представлялись ему передовым отрядом церкви, сосредоточием всей её внутренней сути. Монашество, овеянное романтическим ореолом, привлекало молодого семинариста ореолом избранности, инаковости (недаром «инок» происходило от старых слов «иной», «одинокий»).

Захария же сразу же показал молодому послушнику все труды и тяготы монашеской жизни, рассказал об однообразии дней и ночей, о

невозможности никуда выйти, «развеяться», повеселиться. Он честно и подробно рассказал о постоянных трениях между братьями, запертыми в добровольной тюрьме, о необходимости не только терпеть странности друг друга, но и носить тяготы немощных. И когда Тихон, обдумывавший слова игумена целый месяц, пришёл к нему весьма разочарованный и подавленный с вопросом: «А зачем тогда всё это?», игумен, улыбаясь, сказал:

«Всё внешнее – тлен. Монастырь должен быть внутри сердца каждого инока. Наше дело всю жизнь, час за часом, строить обитель в сердце для того, чтобы поселился там Дух Святой. А для начала надо научиться управлять своим умом. У нас нет выбора, либо мы укрощаем наши помыслы, либо они развращают нас настолько, что мы становимся гробами окрашенными, нечистот полными. Таковы и многие монахи: по виду благочестивые, по духу – растлённые. Ум их носится по стихиям мира, сочетаясь со всем и вся, вожделея то зата, то почестей, а то, поддаваясь обидам на братьев или подвергаясь нападению похоти. Ум надлежит направлять только на источник всех благ, постоянно следя за его движениями и дерзаниями. А когда читаешь молитвенное правило и Псалтирь, всегда заключай ум в слова молитвы, стараясь понимать и чувствовать то, что произносят твои уста».

Так для юного инока стали открываться основы монашеской жизни. Не только внешней, но и внутренней, сердечной.

Году в 1760 за старым игуменом начали обнаруживаться первые странности. Теперь он реже выходил из кельи, перестал ездить на монастырских дрожках и телегах, часто сиживал на скамейках возле кухни с местной детворой, угождая им то семечками, то ягодами, то мёдом и рассказывая им главы Священной истории. Всех, приходящих к нему по монастырским делам, заставлял выпить по три-четыре кружки горячего смородинового отвара, почитаемого в монастыре как лекарство от всех хворей. За смородиновым листом, за грибами и за ягодами ходил сам с лукошком, да пару раз потерялся. Находили его в густой лесной чаще, сидящем на пне или стоящим на коленях, без лукошка, с одними чётками. После этого Тимофей, на которого свалились все игуменские заботы, велел послушникам неотступно приглядывать за игуменом.

Когда на святках 1762 года в монастырь прибыл чиновник

Коллегии Экономии для разъяснения указа Екатерины о землях монастырей и описи наличного имущества, настоятель уже почти не понимал происходящего. Чиновник по требованию игумена выпил четыре кружки целебного отвара и вынужден был постоянно отлучаться в деревянное строение за братским корпусом. Когда за вечерней трапезой подали такой же отвар, на чиновнике не было лица.

В эту суровую зиму игумен ходил в старом, траченом молью бараньем тулупе, почитая его за роскошную волчью шубу, даренную ему на Пасху купцом Бочкаревым. От тулупа невыносимо пахло рыбой и кошками, но игумен всячески оберегал сокровище от попыток братии заменить его на что-то более подобающее чину. Телесных недугов отец Захария не знал вовсе. Может то была заслуга знаменитого отвара, но на Тимофея он не оказывал никакого целебного действия. У старого игумена совсем не болели ноги и спина, он не жаловался на слабость и колики, никогда не простужался. С годами у него ослабло зрение. Про слух же ничего сказать было нельзя: может он не отзывался по другой причине.

Выведение монастыря за штат посекло уныние среди насельников: братия всё убывала, а Тимофей решил положиться на Божью волю, и уезжать из родной обители не стал. Через месяц он был утверждён казначеем монастыря. Заботы по новой должности, поездки в город, тяжбы с царскими чиновниками отвлекали от подлинного монашеского жития. Не хватало времени на келейную молитву (в храме приходилось служить даже с избытком), на чтение и размышление, не говоря уж об отдыхе. Но Тимофей решил не сокращать монашеское правило и, не оправдываясь «послушаниями», выполнять его честно. Но разорение монастыря, произошедшее на глазах братии, тяжело отражалось на настроении и самом здоровье насельников. Через год ко всем заботам добавились также обязанности духовника братии: старый игумен исповедь принимать не мог. Монастырь приходил в упадок, более напоминавший разорение от орды. Столетний деревянный храм, едва державшийся попечениями братии, будто почувствовал скорый конец и начал скрипеть, жалуясь, всеми дверями, окнами и цепями. Конечно, всё это объяснялось нерадением и недосмотром: некому стало следить за хозяйством. Но для братии всё это выглядело как предзнаменование

прощания с обителю. А в ноябре 1763 по вине пономаря, задремавшего на лавке во время чтения им не усыпаемой псалтири, загорелась книга от свечи, огонь успел перекинуться на сухое дерево и сильно повредил северную стену. Служить в теплом храме из-за опасности обрушения и запаха гари стало невозможno. Второй храм, каменный, был летним и не имел печей. Служить в мороз в стылом алтаре Тимофей не рискнул. Службы совершили в домовой церкви в покоях настоятеля. К новому 1764 году все оставшиеся насельники обители свободно умещались в маленьком храме.

В январе 1764 года старый настоятель написал прошение об увольнении на покой, и архиерей его удовлетворил без раздумий. Братия, даже немощная, стала расходиться в более крупные монастыри, а иеромонах Тимофей решением Синода неожиданно был назначен настоятелем заштатной Илевайской пустыни на среднем Дону с возведением в сан игумена. Во время сборов в дорогу, прибыл курьер из Санкт-Петербурга с депешей, подписанной секретарём Синода, которая предписывала игумену Тимофею Короткову явиться в столицу «скоро и немедля». После коротких сборов, взяв с собой только молодого келейника Михаила, игумен отправился в путь.

Февральский Санкт-Петербург встретил путников сырой метелью. Несмотря на усталость с дороги, игумен попросил кучера покружить по городу (а по Невскому проехал дважды) и был очарован строгой геометрией улиц и каналов. Но сколько же здесь было народу! Мощёные улицы были забиты всадниками и конными экипажами. Рассыльные на тарантасах, двухколки и новенькие dormezы, чёрные фиакры почтовых унтеров и, очень часто, богато украшенные, покрытые лаком, запряжённые четвёркой или шестёркой лошадей кареты знатных особ, и тут же крестьяне на телегах, покрытых соломой, на которых что-то кудахчет, хрюкает и гогочет...

Всё вокруг неслось, стучало, цокало, кричало, ржало и ругалось. По тротуарам ходили разодетые люди с деловым видом, все спешили по делам, толкались, успевая здороваться и перекрикиваться с проезжающими. Дома были так велики, что вмещали, наверное, тысячи народу. Дворники в белых парусиновых фартуках с лопатами и мётлами шумно скоблили тротуары до чистоты. Величественные церкви стояли на каждой улице, устремляя в небо шпили колоколен, стараясь соответствовать богатству и величию столицы Империи.

Проворные фонарщики с лестницами бежали от одного изящного бронзового светильника к другому, ловко добирались до горелки и чистил фитили. Нет, жить здесь простой монах бы не смог, но приезжать изредка и любоваться такой красотой не зазорно.

- Вавилон! – сказал потрясённый Михаил.

- Большой город, - откликнулся бывалый возница.

Но вот путники прибыли в Александро-Невскую лавру, где приезжим отводились гостевые кельи. Едва занесли сундук, игумен с келейником поспешили на вечернюю службу.

На следующий день по благословению наместника Лавры иеромонаха Климента игумен Тимофей сослужил ему за обедней. Отец Климент маленький скромный человек, совсем недавно был назначен на эту должность после пострижения в великую схиму игумена Гурия, тоже трудившегося в должности наместника меньше двух лет и все это время пребывавшего в ужасе от выпавшей на него ответственности. Отца Климента не тяготила новая должность с точки зрения ведения хозяйства и окормления братии. Но вот встречи высоких гостей, особ царской крови, князей и архиереев ему удавались плохо. Вид у нового наместника был не приличествовавший настоятелю главного монастыря. Скуфья велика, то и дело сползала на затылок, бородка жиденькая и голос тихий. Разговоров светских иеромонах вести не умел, поскольку был из простого звания и в монашество пошёл по зову сердца, не помышляя быть ни игуменом, ни архиереем. Но деловая хватка и неутомимость в делах выдвинули его на наместничество Лавры, что говорится «на безрыбье». Он был уверен, что сменят его на учёного архимандрита из дворян уже совсем скоро. Нашёл Тимофей в наместнике-иеромонахе родственную душу и почти каждый день сиживал у него за вечерним чаем, узнавая про столичную жизнь, здешние порядки, датский договор, цены на хлеб и рыбу, Емельку Пугачёва, характер нового Архиепископа и страшного графа Чебышёва – обер-прокурора Священного Синода, открыто насмехавшегося над православной верою.

Однажды посетил такое чаепитие и временный ректор Славяно-греко-латинской семинарии, иеромонах Арсений, совсем молодой, щекастый, улыбчивый, но немного заносчивый. Он явно метил в архиереи и старался составлять партии только с надёжными и влиятельными людьми. Оценив Климента и Тимофея, он, видимо, не

нашёл никакой для себя пользы от подобного знакомства и более не являлся на посиделки. Главной идеей Арсения на ректорском посту было продвижение русского языка взамен латинского для ведения семинарских курсов, чем он и заслужил уважение приезжего игумена.

В архиерейском корпусе Лавры проживал недавно возведённый на Санкт-Петербургскую кафедру архиепископ Гавриил, активный деятель Синода, человек без собственного мнения и сторонник изъятия земель у Церкви в той мере, в которой это было нужно для угоддия Императрице и Обер-Прокурору. Ему игумен Тимофей был представлен только через две недели пребывания в Лавре. Преосвященный Гавриил был занят в Коллегии и Синоде. К тому же, назревала серьёзная смута, которая оценивалась некоторыми архиереями, как бедствие, сопоставимое с холерой или бунтом, а именно, мощное противодействие митрополита Ростовского Арсения Мацеевича реформе церковного имущества. Кареты с чиновниками, архимандритами, епископами или просто нарочными десятками подъезжали к архиерейскому корпусу Лавры, где сформировался штаб, и вынашивались планы по нейтрализации мятежного митрополита. Арсений был известен тем, что ещё при Елизавете Петровне отказался приносить присягу, где предлагалось считать благочестивую Монархию «крайней судией» церковного правительства, считая лишь Господа Бога достойным такого наименования. Сейчас ревностный архиерей открыто обличал в проповедях разорителей монашества и грозил им анафемой.

Ранним утром 10 марта, когда игумен Тимофей, по монашескому обычаю заканчивал правило в своей келье, прибыл гонец от статс-секретаря Государыни Григория Николаевича Теплова, с запиской, что его преподобию отцу игумену следует быть к шести часам пополудни завтра, 11 марта, в Екатерининском дворце Царского Села, куда до Пасхи переехала Екатерина. Узнав о грядущей Тимофею аудиенции у Российской императрицы, отец Климент заулыбался, засмущался и изрёк:

- Нет сомнения, быть тебе, отче, архиереем. К Государыне просто так не ездят!

И понизив голос добавил:

- Владыка Арсений Ростовский провозгласил принародно анафему тем, кто отнимает земли у монастырей, его Синод вызвал в

Москву на разбирательство. Что-то будет. Матушка-императрица теперь его в порошок сотрёт.

11 марта, день памяти Патриарха Иерусалимского Софрония. Карета из Синода, на которой надо было ехать в Царское Село, прибыла в 11 утра. Мягкие кожаные диваны, рессоры, печка внутри – прямо посреди пола, труба через крышу выведена. Столичный комфорт и удобства! Лакей жарко натопил печурку одинаковыми ровными полешками, и кучер тронул в путь.

Второй день лил северный холодный дождь, иногда переходивший в мокрый снег. Крупные, тяжёлые, словно свинцовые, капли стучали по крыше и стёклам. Казалось, что сидишь внутри барабана. В тёплой карете заячий тулуп, изрядно попорченный дорогой и непогодой, не пригодился, достаточно было толстой шерстяной рясы и сапог с высокими прежниками. Пара сытых казённых лошадей резво помчала по хлюпающим мостовым, выехала на Невский, но скоро уже свернула на юг, на Царскосельскую дорогу.

Быстро одолев тридцать вёрст, карета прибыла к Царскосельскому дворцу и остановилась у северного крыльца. Несколько лакеев в зеленых ливреях, расшитых золотом, в напудренных париках и чёрных ботинках с пряжками встретили гостя и проводили его в залу, где, как они сказали, будут предложены гостю закуски и кофе. При упоминании кофе гость невольно поморщился: монахи называли этот европейский напиток «жжёнка» и пить брезговали.

Глубокое, но тесное кресло приняло игумена в свои объятия без удовольствия: сидеть было неудобно. Из ниоткуда явились два лакея с полусогнутыми спинами. Их стараниями на маленьком низком столике очень тёмного дерева уютно разместились кофейник, трёхэтажная ваза с фруктами (виноград, яблоки и что-то незнакомое), две тарелки с дюжиной пирожных невероятных цветов и форм, несколько витиевато сложенных ажурных салфеток, сахарница с неправдоподобно белым содержимым, ваза с цукатами и чашка размером с толстого шмеля на плоском блюдце. Лакеи со сфинксоподобными неподвижными лицами в напудренных париках и ботинках с серебряными пряжками в одну минуту справились с работой, двигаясь ловко, экономно и бесшумно. Один из них взялся за ручку кофейника и вопросительно посмотрел на заворожённого гостя.

Тимофей кивнул, превозмогая неловкость и растерянность: он решил своих порядков во дворце не вводить. В чашу из тонкого изогнутого носика кофейника полилась смоляно-чёрная ароматная жижа, которая, падая в чашку, вспенивалась по краям ржаными пузырями, отражавшими блеск тысяч свечей.

Игумен принял золотистую фигурную чашечку с изображением Марсова поля на медальоне, наклонив голову. Лакеи тут же испарились. Кофе напоминал желудёвый отвар, который пили крестьяне при болезнях желудка, но аромат его был куда как приятнее, хотя и слишком сильным, с тонкими нотками искушения. Наверняка замечательными на вкус были маленькие масляные булочки с мёдом, которые источали запах сдобы, но ввиду великого поста Тимофей отказал себе в этом удовольствии.

Через залу периодически проходили какие-то люди, наверное, придворные, шуршали платьями дамы, пробегали посыльные со стопками бумаг, постоянно мелькал лакей с подносами. Обычный день императрицы был в разгаре. Попав во дворец, Тимофей немного ощутил себя татем, подсматривающим за чужой жизнью через забор. Его отец любил повторять: «Лучше не смотреть, как варят щи». Видеть самых влиятельных людей государства в непосредственной близости, ощущать их дыхание, запах пота и пудры, понимать, что и великие сотканы из плоти и наполнены кровью, как и самый убогий приживала в монастырской богадельне – это для скромного игумена было непривычно. О мере ожидания, напряжение внутри нарастало, смешиваясь с разочарованием, тоской по родной обители, неуместностью своего пребывания во дворце и усталостью от суеты. Сургучный кофе дополнял картину, как печать на приговоре.

Тимофей украдкой потыкал пальцем в палево-мраморные цукаты, словно опасаясь, что они выточены из камней, но взять не решился. На расстоянии вытянутой руки от столика на шёлковом пуфике лежали несколько номеров «Петербургских ведомостей», призванных помочь скоротать время посетителям. Верхний лист был заляпан бурыми кофейными пятнами. Опустевшую кофейную чашку вновь наполнил возникший из воздуха лакей и призывающе приподнял сахарницу. Игумен сделал неопределённый жест пальцами и получил округлый белый кусочек в чашку. Тщательно перемешав содержимое игрушечной серебряной ложечкой, лакей вернулся к напитку гостю. С

сахаром кофе был гораздо лучше! Сочетание горечи и сладости напоминало корочку подгоревшего кулича. Так кофе пить было можно.

Как только часы пробили шесть раз, появился пожилой лакей и, следуя немецкой точности государыни, проводил гостя через несколько зал (в некоторых были люди) к приёмным покоям Императрицы. У дверей стоял сам Григорий Теплов, секретарь Екатерины, один самых образованных, влиятельных, коварных и развратных людей при царском дворе. Он был в давно устаревшем тяжёлом парике с передними лентами и высокими тупеями над лбом. Посмотрев холодными рыбьими глазами на прибывшего провинциального игумена, Григорий Николаевич произнёс, двигая одними лишь алыми губами:

- Государыня просит пожаловать, входите.

Григорий Николаевич представился Тимофею вовсе не живым человеком, а ожившей статуей из дворца мифических титанов, причём отвечал сей титан при дворе одновременно за церемониальный порядок, интриги и смертную казнь.

Лакеи отворили высокие тяжёлые двери, и Тимофей оказался внутри просторной, хорошо натопленной залы. Никого внутри не было видно, но доносился женский смех, и слышались обрывки разговора. Мужской голос басил: «Арсений опасен и безумен... Амвросий-то, старается, патриарх наш потешный... переусердствует в деле, много же внимания к себе хочет». Женский голос отвечал: «Всё сделает, как надо с Арсением, там и удалить его можно будет... Пётр Петрович, ищите хорошую кафедру подальше от столицы...». Послышился ещё один мужской голос, говоривший что-то вроде «будет исполнено» и «всепременно».

Не зная, как поступить, игумен в испуге попятился назад, но двери затворились, и он упёрся спиной в медные ручки. Тогда он негромко покашлял и начал шаркать сапогом по начищенному до блеска паркету. Тогда из дальнего угла, из-за ширмы показалась голова в парике и уставилась на игумена презрительным взглядом.

- Тут посетитель, матушка!

- Да, уже шесть часов! – выходя из-за ширмы, произнесла невысокая полноватая женщина в сером платье, расшитой серебром и маленькой бриллиантовой диадеме. – Это игумен Тимофей, господа.

За Императрицей из-за ширмы вышел высокий пожилой мужчина средних лет без парика, с гладко выбритым надменным лицом, чрезмерно багровыми щёками и набрякшими веками, – граф Михаил Илларионович Воронцов, канцлер и ближайший советник Екатерины. На его бычьей шее был изящно повязан муслиновый платок, спереди собранный в элегантный бант. Модное украшение смотрелось нелепо на сановнике, он это ни мало его не смущало. Следом на кривых тонких ногах ковылял сам обер-прокурор Пётр Чебышёв, подвижный как марионетка, с желтоватой физиономией старого пропойцы и каркающей манерой говорить. Только желанием Императрицы досадить епископам из Синода, можно было объяснить то, что грубого вояку и атеиста назначили руководить Русской церковью.

Не сказать, что игумен Тимофей как-то боялся Императрицы, нет. Но непривычность обстановки и начавшаяся от жжёнки боль в желудке не давала сосредоточиться и вести себя естественно. Разговор с государыней был короткий. Она интересовалась, откуда родом, что об изъятии земель думает, хочет ли послужить в сане епископа. Тимофей отвечал кратко и в общих выражениях, мол, на всё воля Божия и царская власть, думая больше о том, где взять тёртых ракушек с мелом для утоления изжоги, поражаясь полной пустоте в своей голове и досадуя, что даже на простые вопросы не может ответить внятно.

Императрица была улыбчива, очень проста и даже ласкова. Высокая причёска из каштановых волос, голубые, но совсем не холодные глаза, и мраморная, будто подсвеченная изнутри, кожа. Она больше была похожа на ожившую античную статую, чем на человека из плоти и крови. Екатерина, как превосходная актриса, умела играть роль любящей матери для своих подданных, оставляя след в сердце каждого, чтобы и в дальних уголках России знали о её добром нраве.

Когда разговор был окончен, Пётр Петрович проводил игумена из приёмного зала, вышел вместе с ним и ещё несколько минут подробно, пересыпая речь крепкими словами, расспрашивал о состоянии дел в Студиславльском монастыре. Обер-прокурор носил широкополую квакерскую шляпу и коротко стриг редкие седые волосы. Граф задавал множество вопросов своим скрипучим голосом, выпытывая, что же стало со знаменитыми конюшнями,

принадлежавшими обители, и как обошлись с мельницей. Тимофей отвечал кратко, но по делу. Голова его кружилась, и тошнота подступала поминутно. На прощание Чебышёв, буравя собеседника взглядом, сказал:

- Открывается кафедра в Зарецке с миссионерской целью - в тех местах засилье раскольников, митрополит просит викария, но его самостоятельность в связи с отдалением этой местности, будет почти полная. Вы будете представлены Синоду в качестве кандидата. Думаю, ждать хиротонии не долго, Императрица даёт ход делу, за пару месяцев все дела уладим, летом, стало быть, на кафедру уедете.

Чебышёв стукнул об пол ротанговой тростью с набалдашником из слоновой кости и откланялся.

Превозмогая желудочную боль, мучаясь отрыжкой, Тимофей спустился в парк, сел в карету и, отъехав пару вёрст, постучал кучеру, чтобы тот остановился. Отшёл несколько шагов за хлипкие берёзы и вырвал желчью. После этого, почувствовав облегчение в теле и на душе, он стоял в мокром снегу, смотря на белые стволы деревьев, чёрные трепещущие ветви, почти не различимые в темноте, и улыбался с видом человека, выздоровевшего от тяжёлой болезни. Так прошло несколько минут, но никакие чувства и мысли так его и не посетили. «Онемех и смирихся, и умолчах от благ, и болезнь моя обновися», – начал читать Тимофей псалом и побрёл назад в жаркое нутро кареты.

Согревшись возле печки, игумен стал вспоминать, что это за город – Зарецк, и где он находится. А ещё стал думать, как ему самому не потеряться при таких скорых переменах в жизни. Но человек предполагает, а Бог располагает всем и вся, готовя каждому испытание по мере сил его. Так и Тимофея вместо скорой епископской хиротонии ждали скорби, искушения, но также чудеса и утешения. Не ведая того, он ехал в казённой карете прямо им навстречу сквозь мартовскую ночь и думал: «Что такое? Как я сюда попал? Здесь как будто воздуха не хватает. Если это послушание, то почему душа так противится такому слуху?». Невольно перенёсся он мыслями в милую сердцу обитель, осознавая, что не увидит её больше никогда. Прощаясь со старым монастырём, вспомнил, как ходил на сенокос с братией, как читал не усыпаемую псалтырь, как помогал игумену с бумагами и записками. Вспомнился старый храм и престольные

праздники в нём с большим стечением народа. И так отчётливо, как наяву, вспомнился вкус смородинового монастырского чая с мёдом и сухарями.

15 марта Тимофей сослужил архиепископу Гавриилу за литургией, отправлял литию и молебен. После постного обеда (пшённая каша на воде, солёные грузди и мочёные яблоки с капустой и клюквой) отправился на монастырской рессорной двуколке в канцелярию Священного Синода готовить бумаги к хиротонии. Правил приехавший с ним из Студиславля послушник Михаил. На обратном пути сделали круг через Васильевский остров, где ещё видны были следы большого весеннего пожара, поглотившего дома на нескольких линиях. Там пахло сыростью и гарью. Поехали по Немецкому мосту через Смоленку, да немного задержались.

Перед мостом толстенная баба с деревянным лотком торговала в разнос всякой снедью. Над её головой мерно коптил, разбрызгивая капли, непогашенный масляный фонарь. Михаил жалобно посмотрел на игумена и остановился. Тимофей, вздохнув, слез с коляски и вернулся с двумя румяными пирожками с кислой капустой размером с добрую рукавицу и полудюжиной солёных огурцов, цвета мутного изумруда, облепленных семенами укропа и нитями плесени. Примостившись здесь же, перекусили. И какой же вкусной оказалась эта еда! Обтерев руки мокрым ноздреватым снегом, немного молча постояли, ловя несмелые солнечные лучи на свои лица.

И тут игумен обратил внимание на странную нищенку, стоявшую у самой воды. Обратившись к экипажу на мосту, женщина махала руками, будто поджидала именно Тимофея.

- Ну-ка погоди! – велел он Михаилу, собравшемуся ехать дальше, пристально наблюдая за этим странным явлением. На женщине была зелёная юбка, красная кофта и грязный, некогда белый шерстяной платок большого размера, намотанный на голову, плечи, обвязанный крест-накрест на груди.

- Пойди к Андрею Фёдоровичу! – чистым звонким голосом сказала женщина, как будто колокольцы на преждеосвященной литургии зазвенели.

Игумен оглянулся, вокруг никого не было, мимо проехала почтовая карета, и опять стало тихо и безлюдно. Торговка переместилась в следующий квартал.

- Пойди, отец игумен к Андрею Фёдоровичу, сказать надо кое-что
– повторила странная женщина.

- Никак к себе зовёт, - недоуменно сказал Михаил.

- К тебе пойти? – громко спросил Тимофея, ещё не веря.

- Иди же сюда, Тихон! – в третий раз позвала нищенка. Услышав своё крестильное имя, игумен послушно слез с двуколки и, повинувшись какому-то внутреннему чувству, состоящему из тревоги и любопытства, спустился к воде.

- Вот баба юродивая, - возмутился послушник, но игумен строго посмотрел на него и тот отвернулся в сторону – разглядывать ворон у воды.

Женщина попросила у Тимофея иерейского благословения, при этом глаза её так и смотрели в землю, и стояла она как-то криво, вполоборота.

- Как звать тебя, матушка? – поинтересовался игумен. В ответ услышал:

- Андрей Фёдорович мы...

На мосту торжествующе засмеялся послушник, услышав подтверждение безумию женщины.

- А что же делаешь тут? – вновь спросил Тимофея.

Женщина поправила платок и нагнулась к воде, бормоча вполголоса, чтобы на мосту не было слышно:

- Кандалы железные на мосту нашла, прямо перед твоей каретой. Да ты не бойся, я их в воду кинула. Далеко кинула. И не смущайся духом Тихон, милость Божия с тобой пребывает!

- Я Тимофея теперь, матушка! Игумен Тимофеей.

- Был просто Тихон, да владыкой Тимофеем стал. А потом владычество устал. От мира удалился и до Тихона умалился... Вон, гляди, - указала юродивая на воду. Но сколько не смотрел туда игумен, ничего не увидел, кроме дрожащего отражения перевёрнутого неба, да двуколки на мосту, тоже словно опрокинутой.

- Терпеливый ты и трудиться любишь, но молитвы у тебя нет. Но коли терпение есть, и молитва будет; скоро уже! Каждому крест по росту даётся, – продолжала говорить странная женщина.

- Но я молитвенное правило по уставу... - нерешительно начал было Тимофея.

- Молитва не правило. Есть ум, есть сердце. И они по-разному

молится.

- Непонятно ты говоришь. Как тебя поминать, матушка?
- Андрея Фёдоровича поминай, да всё за упокой!

Миша щёлкнул кнутом, стая ворон поднялась в воздух, немного покружила над мостом и полетела на другой берег. Тимофей достал двадцать копеек и протянул женщине.

Назад ехали молча. Михаил не решался спросить, что за разговор был у игумена с юродивой, очень уж тот был серьёзен. До самой Лавры Тимофей не проронил ни слова, погрузившись в тихое созерцание. Только душа верующая и взыскиющая Духа чувствует разлитое в воздухе Великим постом особое состояние тревоги, сладостного томления и грядущей радости одновременно. Напоминает оно более всего гул далёких колоколов большого монастыря. Будто едешь ты по дороге, а приглушенный многоголосый звон стоит в воздухе, обнимая всё вокруг. И сам этот звук есть часть как мира здешнего, так и горнего, идёт из прошлого и проникает в будущее. А дорога всё петляет среди холмов и полей, то приближая, то отдаляя тебя от него.

На вечернем чаепитии у наместника, помимо игумена Тимофея и казначея монаха Иустина, присутствовал новый гость, иеромонах из Ростова Авдей Луков. Оказался в столице тот иеромонах «по делам епархиальным», а на вопрос, по каким конкретно, отвечал уклончиво. Сам отец Авдей был одного возраста с игуменом Тимофеем и иеромонахом Климентом, происходил из Воронежских каретных мастеров. Роста был среднего, лицо белое, с палевой густотой, как у сдобного теста. Борода светло русая, короткая, видно - стрижена, с седой струёй посередине, придавала ему вид до того благолепный, что простой народ испытывал невольное к нему доверие и благоговение. Подвижный, даже непоседливый, говорливый, Авдей сразу стал центром беседы. Знал он много разных историй, побасенок и сказов, часто не очень правдоподобных, но всегда интересных и поучительных. Тимофей и Климент с удовольствием участвовали в беседе. Иустин же имел не здоровый вид и больше молчал, а если и говорил, то совсем кратко.

Через некоторое время на столе появился глиняный кувшинчик с «казённой», Авдей предложил выпить в честь воскресного дня, соблюдая древний устав, не более чем по три «красавули», по случаю праздника. После первой красавули казначей уснул тут же на лавке,

подложив под голову тулупчик. После второй – Авдей предложил тихо спеть благочестивое песнопение «Уж вы голуби». Спели заодно и «Грешный человече», и «Почто душа томишися», и «Ох, от чего-жа этот вот камень зарождается». Отец Авдей пытался в одиночку пропеть протяжные старинные девичьи страдания «Летят утки», но забыл слова, сбился и предложил испить-таки по третьей. Через какое-то время задремал, сидя в своём деревянном креслище и наместник Тимофей и Авдей продолжили беседу, немного поговорив об уставах монастырских. Но потом нити разговора взял в свои руки гость из Ростова, начав рассказывать о себе и своей судьбе, после чего вывернулся совсем в неожиданную сторону, что и предопределило в итоге дальнейшие события в жизни игумена Тимофея.

- Я, отец игумен, владыке Арсению обязан по гроб жизни. Можно сказать, что он меня от греховной страсти излечил и от позора спас. Я рос в семье каретников. Дед мой был каретник, отец и дядька были каретниками. И фамилия наша – Луковы, не из растения огородного, а от каретной луки выведена! Быть бы и мне каретником, такая в семье нашей была планида. Но вмешалась в жизнь мою любовь сильная да ранняя. Не любовь даже, а страсть. Вообще, обожание женщин было присуще мне с самого, можно сказать, с мальства. А уж потом и любовь случилась. Часто домой к нам захаживал дядька Агафон со своей приёмной дочерью Вассой. Своих детей у него не было, женился он поздно на вдове с девчонкой. Мне тогда было лет четырнадцать, а Вассе лет шестнадцать или чуть более того. Звали её все Васеней, что мне очень нравилось, весеннее такое имя, живое, и вызывало оно у меня трепет, томление в животе и дрожь в ногах. Васеня была рослая, круглоголицая, с большим носом и скуластая. Руки у неё были толстые, белые и очень сильные. Но не было в мире для меня в тот момент красоты более изысканной и даже царственной. Но главное – коса, такая толстая, как бечева, русая коса... Вижу, отец игумен, тебе не по нраву эти прелести, потому перехожу к другим событиям. По Васене я сох два с половиной года, она меня, хлопчика, не замечала. Потом она вышла замуж за приезжего купца и уехала в Смоленск. Больше я её не видел. Через год всё забылось, как не было. Жизнь заиграла перед моим взором как радуга. Жить бы мне и далее, но опять любовь-злодейка подкараулила! На этот раз приглянулась мне дочь шорника Николюкина - Прасковья. Сама дородная, любил я женщин покрупнее,

рыжая да веснушчатая, смешливая, но рукодельная – огонь! Дед её по матери приехал в Воронеж ещё при Петре Алексеевиче, писал парсуны знатных людей – князей да военных. И мать, и внучка вышивали хорошо, украшали попоны и сбруи, свадебные вальтрапы делали, так лошадь краше невесты становилась!

Авдей встал из-за стола, пошёл с медным чайником к печке, согреть воды и затомить ещё мяты с сушёными яблоками и можжевеловыми шишками.

- Так и вот, отец игумен, захотел я на Прасковье жениться, аж мочи не было. Но опять не по-моему, вышло!

- Неужто не понравился ты ей? – предположил Тимофей.

- А вот и нет. Ещё как понравился. Женись, говорит на мне, люб ты мне паче солнца красного, паче луны серебряной и лобзай меня в уста сахарные... Но тут я, пожалуй, опять к делу вернусь.

За окном раздались крики, захлопали двери кареты. Тимофей выглянул во двор. Там готовили выезд для архиепископа Гавриила. Он только что вернулся из Синода и вновь собирался уезжать, теперь - на прием к княгине Долгорукой.

- Любой архиерей ведь – монах по своей сути, - заговорил Тимофей. – Но одевает такой монах саккос и панагию, и жизнь его меняется. Приёмы, разъезды, беседы досужие, люди, опять люди, женщины кругом, подобострастие и лесть. И нет уже времени для молитвы, уединения. Над всеми начальник, а себе не хозяин. А ведь шли мы в монашество, чтобы от мира сокрыться. А теперь в мир возвращаться приходится. И мир этот слишком широко распахивает нам свои объятья.

Архиепископ и два его келейника погрузились в карету, запряжённую четырёх лошадей, и быстро уехали со двора под крики кучера.

- Да ты никак не слушаешь? Отец мой и дядька, вместе со свахой Михеевной, пошли с посольством к шорнику, - продолжил Авдей. Речь его сделалась скорой, он привставал со скамьи, раскидывал руки, причмокивал губами, то переходя на шёпот, а то, повышая голос. – Вернулся домой отец задумчивый. Так, мол, и так: готовы мы за тебя Прасковью отдать, но есть одно условие. Шорник денег у меня просит на полгода взаймы. Говорит, мы с тобой почти что родня, доверь мне деньги, что припас на сынову свадьбу и его дом, я удвою и в приданое

отдам за дочкой. Отец не хотел денег давать, но тут его как бы к стене рогатиной припёрли. А шорник тот известный выпивоха был, и деньги у него не держались, весь в долгах ходил.

За окном зацокали копыта и послышались крики и вопли. Там, вернувшись с полдороги архиепископ колотил посохом келейников, забывших загрузить в карету подарки для княгини. Распоряжение об этом было отдано ещё утром, но к вечеру келейники обо всём позабыли. Тимофей с тоской смотрел на разгневанного архиерея и думал, что и этот архиепископ начинал жительствовать где-нибудь в монастыре, трудился на послушаниях, пел в хоре и помогал в алтаре, стараясь следовать отеческим заветам и сохраняя сердце от соблазнов мира сего. А теперь «пасёт» своим жезлом нерасторопных служек.

- Отец три ночи не спал, всё ворочался, по избе ходил, - продолжал Авдей, всё более разгорячаясь. - Но денег, в конце концов, дал! Шорник две телеги снарядил и уехал куда-то. Больше мы его не видели. Два года ждали. Ни слуху, ни духу. И Прасковья потом пропала, мать год почти таилась, но призналась потом, что от горя и позора ушла невеста моя в монастырь. И пострига ждать уже не долго. Я её через двадцать лет нашёл, была она казначеей в женском монастыре в Саратове. Открыла там мастерскую, где лучшие швеи работали, делали облачения необыкновенной красоты, кружева плели, скатерти вышивали. Так она меня сразу узнала, кинулась под благословение, прощение просила. И я тут чуть не взрыдал от умиления, хотя сердце моё чёрствым стало, и слёз не знал я давно.

- А что же шорник, так и не объявился? - спросил Тимофей, разливая душистый монашеский чай по большим латунным кружкам и подкладывая в деревянную тарелку гречишного мёда из липкого бочонка.

- Я о том шорнике не мог много лет забыть, злость меня изнутри выжигала, но и сомнение было, а вдруг, что случилось. А когда услышал, что его под Нижним Новгородом в лесу среди разбойников видели, хотел найти да голову проломить. Но тут отец заболел, и дело это я оставил. Отец умер меньше чем через год. А я передал дело младшему брату Николаю и ушёл в местный монастырь послушником. Там поставили меня на конюшню. Четыре года я просил пострига, но всё получал отказ. Писал архиерею, ответа не получил. Только на пятый получил я рясофор, а к постригу в малую схиму игумен всё не

допускал. Взяла меня вновь тоска, и стал я к кружечке прикладываться: делал в келье упряжь, продавал, да пропивал всё со старшим конюхом, который тоже не монах был, а пришлый с Полтавы вдовий крестьянин. Тут признаться тебе я должен, что есть у меня в душевной организации скверна редкостная: как дождь на улице собирается, гроза особенно, так тоска меня берёт и так выпить хочется, аж мочи нет. На всё пойти тогда готов, как туман в голове заводится. Пока отцово хозяйство вёл да по невесте тосковал, почти не пил. А как успокоился в монастыре, гнусь эта богатым цветом зацвела, да мерою щедрою плоды принесла. Тут выдалось в наших краях дождливое холодное лето...

Взгляд Авделя остановился на бутыли с «казённой».

- Ни-ни! – поднял ладонь Тимофей и убирал бутыль под стол.

- Дождь шёл каждый день и последствия того потопа я ощущал постоянно. «Спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моей!» Так сказал Давид, провидя мысленным взором мои страдания. Раз пошёл я к брату на кузницу, упряжь клепать, да в монастырь уже не вернулся. Брату простоквашу и сметану носила молодая вдова Аглай, я её встретил, слово за слово, ну и всё как в тумане дальше. Как ты, отец, понимаешь, была она баба дородная, глазастая да мордастая – красавица! Стал я с ней жить-поживать, детей у неё трое было, учил их работе своей. Денег накопили, избу новую ставить хотели. Игумен меня нашёл, епитимию на два года наложил, а по мне всё стало бессмысленно, только пил да работал. И Аглай, да, приласкать умела. А 12 лет назад попал я в Ростов по надобности и остался на открытие мощей святителя Димитрия, которое совершал принародно митрополит Арсений в Яковлевском монастыре.

В коридоре громко хлопнула дверь, и затопали сапоги, Иустин на лавке заворочался и засопел.

- Вот всё бы некоторым монахам постом спать! Да ладно, не наше дело, – проворчал Авдей. – А после обретения и освидетельствования святых мощей служился, как водится, молебен. Было 22 сентября. Толпы народа – несметные. Хромые, слепые, сляченные, сирые-убогие... Тьмы и тьмы! Все, кто мог доехать, дойти и доковылять были у монастыря. Храм народ не вмешал, стояли на площади. Вышли после молебна два митрополита к народу. Владыка Арсений с крестом в руке встал на помост тут же устроенный, и слово стал говорить. Про

святителя Димитрия, его труды, проповеди и писания. Я же только на крест смотрю, недалеко ведь стоял, и чувствую, что худо мне от скверны жизни моей. А крест тот серебряный запал мне в душу. И такой я решимости исполнился, что захотелось мне с жизнью такой расстаться немедленно, чтобы митрополит сам меня тем знамением победы осенил и на новую жизнь благословил. Ушли епископы и священники в храм, люди потянулись к раке с мощами святителя прикладываться, и я туда же. Да не тут-то было! Перед самыми дверями толпа вдруг повернулась и меня вбок вытолкнуло. Я, значит, не разумею смысла, и вновь в хвост очереди пристраиваюсь. А перед самым входом как надавил на передних! Тут огромный детина передо мной поворачивается и со словами: «Не бражник, чай, у врат рая толкатися!» выкидывает меня во тьму внешнюю. Третий раз я к дверям стал протискиваться, до самого порога дошёл. И тут вдруг толпа повернулась и назад потекла. То митрополиты из храма выходили. И не смог я переступить святого порога, не смог!

- Подожди, отец, так же точно в житиях преподобной Марии Египетской написано! – воскликнул Тимофей.

- Хочешь - верь, а хочешь - не верь, но и со мной такое было! – обиженно засопел Авдей. – Слушай же дальше. Владыка Арсений вышел и направился к карете, а по пути народ благословляет. Ну, думаю, ещё раз попробую! Стремглав я кинулся сквозь толпу к Арсению, а десятский увидел и по лицу мне - хрясть! Куда, сволочь, прёшь, орёт! Юшка кровавая потекла, а я не сдаюсь. Блажен, говорю ему, кто и скоты милует! Он оторопел, а я опять вперёд. Митрополит на шум обернулся, посмотрел внимательно на меня и вдруг пальцем поманил. Я ему успел шепнуть, что я беглый рясофорный инок, хочу покаяться и жизнь изменить, а уж служители тащат меня прочь. Тут митрополит вдруг и говорит: «Везите его на подворье». Меня в повозку с иподьяконами посадили и повезли. Утром после молитвы митрополит позвал меня и обо всём расспросил подробно. К Аглае он не велел возвращаться, а всё накопленное оставил, теперь ей бедность не страшна и детей я ремеслу научил...

- А что, отец Авдей, точно ли вдову ту Аглае звали? А то ведь в житиях мученика Вонифатия... - опять засомневался Тимофей.

- Вот что, ты отец игумен придираешься? Я тебе не извите словес полагаю, а всё по совести говорю! Вот так. Стал я на подворье у

митрополита жить. Тяжело было, то выпить хотелось, то уйти вовсе пытался. Смирял он меня много, трудов я понёс не меряно. Но со временем отпустило меня, и почувствовал я тишину и свободу в душе, как в детстве. Он меня и постриг потом в мантию со старым именем, чтобы помнил о грехах своих. А ещё у владыки крест был чудотворный, он еженедельно за меня и других страждущих молебен перед ним служил и нас им осенял, приложиться давал, всех это укрепляло и терпение наше умножало. А коли не веришь, пойдём со мной в мою келью, я тебе тот крест покажу, он со мной!

Авдей настаивал, разгорячённо размахивая руками, что надо идти смотреть на чудотворный крест. Тимофей согласился, поскольку пожелал приложиться к святыне. Они вышли из чайной комнаты настоятеля и спустились на первый этаж. В обычной гостевой келье, где поселился Авдей, воздух был стылый и прокисший, на полу стоял не разобранный деревянный дорожный сундук, у окна на маленьком столике лежала Псалтирь, и торчал из плошки огарок восковой свечи, которую и засветили. Рывком раскрыв крышку сундука, хозяин сего временного пристанища начал рыться в нём, доставая то книги, то свечи, то сухари. И вот извлёк он на свет ларец старинный кипарисовый чуть более двух футов длиной и полтора фута шириной.

- А тут я тебе секрет скажу: прибыл я в столицу не просто так, а добиваться встречи с самой Царицей, – быстро и вполголоса заговорил Авдей. - То, что проклятая реформа с монастырями сделала, мы все видим. Ни одной обители, где бы благочестивый инок мог обрести пристанище, не осталось. Везде нестроение, плач и трепет. В казённых монастырях перенаселение, в заштатных - оскудение и упадок. Старцы духоносные затворились или юродивыми прикидываются. На Афон и в Молдавию уезжают те, кто истинного монашеского жития жаждет. К власти рвутся тщеславные высокочки! Не молитва им важна, а поклоны перед портретом обер-прокурора. Ладно, чиновник мирской монастырь притесняет. А наш-то собрат архиепископ Гавриил, будто раб купленный старается! Вот кто первый разоритель. И Димитрий Новгородский с ним. Их-то татями ночными наш митрополит и назвал. Но верю я, что Государыня наша не знает до конца истинного положения дел, и должен кто-то на произвол творимый глаза ей открыть. Так я владыке прямо и сказал, а он засмеялся! Нет, у монархии нашей сердце доброе, она поймёт, что чиновники да

архиереи монашество российское губят.

Авдей раскрыл шкатулку и перед взором Тимофея предстал старинный серебряный крест с четырьмя изумрудами на больших лучах.

- Этот крест нашему митрополиту достался неспроста! – продолжал с горячностью ростовский гость. - Служил он по молодости в инквизиторской экспедиции и был в дознавателях по делу старца ярославского, игумена Трифона. Трифон тот экзамена на православие не сдал, то ли по старости, то ли по упорству: ни Символа Веры, ни Декалога правильно произнести не мог. Разбирать дело взялся иеромонах Арсений; да, меры не ведая, запытал старика до смерти. Не собственоручно, конечно, были на то особые люди поставлены, но под полным его контролем всё дознание шло. И после смерти того игумена такое потрясение на него нашло, что сна лишился на год почти, с ума сходить стал, так совесть мучала. А среди вещей игумена был и сей крест. Тогда стал Арсений у креста этого еженощные молебствия совершать, покаянные поклоны класть, тут и сон возвращаться стал и разум. И крест этот при Арсении с тех пор был всегда. Да вот, старец тот, умирая, успел сказать своему мучителю, что Господь взыщет с него за ревность не по разуму, и тяжкие страдания принять и ему придётся. Вот, видно, слова те и сбываются, так сам владыка сказал. Но о разорении монастырей он печалится больше, а мук не страшится. Время моё пришло, говорит. А когда офицер с солдатами в митрополичьи покой пришёл, я крест взял, а бумаги подорожные уже загодя спрятал, да в столицу помчался. Сам митрополит прошение в Синод писал, да теперь он уже в Москве под арестом... А я только на чудо и надеюсь. А то, кто ж меня к Государыне запросто пустит!

Заскрипели тоненько половицы в коридоре, будто кто-то переминался с ноги на ногу у двери. Колыхнулось пламя свечи.

- Крест возьми, да хорошо спрячь. Я потом заберу! – шепнул Авдей и, тихо подойдя к двери кельи, с силой толкнул её ногой. Раздался глухой стук, как будто по крынке со сметаной ударили скалкой. За дверью, согнувшись и потирая лоб, стоял эконом Иустин.

Искусством изготовления митр игумен Тимофея овладел ещё в

первый год свой жизни в Студиславльской обители. Труд этот был не тяжёлый, но очень кропотливый, хорошо отвлекал от суеты и успокаивал мысли. Сам головной убор валялся из войлока, как и валенки, но на особой деревянной колодке и из особого сырья: шерсть бралась самая жёсткая и толстая. Форма митры могла быть традиционной, в виде невысокой округлой шапочки, но могла, по новой греческой моде, напоминать перевёрнутую молочную крынку, что Тимофею не нравилось. После долгого валяния, отпаривания и отбивания вшивался в основу лёгкий деревянный обруч. Потом заготовку отдавали монахиням, и они обшивали митру парчой, вышивали на ней бисером украшения. Также с четырёх сторон закреплялись маленькие иконы и, если надо, крест наверху. После известия о грядущей хиротонии игумен Тимофей решил начать собственноручно изготавливать себе архиерейские митры необходимых в богослужении цветов, благо нужная колодка в мастерские Лавры имелась. Первую же митру ставленнику всегда по традиции дарила Императрица, чтобы новый архиерей больше о благе государственном думал и напоминание о сем на голове носил. Тимофей сидел в лаврской келье со своим рукоделием третий день подряд, пытаясь отвлечься от тревожных помыслов и тщась заключить ум свой в слова молитвы.

Послышался стук в дверь кельи, через секунду без приглашения в неё вошел человек в сером военном мундире без знаков отличий. Гость неспешно осмотрелся и произнёс без эмоций, не громко:

- Я - титулярный советник Гордымов Семён Дмитриевич, чиновник Тайной экспедиции. Хочу задать несколько вопросов.

Семён Дмитриевич был человек не старый, лет сорока пяти от роду, костлявый, худой и среднего роста. Волосы блеклые, серые, носил он пробор посередине головы, парика не надевал. Крупные черты лица его, словно вылепленные неумелым скульптором, были малоподвижны. Человек, бывавший в Париже, сказал бы, что он напоминает одну из горгулий с древнего собора Богоматери. Другой вспомнил бы балаганного деревянного петрушку с намеренно крупным носом и острыми скулами. Образец классического автодидакта, неутомимого карьериста и ненавистника человеческих слабостей, Семён Дмитриевич и не женился только потому, что не хотел эти слабости обнаружить в себе самом. Хотя, что греха таить,

женским полом интересовался и романы закручивал лихие, в том числе и с замужними женщинами. Манеры, при этом имел довольно грубые, с дамами не миндальничал и не церемонился. Всего через пару часов знакомства мог напористо перейти к «сущностному вопросу» отношений, чем вызывал в иных негодование, в иных недоумение, а в некоторое моментальное расположение. Как раз последние и составляли его «гвардию».

Говорили, лет до тридцати Гордымов служил в интендантских частях при кавалерии, но сам он об этом не распространялся, а сослуживцев его никто не видел. Сам он упоминал пару раз, что состоял при санитарном обозе и даже помогал фельдшерам при операциях и перевязках, но где и когда, не уточнял. Свободное знание греческого языка, да не книжного, а разговорного, доказывало его пребывание на территории Османской империи среди греков. Однажды капитан Яцубевич, служивший долгое время на южных границах, в присутственном месте признал в Семёне Дмитриевиче некоего Эрасмоса Перифаноса из Солуни, участвовавшего в сопротивлении туркам. Но поговорив с глазу на глаз с Гордымовым, отказался от своих слов. Мол, обознался, господа, с кем не бывает. Да и откуда в Петербурге взяться Эрасмосу Перифаносу?

Точно же было известно, что уже семь лет служил Гордымов в Тайной экспедиции и дело своё знал отлично. Обладал нечеловеческой выносливостью, мог не спать ночь и даже две, сохраняя ясность ума и бодрость тела, выпивая лишь при этом по пять, а то и все десять чашек кофе в день, явно имея пристрастие к данному напитку. Любил участвовать в задержаниях скрывавшихся преступников и заговорщиков, пуская вход кулаки и извергая потоки отборных ругательств, удивляя этими умениями даже бывалых ямщиков. В опасностях был бесстрашен, на допросах в Петропавловской крепости неутомим и изобретателен, весьма приветствовал возвращение Екатериной пыток в обиход Экспедиции, отменённых при Петре Третьем. Карьеру ему прочили отменную.

Вот такой человек переступил порог лаврской кельи игумена Тимофея и теперь внимательно смотрел неподвижным взглядом на него и его рукоделие.

- Ты и есть игумен Тимофея Коротков? Я хочу теперь огласить содержание одного письма.

Гость без приглашения прошёл внутрь, не перекрестившись на иконы, и сел на сундук. Из кожаной сумы, висевшей на поясе, титулярный советник извлёк сложенную вдвое бумагу и начал читать:

- Обращение опустим... Так, вот. Ага, «сим сообщаю, что 15 марта на вечернем чаепитии у наместника приезжий ростовский иеромонах Авдей и игумен Тимофей, проживающие в гостевых кельях, о делах государственных премного говорили, после чего уединились и хулили преславное правление премудрой Государыни матушки нашей премилосердной Екатерины Алексеевны. Высказывали мысли запрещённые, называя реформу монастырскую «злой проказой», а тех, кто её замыслил – антихристами. Также оба высказывали сомнения в состоятельности монастырской жизни по реформе сей. Государыне Премилостивейшей и Священному Синоду в вину оскудение ставили, гордостью надмеваясь, и премного насмехаясь над делом и словом Всемилостивейшей Монархии. Ещё и немалое сочувствие анафемам митрополита Арсения проявляли, взяv его сторону в деле о землях монастырских...»

Игумен Тимофей слушал всё это как в полусне, не веря происходящему. Явление следователя было столь неожиданно и странно, что он не знал, что и думать.

- И кто же написал сей донос? – только и смог вымолвить он.

- Что-то я слышу пренебрежение в голосе при слове «донос», - холодно заметил Гордымов. – А кабы не доносы эти, как Государыня знала бы о том, что делается в её необъятной Империи? Где заговор или козни какие, кто недоброе дело замышляет против её мудрейшего правления, где бунт зреет? Кто лодку российского царствования раскачать намерен? Только ради этого дела и стоит народную грамотность развить. В неумении писать кроется немалое зло. Увидел благонамеренный человек непорядок какой, или хулу злокозненную услышал на Императрицу, двор её и дела её славные, готов сообщить об этом в надлежащее ведомство, а писать то и не умеет. Постоит, почешет затылок, да и дальше пойдёт – авось само как-то образумится. А если бы писать-то умел, знали бы наверняка слуги царские, что против порядков российских замышляется. Только так можно изобличить человека с развращёнными мыслями, злословящего свою монархию. Ну, а слова – предтеча дел и бывает, что наказуемы наравне с делами.

- А коли всё неправдой будет в том пасквиле?

- Дыма без огня не бывает, а в остальном Тайная экспедиция разберётся, на то мы государыней и поставлены. Уж мы решим, где намеренная хула, а где пустозвонство. И слово опасное с виду может быть вполне невинным: истинный смысл каждого слова зависит, как оно в речи помещено бывает и где стоит запятая, самое даже произношение даёт словам различное значение.

- Трудов вам много предстоит понести, - не удержался игумен Тимофей, и сразу укорил себя: молчать надо. Гость ухмыльнулся в ответ и продолжил:

- Канцелярия готовит сейчас Указ о молчании. Вот там всё понятно должно быть написано. И великосветские дамы кнута не избегут. А нам штат расширят, забот-то прибавится. Но до французов в этом вопросе нам ещё далеко. Вот где донос стал государственным делом, есть чему поучиться! Каждому подданному французского короля разъяснено, что вовремя поданный донос – дело не только поощряемое и самой церковью благословляемое, но и обязательное для всякого законопослушного француза. И то верно, донос – возможность каждому, даже самому простому, человеку, проявить рвение в вопросах государственных. Неужто, отец игумен, ты сам не писал ничего подобного, видя перед собой злоупотребления, злые сплетни на Государыню, али другую какую крамолу?

- Да не приходилось как-то, – Тимофей пытался взять себя в руки и сообразить, как надо вести в такой ситуации.

- А вот и зря, за недоносительство скоро тоже наказывать будем. Знал, да промолчал! Тем самым зло приумножил, злодея покрыл, – недобро, одними губами, улыбнулся гость. – Так что имеешь сказать по сути дела?

- Всё неправда. Императрицу ни я, ни отец Авдей не хулили. Я же о реформах монастырских мнения не имею, но на волю Божию всё оставляю. Слова, приведённые в доносе, мною не произносились, – удивлённо отвечал Тимофей.

- Эка, ты скоро заговорил. Никак готовился? А нам ведомо, что в заговоре митрополита Арсения Авдей этот играет важнейшую роль. И твоё в нем место нам скоро известно будет. Авдейку в Петропавловскую крепость повезли. И тебя приглашаем на разговор. Завтра сам приедешь, поутру прямо - ищи меня в Экспедиции.

Гость развернулся на каблуках и тяжело потопал по монастырским коридорам, оставив дверь в келью открытой. Также он оставил и множество вопросов, ответы на которые могли быть очень и очень неприятными. Тимофей первым делом пошёл к Лавскому наместнику, вдруг он знает, что за сыр-бор. Но иеромонах Климент сам ничего не знал, видел только, что рано утром два прапорщика увезли Авдея в чёрной казённой карете, запряжённой парой лошадей. Куда да почему, кто ж сие ведает! Но архиепископ Гавриил при встрече с наместником глянул недобро и обругал того чепушинником. Где сейчас казначай Иустин, неизвестно, может и его забрали. А может, и нет. Часто ли тут такое? Не часто, но случается - столица, чай.

Пообедали в келье у Климента молча. Поискал Тимофей своего келейника Михаила, да тот куда-то запропастился.

До завтрашнего утра надо было себя чем-то занять. Хотел Тимофей послужить вечернюю службу в храме, не пустили, архиепископ запретил. Погулял с час по саду, да тревога не унималась. В голове роем носились мысли, одна другой безотрадней. Оклеветали, донесли, очернили доброе имя, следователя прислали. Как и что ему говорить? К кому за советом пойти? Что с отцом Авдеем? Кто донёс-то? По-всякому выходило, что это Иустин, но нельзя же на человека думать дурно без основания, грех это.

Игумен вернулся в келью и раскрыл Псалтирь. О, книга сладкозвучных песнопений великого праотца Давида, тишина души и отдохновение разума! Сколько раз ты настраивала душевые струны на молитвенный лад и упокоевала в Боге удручённый дух человеческий! Помоги же и на этот раз в горестях и нападках злых людей, дай сил душевых перенести эту бурю и верни в смиренное сердце надежду!

Уже в восьмом часу вечера в келью заглянул Михаил с виноватым и испуганным видом. Игумен не стал ему выговаривать за отсутствие, понимая, что это так же звено в череде сегодняшних событий.

Утром, помолившись с поклонами у старинного образа Богородицы Невской, Тимофей в двуколке с келейником Михаилом отбыл в Петропавловскую крепость. Поехали по Невскому, потом свернули через Марсово поле на Троицкий мост. Михаил, явно чувствуя недоброе, ёрзal, озирался по сторонам.

Петропавловская крепость, страж северной столицы со времён

Петра Великого, после воцарения Екатерины стремительно восстанавливала поблёкшую было при её супруге, славу мрачного бастиона новой российской государственности. Во многом это было связано с нахождением в ней Тайной экспедиции и тюрьмы для политических преступников. Злые языки утверждали, что каждую ночь в Крепость вереницей въезжали чёрные кареты с крамольниками, заговорщиками и просто неосторожными баллясниками. Попадали сюда и те самые злые языки, слишком смело рассуждавшие на тему произвола Тайной экспедиции, но исключительно для мирных бесед, в которых разъяснялось сим языкам, что никакого произвола нет и в помине.

Те же, кто попадал в кабинеты и камеры Тайной экспедиции, уже не могли оставаться прежними. У них открывались очи мысленные, и они особым зрением видели огромного златочешуйчатого дракона, лежащего в крепости между её постройками. Иногда голова его была повёрнута к Комендантскому дому, но чаще всего он кольцом окружал Петропавловский собор, положив вытянутое рыло с холодными и грустными глазами на его паперть, как пёс на хозяйское крыльце. И становилось понятно: чтобы был Собор, пришлось нанять и дракона для охраны. Но змей не стал от этого менее страшен и не изменил своей природе, какую бы собачью верность он не изображал. И едут, едут чёрные кареты сквозь туманную ночь с жертвами для древнего зверя, чтобы стоял сей остроглавый Собор во веки веков.

Видели это чудовище и узники и служители тайной полиции, ведь нет разницы между людьми: следователь ты или арестант, начальник Тайной экспедиции или безродный пьяница; страх, живущий здесь, хватает тебя за самое сердце. Если ты следователь и инквизитор, страх притворится презрением к людям и жестокостью, ревностью к службе и даже тщеславным желаниям хорошей карьеры. Если ты попал на допрос - страх извергается потоками клеветы и оговоров на знакомых и незнакомых, друзей и врагов, и даже родственников. Иногда страх-дракон не прячется и опускает сверху из полумрака тюремных сводов свою голову с равнодушными глазами, чтобы напомнить обитателям Крепости, кто тут хозяин, кому кадят ладаном и кому поют псалмы.

Дюжий усатый солдат, стоявший у полосатых столбов, отослав трепещущего келейника назад в Лавру, проводил Тимофея к жёлтому

одноэтажному зданию, покрытому бурой вихляндской черепицей, где и располагалась Экспедиция и камеры для временных заключённых. Тюрьма была старая, петровских времён, деревянная, огороженная от остальной крепости бревенчатым невысоким частоколом. Двое часовых в будочке у скрипучих ворот имели совершенно нейтральные лица, будто они поставлены у парусинового или скобяного сарая.

В самом казённом доме, несмотря на бревенчатые стены, стояли затхлая сырость и холод, что навевало внимательному гостю (или невольнику) мысль о наличии под домом больших и влажных подвалов, «казематов», как говорили в народе.

Следователь Гордыков сидел в своём тесном кабинете один, обложенный стопками бумаг и читал донесения. На большом дубовом столе, занимавшем полкомнаты, стояла простая казённая чернильница с фиолетовыми пятнами вокруг, лежали перья, нож для бумаг, несколько трубок, потрёпанная железная мельница для кофейных зёрен. В этой подчёркнутой простоте выделялась лишь серебряная табакерка на четырёх вычурных ножках, покрытая завитками и арабскими буквами. Иконы в комнате не было, хотя Тимофея не знал, положено ли ей находиться в таком месте, за гранью христианского мира, куда не проникают лучи человеколюбия?

Лютым глазом посмотрел на Тимофея Гордыков, не предложив сесть, хотя в комнате, вплотную к столу, стоял деревянный стул грубой работы. Никакой учтивости, хоть самой малой, не было. Полновластный хозяин кабинета, титулярный советник хорошо знал своё положение и вёл себя естественно, а именно, надменно и развязно.

- Вот и славно, - сказал он таким голосом, как будто зачитывал приговор разбойнику и убийце. - Но каково? Государыня вызывает монаха на аудиенцию, оказывает свою милость, ждёт в его лице нового, верного ей епископа, а он как безумный враль и шельма, попирает эти дары своими грязными сапогами. Как следует поступить с таким человеком? Впрочем, вопрос этот риторический. Тебя же ждало игуменство и скорая хиротония. Разве не этого ты хотел?

Узник промолчал.

- Ась? – наклонил к нему голову Гордыков.

Тимофея не представлял, как вести себя в такой ситуации. Также

трудно было предположить, что его может ожидать в результате этой беседы, которая вполне могла оказаться допросом. Он решил отвечать прямо, но только за себя и не упоминать никого из знакомых, чтобы не навредить неосторожным словом. Тем более, что ощущил в своём сердце он некое новое чувство, похожее на дерзновение и упоение, на которое способно только душа невиновного человека. Чувство это хоть и не побеждало страх вовсе, но сосуществуя рядом с ним, не давало ему власти полной и окончательной. Помолчав в раздумьях с минуту, игумен ответил:

- Я хотел жить в уединённом, пусть и небогатом монастыре, служить в храме, говорить проповеди, заниматься рукоделием. По монашескому обычаю проводить больше времени в молитве. Это *те земли*, которые мне ведомы, по ним я ходить собирался и дальше. В столицу прибыл я по воле Государыни, а не по своему желанию, как раб купленный, готовый исполнять её повеления. О власти архиерейской я и не помышлял никогда, служение это мне, недостойному, не по силе. Даже и не служение, а хождение во власти. Видел я жизнь архиерейскую и не понимаю, как можно сохранить монашеские обеты и возрасти в послушании и молитве сев на престол силы. Конечно, епископское служение – славное и почётное. Знаем мы из житий множество примеров жизни святителей церкви. Но подвиги их святительские, а не монашеские. И вижу я в себе самом неготовность к таким переменам, а может и неспособность.

- Смело говоришь, игумен. Но разве нет в словах твоих хулы на сам архиерейский сан? Ты поперёк начальства идёшь, - гнул свою линию Гордымов.

- В послушании церкви – суть жизни монашеской. Если я этого не хочу, но хочет церковь, то так тому и быть, в этом воля Божия. «Епископства желаешь – доброго желаешь», так апостол сказал. На том церковь зиждется. Но сам я того не хочу и способностей в себе не вижу.

- Ты так-то рассуждаешь? Но дела твои нам хорошо известны! Сам скажешь, кто в столице ещё к заговору касательство имеет? Что Климент? А что Нифонт? А может ещё кто из Лаврских черенцов?

- Зачем же мне напраслину на братьев возводить? – твёрдо отвечал Тимофей, а сам думал: «Господи, помилуй, неужто, пропал?»

- Так и запишу, - иезуитски ухмыльнулся Гордымов. – Дерзко смотрит, дерзко отвечает, мнит себя праведником, сан архиерейский

презирает, к милости монаршей непочтителен. А вот бывал ли ты, медный лоб, в Суздале, в Покровском монастыре? Там в каменных мешках три дюжины таких предерзких попов содержится. Им чудесным образом заменяют худой язык на добрый. А коли всё на чистоту выложишь, так, может статься, и избежишь сего страха. К игуменству вернёшься...

- У монаха другая планида. И, слава Богу за всё! - с трудом ответил игумен и пошевелил затёкшими плечами: немного кружилась голова, путались мысли, ноги перестали гудеть и стали лёгким, как пустые колоды. Странно, что привычный к долгим стояниям на службе в монастыре, Тимофея так устал от допроса, длившегося чуть больше четверти часа.

- Тем более странно мне, что, рассуждая так, ты примкнул к заговору Ростовского митрополита. А что, Авдей многих в свою шайку рекрутировал? - Гордымов подходил к делу основательно. Его не волновали запирательства игумена, он думал лишь о том, сколько времени надо, чтобы страх развязал язык этому провинциальному выскочке, и какие меры для этого предпринять. Отпустить, чтобы мучился от страха в своей келье, ожидая допроса, или сразу сунуть в «шкаф» - узкую сырую камеру, столь благотворно влияющую на разговорчивость подследственных.

- Я ни о каком заговоре не знаю. Иеромонаха Авдея в Лавревижу пару дней всего.

- А сам Авдейка показал, что ты мыслям, излагаемым митрополитом Арсением, сочувствуешь, и действий Синода и Коллегии по реформе не одобряешь. И отпираться-то бесполезно, коли есть показания!

Игумен ничего не сказал в ответ, не сомневаясь, что отец Авдей никаким образом не причастен к оговору. Перед мысленным взором Тимофея появилось улыбчивое лицо ростовского иеромонаха, готового к рассказу очередной истории или байки. Лицо это посмотрело на игумена пристально, весело шмыгнуло носом и сказало вдруг голосом титулярного советника: «А вот обмороки нам ни к чему!». Сильный удар по щеке развеял видение и привёл подследственного в чувство.

Игумен Тимофея лежал на полу около стола, над ним нависал Гордымов в расстёгнутом мундире и с вонючей курительной трубкой

в руке. Подняв допрашиваемого и усадив за стол, хозяин кабинета с недовольным видом стал что-то писать на желтоватом листе казённой бумаги.

За дверью послышалась возня, топот сапог и кашель. Семён Дмитриевич встал и быстро вышел в коридор. Чей-то дрожащий голос покаянно забубнил, но слов разобрать было невозможно. Гордымов ответил громогласным отборным матом и обещаниями сослать в Лакатуй, разжаловать в солдаты и отправить в залив на льдине. Виноватый голос тихо и гнусаво заскулил. Гордымов вернулся со следами гнева на багрово-красном лице и раскурил трубку, заполнив комнату удушливым табачным дымом. Табак, видимо, был самый ядрёный, елецкий.

- Тут срочное дело, - наконец озабочено сказал он. - Я отлучусь на время к Степану Ивановичу Шишковскому, а ты подумай пока, но знай, дела твои плохи. А для раздумий извольте проследовать в отдельную комнату!

Следователь щёлкнул пальцами и удалился.

Тимофей в сопровождении двух солдат пошёл по коридору, в самом конце которого обнаруживалась железная дверь, за ней кирпичные ступеньки, ведущие в казематы. В лицо ударил сырой воздух, плотно насыщенный запахами земли, плесени, крыс и людских страданий. Кривые сводчатые потолки, покрытые серым скользким налётом, жирные капли воды, неспешно собирающиеся на балках, чтобы под собственной тяжестью, оторвавшись, плюхнуться на мокрый щербатый каменный пол, издавая звук гулкий и протяжный, более похожий на стон земли, чем на всплеск воды. Под ногами пропадало ощущение твёрдой почвы, всё становилось зыбким, как болота Невы, которые медленно расступались под тюрьмой, постепенно засасывая и поглощая все людские скорби, пряча их в зыбкой тине забвения.

Разгоняя темноту колышущимся пламенем огарка свечи, солдат распахнул одну из толстых дощатых дверей, и подтолкнул арестанта: давай, входи!

«Ну, хоть помолюсь в тишине», - подбодрил себя узник. Дверь, тоненько и печально скрипнув, захлопнулась.

Оказавшись в полной темноте и сделав шаг, заключённый вынужден, был остановиться, уткнувшись в мокрую шершавую каменную стену, скользкую и холодную на ощупь. Он вытянул руку

направо – такая же стена. Налево – пустота. Тимофей сделал четыре небольших шага влево – под ногами загремело жестяное ведро, видимо, приготовленное здесь для естественных нужд заключённых. Дальше опять холодная стена. Постепенно глаза свыклись с темнотой и стали различать грубые контуры кирпичей в стенах. Отсветы дня, как и воздух, проникали сюда через отверстия в потолке, видимо, выходившие в коридоры первого этажа здания. Пол глиняный, присыпан щебнем, тоже сырой. Находиться в этой камере можно было только стоя или сев на корточки, или, в крайнем случае, на ведро, которое оказалось ржавым, хлипким и веса человека выдержать не могло.

Стоять было тяжело, голова продолжала кружиться. О молитве невозможно было и думать: к сердцу узника, крепости его души, подступил наездник в сверкающих латах - льдистая цепенящая тоска, надёжнее каменных стен заслонившая разум и сердце от тепла и света. За первым всадником следовал второй – страх, бесформенный, липкий и вонючий, как слизь со стен камеры. Он двигался не спеша, метя в самое сердце, намереваясь сотворить там свою обитель, полностью осознавая себя хозяином положения и владыкой тюремного подвала.

Каков может быть выход из такого скорбного и тесного места, где и самой надежде нет пристанища? «Блаженны вы, егда поносят вас и ижденут и рекут всяк зол глагол...» Всё это Тимофей помнил с малых лет, не привнося в эти слова никакого личного смысла. И верно, не попробовав щей, не узнаешь их вкуса, говорил игумен Захария всякому монаху, рассуждавшему о том, чего не видел и не знал. Теперь выходило, что щи приходится хлебать полной ложкой, да в одиночестве. А они крепки, наваристы и солоны слезой страдальческой.

Слова молитвы, которые пытался произносить Тимофей шёпотом, были пусты и не находили ни малейшего отклика в разуме. Сердце же затянуло льдом, как мелкую лужу первым заморозком. Произносимые слова скрежетали ржавым ведром, осязаемо царапая лёд сердца, или гулко топали сапогами по пустым коридорам, выявляя только пустоту, бессиление душевное, немощь телесную и горестное одиночество.

Это только в умильительных описаниях подвижников Церкви указывается, что проводил, мол, сей святой время в молитве, храбро, и

как-то даже играючи, превозмогая скорби и искушения, отгоняя бесовские наваждения да плотские мечтания. Составители таких книг, видимо, сами о предмете сем никаких практических понятий не имеют. Одно дело сказать: сел на телегу и поехал. Другое дело, ту телегу своими руками сработать. Тут оси, тут колеса, клепать, строгать, плотничать и кузнечить – да всё с умением, грамотно. А тут: «сел и поехал!» Эка невидаль на готовой телеге ехать. Хочешь, сиди, ноги свесь, хочешь соломы набросай, да ложись вздремнуть! Эдак и каждый на чужой телеге ехать в царство небесное горазд, а ты свою такую смастачь-ка, а мы поглядим.

Вот монах молодой приходит в обитель, решив удалиться от мира. А ради чего? А всё ради молитвы, потому что мир во зле лежит и соблазны в нём мнози суть. На деле же выходит, что как жил человек в миру, так и в монастыре живёт, пробил уже жизненную колею и выйти из неё не может. И так день за днём, всё по распорядку, тихо да спокойно, ни тебе нужды особой, ни перемен, ни ответственности; душа успокаивается, потом размякает и унынием поражается как ржавчиной. И нет никаких внешних побудительных причин для такого инока предаваться молитве от сердца. И не холоден такой монах к Богу и не горяч; а вот в послушании усерден, и трудится с утра до вечера, и правила вычитывает все как есть положенные. По русской традиции, коей многие и монашествующие следуют, все ждут грома, чтобы перекреститься, истово помолиться и покаянно посокрушаться. И гром для многих гремит.

Тем временем на улице начинало смеркаться, и проникавший в камеру рассеянный свет стал едва заметен. В сознании Тимофея стали проноситься картины последних месяцев жизни: последняя литургия в родном монастыре, переезд в столицу по ещё гладкой зимней дороге, метель под Пskовом... А вот они уже отогреваются на Печерском подворье, закусывая солёной рыбой и пшённой кашей с мочёными яблоками, жёлтыми, с твёрдой шкуркой и мясистой сочной мякотью, чтобы вновь отправиться в путь на следующий день, обновляя след на заметённой дороге. И далее - суета Петербурга, великолепная Лавра, приём у Императрицы. Вот и торговка на мосту с пирожками (ох и вкусные же!), странная нищенка у Смоленки...

Тут сердце истомлённого невольника забилось чаще, он отчётливо, в деталях и красках стал вспоминать блаженную и её слова.

Юбка красная, а кофта зелёная - шпинатом, что ли, крашеная? Платок ветхий, козий, тёмно-серый. Вот она стоит у воды и показывает на воду: смотри, вон кандалы блестят! И вправду, что-то там лежит в воде. «Андрея Фёдоровича поминай, да всё за упокой», - сказала женщина и возвела на него взгляд, прямо посмотрев на игумена. Но там, у речки, она лица от земли не поднимала, игумен помнил это отчётливо. Сейчас же на Тимофея смотрели внимательные жемчужно-серые как весеннее небо глаза, подёрнутые как на старинных иконах дымчатой поволокой неотмирности. Блаженная смотрела и на своего собеседника и сразу сквозь него, в высокую даль, прозревая его будущую судьбу и прошлую, вовлекая себя саму в ход этой человеческой жизни с дерзновенным смирением и тихой молитвой.

Тимофея почувствовал, что, как и на допросе у Гордымова, вот-вот потеряет сознание. Пол уже пошёл рябью, переходящий в мелкие волны, так, что пришлось поддерживать себя, упёршись руками в стены.

- Упокой, Боже, душу раба Твоего Андрея... Фёдоровича, его же Ты веси, - с усилием ворочая языком во рту, словно набитом паклей, пробормотал узник. Блаженная улыбнулась одними уголками глаз и исчезла.

«Где она взяла такую кофту, зелёную, как молодая трава, всю в прожилках крупной вязки и узелках, как лист каштана. Зеленеющий лист на древе церкви...», - подумал Тимофея и рассмеялся. Видимо, в тишине подвала этот смех был услышан, потому что в дверь застучал охранник с призывами заткнуться. «Упокой, Господи...» - уже одними губами продолжил игумен. Начинало светать. Незаметно прошла ночь, уже короткая в этих местах даже в конце марта. Боль отступила, хотя и не исчезла совсем, но сознание было просветлено упрямой надеждой. От гнетущей тоски почти не осталось следов, если не брать в расчёт холодные сквозняки, иногда проносящиеся по сердцу.

Через несколько часов загромыхали засовы, дверь изумлённо скрипнула и худой пожилой солдат с седыми щетинками усов на верхней губе хрипло рявкнул: «Выходь!». Он вывел заключённого на первый этаж и проводил в пустующую камеру, где помимо дощатой койки стоял грубый столик с кувшином для воды, миской похлёбки и оловянной кружкой. В углу надменно красовалось рыжими боками привычное жестяное ведро.

Сев на жёсткие доски, Тимофея с опаской взглянул на сапоги. Вздохнул, стянул левый - эта нога меньше беспокоила, размотал холщёвую портянку, задрал до колена серые парусиновые портки. Нога выглядела хуже, чем до тюрьмы и гораздо хуже, чем можно было предположить. Голень отекла; кожа, синюшно-багровая, местами с серо-жёлтыми пятнами, шелушилась и лопалась длинными продольными трещинами. На внутренней стороне ноги была заметна сетка змеящихся фиолетовых вен разной толщины, перемежающаяся узлами и вздутиями. Возле одного из крупных узлов появилась небольшая язва, покрытая сукровицей. Вокруг кожа стала глянцевой, блестящей и зудела, как от укуса пчелы. Тимофея вздохнул ещё раз и стянул второй сапог: та же картина.

Два дня в коридорах тюрьмы стояла тишина. На допросы не вызывали, спать давали без ограничений. В положенное время приносили еду для узников. Уснуть игумену почти не удавалось, и не столько из-за открывшихся язв на ногах, сколько от внутреннего состояния, при котором стук сердца звучал слишком громко, гулко и даже раскатами. Сердце словно заняло всё свободное пространство в теле и билось даже в кончиках пальцев ног. Каждый его удар болезненно отдавался в сознании, вызывая усталость и томление, заглушая попытки произнести слова молитвы. Только в промежутках между сердечными ударами наступала на долю мгновения тишина, необъятная как небо и глубокая как пропасть, но несущая мгновение отдыха. Тимофея стал произносить слова молитвы между ударами сердца, заполняя пустоту.

Удар. Господи. Удар. Иисусе. Удар. Христе. Удар. Помилуй. Удар. Мя грешного.

Потом ещё короче: Тук-тук. Господи. Тук-тук. Помилуй. Будто в дверь стучишься.

Стук сердца стал гулким, мягким, тело становилось легче и не давило больше на разум своими болезнями. Скоро звук совсем перестал наступать и слова молитвы стали играть в этой музыке главную партию, слившись в единый поток с приглушенными ударами. Ещё немного времени прошло, и молитва опустилась в сердце, найдя в нём для себя уютное место. Как будто там была её родина, и трудное возвращение после долгого изгнания несло светлую радость и обещание отдохновения. Так велел внутренний закон,

утраченный когда-то человеком, так велел сам Дух Святой, приводящий ум, волю и веру в гармонию.

Тем временем, наступил вечер. Молитва совершенно освоилась в сердце и двигалась в нём свободно и естественно, так, что игумен Тимофей и не прилагал усилий для произнесения слов, поскольку и сам разум погрузился в тишину, и воля успокоилась. Так бурная многоводная горная река, выйдя на равнину, разливается широким и неспешным потоком, неумолимо несущимся к своей цели. Прошла ночь, за время которой игумен, видимо, пару раз засыпал. Но новое сердце, по заповеди псалмопевца, бдело, продолжая молиться, поддерживая и слабый огонёк сознания. Оно продолжало медоточить, наполняя ум сладостными струями, не доступными человеку, не познавшему тайну самодвижущейся молитвы. Такое состояние опытные монахи называли «тонким сном», но Тимофей не понимал до нынешней ночи смысла этих слов.

Пробуждение было лёгким, как переход священника после совершения литургии из алтаря на солею храма, для того, чтобы посмотреть на народ Божий и произнести назидательное слово, до того зыбкой была эта граница. Внутренний взор игумена Тимофея видел теперь гораздо острее глаз, внутренний слух слышал гораздо тоньше, чем уши, и он почувствовал внешнее движение: кто-то недобрый шёл к нему.

Через несколько минут лязгнул засов, нет, это просто охранник: зашёл, поставил привычную еду на маленький стол. Хотя, на сей раз, баланда была необычной. Выглядела она как всегда, но вот вкус и особенно аромат! Она именно что благоухала, услаждая обоняние. Лучший королевский повар, взяв самые качественные продукты, не смог бы приготовить лучше! И каждая ложка этой чудесной похлёбки, как библейская манна укрепляла узника, питая силы телесные и душевые. При этом Тимофей чётко ощущал реальность происходящего, понимая, что ничего ему не приснилось и не привиделось. Всё, что было необычного, явно имело небесное происхождение и лежало на реальном мире, как солнечный свет на предметах.

Дверь в камеру вновь открылась. На пороге стоял титулярный советник Гордымов. Вид у него был усталый.

- Пришлось сделать перерыв в нашем общении, - развёл он

руками. – Экспедиция с ног сбивается, крамола на границах, слухи при дворе, мятежный митрополит не унимается. Плюс постоянная ночная служба в картёжных собраниях – там ведь, за зелёным сукном, самое важное и потаённое вслух произносят. Да и выигрыш неплохой. Ну а дело твоё, отец игумен, поворот получило неожиданный: оно закрыто на самом верху. Извинений не приношу, служба-с. Знаю, утаил ты от меня что-то, да теперь уже и не важно, на всё воля начальства. А на этот раз твоё начальство пересилило моё.

Гордымов засмеялся собственной шутке. Видно было, что потерял он интерес к узнику. Так, хороший сторожевой пёс исполняет команды хозяина и личной ненависти к ночному татю не имеет. Тимофей внимательно слушал, начиная понимать, что его сейчас просто-напросто отпустят.

- Что ж, вольному воля! – сказал титулярный советник. – А спать-то как хочется ...

Точно так же, как и две недели назад, он развернулся на каблуках и вышел из камеры, оставив дверь открытой.

Солдат-охранник помог бывшему узнику собрать вещи и, взяв на прощание благословение, повёл через затхлый коридор к выходу. В соседней камере дверь была не закрыта, и Игумен увидел Гордымова, спящего на тюремной кровати, укрытого серой пыльной шинелью. «Блажен, кто и скоты милует», - вспомнил Тимофей весёлого иеромонаха Авдея. И вышел на волю.

В Лаврской келье на столе его ждала записка от синодского секретаря, что пришло в Синод известие о смерти игумена Захарии. Студиславльская обитель перестала существовать.

Вечером, после всенощной и панихиды по своему наставнику, новопреставленному игумену Захарии, Тимофей нашёл иеромонаха Клиmentа и расспросил о новостях. Климент был просто убит последними событиями, говорил мало, неохотно, всё вздыхал. Но главное рассказать всё же смог. За три дня произошло много событий. Во-первых, всё это время ездили в Лавру следователи и чинили допросы. Сам Климент был отставлен от должности наместника и написал прошение на перевод в заштатный Авраамиево-Городецкий монастырь, имевший хороший доход от местных ярмарок, на свободное место игумена, но прошение пока что не удовлетворено.

Во-вторых, пропал иеромонах Авдей Луков, и где он сейчас,

неизвестно. Увезли его в экспедицию, да и с концами. Но ведь нет такого закона, чтобы в конце просвещённого восемнадцатого века люди без следа пропадали!

В-третьих, митрополита Арсения осудили за оскорбление императрицы и должны были казнить, но Государыня смилиостивилась: строптивца сослали на Вологодчину под именем Андрея Враля и низвергли из архиерейского сана. Всё синодальное собрание епископов было решительно за эту меру.

В-четвёртых, архиепископ Гавриил блокировал в Синоде представление о наречении и хиротонии Тимофея во епископа Зарецкого, убедив Чебышёва в неблагонадёжности ставленника и необходимости положить представление к хиротонии под сукно до поры до времени. А завтра, об этом точно известно, будет готово официальное уведомление о том, что Тимофей, будучи игуменом Илевайской Покровской заштатной пустыни, должен безотлагательно проследовать к месту служения.

В-пятых, в освобождении игумена из застенков Экспедиции нет ничего чудесного. На допросе в камере в тот день, когда забрали Тимофея, умер какой-то важный свидетель. Дело дошло до сенатского куратора Тайной экспедиции, генерал-прокурора Глебова и вызвало у него неподдельное возмущение и гнев. Шишковский получил разнос за то, что у него на следствии умирают люди, что в европейской стране недопустимо. Европейские посланники потом императрицу об этом происшествии ехидно спрашивают, везде нос свой суют, конфуз получается! Вот всех, кто опасности не представляет, сразу и выпустили.

А тут как раз солнце пригрело, тёплый западный ветер мягкими волнами накатывал на зимнюю ещё столицу, создавая контраст между холодом земли и воды и благородствием воздухов. От этого на душе становилось так же ветreno и тревожно. В голову чередой лезли нехорошие мысли, одолевала подспудная тоска и дрянная меланхолия. Тимофей ещё как-то держался, поминутно уповая на Промысел, пусть и не понятный простому смертному, но всеблагой и спасительный. А вот Михаил ходил сам не свой, впадая в унылую задумчивость, не откликаясь на просьбы своего игумена, а порой и смахивая слезу.

Сам Михаил был сирота родом из Студиславля. Он рано лишился родителей, познал жестокую нужду и голод. Старый игумен Захария

приходился сироте дальним родственником по матери. Узнав о бедствии юноши, он буквально подобрал его у дороги, где тот спал в компании таких же, как и он нищих горемык, и привёл в монастырь. Миша, хотя и оголодавший за время скитаний, оказался очень расторопным и сообразительным. Став келейником Тимофея, он быстро обучился грамоте и счёту, проявив немалые способности. Да и Тимофей быстро привязался душой к послушнику, жалея его за перенесённые страдания.

Из Петербурга фанерная карета с игуменом и его келейником выехала ещё до рассвета 20 марта. Двадцать четыре дня в столице, как плотный сгусток времени, как целая жизнь внутри судьбы, как камень, лежащий в чистом поле. Что дальше? Налево, направо, назад? Всё одно – снег, дым, тоска.

Только вперёд. А впереди теперь лежали тысяча триста вёрст разбитых дорог ведущих прямо к Дону. И не свернуть, не повернуть коней, неспешно, будто обречённо бредущих по русской земле. И не пришпорить их, не подхлестнуть, поскольку спешить всё равно не куда и незачем. А коли начнёшь подгонять, то дорога так зашатает твою таратайку, что душу перевернёт, и скачки эти долго ещё будут вспоминаться больной спиной и поминутной дурнотой, одолевающей потрясённые внутренности.

Проехали только сорок вёрст, но дорога уже совершенно раздёргала путников. Разбитый деревянный помост, местами проваленный или даже разобранный местными крестьянами, обнажал раскисшую землю с глубокими колеями. Видимо, императрица давно в этом направлении не выезжала. Уже дважды ленивая лошадка отказывалась тянуть карету из выбоины. Михаил толкал повозку руками, подсовывая под колёса два толстых горбыля, непременно возимых русскими путешественниками, промок по колено и выпачкался по уши. Пот лил с него градом, он тяжело дышал и жаждал холодной воды.

Вот он, долгожданный источник! Чем зачерпнуть водицы? Бадьи, конечно, нет у колодца. Длинный шест журавля заканчивался обрывком верёвки, но это не беда. Небольшое деревянное ведёрце, крючок и моток бечёвки есть в любой карете или телеге.

- Эх, хороша! До чего ж славно, – бубнил Михаил, делая большие глотки ключевой воды, леденящей нёбо и язык, вызывающей ломоту

в зубах.

На этом злоключения первого дня не закончились. Через семь вёрст пути выехали в лощину, поперёк которой, смыв добрых десять саженей дороги, бурлил шумный весенний ручей. Дно этого потока могло представлять опасность, как для лошади, так и для колёс экипажа и Михаил с шестом в руках полез обследовать пучину, вымокнув до нитки. Когда преодолели препятствие, стало быстро смеркаться.

Ещё семь вёрст лесом и вот оно, долгожданное пристанище, где можно отогреться и обсушиться. Постоялый двор на вырубке, курится дымок над дощатой крышей, и ржут чужие лошади, прося хозяев о добавке овса.

Уже на подъезде к постоялому двору Михаила стал бить мелкий озnob, пересохли губы и покраснели глаза. Он устало и равнодушно смотрел сквозь набухшие веки, кутался в тулуп, и Тимофей сел править сам.

Это было единственное место для ночлега во всей округе, ближайшее селение, Тосненский Ям, отсюда в десяти вёрстах. Широкая, просторная изба в семь узких окон служила одновременно гостинным двором, шинком и трапезой. Все окна были прорублены вдоль одной стены, северной, отчего царил здесь вечный полумрак, а тёмные углы были заняты странными тенями, временами меняющими форму. В избе, за скоблённым столом, сидели два унылых бледных студента-инженера из Петербурга, следующих на вакацию в родной Торжок. Они громко прихлёбывали пустой чай и делили одинокий чёрственный бублик. На лавке в углу, подложив под голову шапку, лежал тощий мужичок с козлиной бородкой. У одного из окон, разложив снедь на широком подоконнике, сидела средних лет пара, муж с женой, оба грузные, низкие и круглолицые.

За избой, на маленьком дворе, покрытой раскисшей грязью в перемешку с опилками, тонули несколько старых досок, ведущих к отхожему месту. Здесь также располагались четыре коня в стойле под соломенным навесом, десяток гусей и дюжина кур, худая злобная собака грязно-белой масти, кривая поленица, два равнодушных кота на ней и телега со спящим кузнецом, обнимавшим чудом не пропитую вчера балодку. Чёрный непролазный лес плотной стеной окружал это утлеющее пристанище. В лесу, вероятно, водились и волки, и медведи,

и разбойники. На лысом сухом пригорке за двором сидели две собаки: рыжая, со страшными кривыми зубами и чёрная, огромная, с добродушной лохматой мордой.

- Это Белянки нашей женихи, - объяснил сухой старичок, в одиночку державший двор. – Она сама их сюда не пускает. А в гости к ним наведывается. Но как они сюда прибились, мы ни одного зверя из леса больше не видели, даже хорьки перевелись.

Мише тем временем стало совсем плохо. Его дважды вырвало, внезапно, без тошноты. Игумен и хозяин двора, старик Афанасий, положили больного на широкой лавке у печи, сняли с него сапоги и портнянки. Укрывать пыщущего жаром больного игумен запретил, требуя, напротив, приготовить чистые тряпицы и холодной воды с уксусом, для облегчения лихорадки. Но примочки и обтирания не помогали, жар нарастал час от часу и однажды слабый бред перешёл уже в потерю сознания. Из своего опыта игумен знал: даже молодой организм, ⁶ объятый как пламенем тифозной лихорадкой, может не пережить ночь.

Михаил кашлял и стонал. Лекарств не было. Ни зензиверного семени⁷, ни полынной настойки, ни липы с мятой. А чудесные порошки с мускатом и киноварью? О таких вещах во всей округе не слыхали. Даже малины с мёдом не нашлось. От жара хорошо помогает растирание одеколоном, да где ж его взять? Тут не Москва и не Петербург. Помочь больному при столь тяжёлом состоянии в этом диком лесу вряд ли чем-то возможно. Воистину, оставалось полагаться на милосердие Божие и предаваться молитве. Тимофей достал из нового холщёвого мешка маленькое дорожное Евангелие и открыл кипарисовый ларец.

Отсветы печного пламени заплясали вокруг креста. Тусклые искры рассыпались по серебру, яркие огоньки зеленоватого огня вспыхнули в изумрудах.

- Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков, - не прерывая искренней сердечной молитвы, тихо произнёс Тимофей слова, начинающие молебен о здравии болящего. Молитва его не прекращалась в глубине вертепа сердечного, творилась без слов и смыслов за пределами ума. Ум же был полон горькими думами. Глубокий контраст светлого и тёмного, надежды и ужаса смерти разрывает человека, лишая опоры, переводя в области совсем уж

тонкие и таинственные. Где ты, Господи? Лазарь, восстани! И есть ли в смерти Твоя воля? Восстань и ходи! Нет же, умри и жди воскресения. Но не все мы умрём... и время свернётся в свиток... Время и впрямь как будто исчезло из мира, и Тимофей очутился в чистом прозрачном свете, не видимом, но ощущаемом самыми тонким душевным наитием. Вот оно, то чувство, когда надежда переходит в дерзновение Иова, вопрошающего Бога о воле Его. Вот она вера, возносящая дух человеческий к Духу Господнему, чтобы просить и быть услышанной.

Вот оно, горушное⁸ зерно, а вот и непоколебимая гранитная гора, потрясаемая до основания...

- Аминь, - едва разлипая губы, сказал кузнец, появившийся в дверях. Замёрз бедолага в своей телеге.

Тимофей окинул взором избу. Все сидели в тех же позах, значит прошло несколько мгновений, а ему казалось – он окунулся в вечность. Только кузнец успел зайти с улицы внутрь.

- Православные! – раздался из угла гнусавый голос мужичка с козлиной бородкой. – Помолимся соборно о здравии болящего! Пусть согрешил он, но мы всем миром просить будем об исцелении. Как его имя-то? Михаил? Михаил! – Он кинулся на пол и трижды стукнулся лбом о доски. – О здравии Михаила!

Быстро вскочив на тонкие ножки, он кинулся к столу и жадно уставился на крест. Нехотя подтянулись и студенты. Вперевалку подошли муж с женой, оставив свою бесконечную еду. Старик Афанасий встал на колени. Кузнец тоже хотел совершить земной поклон, но потерял равновесие и неуклюже повалился набок. Козлобородый с большим рвением протяжно подпевал на молебне, то и дело кося глазами в сторону изумрудного мерцания.

«... подошёл к Нему сотник и спросил Его: «Господи, слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает...»

Во время чтения евангельского зачала стояла звонкая тишина, в которую как камешки в колодец неизвестности падали слова надежды.

«Услышав сие Иисус удивился и сказал идущим за Ним: «Истинно говорю вам, и в Израиле не нашёл я такой веры».

Кузнец, утвердившись, в конце концов, на коленях, с полным благоговением на помятом лице как в первый раз слушал евангельские строки и слёзы потекли из его голубых, как утреннее

небо, глаз.

«И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час».

Козлобородый тоненько, дрожащим голосом вывел «Аминь». Все приложились к кресту. Михаил лежал в забытьи, и его красное доселе лицо стало приобретать серо-землистый оттенок, дыхание было неглубоким и прерывистым. Это был очень плохой знак и, возможно, Михаил уже перешагнул опасную черту болезни, но игумен, не сказав ничего окружающим, продолжал обтирания и поминутно смачивал губы больного тёплым ромашковым чаем.

Ночью в бреду Михаил внезапно схватил Тимофея за рукав.

- Отец Игумен...

- Что, Миша? - с тревогой ответил Тимофея.

- Я ведь иуда, отец игумен, иуда последний. Хуже иуды, тот хоть деньги получил, а меня Гордымов припугнул слегка. А я...

- Миша, ты бредишь, это жар, - начал успокаивать его Тимофея.

- Конечно, жар... Гордымов мне сейчас будто наяву показался. Как хватил кулаком в грудь! До сих пор тут горит. Я ведь доносить согласился на тебя страха ради иудейского, письма писать в Коллегию о житии твоём: что ты говоришь, да что думаешь. Я испугался... А чего испугался? Чёрного ворона да крутого норова. А Господь заглянул сейчас в моё сердце и спрашивает, мол, что это у тебя там за ябода смердящая, в нос шибаёт?

- Эх, Миша! Не грех плох, а грех без покаяния. Некоторые так всю жизнь и ходят. До самой смерти. А есть и такие, что и на одре не каются. Так им Бог судья, а нам милосердие заповедано. Господь, он милостив, а я денно и нощно прошу у него для тебя долгих лет и здравия. Утром опять молебен послужим, крест у нас с тобой намоленный есть... а ты спи, спи.

- Прости... - выдавил Михаил и зашёлся в сухом судорожном кашле.

Перед самым рассветом, когда все, включая хозяина, спали на лавках и на полу, задремал и Тимофея, сидя в ногах у Михаила. И снился ему очень странный и тонкий радужный сон, вспомнить который после пробуждения невозможно. Только одно видение запомнилось: серебряный крест, поднявшись из ковчега и медленно вращаясь, подлетел к двери и исчез.

Дикий, надрывный с хрипотцой, лай собак, разбудил Тимофея. Серое утро заглядывало внутрь избы сквозь немытые окна. Лай не прекращался, напротив, становясь всё ближе. Тимофея с недоумением посмотрел на старика Афанасия, но тот неотрывно глядел на стол. Там стоял открытый кипарисовый ларец, и он был пуст. Тимофея ошарашенно огляделся. В углу на полу спал кузнец. Полулёжа, друг на друге, обнимая холщевые сумы со снедью, спали и муж с женой. Студенты бестолково оглядывались (с голодухи-то сон чуткий), сидя на лавке. Козлобородого в избе не было. Похоже, вместе с ним пропала и драгоценная святыня.

Михаил открыл глаза и попросил пить. И, хотя лоб его был очень горячим, глаза смотрели осознанно, с пониманием происходящего.

Растерянный игумен Тимофея и старик Афанасий вышли на шаткое деревянное крыльце, с которого открывался хороший обзор на дорогу в оба направления. С юга, со стороны Новгорода, прямо по дороге, медленно двигался козлобородый вор с мешком за спиной. Путь в сторону города ему перекрывали псы, чёрный и рыжий. Командовала диспозицией Белянка. Пятась, она давала возможность загнанному человеку двигаться точно в сторону постоянного двора. Козлобородый подволакивал левую ногу. Не иначе, был наказан при попытке убежать в лес. Белянка громко лаяла, её команда шла молча, но при малейшем не ловком движении человека, собаки выставляли напоказ острые белые зубы.

Кузнец вышел на крыльцо, сообразил в чём дело и тут же повалился на колени. Светало, блестящее солнце, цвета куриного желтка уже показалось над могучими елями. День обещал быть повесеннем солнечным и тёплым. Значит, всё начнёт вокруг таять, хлюпать, чавкать и булькать до тех пор, пока возвратившиеся внезапно морозы не превратят на время воду в лёд так, что и ходить по земле не будет возможности. Собаки тем временем медленно, но уверенно гнали беглеца обратно к избе.

- Господи, чудо! – только и смог вымолвить кузнец.

Афанасий пошёл навстречу вору и снял с него мешок. Там, действительно, завёрнутый в грязную холстину лежал серебряный крест.

- Как звать-то тебя, православный? – строго спросил Козлобородого игумен.

- Никитка... Бырляй, - жалобно ответил тот. – Не вор я, бес попутал! Нужда заставила!

Кузнец вразвалку подошёл к трясущемуся Никитке и без слов приложил кулаком по уху. Кулак у него был размером с голову годовалого младенца.

- О здравии поминать тебя буду, раб Божий Никита, - сказал игумен.

Под впечатлением от такого события, муж с женой, раскрыв котомки, пригласили всех отведать, что Бог послал. Два мешка разной снеди несли они с собой, не надеясь на чужую милость в дороге. Старик Афанасий согрел на печи воду и разлил её по кружкам.

- Еду в Петербург ко сроднику. Нашлось мне там место. Дядька родной в столичном извозе у меня. Не последний, гляди, человек, - растягивая слова, со значением проговорил мужик. Студенты с удовольствием посыпали солью большие куски чёрного, как уголь хлеба, укладывали сверху розоватые кольца лука и вялые зубчики чеснока.

- Извозом промышляет. Старшина ихний. Там все рязанские. Не рязанским там нет места. А мы свои, рязанские, - застrekотала баба.

- Ряхи ваши солотчинские за семь вёрст видно, - ухмыльнулся старик Афанасий и все тихо засмеялись. Даже Михаил прихрюкнул.

Сухой и жёсткий как подошва лещ, почти в аршин от хвоста до головы, лежал посреди стола. Перекрестившись, кузнец быстро порвал его на части крепкими руками и с наслаждением облизал пальцы.

- Ка-а-юсь, каюсь, отпустите, до ветру надо, - раздалось за дверью.

- Ещё чего! – сердито крикнул хозяин, смотря на свет сквозь янтарный бок леща. Собаки в подтверждение его слов негромко зарычали. – До вечера стоять будешь.

Потом старик Афанасий сварил яйцо и, размяв его в чашке с водой, аккуратно покормил Михаила. Все постояльцы разъехались. Отпустили и Никитку, заставив поцеловать крест, который он хотел увести из-под носа спящих путников.

Ещё десять дней, пока жар у Михаила совсем не спал, провели в избе у Афанасия наши путешественники. Только второго апреля, благо день был сухой и тёплый, решили переехать в Новгород, где на архиерейском подворье им было готово место, и где уже ждал доктор. Михаила мучал тяжёлый кашель, мокрота отходила густая, с

прожилками крови, а средств для облегчения болезни не было: кругом глухой лес.

Вот игумен и с ним Михаил, закутанный в шубу, погрузились в свою повозку. Стариk Афанасий вышел на крыльцо и, улыбаясь, сунул Белянке кусочек свиной шкурки.

- Умная у тебя собака, - улыбнулся Тимофей.

- А то! – довольно осклабился щербатым ртом старик. - Лихих людей полно в лесу. Да и по дороге всякие шалберники шастают. Я Белянку сразу, со щенячьих лет, приучил: всех впускать, но никого не выпускать, пока я сала ей не дам. Женихов она уже сама, за компанию прихватила. Но едой делится, не жадная она совсем. Вот, Никитка думал, что убежит, да собачки мои его назад загнали. Я им в тот день миску щей с хлебом выставил, заслужили.

Стариk Афанасий расплылся в улыбке, подставляя лицо первому весеннему солнцу.

В Новгороде Тимофей и Михаил пробыли до самой Пасхи, бывшей четвёртого мая. И только в Светлый понедельник двинулись в Первопрестольную. В Москве пришлось задержаться на всё лето в Симоновом монастыре у гостеприимного архимандрита Гавриила: Михаил так мучился кашлем, что все боялись, не перешёл бы в чахотку.

Но Бог миловал, обошлось.

Глава 3

*Трепещу перед чудом Господним,
потому что в бездушной ночи
никого я не спас и не поднял,
по-пустому слова расточил.*

Б. Чичибабин, 1968 год

Научным руководителем студента Теплоструева был назначен доцент кафедры истории отечества Изяслав Ратмирович Шмонин, природный русак, славянофил, курильщик, воинствующий атеист, историк спецслужб и горький пьяница, называемый всеми за глаза просто Изя. Впрочем, такая каверза с прозвищем могла дорого обойтись неосторожному оратору, и потому эпиклеса "Изя" произносилась с оглядкой и вполголоса. Из уст в уста, из поколения в поколение передавали студенты-историки легенду, как круглый отличник, комсомольский вожак и сын главного технолога завода ЖБИ Лёва Вайнштейнов был пойман Шмониным с поличным за произнесением фразы "Этот долбаный кабан Изя". На экспрессивный эпитет "долбаный", как и его синонимы, выдающийся матершинник Шмонин не отреагировал, слово "кабан" готов был простить со всей широтой исконно русской души за ящик грузинского коньяка. Но своё прозвище, гулявшее в студенческой среде с первого года его работы на кафедре, он ненавидел. Отягчающим обстоятельством послужили имя, нелепая фамилия с припёкой "ов" и гротескная семитская внешность говорившего. Все попытки Лёвы сдать экзамен Шмонину провалились. Не помогли комитет комсомола, профком, деканат, два ящика коньяка "Казбеги" от Вайнштейнова-старшего и звонок из горисполкома. Шмонин, имевший в роду фанатиков-староверов, волжских ушкуйников и красных командиров двух войн, мог быть твёрдым, словно гранитная скала. И студент Вайнштейнов, потомок бедных могилёвских сапожников, продолживших бытование на земле русской в виде советской технической интеллигенции, вынужден был перевестись в МГУ, где, впрочем, быстро пошёл вверх по профсоюзной линии, удачно присосавшись в Перестройку к экспорту цветных металлов.

Шмонин курировал все краеведческие направления на историческом факультете и выбора, у кого писать диплом по наследию Зарецкого епископа Тимофея, у Дениса не было. Сам Изяслав Ратмирович уже второй год работал над фундаментальным трудом по истории ЧК-НКВД- МВД-КГБ, заказанным ему патриотической ассоциацией ветеранов спецслужб "Кистень отчизны". Благодаря связям этой организации для Шмонина были открыты доступы в самые заветные уголки Архива МВД, Областного архива и хранилищ

статусом пониже.

После зимней сессии третьего курса, Шмонин вызвал к себе Дениса и попросил помочь (всего-то дней десять) в его архивных изысканиях: многочисленные документы требовали систематизации. Как ни рвался Теплоструев домой в Зарецк, отказывать научному он не посмел. То, что Шмонин уже всё решил заранее, подтверждалось наличием у него готового пропуска в архивы для Дениса и образца подписки о неразглашении содержимого папок из специальных секторов хранилища.

Так началась работа Теплоструева в архиве. Доцент извлекал их спецхранов объёмные тома документов, деловой переписки, приказов по личному составу и прикреплял к каждой папке листок с требованиями для Дениса: какие фамилии его интересуют, что за выписки делать. Параллельно с этой работой следовало составлять картотеку, заполнять схемы и хронологические таблицы. Ничего из того над чем приходилось сидеть дни напролёт, Дениса не интересовало.

Шмонин, худой, костлявый и скрипучий, похожий на постаревшего и не бритого Пиноккио, был неутомим. Архив, стеллажи, картонные папки и желтоватые листы с блёклыми чернилами, казалось, были естественной средой обитания этого не известного науке деревянного зверя. Денису едва удавалось ускользнуть после восьми часов муторной работы, выслушивая во след разочарованный монолог доцента. Шмонин говорил громко, его хрипящий диафрагмальный баритон вызывал дрожание стаканов и пепельниц. Музиковеды считают, что гроулинг придумал чёрный металлист Антти Боман в 1994 году, но это не так. За десять лет до явления Бомана, молодой, только что оstepенившийся историк Изяслав Ратмирович Шмонин, при чтении лекций уже опробовал хриплый рык с опорой на диафрагму. С годами его голос только понизился и всё чаще прерывался на припевы в виде трахеального кашля злостного курильщика и выкрики “Хотели!?", которыми он отмечал важнейшие исторические события на лекциях.

На десятый день глубокого погружения без выходных в историю Зарецкого НКВД и МВД 40-х и 50-х годов, Денис уже возненавидел лютой ненавистью и архив и Шмонина. Родители волновались, звонили каждый день, интересуясь, не случилось ли чего. Денис

каждый раз успокаивал их, рассказывая одно и то же про непреклонного научрука и необходимость, во имя грядущего диплома, ему помочь.

В последний день доцент вышел из самой отдалённой комнаты спецхрана, имевшей особый допуск, с картонной папкой в руках. Он положил скоросшиватель перед Денисом, отсчитывающим последние часы в хранилище и подгоняющим, как Коперфильд, медленно ползущую минутную стрелку.

- Это тебе награда за труды, - прохрипел он. - Изучи, сделай выписки, тебе будет полезно. Хорошо мозги просветляет! Да читай холодным сердцем, беспристрастно, как Геродот.

На папке была наклеена полоска бумаги с машинописным текстом: "Информатор "Сыч". 1971-1991 гг."

Первая страница дела сообщала, что под оперативным псевдонимом "Сыч" работал информатор КГБ Степан Николаевич Ермолаев, 1935 г.р., священник (с 1970 г.) и настоятель (с 1977 г.) Трёхсвятской церкви г. Зарецка, митрофорный протоиерей (с 1987 г.)

...

... Денис очень хорошо запомнил свою первую исповедь. Это произошло через неделю после дня рождения, когда ему исполнилось восемь лет. Кто-то считает, что исповедоваться надо начинать лет с семи, а особо горячие головы говорят - ещё раньше. Но дедушка Денис Ильич, в честь которого и был назван в 1994 году родившийся у Теплоструевых мальчик, будучи заодно и крёстным, не торопил с этим делом. Но когда этот день настал, Денис с дедом пришли в Трёхсвятский храм на Угольной горке рано утром. Исповедь начиналась за полчаса до литургии. Пожилой священник, отец Степан, весь белый, как лунь, с постриженной кругом седой бородой, красноватым носом-картофелиной и старческими слезящимися глазами долго перед исповедниками перечислял грехи, большинство из которых не были знакомы восьмилетнему мальчику. После этого люди стали подходить к священнику поодиночке. Денис с замирающим сердцем перечислил отцу Степану, густо пахнущему ладаном и воском, свои страшные грехопадения, ожидая за них суровые епитимии. Но вместо того, чтобы упрекнуть новоисповедника, пожурить его, отец Степан начал радостно хвалить его: "Как хорошо, что ты ходишь в храм, люби богослужение, ходи к

причастию, слушайся старших", и всё в этом духе. Потом уточнил, не внук ли Денис старому Теплоструеву. Оказалось, что внук. Тогда священник принял хвалить Дениса Ильича, вспомнил, что тот ходил в храм в самые трудные годы хрущёвских гонений, что сохранил веру, и вот, теперь растит внука-христианина.

Денису было очень приятно слышать такие слова, и он даже немного загордился родством со своим дедушкой, снискавшим уважение главного священника Трёхсвятской церкви. С этого времени Денис стал ходить на исповедь исключительно к протоиерею Степану Ермолаеву. Тот каждый раз, рассеяно выслушав заготовленное исповедание, упоминал о дедушке и спрашивался о его здоровье. Так продолжалось до 2008 года, до самой смерти отца Степана. К этому времени Денис уже почитал старого протоиерея за духовного отца и даже спрашивал совета в вопросах сложных подростковых взаимоотношений. На следующий год умер и дед Денис Ильич.

Со временем память Дениса, перемешав все события, сделала из деда и Трёхсвятского настоятеля закадычных друзей и соратников, находившихся в духовном ополчении в безбожные советские времена. Их фотографии висели рядом в доме Теплоструевых и память отца Степана чтилась наравне с дедовой...

Архивная папка, что лежала на столе перед Денисом была полна доносов, рукописных и машинописных, за подписью информатора под псевдонимом "Сыч". Все бумаги можно было разделить на две категории: с информацией о собратьях-священниках и с выдержками из исповедей прихожан. Более сотни страниц (в описи значилось сто тридцать пять документов) исписанных бисерным почерком протоиерея Степана или, после восемьдесят четвёртого, отпечатанные на хорошей пишущей машинке, содержали информацию о мыслях, чувствах, поведении десятков, даже сотен людей.

Вот, в июне 1974 года, Сыч отчитывается некоему Лихачу, что трижды уже за последний месяц беседовал со священником из Лесного Озера, иеромонахом Павлом, но никакой информации получить от него не смог, поскольку тот ведёт себя крайне осторожно, бесед избегает, при попытке откровенничать, впадает в юродство. Вот, в декабре 1975 года, Сыч сообщает, что настоятель из Лесного Озера, видимо, совсем не склонен к сотрудничеству, потому следует принять к нему ограничительные меры.

Вот отчёт от мая 1976 года, в котором подробно описана подготовка агента Эзопа к рукоположению в дьяконский сан с приложением положительной характеристики.

А вот пространная записка о прибывшем в 1981 году в Лесное Озеро иеромонахе Мартирии (кодовое имя «Инвалид») с выдержками из его бесед и незаконных проповедей, в конце приписка: “По моему мнению, к сотрудничеству не склонен”.

А вот три подряд записки 1975 года о новом прихожанине - главном художнике Зарецкого горисполкома Теплоструеве Д. И., а следом, отчёт о том, как художник пережил три проработки в райотделе КГБ и, наконец, перевод на маслозавод в качестве оформленителя. Денис Иванович, видимо, не подозревая ни в чём отца Степана, продолжал ходить к нему на исповедь...

Денис не заметил, как вошёл Шмонин. Доцент ткнул в папку пальцем и сказал:

- Грош цена этой вашей вере! Я, как учёный, знаю цену всей преподобной братии. Как там сказано: “Нет ничего тайного?” Да, для историка с доступом в спецхран, это так! Хотели!?

Теплоструев, хоть и был потрясён до глубины души, стал протестовать:

- Везде есть ренегаты и отступники, но это ничего не меняет!
- Тебе что, мало? - рыкнул Шмонин.
- Может он раскаялся! Покаяние возможно даже для разбойника...
- Ну, ты даёшь! Сколько он судеб загубил, твой поп в митре? Да ты, похоже, ничего не понял.

- Ну, ладно, отец Степан, - попытался возразить Денис, - но хороших примеров даже в нашем городе гораздо больше! Православие вообще держится на личном примере, руководстве, старчестве. Был же отец Павел, хотя я не знал его лично...

- Денис, чтоб тебя поперёк, - прохрипел доцент, - ты историк или имбецил? Ты на стороне фактов и здравого смысла или вера тебе мозги съела? Это всё такие старцы, что только Сусанну им и подавай! Не знаю про Павла, но, думаю, на любого из них нарыть можно. Ладно, дам тебе ещё на один зубок, да смотри не поперхнись. Хотели!? Сам напросился!

Шмонин извлёк из стопки картонных папок одну, потяжелее, и бросил в руки Дениса и тот, от неожиданности, еле успел поймать.

- Вот тебе мина! Бах! - Рявкнул научрук и, похлопывая себя по карманам в поисках зажигалки, ушёл курить на улицу.

Иеромонах Мина приехал в Зарецк в 1992 году и поселился в только что переданном епархии аварийном деревянном корпусе бывшего Предтеченского монастыря, закрытого ещё в 1930 году. Из остальных зданий обители ещё не был выведен интернат для психоневрологических больных. Год отец Мина прожил бок обок с пациентами, едва осознавшими себя и окружающий мир. Выглядывая из окон своей кельи, он видел парившую над обителью душевнобольных громаду полуразрушенного монастырского собора. Не так уж много по меркам истории, всего-то сто с лишним лет, прошло от дня торжественного открытия величественного храма до его полного забвения унижения в начале двадцатого века. С тем же рвением, с каким предки созидали эту каменную твердыню духа, их потомки громили и растаскивали не нужный им объект культа, символ старого мира, отживший предрассудок тёмной эпохи.

В 1995 году архиереем был подписан указ о возрождении Зарецкого монастыря, а одновременно, решением администрации области весь комплекс зданий внутри каменной ограды обители был передан церкви. Отец Мина стал единственным насельником и временным наместником возрождаемого древнего символа города Зарецка и сам, не желая того, превратился в некая эмблема состояния духовной жизни того времени.

Интерес к запретным ранее религиозным темам был в те годы так велик, что старый храм Трёх Святителей в праздники был набит, словно автобус в час пик. Продажа религиозной литературы, икон и мелкой утвари стала делом прибыльным. Особенно хорошо продавался "Молитвослов на всякие нужды", а с ним книги типа "Чего нельзя в великий пост" и "Ерейский заговор против святой Руси". Серебряные нательные кресты, именуемые в отчётности "подвески", что наводило на мысль о приключениях мушкетёров, были жирной статьёй доходов духовенства. В топе продаж было и многотомное "Добротолюбие" (или выдержки из него) - свод древних монашеских канонов поведения и правил таинственной дисциплина разума, именуемой "умной молитвой". Из "Добротолюбия" и других писаний отцов-пустынников, взяв в руки увесистые фолианты, где слова с ятями и ерами, хитросплетались в кружева тайного знания,

вчерашние комсомольцы, коммунисты и беспартийные узнавали столь таинственные понятия, как “откровение помыслов”, “тонкая прелесть”, “умное делание”. Но главное слово, наиболее понятное советскому человеку было “послушание”, которое есть выше (о, гораздо выше!) такого тяжёлого поста (без привычных колбасы и телевизора) и важнее такой мудрёной науки сердечной молитвы.

Простые миряне, семейные люди, матери-одиночки, гуманитарная интеллигенция и технические работники приобретали репринтные издания отцов-духовидцев четвёртого и пятого веков, дабы разжечь в своих душах огонь самодвижущейся сердечной молитвы, которая, по обещаниям тех же подвижников, приводит адепта к неизъяснимой сладости и умилению, и, следовательно, слаше колбасы и увлекательнее телевизора.

В комплекте с “Добротолюбием” шли монашеские чётки, дабы вдохновлённые чтением отцов искатели особой благодати всегда могли знать, сколько раз они произнесли: “Господи, помилуй”. Мужчины предпочитали плетёные чётки чёрного цвета, женщины выбирали поярче - жёлтые, красные, коричневые и даже бирюзовые. У некоторых счастливцев уже появились деревянные - “иерусалимские”, пахнущие жарким песком иудейской пустыни и кипарисом.

Осознав насущную потребность в смиренном подчинении, и причислив себя к объектам этого явления, возбуждённая масса стала лихорадочно оглядываться вокруг в поисках субъекта послушания. За неимением духовносных отцов, в разряд старцев и стариц сразу причислялись все, кто ходил в чёрных одеяниях, дававших, как казалось, пропуск прямо к специхрану благодатных даров. Слово “монах” ассоциировалось с “преподобный”, и, воспитанные на понятии “дефицит”, люди прилагали значительные усилия для достижения цели. Главными точками, вокруг которой нарастили кристаллы общин, были люди в чёрных подрясниках, объявившие себя духовными руководителями, или назначенные нетерпеливой толпой старцами, а иногда - откровенные мошенники. Храм, таинства, святое Евангелие были, конечно, необходимыми, но не главными атрибутами духовной жизни, в центр которой была помещена на недосягаемый пьедестал фигура духовного отца в чине “старца церкви”, соответствующего не менее чем сакральному титулу “генерала спецслужб”.

Иеромонах Мина, принявший сан в 1976 году в возрасте 30 лет, и сменивший за время своего служения два монастыря и десять приходов в четырёх епархиях, поначалу вовсе не жаждал такого обожания и поклонения. Прямо скажем, старчество в его планы не входило: в Зарецк он перебрался совсем по другой причине. Но поскольку в округе после смерти отца Павла (ведшего к тому же в последние годы полузатворнический образ жизни в Лесном Озере), других монахов не было, народное сознание быстро атрибутировало отцу Мине все необходимые свойства. Конечно, в Лесном Озере продолжал служить другой иеромонах, отец Мартирий, но он в силу болезненности, неказистости, молчаливости и некоей даже неприятной, не харизматичной юродивости, на роль старца не тянул совсем. А старец без харизмы, что петух без гребешка!

Со временем паломнические волны так укатали дорожку к настоятелю Зарецкого монастыря, что он стал местной религиозной достопримечательностью, наряду с Лесноозёрским скитом и колокольней Петропавловского собора, высившейся на Крепостном холме. Возбуждённое народное сознание стремительно сформировало вокруг нового старца почтительное благоговение, и, как следствие, породило странные домыслы, нелепые мифы и героические легенды. Тут и отец Мина, получивший в честь миллениума сан игумена, наконец, ощущил себя полновесным кормчим забитой народом ладьи, движущейся из богоchorческого прошлого в светлое Беловодье будущего. Уже в 2001 году он пышно отпраздновал 55-летие. Более пяти тысяч человек обедали в три смены в монастырской трапезе, где чествовали юбиляра. В первый заход присутствовали секретарь епархии (архиерей отдыхал в Бадене, но прислал благословение), знатное духовенство, глава города, председатель Думы, весь депутатский корпус и два десятка местных бизнесменов первой руки. Во второй заход - ближний круг мироносциц, бизнесмены средней руки, духовенство попроще, не крупные чиновники. На третий круг (еды и вина было более чем достаточно) - все остальные. Впрочем, сам виновник в это время уже принимал сауну с массажем в компании секретаря епархии и председателя Думы, закусывая капитулянтское баварское пиво патриотической российской осетриной. Одним из подарков юбиляру был чёрный автомобиль Тойота с кожаным салоном, вошедший тогда в моду у чиновников: так настоятель завёл

собственный выезд.

И если раньше, на протяжении более чем двадцати лет, отец игумен, человек жизнелюбивый, уютный и любвеобильный, горько сожалел о принятии иноческих обетов, то теперь он окончательно успокоился. Да, это факт: постриг в 1976 году был принят на эмоциях; тогда его, Максима Кащеева, соблазнил (исключительно в плане выбора жизненного пути) архимандрит Ювеналий, видевший в каждом встречном потенциальном носителем клобука.

В 2006 году на 60-летие игумену Мине был пожалован сан архимандрита, а в отреставрированном монастыре проживали два иеромонаха, изгнанные из Лавры, иеродьякон, трижды лечившийся от алкоголизма, два немытых бородатых послушника и влиятельная женская община во главе с монахиней Василисой, заправлявшей всеми делами в обители. К этому времени новые духовные скрепы в виде супермаркетов с 3D кинотеатром, плазменных телевизоров и дач-огородов оттянули две трети народа из храмов, но настоятель не унывал. Он уже привык делать ставку не на количество, а на качество. Он быстро понял, что тягаться с голливудскими блокбастерами, показывающими эпические баталии, с телевидением, транслирующим мировую войну и битвой за урожай в условиях укрывного земледелия - тщета и пустая трата сил. Конечно, отец Мина не забывал попугать войной своих прихожан, напомнить им об ужасах американского образа жизни и алчных заокеанских ястребах, но делал это не как другие священники - для консолидации паствы, а больше для проформы, дабы быть в тренде. И пусть некогда многочисленная народная толпа на Рождество и Пасху теперь зияла широкими проталинами, словно косогор, пригретый мартовским солнцем, в алтаре с толстыми душистыми свечами в крепких руках стояли не менее трёх десятков особых гостей, именуемых по новой моде "вип персонами". Среди приглашённых в святая святых были наиболее активные из жертвователей и благоукрасителей монастыря, особо влиятельные из чиновников и вездесущие отставные офицеры спецслужб (на всякий случай).

Да и собственный бизнес у отца архимандрита шёл хорошо: он открывал уже второй супермаркет в окрестностях монастыря.

Архивная папка с досье на настоятеля Предтеченского монастыря Максима Викторовича Кащеева была весьма пухлой. Докладные

записки кураторов - ежеквартально, прослушка - постоянно, обзоры осведомителей из числа приближенных - регулярно. Встречались совершенно невероятные документы, например, расшифровка конфиденциальных переговоров настоятеля с партнёрами по бизнесу и чиновниками городской администрации, где обсуждались суммы благовозвращенных на счета попечителей госсредств, выделенных на восстановление обители. Или текст беседы настоятеля с отставным полковником внутренних войск и действующим начальником районного ГИБДД о трёх русских добродетелях: послушании (без которого начальству трудно), винопитии (без которого трудно народу) и откатолюбии (что и в самой церковной десятине заложено), на которых строится особая русская духовность, противостоящая растлению безбожного запада...

Денис достал из дела прозрачный файл с несколькими листами бумаги, испещрёнными столбиками цифр. Из записи следовало, что вплоть до 2001 года иеромонах Мина перечислял довольно крупные суммы некоей Валентине Николаевне Мяспустновой, жительнице Клина. Кто эта женщина и почему она была бенефициаром столь больших денежных потоков, пока ясно не было.

Порывшись в папке, Денис обнаружил копию записи некоего капитана Карасёва, датированную мартом 1992 года (институт уполномоченных мутировал по форме, но пока ещё сохранял свою суть), где сообщалось, что ожидается приезд в Зарецк клинского иеромонаха Мины Кащеева, известного тем, что в 1979 году, разочарованный в монашестве, стал незаконно сожительствовать с бывшей послушницей тайной женской общины из с. Беспутниково Валентиной Мяспустновой. За пять лет, пока не прознал епископ, у них родилось две дочери - Нина и Тамара. А в 1985 году, под давлением архиерея, монах якобы покинул незаконную семью, был рукоположен в иеромонахи (?) и отправлен в официальный монастырь, откуда сразу сбежал, купив молчание настоятеля. Архиерей не преставал давить на нарушителя монашеских обетов и отправил его под запрет. Находясь в изгнании, иеромонах занимался мелким бизнесом, потом был восстановлен в правах, сменил несколько приходов и даже епархий.

В 1992 году иеромонах Мина переехал в Зарецк, спасаясь от гнева нового епископа. Из других документов следовало, что в 2000 и 2001

годах отец настоятель приобрёл две квартиры в Москве на имена Нины и Тамары Мясопустновых. А в конце 2001 года в Зарецк переехала Валентина Николаевна, сразу же принявшая постриг с именем Василисы. Поселилась она за оградой Зарецкого монастыря, приняла в свои руки бразды правления финансовой стороной обители, и собрала вокруг себя крепкую и многочисленную женскую общину, так контрастировавшую в плане организованности с мужской половиной...

Когда Денис стал изучать следующий документ, ему показалось, что он попал в волшебную сказку. Оказалось, доходы околоцерковного бизнеса Кащеевых-Мясопустновых были столь велики, что легко конкурировали с провинциальными торговыми-финансовыми империями Кобецкого и Хохова. Но при этом, словно в некотором царстве-государстве, сам игумен в полукриминальной бизнес-среде именовался Кащеем, а Мясопустнова - Василисой Премудрой! А были ещё Три Богатыря: настоятели двух зарецких и одного лебединского храмов, пытавшихся совместными усилиями выйти хотя бы на треть суммы доходов Кащея.

Денис взял в руки полароидную фотографию из папки: на фоне монастырского храма без куполов стояли, пожимая друг другу руки, улыбающийся иеромонах Мина и квадратноголовый заместитель председателя гордумы Иван Хохов, бывший глава крупнейшей бригады ракетиров в Зарецком районе. Чуть поодаль - фигуры Василисы, ещё двух послушниц и трёх телохранителей Хохова.

Денис сидел за столом, туповато глядел на россыпи документов и пытался осознать прочитанное. Выходило, что все, кому он доверял, все городские настоятели, протоиереи и архимандриты, говорящие от имени церкви были не просто людьми немощными душевно, а состояли в записных обманщиках, попирающих заповеди! Ибо нельзя говорить с амвона одно, а жить по-другому. Корыстолюбие, любостяжание, сознательное введение в заблуждение, стукачество, коррупция - вот изнанка их овечьей шкуры. Всё оказалось фальшивым, ложным, всё! Так существует ли правда на белом свете?

Через полчаса вернулся Шмонин, неся под мышкой блок дешёвых сигарет. По дороге, судя по задорному блеску глаз, видимо, он успел опустошить неизменную фляжку подозрительно дешёвого коньяка "Командирский". Он окатил рыкающим торжествующим смехом

обескураженного Дениса и опять ушёл курить.

“Здесь есть обман, но непонятно где именно”, - подумал Денис в растерянности. Это не был прямой подлог, фальсификация, пропаганда или промывание мозгов. Шмонин совсем не лукавил и не манипулировал фактами. Обман был не на шмонинском, а на другом, более глубоком уровне, до которого мысль Теплоструева не добиралась, путаясь в тяжёлых сетях фактов. Обман, тем не менее, был.

В минуту маловерия, трусливого сомнения, колебания душевного советуют святые отцы обратиться с искренней молитвой к Богу, как делал это апостол Пётр: “Верую, Господи, помоги моему неверию”. Сложность, даже невозможность, выполнения такого совета была для Дениса в данный момент пугающе очевидной. “Если в открытом море на вас напала акула, возьмите багор и отгоните её меткими ударами в область головы”. Вот ещё один пример подобной инструкции. Если вы потерпели крушение и плывёте на обломках шлюпки через стаю саблезубых подводных хищников, то откуда, позвольте поинтересоваться, у вас возьмётся багор? Денис попробовал произнести заветную формулу, но выговариваемые одними губами слова застревали в гортани как сухой картон. От слов молитвы было не то что не лучше, а было так больно, будто на открытую рану лили жгучий состав. Короче говоря, слова были, а молитвы не было.

Истины Евангелия - тверды как алмаз, они могут подвергаться словесной огранке святых отцов и шлифовке учителей церкви, но они не меняют своей богодухновенной структуры, твёрдости и сложной однозначности. Истины эти и неизменны во времени и доступны прямо сейчас: бери, пользуйся! Теперь, через долгое время, Денис нашёл определение своему тогдашнему состоянию. Он называл его “кризисом доверия”, в противовес кризису веры. В тот день он не потерял веру в Бога, а утратил доверие ко всем своим современникам, говорящим от имени Церкви. Но тогда провести разделятельную черту было невозможно, шок был слишком силён.

Денис сунул руки в своё видавшее виды пальто и пошёл отмечать пропуск. Практика закончилась. У входа курил Шмонин, но глянув на вытянутое лицо своего студента, он не стал насмехаться, а только головой покачал:

- Хреновый из тебя Геродот, Теплоструев...

Дорога от областного центра до Зарецка на электричке занимала почти два часа. Большими хлопьями падал невесомый февральский снег, то и дело завихряясь в круговороты и снежные смерчи. Сцепленные в зелёную скользкую колбасу вагоны были дружелюбно натоплены и пахли прелой овчиной и креазотом. Теплоструев, в горестной задумчивости, протиснулся в двери электрички и занял место у окна, решив в полной мере предаться своему разочарованию. За несколько секунд до отправления напротив опустилась запыхавшаяся девушка, с ещё не растаявшими на лице снежинками.

Конечно, Денис видел её раньше. Девушка училась в одном с ним университете, только он - на историко-архивном факультете, а она - на журналистике. Была его соседка по вагону, как и сам Теплоструев, из Зарецка, но училась в другой школе, той, что на Монастырской горке, тогда как Денис заканчивал старейшую в городе гимназию имени Руно-Орошенского с углублённым изучением истории и, почему-то, биологии. Да и за три с половиной года обучения в одном институте знакомство свести не было повода. Теперь они сидели в вагоне электрички друг напротив друга: она - лицом по ходу движения, чтобы голова не кружилась, а Денис - спиной, отрешённо считая проносящие мимо во мраке электрические опоры.

Несмотря на мороз, девушка была без шапки и её карамельного цвета волосы, слегка выющиеся, ниспадали тяжёлой волной на тёмнокрасный пуховик, на рукавах которого почти стёрлись белые нарисованные снежинки.

- На каникулы? - Спросила она Дениса. - Что-то поздно! Три дня осталось.

“Сто сорок шесть,” - подумал Денис, провожая очередной столб.

- Скажи это научруку, - невесело буркнул он, переводя взгляд от окна на тёмно-красный пуховик. Девушка улыбнулась. Денис попытался из вежливости растянуть губы, но они замёрзли в гримасе досады и боли.

- Я - Денис, - выдавил он.

- А я знаю, - просто сказала девушка и протянула ему ладонь. - Юля.

“Точно, Юлия, я тоже знал”, - подумал Теплоструев и взял маленькую ладонь в свою, кивнув в знак согласия. Он чуть дольше, чем предписывал этикет знакомства, подержал её пальцы в своей руке,

ощущая живое тепло, столь желанное сейчас его истекающей обидой и разочарованием душе. Выпустив её ладонь, он опять посмотрел в окно, в котором сквозь вечерний зимний сумрак плыли кособокие пристанционные домики - проехали Смысловку. Через несколько минут уже стемнело до такой степени, что окно электрички превратилось в зыбкое дрожащее зеркало. Теперь в нём отразилось лицо Юли, исчерченное полосками света от подслеповатых станционных фонарей.

Денис подумал, что пора доставать бутылку. В рюкзаке у него, посылая настырные сигналы сознанию, лежала заветная чекушка водки "Баргузин" с рельефной фигурой бродяги на этикетке и рискованным девизом: "Молодцу плыть недалёчко!".

Когда он выходил из архива на ватных ногах, растёкшийся как кисель, накрытый волной жутких образов и неотвязных безжалостных мыслей, твёрдым было в его жизни только решение напиться. Чекушки, по мнению студента третьего курса, вполне хватило бы. Смех доцента, точнее - привязчивое злое хихиканье, всё ещё звучал в ушах Дениса вперемешку с шмонинским кашлем, хрипами и возгласами: "Хотели!?" Ему опять казалось, во всём, что произошло за сегодняшний, день виноват этот ехидный доцент Изя Шмофистофель. Именно он разрушил в одночасье всё, во что верил Денис, чему придавал значение и что любил всем сердцем.

Как любой русский человек Теплоструев на генетическом уровне питал доверие к целительным способностям водки. Кризис и разочарование любой глубины преодолимы, если их растворить в достаточном количестве резкой и обжигающей на вкус прозрачной жидкости. В мире, где вера стала разменной монетой, где слова евангельские тасуются, как колода карт, где Шмонины, не вынимая смрадных сигарет из расселин ртов, подстерегают тебя за каждой архивной полкой, дабы огреть пыльной папкой с тяжким чугунными листами неожиданной правды, где страх и раболепие разъели умы и души служителей алтаря... В общем, в этом самом мире остался лишь один незамутнённый родник, припадая к которому, можно обрести всё, что потребно для нутра человеческого - от забвения до просветления. Благодаря этой живой и мёртвой воде душа способна сойти во мрак небытия, а потом воспарить, обрести ту утраченную точку равновесия с миром, в которой жизнь становится выносимой,

или, по крайней мере, тошнота от премерзкого благухания всеобщего разврата сменяется на время хрустальной тишиной опьянения.

- Марфа, Марфа, печёшься ты и молвишь о многом, - странно и хитро улыбнулось Юлино отражение в вагонном зеркале.

- Что? - спросил Денис у отражения, словно у самого себя.

- Я помню твоего дедушку, Дениса Ильича, он в конце девяностых на реставрации Предтечинского монастыря работал, купол расписывал, фрески в крестильном приделе восстанавливал.

- Действительно, дед на склоне лет часто ходил в церковь, стал ездить по монастырям, в некоторых помогал с реставрацией. Но ты совсем маленькая была, чего ты можешь помнить? - удивился Теплоструев.

- А вот и помню, мы с тобой одного года, девяносто четвёртого, - немного обиделась девушка. - Память человеческая так устроена, что запоминает самые неожиданные вещи. Мы с мамой тогда часто ходили в монастырский сад гулять. Там со времён психдиспансера остались парк и дендрарий с кривыми рябинами и карликовыми соснами; пациенты всё своими руками сажали, ухаживали, у них и птичий двор был и огород. Я на уточек всегда смотрела, а мама на пациентов... В девяносто седьмом диспансер перевели в бывшую лебединскую амбулаторию, а в храме начались работы. Помню, как приехали первые монахи. Видишь, всё так и было! Дедушка твой - высокий, глаза как у тебя, тёмно-зелёные, всегда вверх смотрел, на небо, цвета запоминал. И ёщё, когда работал, бормотал что-то про себя.

- Точно, это он сто пятнадцатый псалом всегда читал. Очень его любил, вдохновение, говорил, через него приходит... "Веровах, темже возлаголах, аз же смирихся зело..."

- "Аз же рех во изступлении моем: всяк человек ложь", - поддержала Юля.

- Да, всё так и было.

Отчего-то Денису было легко говорить со своей спутницей. Она была умной и простой одновременно, внимательной и ненавязчивой, сочувствующей и ранимой. Она не действовала неуклюжие женские чары, которые так отталкивали Дениса, но привлекала зрелой и смиренной женственностью. Она не молчала загадочно, но сокрывала в себе несомненную тайну, о которой, может и не знала сама, что всегда воздействует на внутренний вектор мужчины, ориентируя его

строго по силовым линиям создаваемого этой тайной поля. И через десять минут разговора о дедушке Денис, вместо того, чтобы в мыслях носиться как щепка по волнам собственного разочарования, уже смотрел во все глаза на Юлю, чувствуя подспудное желание стать тем человеком, который разгадает эту тайну, какой бы она не была.

Потом она засмеялась, и это было чудесный, мелодичный звук.

- Ты моршишь, лоб как дед, - сказала Юля.

Денис поскоблил небритую щеку (борода по традиции Теплоструевых у него росла быстро и обещала быть гутой и мягкой) и наконец, сказал:

- Выпить хочешь?

- Э, тогда мне придётся растить косу до попы, - улыбнулась она, после чего сразу стала для Дениса своей.

Теплоструев достал из рюкзака чекушку и маленькую пластиковую рюмку, купленную на сдачу.

Электричка замерла у мигающей неоновой вывески "Загрудково", давая минуту для спокойного разлива. В окне, за весело освящённым миниатюрным зданием станции, из черноты, словно из небытия вырастала громада местного храма, без куполов, без штукатурки, с обрубленной до половины стрелой колокольни.

Тем временем все в вагоне замерли, чутьём определив наличие священного эликсира счастья в досягаемой близости. Денис наполнил рюмашку и достал обломок печенья "Мария". О закуске он не подумал.

- Увы, без Марфы, - попробовал сострить он. Юля хитро улыбнулась.

- Ты первый, - заговорщически сказала она. Денис проглотил холодную водку и потёр нос, жуя печеньку. Водка вышла наружу непрошенней слезой. Он опять наполнил рюмку, звонко булькая, и отдал Юле. Ей уже кто-то сунул в руку большую заветренную ватрушку. Все пассажиры, включая младенцев, не стесняясь, смотрели на девушку с рюмкой водки в руке, как на космонавта перед стартом. Двери закрылись, и электричка судорожно дёрнулась, зарычала и опять заёрзала взад-вперёд по скользким рельсам. Половина содержимого стопки вылилось Юле на пуховик.

- А-а-а... - протянула она.

- Давай! - раздалась команда из вагона.

Она, повинуясь незнакомому голосу, опрокинула остатки водки в

рот, с трудом протолкнула в пищевод и усилием воли уложила в желудке. Через секунду водка запросилась назад. Заткнув рот ватрушкой, она так и сидела, боясь пошевелиться, пока всё выпитое не всосалось в кровь. После этого Юля задышала часто, как после бега.

- Ещё! - сам себе скомандовал Теплоструев, налил и выпил одним глотком. Получилось лихо.

- Это я с расстройства, - объяснил Денис хрипло и вырвал ватрушку изо рта спутницы. Стало тепло, но внутренняя досада и разочарование, отступившие на некоторое время, опять вернулись и принялись стучать в сердце, пытаясь вернуться на облюбованное место. Юля смешно шлёпала губами, прислушиваясь к шелестящей теплоте, охватившей лицо и ноги.

Как по команде пассажиры потянулись к пакетам, сумкам, портфелям, даже к конвертам с младенцами, где, бережно завёрнутые, лежали такие же бутылочки с рельефными наклейками и надписями: "Акатуй", "Илим", "Пустозёрск". Все заулыбались, деловито забулькали, закряхтели. Аппетитно чихнула толстая женщина в дублёнке, крякнул безногий старик на костылях.

"Ух, хорошо", - неуверенно пробормотал пожилой учитель рисования, смиренный ровесник своего коричневом пальто.

"Пошла, родимая", - звонко воскликнула совсем юная черноволосая девчонка с множеством заклёпок на короткой кожаной куртке. Всё вокруг двигалось, шуршало, говорило. Вот она, единственная Россия, которую объединяют либо водка, либо беда.

В два глотка Денис опустошил бутылку; Юля наотрез отказалась. Прозрачная, как зимняя волна, с привкусом холодного байкальского ветра, на этот раз водка вошла гладко и легла, свернувшись калачиком, греясь, будто кот на подоконнике. Но не контролируемая слеза сбежала из левого глаза и повисла на губе. Юля протянула руку и смахнула каплю. Хмель уже шумел в голове и Теплоструева и он, повинувшись безотчётному желанию, взял двумя руками Юлину ладонь и приложил к своему лбу. Может быть, он ожидал чуда? Хотел, чтобы чёрные мысли были изъяты из его сознания этой живой узкой дланью, сильной как благословение старицы и мягкой, словно кошкина спина?

- Какая Иулия? - спросил Денис.

- Лиссабонская, первое октября.

- Далеко лететь. Мощи её есть?
 - Под спудом, там сейчас музей старинного искусства.
 - Вдвойне интересно. А мой Дионисий...
 - Надеюсь, Парижский? - предположила Юля.
- Точно, - совсем не удивился Денис такой прозорливости. - Париж, Лиссабон - уже любопытный маршрут вырисовывается... От тебя водкой пахнет.

Он опять посмотрел на свою спутницу, теперь уже чистым, промытым взором, потом перевёл взгляд в собственное сердце и заговорил вполголоса.

Денис рассказал Юле о своих архивных открытиях, о доценте Шмонине, о протоиерее Степане Николаеве, о трёх богатырях и Василисе Премудрой. Рассказал и о том, что его вера истончилась настолько, что стала незаметно-прозрачной и едва удерживала его над пропастью богоотвержения. Он сам задавал себе вопросы и сам пробовал отвечать на них, оправдывая то себя, то стукачей. Он осуждал и жалел этих людей, продавших за понюшку табака свои души, злился на всех и всё сразу, но особенно - на свою слабость и невозможность быть выше этого разврата, поскольку боялся страхом смертным, что и его самого уже засосала трясина мира сего. После того, как Денис был опустошён и плакал без слёз, Юля опять взяла его за руку и сказала только одно, глядя в глаза:

- Есть Христос, и есть все остальные. Это помогает. Мне помогло.

Смысл этих слов был слишком прост и велик одновременно, чтобы над ними можно было размышлять. Истину надо принимать, не жалея о своих иллюзиях.

- Я слабак, - угрюмо выдавил Теплоструев, осознавая как много в его вере было искусственного и нелепого.

- Нет, - серьёзно возразила девушка. - Ты сильный... И добрый.

Старый пуховик сидел на Юле очень уютно. Она расстегнула верхнюю пуговицу, показав гордую изящную шею, такую безукоризненную, какую изображают на иконах первохристианских мучениц. И весь облик её был законченным и правильным.

"Хоть что-то есть цельное в этом мире", - подумал Денис с облегчением.

В пятнах мутного света показались пригороды Зарецка, и народ в вагоне зашевелился, готовясь к выходу.

Стрикс, поглощавший бензин в больших объёмах, словно его хозяин - кофе, был заправлен и вновь мчался по многополосному шоссе.

- Почему Кобецкий решил найти этот крест, мне понятно, - сказал Борис, ухмыляясь. - Он слышал от местных старух о чудесах и всяких исцелениях, с ним связанных. Я всю эту муть отношу к кликушеству да бабьим выдумкам.

- О, нет! Далеко не всё можно свести к таким вещам. - Возразил Денис. - Ты что, в жизни не встречал ни одного отблеска чуда? Всё, что с тобой было, логично и прямолинейно? Тогда скучнейший ты человек.

- Да хоть и так. Конечно, что-то непонятное порой с каждым творится. Но, думаю, мы просто всего не понимаем, потому и ищем такие объяснения: сверхъестественные явления, парапсихология...

- Парапсихология? Это ты загнул. Про чудеса от креста известно с конца 18 века. Вот конкретные факты. Мой предок, Илья Львович Теплоструев женился в 1771 году на Меланье, купеческой дочери. Сохранились письменные воспоминания и передаваемая из поколения в поколение семейная история, как епископ Тимофей излечил Меланью с помощью возложения креста. Свидетелей тому слишком много, потому и факт этот всеми давно признан за достоверный.

- Но чудотворных крестов и икон в церкви, вроде бы предостаточно! Что Кобецкий упёрся в этот конкретный? - недоумевал Борис.

- Есть конфиденциальная, но достоверная информация, что болезнь Меланьи по всем описаниям подходит под симптомы внучки Кобецкого. Это, видимо, было решающим аргументом в пользу Тимофеева креста. А другие святыни не помогли, он и в Лавре был и в Иерусалиме. У нас, кстати, многие думают, что какой-либо святой при одной конкретной болезни помогает, эдакая специализация у них. И иконы чудотворные - одна от головной боли, другая от бесплодия, третья - чтоб огурцы лучше росли. Даже списки такие публикуют, типа справочника фармацевта.

- Ладно. Ещё?

- Про исцеление священника Иоанна Фусикова известно из

заметок Мельхиседека и записок Григория Ильича Теплоструева. Вот уже два точных свидетельства об одном и том же событии. Отец Иоанн всю жизнь прослужил в Долгополовке, что в десяти километрах о Зарецка на юг. Григорий Ильич приводит трогательные факты о семейной жизни отца Иоанна. Пишет, что их с попадьёй отношения были уважительными и даже возвышенными. Они вырастили четверых детей, но на пятьдесят восьмом году жизни (и двадцать шестом - брака) матушка Василиса тяжело заболела и очень скоро умерла. Не выдержав такого удара, отец Иоанн стал прикладываться к горькой, да всё чаще и чаще. Уже через полгода он так опустился, что забывал приходить в церковь на службу. Вразумления не действовали, народ был возмущён до крайности. Подождали немного, да и доложили епископу Тимофею. Тот велел забрать отца Иоанна с прихода и поселил на архиерейском подворье. Мельхиседек пишет, что очень жалел владыка бедного священника, но виду не показывал: первое время проявил строгость, даже голос повышал, неоднократно беседовал на темы пастырского долга и терпения скорбей. Ещё епископ нагрузил отца Иоанна работой, в основном редактированием и составлением проповедей, но отправлял и на сенокос и лошадей чистить заставлял. Физический труд, говорил епископ, отвлечению от тяжких мыслей способствует. Ещё он ежедневно сам служил молебен у чудотворного креста о даровании страдальцу облегчения. И когда отцу Иоанну совсем становилось невмоготу, так, что сбежать был готов и до кабака ползком ползти, владыка всегда появлялся, словно чувствовал, твёрдо брал за руку и в покой свои отводил. Там ставил перед крестом и вместе они молились до тех пор, пока тоска и желание выпить не отпускали отца Иоанна. На Покров 1772 года отцу Иоанну было явлено чудесное видение, после которого он перестал пить совсем. Он принёс архиерею тетради с переписанными проповедями и, осторожно заглянув в покой Тимофея, обомлел. Епископ стоял на коленях перед аналоем с закрытыми глазами и вполголоса твердил: "Помоги Господи, Иисусе Христе, страждущему рабу Твоему иерею Иоанну по великой Твоей милости и человеколюбию". На аналое лежал серебряный крест с четырьмя овальными изумрудами. Только не лежал он, а как утверждал впоследствии отец Иоанн, парил в столпе огневидного света. Почти минуту созерцал эту картину священник, потом затворил дверь в растерянности и, не зная, что делать,

постучал. "Войдите", - донёсся голос епископа Тимофея. "Владыко, благослови!" - срывающимся голосом сказал Иоанн и вошёл внутрь. В покоях на аналое всё так же лежал крест с изумрудами, только никакого света и парения заметно не было. Епископ стоял на коленях вполоборота к красному углу и делал вид, что ищет что-то. "Вот бубенчик с кадила отлетел, никак не найду" - проворчал Тимофея, застигнутый в столь нелепой позе. Видение огненного креста возымело потрясающее действие на отца Иоанна. Он почувствовал в душе некое успокоение и смирение, которого так долго искал, но не находил. Воспоминания о усопшей жене больше не ввергали его в тоску и уныние, не срывали разум в череду бесконечных и бесплодных "Почему?". Пропало и желание напиться до беспамятства. Через две недели епископ Тимофея отпустил отца Иоанна на приход. Перед отъездом тот пытался спросить у владыки, что за чудо он мог видеть тогда в келье. Но епископ сделал вид, что не понимает, велел ни о чём больше не расспрашивать, а Бога благодарить каждый день за явленную милость.

- Какая невидаль, Дэн! Человек полгода пил беспробудно, вот мозг, поражённый алкоголем, и выдал кульбит. Просто чудо-глюк.

- Но ведь Фусиков-то завязал, и завязал окончательно! Ты об этом задумайся.

- Ладно, ведь он сам этого хотел, поп твой, пить бросить, а епископ ему помог - трудотерапия и всё такое...

- Вот! Он хотел исцеления и просил об этом Бога, и чудо было явлено.

- Отвлёкся, поменял обстановку, переключился. Да и переживания стихли, чувства улеглись...

- Просящему даётся! Просящему у Бога, а не лежащему под грушей в тоске неизъяснимой! - настаивал Денис.

- У него простой запой был, если б втянулся глубоко: цирроз, деградация, то и чудом твоим не остановишь пьянку, - не сдавался Борис.

- Чудо не в громе и молнии, а в том, что человек к жизни, к пастве, к семье вернулся, что душу не погубил свою. А то, что крест воспарил, лишь символ Божьего благоволения страдающей душе!

- Вот это правильные слова! А то смерть, болезнь и безнадёга рядом с нами, рыщут, как волки...

- Что ж, вынужден признать, что никакими словами нельзя переубедить скептика, воинствующего атеиста, материалиста, базарова. Трата времени. Хотя нет, вот тебе ещё история! Всё произошло два года назад в нашем городе, Зарецке. Мой дальний родственник, Серёга Венгорский, заметил, что его дочке Ире, лет семь ей было тогда, тяжело даётся учёба. Порчерк никак не выровняет, слова в строке прыгают, буквы в словах местами меняет: Надо писать "свежий", а она пишет "всежий". Родители приличные, с образованием, уроки до полночи с ней учат. Дело не движется! К третьей четверти стала Ирка на головную боль жаловаться. Родители решили - притворяется. Усилили педагогический надзор, но без эффекта. В городской больнице все обследования прошли - ничего! А тут контрольные пошли, девочка двойку за двойкой приносит. Тут соседка, баба Нина, она в храме свечки задувает, посоветовала девочку причастить, потому что причастие, по её мнению, от всяких странных болезней хорошо помогает. А тут, говорила она родителям, без злого глаза не обошлось. Обречённый отец, никогда в храм не заглядывавший, даже из любопытства, впервые повёл девочку к причастию. Идут из церкви, Серёга совсем заунывал, но как бы с Богом разговаривать стал: "Вот, в церковь сводил, деньги на ремонт купели пожертвовал, свечки поставил, какая польза?" Почти они до дома дошли, решили через сквер наискосок срезать, ну, на Ярмарочной... И вот Ирка ногой за низкий заборчик цепляет и головой об асфальт падает. Отец в шоке: сходили в церковь! Бегом с ней на руках в больницу. Сделали снимок черепа в трёх проекциях, травматолог посмотрел: сотрясения нет, череп цел, легко отделались. Тут в травмпункт заглядывает старый рентгенолог, который снимок делал, Евгений Витальевич зовут, и спрашивает у очереди: "Кто тут Ирина Венгорская? Зайдите ко мне!" Серёга с Иркой в кабинет к нему проходят, а он снимок на негатоскоп прикрепил и указкой тычет: "А это что такое у вас?" "Где? Что? Знать не знаем!" - говорит Серёга. "А вот! Давайте МРТ сделаем, а то на рентгене не видно!" - предлагает врач. Проводят обследование и - бах! - опухоль, небольшая, почти не видная, но на мозг давит! Прооперировали удачно, без последствий, сейчас во второй класс заканчивает. Вот и сходили в церковь!

Борис молчал. Сил спорить ни у кого уже не было.

Денис достал из сумки огромное яблоко и стал его

демонстративно грызть. Было послеобеденное время, и пробки на МКАД не были столь бессмысленно бесконечны, как в час пик. Тормознули у торгового центра: надо, наконец, съесть чего-нибудь полноценного. Да и кофейку не помешает выпить перед встречей с серьёзным человеком.

Москва... Ветер трясёт предвыборными и рекламными растяжками, словно пытается освободить полотна от странных букв, складывающихся в незнакомые имена, которые ещё пока терпит сонное и ленивое время. Так, некогда, он играл тяжёлыми бархатными имперскими знамёнами, а потом и крашенными марлевыми транспарантами, пробуя, надёжно ли закреплены на них двуглавая птица или серп с молотом. Ветер победил тогда, рассчитывал победить и теперь.

А пока, кандидат Ашан обещал ударить по ценностям, его соперник Карусель предлагал головокружительное разнообразие, но не уточнял на какой политической платформе. Сеть публичных гипермаркетов для людей с ограниченными способностями под броским логотипом "ЛДПР" гипнотизировала крупной фотографией зрачка отца-основателя, в котором отразился белоснежный песочный пляж на Гоа со следами танковых траков. В глазах дистрибуторов на других плакатах, не зависимо от цвета фона, отражался, чаще всего, Лазурный берег, но, почему-то в перевёрнутой перспективе.

...А волосы у Юлии были очень красивого и глубокого цвета. Денис выяснил с помощью знакомого дизайнера, что цвет носил название то ли карамельно-пшеничный, то ли карамельно-ржаной, точно он не запомнил. В любом случае, сочетание хлеба и леденца в этом благодатном явлении было не случайным, вызывало приятные мысли о вкусной еде, лете, медовых полях, наполненных трудолюбивыми пчёлами, яблочном пироге с корицей или бутербродах с краковской колбасой... А, нет, это просто есть хочется.

- Ну что? Попробуем встретиться с историком и реставратором? - бодро сказал Борис и набрал номер городского московского телефона, данный ему Маргаритой Генриховной. Паравикин сразу ответил. Несколько минут Караваев объяснял в трубку, кто они и что им нужно от профессора.

- Сказал, что примет, - сказал Борис после нескольких минут переговоров. - Ждём звонка на мой номер, скажет адрес.

Вместо этого через десять минут зазвонил телефон Дениса, но номер не определился. Он нажал на зелёную кнопку, послушал две секунды и с недоумением сказал:

- Да, я запомню, говорите адрес.

- Это что, Паравикин? - удивлено произнёс Борис, глядя в экран своего сотового.

- Да, - растерянно ответил Теплоструев. - Адрес назвал, сказал, приезжать прямо сейчас.

- Ничего себе реставратор!

Паравикин пригласил гостей в дом с башенками, тот, что в самом начале Кутузовского проспекта, где у него была квартира - мастерская. Квартира большая, с высокими потолками, но пыльная, заставленная беспорядочно антикварной мебелью, заваленная подшивками старых газет и журналов. Целая комната была отведена под лаки, краски, мастики, доски и прочие реставрационные принадлежности.

Дверь открыла восточного вида женщина лет тридцати пяти с очень короткой стрижкой. В чёрной майке на бретельках и красных кожаных шортах она выглядела эффектно, но странно диссонировала с антиквариатом, заполнившим всё пространство квартиры. Шея, предплечья, плечи, бёдра, голени женщины состояли из одних мышц, рельефно бугрившихся при движении. В большой комнате, куда пригласили гостей, сидел сам хозяин, Иван Самойлович Паравикин, профессор истории, коллекционер. На вид ему было около пятидесяти лет, он был очень сухим, худым и даже изящным. Паравикин был одет в просторный синий халат со следами лака и красок и домашние шлёпанцы, наверное, тоже антикварные. В углу, в большом потёртом кожаном кресле, сидел маленький седой человек с кустистыми тёмными бровями и острыми серыми глазами, перед ним стоял резной столик с газетами и книгами.

- Это Олег Олегович, - представил Иван Самойлович седого старика. - А это Нура, наш ангел хранитель.

- Во плоти, - добавил из угла старик.

Гостей усадили за большой круглый стол, не покрытый скатертью, с облупившимся кое-где лаком. Тут лежали несколько стопок старых тёмных икон, и стоял на подносе сервиз со стёртыми золотистыми

вензелями. Здесь же лежали две пачки «Беломора» и потёртая круглая зажигалка с клеймом Николая Второго. Паравикин взял одну из пачек, постучал по дну, выбивая папиросину, и предложил гостям:

- Угощайтесь, это те самые, настоящие!

- Резерв ставки, - гордо сказал Олег Олегович. Сам он взял со столика трубку с бриаровым стаммелем и длинным прямым чубуком, немного погрыз загубник, но трубку не разжёг. Напряжение в комнате не спадало. Хозяин и Нура пристально разглядывали гостей, старик в углу, на который падала тень от шкафа, получалось, сидел за спинами гостей.

Нура, закинула ногу на ногу, порылась в спортивной сумке и извлекла оттуда пачку Winston. Паравикин поднёс ей огонь, прикурил сам, и они задымили. Гости вежливо отказались. От дыма ку Дениса запершило в горле и захотелось пить.

- Так зачем вам крест? - наконец спросил Паравикин.

- Действительно, - вставила Нура.

- Странное дело, всем нужен крест! - поддержал Олег Олегович.

- Я же объяснил, - ответил Борис. - Николай Иванович Кобецкий ищет его для своей внучки...

- Кобецкий? - переспросил хозяин.

- Это что за хрен с горы, вроде нигде не вспыпал, - опять донеслось из тёмного угла.

- Я пробью, - кивнула Нура.

Борис повторно изложил причину их с Денисом экспедиции. В комнате повисло молчание.

- Нуровка, сотвори-ка нам своего чайку, фирменного! - Наконец произнёс Паравикин.

- Не архимандрит ли наш за этим стоит? - вполголоса произнёс Олег Олегович. Ему никто кто не ответил, но Паравикин задумчиво посмотрел в потолок.

Нуровка чай напоминал крепкий отвар керамзита, и приводил мозг в состояние исступлённой готовности к любым неожиданностям. У Дениса с непривычки закружилась голова, и возникло ощущение парения тела над столом, а Борис с удовольствием отхлёбывал из антикварной чашки тёмно-коричневый горький настой и удовлетворённо причмокивал. К чаю были предложены маленькие розетки с чёрной икрой. Денис ел её впервые в жизни.

- Мы чего-то не понимаем, - с сомнением в голосе сказал хозяин. - Скажите нам правду.

- Сущая правда то, что вы услышали!

Хозяин зажёг ещё одну папиросу и показал ею на чашку в руках Бориса.

- Кто оценит достоинство такой вещи, что сейчас у вас в руке? Для вас это просто чайная чашка, вы прикасаетесь к ней как к куску фарфора. Вы, как и все остальные, впрочем, не способны увидеть в ней драгоценный сгусток времени, живущий в нашем сегодняшнем дне, но несущем в себе всю информацию о людях, прикасавшихся к нему за двести долгих лет истории. Это, на минуточку, сервис из походного дворца Александра Благословенного...

- Будущего старца Фёдора Кузьмича, - подсказал старик.

Борис аккуратно поставил чашку на стол.

- Вещь должна жить, работать. Музейная мумия - худшее, что может произойти с любой антикварной реликвией. Уж лучше смерть, осколки, распад на мгновения и секунды, забвение и небытие. Так что, не бойтесь.

Нура ухмыльнулась.

- Вы не ответили, зачем вам крест, - сменил тему хозяин.

- Да нам он, собственно и не нужен, - начал закипать Борис.

- Вы наёмники, я понимаю.

- Типа того.

- Тогда вас используют вслепую?

- Скорее, так и есть, - высказался Олег Олегович из своего угла.

- Когда же они все успокоятся, всё уже перерыли, - покачала головой Нура и затушила "Винстон".

- В Зарецке креста нет, - впервые заговорил Денис.

- Вы же историк, молодой человек, - обратился Паравикин к Теплоструеву. - Вы, как никто другой должны понимать, что крест этот - артефакт огромной силы. Он предназначен для великих дел государственного масштаба. Великих! А вы тут про полоумную внучку какого-то мелкотравчатого бизнесмена нам втираете. Это, знаете, как на танке за сигаретами ездить.

Нура засмеялась.

- Это же для благих дел, - возразил Денис.

- Для великих надобно, а не для благих! - повысил голос

Паравикин.

- Но и вы даже не в священном сане, - Денис, обретя смелость под действием нуриного чая, перешёл в наступление. - Спрятете Тимофеев крест в своей мастерской, как очередной густок времени?

- Это легко исправить, - серьёзно произнёс хозяин. - Я человек не женатый, могу принять схиму в любое время. Судьбы православия, страны и мира на кону. У меня миссия особая, а Олег Олегович в сущем сане генерала и мирянина может возглавить Святейший Синод. От патриаршества на время можно отказаться. Нурочка, она крещена с именем Виктория, по женской части, монастыри, семья, ну и безопасность за ней.

- Всё-таки участие в семи спецоперациях не пропьёшь, - поддакнул Олег Олегович.

- Нура, так вообще, глубоко верующий человек, - добавил Паравикин.

- Очень глубоко, - подтвердил генерал.

Нура-Виктория поскребла гладкое коричневое колено.

- Крест не у вас, - констатировал Борис.

- Если бы он был у нас, мы бы тут не сидели, - Паравикин разочарованно посмотрел на гостей и встал, всем видом демонстрируя бесмысленность дальнейшего разговора.

- Слушай, Дэн, - уже в лифте сказал Борис. - Я вижу, ты осуждаешь меня за атеизм...

- Ну, не осуждаю, - начал было Денис, но Караваев сразу его оборвал.

- Осуждаешь. Вы все такие, православные, свысока смотрите. Как баре перед крестьянами. Но сам посуди, захочу я узнать, что за люди, эти верующие, оглянусь вокруг и кого увижу? Вассиана-птичника? Паравикина, жаждущего пополнить коллекцию? Или глаз мой на Олеге Олеговиче отдохнёт? Или на мать Максову посмотреть, которая сына без угла оставила? А может, толстобрюхого попа Никишку созерцать прикажешь? Он к нам в часть приходил, когда я в Средней Азии служил, про пост и смирение рассказывал. А мы только что с боевого задания вернулись, двоих раненых принесли. Так этот батя, оказывается, из Питера от семьи сбежал, да при живой жене с тремя детьми на другой бабе женился. А ещё Нура эта...

Борис сплюнул прямо на пол лифта.

- Чем ты меня хочешь удивить? - Сказал Денис, уже выходя в двери. - Я знаю ответ. Мне один хороший человек подсказал. Но этот ответ тебе не нужен сейчас: ты до дна не дошёл, а просто на всех злишься. Думаешь, я в восторге от всего этого? Вот, в первохристианские времена, когда Дух Святой сошёл на апостолов, и они заговорили языками, люди вокруг пожимали плечами и говорили: "Ага, они пьяны, пусть идут домой!" Сейчас ситуация прямо противоположная. Весь народ указывает на "старцев", на тех, кому учительствовать подобает и причитает: "Ах, они в Духе, они пророчествуют и языками глаголют!" А эти люди просто упились и удолбались, пусть каждый и по-своему - не вином, так славой, вседозволенностью, властью, роскошью или другой какой тщетой. Это не старцы, а пыль в вихре и солома перед ветром!

- Я понял, - вдруг засмеялся Борис, - старец - это такой эксклюзив, типа сумки Луи Вютон. Есть мода на сумки, есть - на старцев: каждому свой фетиш! Но кому-то достаётся настоящая фирма, а кому-то, простодырому, Лу Ватин, китайский кожзам за 15 долларов!

Они вышли на улицу и не старая ещё женщина со следами былой красоты, побоев и пьянок на голых руках и пухлой физиономии, проходя мимо, повернула к ним своё лицо со смазанными чертами, похожими на заготовку скульптурного портрета, и, болезненно кривя щербатый рот, хрипло сказала, будто стихи читала:

- Злые вы все какие, ой, и хитрые...

Десятый час, жара спала. На улице уже начало темнеть, и Борис предложил заночевать в Москве, в пустой квартире своего друга, одинокого подполковника в отставке, жившего всё лето на даче под Павловским Посадом. Ключ от квартиры подполковник оставлял у соседей, всегда приглашая сослуживцев воспользоваться дармовым ночлегом в столице.

В двухкомнатной квартире на юге с окнами на МКАД, несмотря на лето, была горячая вода, и Денис с удовольствием вымылся под душем, а затем рухнул на диван, желая полистать подаренные Вассианом «Воспоминания об игумене Мартирии». Борис отправился в магазин за едой и чаем.

“Приснопамятный старец Мартирий Трунов: чудеса, поучения, благодатная сила исцелений, пророчества и случаи прозорливости. Записано со слов его ученика и последователя, игумена Вассиана

Голимова" - таково было название рукописи.

"Ну что ж, отец Вассиан, жги", - подумал Денис и начал читать.

"По воле Божией я, недостойный игумен Вассиан, в юные годы свои сподобился большой милости - жить в Лесном Озере с великим подвижником, молитвенником и чудотворцем игуменом Мартирием. Был я у него в послушании почти девять лет, присутствовал при его мирной кончине, своими руками облачал в мантию при погребении, унаследовал всё его имущество, среди которого есть множество святынь, икон чудотворных, частиц святых мощей, книг, богослужебной утвари и разных других предметов.

Поселился я в Лесном Озере я летом 2001 года, прожив полгода в Почаеве. Лет мне было тогда совсем мало, и я как губка впитывал всё доброе, что исходило от благодатного старца. Также вознамерился я исполнить в полноте волю своего духовного отца и принять по его благословению мантию ангельскую, о чём просил его со смиренным сердцем. Но долго испытывал меня отец Мартирий, смиряя и укрощая мой дух, дабы подвести меня вполне готовым к постригу.

Часто подступал я к нему с мольбами: "Батюшка, благослови на постриг. Сил нет, как хочется облачиться в ризы ангельские". "Не время ещё" - так отвечал мне мой духовный отец всякий раз. Или скажет слово такое загадочное, что и разгадать трудно. Раз посмотрел на меня и говорит: "Иное лекарство опаснее самой болезни". Из этого пророчества я заключил, что быть мне постриженным, но только после смерти его, что и исполнилось в точности. Темно порой выражался старец, говорил притчами, но по милости Божией мне открывался смысл его речений.

Так сердце моё и томилось, алча и жаждая вхождения в чин ангельский, хотя вкусили уже к тому времени я и сладость непрестанной молитвы, и красоту смирения, и великую тайну послушания. Сердце моё согревалось огнём любви ко всему живому, но тянулось к уединению кельи, как подсолнух к солнцу.

После девяти лет, проведённых при старце я, недостойный, взял из рук его тяжёлый крест духовничества, ибо пастырская стезя - самая тернистая и скользкая. И хоть крест тот золотой по виду, да тяжёл и края имеет острые, потому-то нести его и несподручно. Старец же не просто исповедует грехи, но способен проникать взором мысленным в сердце человеческое, оглядывая прошлое, прозирая будущее. Только

старец может вязать и решить, только он знает волю Божию.

Знание путей Промысла - наука из наук. Будь ты хоть профессор или царь, без знания воли Божией ты - слепец. А без старца волю Божию как узнать? Никак! Ходите путями Истины, так нам заповедано. А кто знает сии пути? Старец! Следование своей воле - путь, ведущий в погибель, будь ты монах или мирянин. Если человек какой и молится, и отцов читает, и ко святым таинствам прибегает, но у старца пути истинного не спрашивает, втуне труды его, во вред душе все таинства. Дух прелестный, вражий поселяется в нём. Пойдёт человек в храм, кажется ему, что молился он прилежно на службе. Ах нет, то дух прелестный кипел в нём, клокотал. А как ты узнаешь, где благодать, а где прелесть? Только у старца испросив. Для того мы и поставлены к народу божьему.

А начнёшь ты поклоны класть, откуда знать будешь, сколько да каких? Опять своеволием поразив сердце, в мечтаниях своих ответ найдёшь. А спросил бы у старца, вот и был бы цел.

А святых отцов читать станешь, как не запутаться, как не впасть в мечтания?

Смотрите же, чада, сколько акафистов издано! Некоторым святым даже по несколько разных. Казалось, бери, да читай! А всё ответ тебе один без совета старца ты никогда не узнаешь, какой акафист, да сколько раз читать.

На все вопросы есть один ответ: воля старца, она же воля Божия. Так, заменяя свою падшую волю прозорливым изволением искушённого старца, человек следует неложному пути Промысла.

Вот таким премудростям я научился от отца Мартирия. И сам пошёл по этому пути, отринув все желания и хотения свои. Потому то и прошёл я путь быстро и безболезненно, смирившись и успокоив дух. Только ревностный послушник способен пройти такой путь скоро и точно, не запинаясь, но в конце, ждёт такового награда в виде креста пастырского, передаваемого из рук в руки.

Более всего отец Мартирий любил пересказывать мне истории их житий святых, поясняя в них сложные места. Часто цитировал святых отцов. Западали сии слова мне в сердце, сотворяя там обитель, и сохранял я их с трепетом.

Самое часто для батюшки чудо, ставшее обыденным и привычным, если так можно сказать о чуде, - являться своим верным

чадам в видениях сонных. Таким образом, он и вразумлял, и предостерегал и немало утешал. Это часто было при его жизни, случается и по смерти его, что показывает, как он нас всех любит и продолжает заботиться. Я сам неоднократно был вразумляем старцем во снах. А два года назад он явился ко мне в виде соблазнительном и говорил слова хульные. Задумался я, что бы это могло значить. А на следующий день открылась в птичнике целая эпидемия куриной оспы. Так после кончины своей старец предсказал мне это бедствие.

Одному чаду батюшкину, бизнесмену средней руки, пять ларьков и шиномонтаж, явился некий световидный старец в одеждах белых и вразумил, какую машину покупать. Свет воссиял, а из света голос раздался: "Пежо!" "Что-что, не понял?" - вопросил сновидец. Только всё он понял, просто запчасти на Пежо дороже выходят, маловерие проявил. "Ужо! Пежо!" - осадил его голос, после чего гость воссиял ярче света солнечного и исчез.

Проснулся тот бизнесмен и помнит сон во всех подробностях. Нет сомнений, что это был наш батюшка, только лица своего он по смирению не показал. Многие в последнее время стали класть под подушку на ночь песочек с могилки старца, чтобы призвать его в сонном видении, и часто это срабатывает. Но многие сонные видения бывают зело туманны и не отчётливы. Потому и мне смиренному благодать дана: намёки и вразумления, от батюшки исходящие толковать, что я прямой его духовный наследник, а других нет. А если скажет кто: "Я - Мартириев", то не верьте, не ходите и не гоняйтесь: это есть искушение.

Много благодатных даров было в жизни батюшки, и много чудес своими глазами я видел. Но самых удивительных чуда - два. Одно из них - для меня сугубо личное, и поведать о нём я не могу. А о втором расскажу во всех подробностях, ибо не ставят светильник под спуд, но выносят на середину горницы.

Было это в 2003 году, после Петрова дня. День выдался жаркий, дождя уже недели две как не было. Знаете, же, глобальное потепление, атомный век. Земля раскалилась, куры попрятались в курятники, нарыли ямок и лежали там, словно кипятком ошпаренные. Утки да гуси из воды не вылезали. Огурцы погорели, так урожая в тот год и не видели. Пошли мы тогда втроём - я, батюшка и мать Вера - к реке, молебен послужить о прекращении бездождия. Встали на пригород

под берёзкой, на лой разложили и поём усердно: "Даждь дождь!" А с пригорка видна песчаная отмель на реке, там всегда ребятишки купаются, да только отмель та резко заканчивается подводным обрывом. А мы всё "Даждь дождь" твердим. Вдруг батюшка замолчал, и возглас не подаёт. Я на него поглядел, не припекло ли? А он вдруг сорвался с места и побежал по берегу. А я за ним! Бежим с пригорка к пляжу. Вижу, малой вдали от берега барахтается, вот-вот под воду уйдут, утянуло его с откоса, воды уже хлебнул, еле держится. И как батюшка разглядел? Подбегаем к воде, отец Мартирий на секунду замер, перекрестился и шагнул в воду. Да только не в воду, а на воду стал ножками. И пошёл быстро, словно по бездне стопами! Так же быстро к малому подходит, за руку его хватает и на отмель вытаскивает, а потом и на берег. А после улыбнулся батюшка мальчиконке и говорит: "Целый день, поди, в воде сидишь, вот ногу и свело!" Таково подлинное чудо! Батюшка по воде, яко по суху прошёл, даже тапочки не замочил!

А как назад шли, я задумался, что так стремительно всё произошло, и мать Вера, на ногу хромающая, на пригорке осталась, а детвора не смыслит ничего. Я, значит, свидетелем чуда этого один был. И тут посетила меня умиление великое, растрогался я прямо до слёз, почувствовал любовь в сердце своём ко всякой твари. Как в скит вернулись, я на колокольню забрался и давай звонить. Звонил я всегда хорошо, в Почаевской Лавре этому обучился. "Тумм". Это я в большой ударяю, а пока язык от края до края идёт, успеваю на малых колоколах трель пробить "там-тарам-там-тарарам", потом большой опять "тумм", а я в средний для украшения: "дон-динь-дон". А мать Вера, кряхтит, на колено припадает, лезет на колокольню и кричит: "Ты чтотворишь?" А я в порыве благодати весь, ответить не могу, бью себе, перезвоны вызваниваю. Матушка отобрала верёвки, узлом связала и с колокольни меня вытолкала. Идёт, ворчит. А как ей объяснишь, что я в радости великой от созерцания достославного чуда батюшкого пребываю. Как ей, сухой старухе, растолкуешь, что сердце моё ввысь рвётся, словно птица из клетки, и в колокол небесный обращается, чтобы звонить там звонком "дон-динь-дон"!?

Батюшка по смирению своему никогда об этом случае не упоминал и никому не рассказывал, хотя, стал на меня загадочно посматривать, как бы намекая, чтобы я молчал. Но я, грешный, памятуя о долге

ученика сохранять память о своём учителе, тапочки те припрятал. Всякий кто к нам в Смысловку приезжает, может услышать эту историю и к святыне приложиться. Мы же, благодаря усердию жертвователей, сделали для тапочек ковчежец резной, кипарисовый, с серебряными вставками. Так люди и к голове, и к пояснице, и к суставам каким больным ковчег тот прикладывают и по вере своей исцеления получают.

Был у батюшки дар пророческий, поскольку прибывал он в Духе денно и нощно. Хоть куда шёл, хоть по грибы или ягоды, не покидала его благодать чудотворений, следуя, как телега за лошадью. Часто являлись ему святые и сама Богородица, причём в местах совсем неожиданных, а для людей, не посвящённых в тайны духовной жизни - соблазнительных..."

Борис открыл дверь своим ключом, занёс пакеты с едой и озадаченно уставился в окно, прикрытое пыльной тюлевой занавеской.

- Поверь старому разведчику, за нами следят, - произнёс он.

- Да кому мы нужны! - Возразил Денис, с интересом роясь в пакетах и извлекая на свет консервы, хлеб, готовые салаты и две бутылки пива.

- Не помешает, по глотку, - заметил Борис и достал из буфета широкие стаканы с ягодками и цветами. - Белая БМВ тройка седан с номером 223 стояла во дворе дома Паравикина. Я запомнил. Под зеркалом висит маленькое кимоно с чёрным поясом. Это тот же автомобиль!

- Бред, - как всегда беспечно отмахнулся Теплоструев и отхлебнул холодного пива. Ему сразу вспомнился тот вечер в Зарецке, когда он, поддавшись уговорам Маргариты Генриховны, согласился участвовать в экспедиции с Борисом, и пригласил Юлю на бокал пива в "Субмарину", но вечеринка сорвалась из-за приглашения Кобецкого. Как только суeta дня улеглась, Денис понял, что скучает по Юле.

- Это Паравикин, эти его, больше некому, - рассуждал Борис. - Точнее, его накачанная дамочка, Нура, или как там её.

Зачем им следить? Я так понимаю, крест для них - особая тема. Тоже ищут, но не найдут никак. И думают, может мы чего знаем, выведем на след.

Денис, слушая вполуха, достал телефон и написал Юле: "Привет.

Ты как? Мы мотаемся по Москве. Есть чем поделиться." Она сразу же ответила: "Привет, всё хорошо. Уезжаю на несколько дней, надо в универ, сдать практику". Денис подумал и решил немного подразнить её: "А я пиво пью". "Предатель, без меня!" - пришёл ответ. "Скучаю", - ответил Денис и прикрепил несколько смайликов, свидетельствующих о глубине его скуки. "Люблю", - ответила Юля. Денис в ответ отправил смайлики, символизирующие глубокое сожаление и пылкую влюблённость. "Прощён" - ответила девушка. А через пятнадцать минут, когда Денис допивал своё пиво, пришло сообщение с текстом "Всё равно - предатель", за которым следовали розовые сердечки и поцелуйчики.

Борис то и дело выглядывал в окно, но из него ничего видны были только детская площадка и мусорные баки.

Утром, когда после крепкого кофе с остатками консервов зарецкие следопыты поехали в сторону Люберец, Борис не переставал следить в зеркало: не мелькнёт ли в потоке белый БМВ.

- Похоже, никого за нами нет? - осведомился Денис.

Борис промолчал, продолжая стрелять глазами по зеркалам. Через несколько минут, когда они уже свернули с кольцевой, он уверенно сказал:

- Газель с номерами 180 едет за нами от самого дома.

- Опять ты за своё! - Не поверил Денис, но правота опытного вояки подтвердилась. Жёлтый фургон, отставая всегда метров на сто, плёлся среди машин за ними до самого поворота к монастырю и свернул в лес, следя прям за "Стриксом".

Глава 4

*"Нет ничего среднего
между истиной и ложью"
Св. Марк Эфесский, XV век*

Илевайский Покровский мужской монастырь был основан по указу Петра Алексеевича во время его поездок в Воронеж и

Острогожск. Пётр неоднократно бывал в этих краях, где начиналось строительство российского военного флота. Местные старожилы показали ему удивительное по красоте место: там, где извилистая речушка Илевайка стремилась к большой донской воде через небольшие рощицы и впадала в него, огибая огромную меловую гору, сложенную наподобие стопки блинов из плит растрескавшегося известняка, поросшую поверху редким кустарником, высился над Доном огромный скалистый утёс. В самой меловой горе были обнаружены пещерный храм и кельи, относящиеся, как думали некоторые, к временам крещения Руси.

Пётр, желая возродить монашество вокруг древних пещер, выделил земли для новой обители, как по правому, так и по левому берегу Дона. Особая красота места и таинственная одухотворённая тишина привлекли три десятка насельников из казаков и «хочлов», проживающих в Лисках и Боброве. К моменту выведения монастыря за штат в 1763 году, в его владениях были обширные заливные луга, на которых паслись два больших табуна тонкошеих бурых и караковых донских лошадей, крупнейшая в уезде мельница и паромная переправа. Илевай, как просто называли новую обитель, стал излюбленным местом поселения солдат-инвалидов, многие из которых жили прямо в ограде монастыря в двух деревянных «увечных» корпусах. Несколько семейных солдат обосновались сразу за оградой, а другие – внизу, поставив избы вдоль Илевайки.

У меловой горы, изрытой изнутри рукотворными пещерами и ходами, восточный склон, смотрящий на Илевайку, был не пологий, а имел две террасы, до ста саженей в длину и не менее сорока пяти саженей в ширину. Соединялись террасы двумя деревянными лестницами, одной узкой, ведущей ещё выше, ко входу в пещерный храм, а другой широкой, с тремя пролётами. В сторону Дона, где находилась паромная переправа, были прорублены в белой меловой породе широкие ступени, в опасных местах укреплённые досками. Далее следовала щербатая, как лицо после осипы, стена утёса, увенчанного изящной островерхой меловой маковкой. Стена спускалась почти отвесно к реке, между ней и Доном была неширокая, не более семидесяти саженей полоска берега, где уместились не только домик для дежурных паромщиков, но и два дощатых коровника с выходом к воде.

С немалым волнением, или, как написал бы древний летописец, с умилением сердечным, вошёл игумен в меловой пещерный храм. С ним были келейник Михаил и два монаха, следящие за пещерами. Первое ощущение – животворящая прохлада. Буквально через час, когда жар донского солнца остывал на коже, человек попадал в уютное и приятное состояние. Атмосфера пещеры сразу не показалась Тимофею сырой и нездоровой. В воздухе ощущалась какая-то целительная сила, которую, грамотно используя и дозируя, можно было направить для лечения многих заболеваний. Немного навязчивым был, пожалуй, известковый запах, но со временем и он перестал восприниматься так остро.

Жить в таких условиях человек, тем не менее, не смог бы. Первое приятное впечатление держалось не долго. Оказалось, что возможностей организма хватало где-то на полтора-два часа, после чего пещеры начинали показывать и обратную сторону своей бодрящей прохлады. По капле, не спеша, но с неумолимым упорством, огромная масса меловой горы вытягивала из человека тепло. Начинала ощущаться и незаметная поначалу сырость. Так и кровопускание в определённых объемах благотворно воздействует на полнокровный организм, но не может же человек жить совсем без крови! Тем не менее, старожилы утверждали, что при их детстве, лет сорок-пятьдесят назад, здесь обитали монахи, устроив в пещерах кельи и печки в них.

- Да как же здесь люди жили? – удивлённо спросил Тимофей одного из хранителей, монаха Иону, чувствуя, как беспокойно загудели его больные ноги, несмотря на заблаговременно подготовленные для этого случая шерстяные чулки, плотно облегавшие голени.

- А так и жили. Зимой здесь в одном подряснике ходить можно! На улице мороз, руки сводит, здесь же, чуть печурку затеплил и – благодать! – радостно ответил Иона.

Но, помолчав, добавил:

- А я бы здесь не смог и ночь провести. Что я, крот, под землёй сидеть!? А службы мы здесь дважды в год служим, на Успение и в праздник Иерусалимской иконы.

Монахи зажгли свечи. Храм осветился подрагивающими отблесками, перепрыгивающими с места на место по слюдяным

вкраплениям в гладких стенах. Процессия прошла в алтарь. Престол был вырублен прямо из меловой породы в виде куба, возвышающего над полом. Ни антиминса, никакой-либо церковной утвари здесь не было. Не заметная поначалу сырость уничтожала ткани, кожу, дерево, бумагу, поражала ржавчиной железо. Только серебро и золото могли противостоять этому всепобеждающему воздействию сгустившегося волглого времени.

В алтаре, прямо в меловой стене были выделаны ниши для утвари и книг. Тимофей подошёл к одной из них, возле жертвенника. В ней лежали два старинных синодика. Взяв один из них в руки, игумен ощутил немалую тяжесть: обтянутые кожей деревянные обложки, пергаментные страницы. Закапанные воском, истёртые от постоянного употребления, но ещё крепкие листы были испещрены красной вязью. На первой странице крупными буквами неизвестный доброписец вывел: «Помяни, Господи, души усопших раб своих и рабынь, почивших прежде века сего от Адама и до сего дна». Далее полууставом записаны были имена благоверных князей и княгинь, и ещё несколько десятков имён. Второй синодик, написан был разными почерками, но украшен многими рисунками и витиеватыми орнаментами. Толстая лощёная бумага немного покоробилась, углы страниц обломались. Имён в этом помяннике было несколько сотен, а на задней обложке была сделана запись, что принадлежит он монаху Мисайлу. Слово «монаху» было аккуратно зачёркнуто и сверху киноварью старательно выведено «игумену».

- С Успения лежат, надо забрать, а то попортятся, - покачал головой Иона, увидев синодики.

Вокруг храма был прорублен в породе коридор для совершения крестных ходов на пасху. А от него куда-то далеко и вниз уходили тесные ответвления.

- А там что? – Тимофей посветил в одних из боковых коридоров.

- Там, отец настоятель, до самого Дона лаз прорыт, всё ниже и ниже уходит, - разъяснил второй монах, отец Лука. - Только уж сырость на такой глубине страшная и холодно как зимой. Все стены каплями покрыты, да под ногами лужи. Раньше монахи этими ходами от татар спасались. Выйдут к воде, на лодочки сядут и вниз по реке, попробуй угнаться.

- А местные мужики да бабы верят, что там до сих пор живут

подвижники, то ли трое, то ли четверо, смерть их не берёт, потому, как в чудесной горе живут, - стал рассказывать Иона. - Укрыты они от мира толщей земли, но если тихо зайти в алтарь и притаиться у стены, особенно в праздник, то можно услышать пение псалмов да тропарей. Один басом выводит, как бык-трёхлетка, двое повыше поют, голоса сильные, а один тенором серебряным звенит. Красиво величает, тонко, по-ангельски! Отец эконом, говорит, что являлось ему, да не раз, это чудное пение.

Тимофей слушал легенду с лёгкой улыбкой, а Михаил раскрыл невольно рот и весь обратился в слух: а вдруг как повезёт, да послышатся им сейчас голоса святых подвижников, хранителей пещерной обители.

После молебна в прохладном пещерном храме Тимофей поднялся на самую высокую точку берега и посмотрел вниз. Красота места сего была неописуемая! Уже спадала дневная сентябрьская жара, столь непривычная северному жителю, неподвижный воздух нехотя принимал прохладу от донской воды, всегда холодной, как знамение того, что где-то есть другие земли с их снежными просторами и низким дырчатым небом. С храмовой горы хорошо была видна серебристая лента Дона, уходящая на юг, к морю. Не далее, чем в версте по высокому берегу виднелись тростниковые крыши слободы Халявной, ранее принадлежавшей Покровскому монастырю. Заходящее солнце золотило серые пыльные вязанки тростника, так что они отливали красным и оранжевым, создавая впечатление богатого сказочного Китеж-града. На противоположном берегу паслись табуны; лошади, все в алом сиянии, неспешно подходили к воде, пили из зеркально-ртутной реки, вытягивая изящные шеи, и вдруг взрывались стремительным бегом – одна, другая! И вот уже весь табун в сотню коней уносится через займище за дальнюю рощу, обгоняя тёплый ещё ветер, пряно пахнущий парным молоком.

К вечеру успокаивалась и паромная переправа. В домике у воды оставались только два дежурных послушника. Гулко мычали монастырские коровы перед вечерней дойкой, и монахи с деревянными вёдрами, обёрнутыми чистой тряпицей, с горстями сухарей за пазухой, спускались по меловым ступеням, бормоча под нос: «Сейчас, моя кормилица, бегу, моя хорошая».

Рассветные часы в этих краях были тихи и создавали ощущение

молитвенного предстояния природы перед иконой восходящего Солнца Правды, жаждущей его тёплых лучей, как милости Господней. Подёрнутые тонкой дымкой луга на той стороне Дона озарялись светом странного, но очень сочного малинового оттенка. С первыми лучами поднимались ввысь кречеты, высматривающие просыпающихся мышей и хомяков. Важные и жирные как малороссийские купцы сурки-байбаки, не боясь никого, тут и там высовывали свои любопытные мордочки из норок в меловых склонах. Всё вокруг сквозило наивной и смиренной тишиной, сулило мир и отдохновение утомлённому страннику. Не удивительно, что и молитва сама, без усилий, двигалась в успокоенном сердце.

Утреннее братское правило в малом храме собрало всего лишь половину насельников. Михаил бегал по кельям, стучал деревянной колотушкой, но ему не открывали.

- Пора на молитву! Пора на молитву! – надрывался келейник нового настоятеля, но братский корпус отвечал ему молчанием. Одна дверь всё же открылась. Растрёпанный молодой послушник, не старше Михаила, выглянул в коридор и высоким охрипшим голосом поинтересовался: «Шо за шум?». Узнав, что новый настоятель зовёт на правило, удивился, но стал собираться. Из двадцати двух приписанных к монастырю монахов и послушников, в итоге на утреннюю молитву собралось всего десять. Не появились ни бывший настоятель Зиновий, ни эконом Дионисий. Правилом заправлял монах Иаков, уже много лет нёсший послушание келаря и заведовавший всеми заготовками продуктов и трапезой в Илевае.

Первый свой день новый илевайский игумен решил начать с осмотра монастырских владений. Для этого нужен был эконом монах Дионисий со всеми учётными книгами.

- Где отец эконом? – поинтересовался у келаря игумен Тимофей.
- Дык к Зинько ушёл, - растеряно ответил Яков, втянув голову в плечи.

- И куда же? – игумен почуял неладное.
- Дык в Халявном он сидит, изба там монастырская, а отец Денисий засветло туды с ревизией ушёл, - пробормотал монах, ещё более сжимаясь.

«Что тут творится?», - нахмурившись, подумал настоятель. В Халявное он пошёл один, быстро одолев расстояние в версту по

тропинке вдоль края берега. Михаил же остался для уборки настоятельских покоев. На отшибе небольшой слободы в двадцать дворов стояла длинная бревенчатая курная изба, построенная для пригляда за хозяйством в годы, когда сама слобода и слободские крестьяне были монастырскими. Передача этого маленького поселения в казну была единственной потерей Илевая. Чиновники Экономической коллегии больше ничего не тронули, даже взятку не попросили, хотя, пили три дня, не просыхая.

Следует признать, что монастырская реформа, прочесавшая центральную и северную Россию частым железным гребнем, мягко обошлась с южными и малороссийскими обителями. Так и Покровский монастырь на среднем Дону, формально выведенный за штат, оставил за собой почти все угодья и промыслы, включая прибыльную переправу. Многие здешние монахи и трудники были из чигов, бедных голутвенных казаков, и уходили из мира не по зову сердца, а от нищеты и неустроенности. Они приносили с собой не только дух безудержной вольницы, дерзости, но также - крепкий налаженный быт, и весёлую смекалку, замешанную на шельмовстве и пронырстве. Волнения казаков в тех краях были делом обычным, да и сенат в то время вынашивал планы терского переселения. Новых поводов горячим головам давать не стали и монастыри в казацких землях остались в покое. Но до поры до времени.

У крыльца монастырской избы в Халявном толпились одутловатые мужики, двое лежали прямо перед крыльцом. Не веря своим глазам, игумен Тимофей шагнул на ступеньку и открыл дверь в просторную хату.

Бывший настоятель Илевайского монастыря, игумен Зиновий, прозвываемый Зинько, восседал без обуви на ободранной скамье, внимательно разглядывая батарею низких бутылок тёмного стекла и ставя в амбарную книгу закорючки лысым гусиным пером. Увидев краем глаза вошедшего, он продолжал сидеть, как сидел, и только сказал:

- До пяти дюжин цециулей чистой кумышки и нагольной настойки в неделю. Законно всё, что смотришь, как вареник в сметану? Лучшие средства при разных недугах: дягиль от медвежьей болезни, чага от кислоты, пустырник от жабы, зверобой от всего, прополис тоже от всего. Ух, хороша наша монастырская аптека! Поносея!

- Панацея, - автоматически поправил Тимофей. За такие коверканья научных слов архиатер Арескин мог и леща отпустить.

Большая изба пропахла сивухой, травами, портянками, мышами и кислыми щами. Хозяин избы навстречу новому настоятелю так и не встал и братского целования не дал. Отложил перо и посмотрел на гостя.

- Вот учитель премудрости! Ты что же, и сюда добрался кросна разводить? – криво усмехнулся Зинько и зачерпнул пятерней влажной кружевной капусты из глубокой миски, отправил в рот и стал хрустко жевать. – Капустка здесь, не то, что на Москве, там оковалки с палец толщиной и кочерыги квасят. А здесь то-оненько кромсают, на ниточки, да яблок, да смородинки красной положат, да ещё секрет один...

- Ну, здравствуй, отец игумен! Чем я заслужил такую неприязнь от твоей милости? – прервал Тимофей проповедь о капусте.

- Ишь! Ещё меня спрашиваешь? Я все теперь знаю! – набычился в ответ бывший настоятель.

- Да что знаешь-то, отец Зиновий? – всё недоумевал Тимофей, не понимая, что происходит.

Зашевелилась занавеска в углу комнаты и кто-то, растягивая слова, пьяным голосом позвал:

- Борыська, пострел, ты что ли? Тащи кавуны сюда! Под лавку сложи...

Тимофей догадался, что за занавеской находился отец Дионисий, проводивший с утра ревизию монастырской аптеки, и теперь восхотевший холодного арбуза. Движение в углу усилилось и монастырский эконом, наконец, показался сам. Поняв, что это не Борис, эконом на секунду опешил.

- Ты ж его с места турнул и теперь в епископы метишь, вот он и бодачий такой, обида в нём играет, - сказал он радостно, поняв, кто перед ним, и нетвёрдо шагнул навстречу. Был он босой, без монашеского ремня и скуфы, только деревянные чётки уныло и беспомощно болтались и на левой кисти. – Благослови уж, отец настоятель!

Тут в дверь просунулась чернявая головёнка, шмыгнула грязным носом:

- Бабуня кавунив прислала, полну байду! У хату класть? Половина

билимяси, половина красни... Так красни надо сразу зъисть!

Тимофей воспользовался заминкой и вышел наружу, чтобы не благословлять пьяную голову и избежать дальнейших разговоров. На душе его стало тревожно.

Вернувшись в свои покои, игумен нашёл там полную готовность к проживанию и работе. Все вещи были разложены и расставлены в нужном порядке – Миша постарался на славу. С кровати были нещадно удалены две пуховые перины, которые приволок Яков, и оставлена только тройная войлочная кошма, в головах расположился тугой соломенный тюфяк, накрытый чистой холстиной. В умывальной комнате – два ведра, медные таз с кувшином, маленькая печка для согревания воды (впрочем, редко пользуемая), деревянные гребни, щётки с жёстким конским волосом. На стену Михаил повесил небольшое, размером с тарелку, круглое зеркало в простой деревянной оправе, вывезенное из Петербурга. В кабинет, прямо к окну, из приёмной комнаты перекочевал большой устойчивый стол работы местных мастеров со множеством ящиков, в угол – большой аналой для книг и малый аналойчик, на котором стоял уже заветный ковчег из кипарисового дерева, прикрытый рушником. На стол келейник аккуратно поставил маленькую чернильницу с тремя новыми перьями. Вдоль стен – простые лавки, накрытые домоткаными льняными холстами. Комната Михаила была обставлена так же скромно, в углах расположились несколько связок с книгами, но были уже задуманы и полки для них.

Михаил помог настоятелю облачиться в старенькую епитрахиль и поручи (память о духовном отце – игумене Захарии) и раскрыл ковчег с крестом.

- Благословен Бог наш, всегда, ныне, и присно, и во веки веков, - негромко начал молебен Тимофей. Михаил пел положенные хоры молитвы низко, неторопливо, солидно. Обернувшись от аналоя для благословения, перед чтением Евангелия, настоятель заметил тихо стоящего в углу келаря Иакова, молящегося вместе с ними.

После молебна отец Иаков пригласил игумена отобедать в кабинете.

- Где? – удивился Тимофей.

- Как заведено, отдельно в кабинете, отведай ухи с пирогами, - Яков искренне не понимал, что он сделал не так.

- По уставу монастырскому настоятель обедает с братией в общей трапезе! Чтобы последний раз такое было! – выговорил игумен келарю, но приглашение принял, чтобы не обижать совсем уж расстроенного отца Якова.

Монастырские пруды за Халявной слободой изобиловали рыбой – карасём да линём. В Дону же попадалась рыба благородная, царская – стерлядь. Но более всего в монастыре ценился маленький и жирный донской ёрш, занозистый как не струганный чурбачок и такой наваристый!

Настоящую уху здесь варили только из ёрша, на три закладки, всё остальное, включая белорыбицу, добавляли для сытости. В большой котёл, на три ведра, клали промытого, но непотрошеного, ёрша, до половины. Первая уха варилась быстро, рыба вынималась дырявым глиняным черпаком. Вторая также выскакивала, едва покипев, а третья – томилась долго, целый час. Тут уж в котёл сыпь и репу, и лук, и укроп, и пшена немного, а как же! Головёшку из костра потушил в ухе, влил полкружки простой кумышки и снимай. Да сразу-то не лезь ложкой, дай хоть немного настоятся, пропитаться да утомиться. А как аромат из котла станет нестерпимым, так уж и лей уху в миску, да ешь не спеша, а то язык обожжёшь! А остатки на утро застывают студнем, и его едят потом холодным, с сухарями и солёными огурчиками.

Тимофей поболтал деревянной ложкой в густой ухе, отхлебнул немного плотной, как растопленный мёд, душистой жидкости и спросил келаря:

- Отец Иаков, а как же бывший игумен, имея разрешение на курение крепкого вина только для аптечной надобности, поит всю округу?

Келарь молчал несколько секунд, при этом на лице его явственно отображалась мука выбора. Но любовь к порядку и благоговение перед новым настоятелем, в котором чувствовались и хозяйственная основательность, и уважение к уставу, взяли, наконец, верх и он ответил.

- Сколько он гонит, никто точно не знает, в том правда.

- Ну а как же аптечное начальство?

- А никакое начальство ни разу ни приезжало. Виноизжарня проходит по аптечному ведомству, в нём два чиновника, да оба в губернии. Он сам им раз в год подарки отвозит, это верно, вот и вся

ревизия.

- Да ты не смущайся, не донос это, мне понять надо, как с безобразием управиться, - улыбнулся игумен, подхватывая молочно-белый кусок рыбца, размером в пол ладошки. Яков одобрительно посмотрел на игумена.

- Кто рыбчика вкушает, тот жить долго будет, и зубы не выпадут, - с благоговением произнёс келарь. С нескрываемым удовольствием он наблюдал, как посапывая и кряхтя, игумен ест незнакомую ему рыбу. Угодил, значит.

- А в леднике ещё две таких, - шепнул отец Яков Михаилу, примостившемуся тут же на краешке стола, с миской куда большей, чем игуменская. Михаил старался естьтише, без хлюпанья, но уха сама булькала и издавала аппетитные звуки, словно затевая разговор с едоком и немало смущая келейника.

- А пироги-то как? – заботливо поинтересовался у игумена Яков. – У нас тут с солёной рыбой любят, да чтоб рыба с душком была, но я не стал тебе, отец настоятель, подавать, не всем такое по нраву.

Тимофей, отвыкший от таких разносолов ещё в своей родной обители, где трапеза была весьма однообразной и аскетичной, не видел сътости и в Петербурге, где приезжих кормили из рук вон плохо. Сам не привыкший роптать по столь незначительному поводу, Тимофей подкармливал у петербургских лоточниковечно голодного Михаила. А то ведь у келейника от пустого желудка начинались головные боли и дрожь в коленах.

Игумен сдержанно похвалил пироги, которые и вправду были хороши, но съел лишь небольшой кусочек. Михаил же воздал должное охристо-коричневой корочке круглого пирога, его сероватой пшенично-овсяной мякоти и ароматному нутру из грибов и лука.

После трапезы, вопреки заведённому отцом Зиновием порядку, новый настоятель не отправился спать, а долго осматривал большой и малый храмы, заглядывая в каждый угол. Особое внимание было уделено ризнице. Там всё было весьма богато, но хранились облачения абы как, без должного порядка. Яков едва успевал за игуменом и его быстроногим келейником, открывая ключами двери, куда давно уже никто не заглядывал. Было видно, что, хотя и заштатная, но далеко не нищая обитель страдает от недостатка дисциплины у братии, и явного пренебрежения начальствующими лицами своих обязанностей.

На кухне и в продуктовых сараях было всё совсем не плохо, там рука хозяина была видна сразу. На полках, в связках по дюжине штук, лежали янтарные лещи, на каждой – матерчатая бирочка; полки завешены чистой льняной дерюгой от злых южных мух. В прохладных подполах в скоблённых ящиках хранились морковь, репа, тыква и толстокорые, словно деревянные, цвета слоновой кости, кабачки нового урожая. Уже засолены были огурцы и замочены первые яблоки, готовились кадки под кружевную капусту. Ягодные варенья в склянках, обёрнутые бумагой, белёсый степной мёд в жбанах, пучки сушёных трав и кули с пшеницей, всё было аккуратно, даже с любовью подписано и учтено.

- Что, по-твоему, отец келарь, самое сейчас важное в хозяйстве, на что особенное внимание обратить посоветуешь? – поинтересовался настоятель, когда они втроём (Михаил вернулся с вылазки в слободу), сидели за чаем в том же настоятельском кабинете после обхода.

- Дык оно же и понятно, Покров через две седмицы. А это значит – ярмарка! – Яков торжественно произнёс последнее слово, подняв вверх короткий и толстый палец. – Она одна, родимая, весь год кормит! Ну, ещё аптека, конечно...

Сказал и осёкся.

Покровская ярмарка проводилась в Илевае чуть ли не со времени основания обители. Первый настоятель монастыря иеромонах Мисаил мудро решил, что осеннее время для престольного праздника будет привлекать как богомольцев, так и торговцев, и оказался прав. В последние годы на 1 и 2 октября в обитель съезжались тысячи народу. Ярмарка занимала всё свободное пространство монастыря, спускалась вниз, к Илевайке и поднималась на соседний невысокий холм к монастырским огородам, где приезжие торговые люди и крестьяне устраивали стоянку. Там они и ели и отдыхали, располагая рядами телеги с холстом и пеньковыми канатами, дороги с пшеничными и ржаными кулями и большие неуклюжие мажары, запрягаемые волами, набитые доверху то глиняной посудой из Острогожска, а то и сладкими арбузами с Калачеевской бахчи. Скотный рынок, как и лагерь торговцев лошадьми, располагался в Халявном. За приготовлениями в слободе был отряжён приглядывать Михаил, заодно наблюдавший и за деятельностью аптеки.

На следующее утро отец эконом Дионисий явился сам в покой

настоятеля.

- Прости, отец игумен, вчера не признал, - он по-детски просто повинился и завздыхал, замаялся как после долгой ходьбы.

Отёчное лицо, неуклюжие, не соразмеренные движения, борода запутана, с крошками и лепестками цветов в самой гуще. Одутловатость, впрочем, не была временной и скоро приходящей. В этом Тимофей убедился в ближайшие дни, в разгар подготовки к ярмарке. Грушевидная кособокая фигура эконома появлялась то тут, то там. Он старался чаще попадаться на глаза настоятелю, громко командовал работами, отчитывал нерасторопных плотников, со вздохом утирал пот, поминутно выступающий на красном лице, присаживался на камни, унимая одышку. Ясно было с первого взгляда: человек держится из последних сил, подавляя в себе искушение приложится к цецуле с дёгтем, как называли здесь мутный приторно-вязкий первач.

Несмотря на обилие дел, Тимофей взял за правило ежедневно служить в своей келье краткий молебен у креста, иногда с акафистом. Двери кабинета никогда не закрывались, и всякий раз, обернувшись с благословением, он замечал смиренно стоящего в углу келаря, исчезавшего, однако, к концу молитвы.

За две недели, прошедшие до Покрова и ярмарки, определилась, как говорил Михаил, диспозиция сил. Из начальствующих, к новому игумену примкнул келарь Яков, а с ним все, нёсшие послушание на кухне, в коровнике и на огородах, всего шесть человек. Партию игумена Зиновия составляли два «аптечных монаха» и с ними паромщики, числом восемь. К «колеблющимся» относился иеромонах Дионисий, он старался перед новым начальником, сколько мог – крепился, но регулярно уходил в Халявное, где пил мутный дёготь, хотя делал это не так демонстративно и безбоязненно, как раньше. Ещё четверо иноков никакой стороны не принимали. Жившие же при монастыре ветераны демонстративно игнорировали все распоряжения игумена. Михаил даже зарисовал схему «боя» на листе бумаги, обозначив стрелки для атаки: Зинько с аптекой, паромщики, солдаты-инвалиды. Возле имени о. Дионисия был поставлен жирный вопрос.

Келарь на удивление быстро сошёлся с Михаилом, который вызывал в Якове жалость как сирота и позволял о себе заботиться и

подкармливать. И если Миша нашёл себе в Тимофею любящего, хотя и строгого отца, то келарь занял место родной матери и выполнял эти функции со всей заботой, давая волю широте своего сердца. В планах у Якова было обучить игуменского келейника игре на одном старинном инструменте, но пока что он об этом помалкивал.

Утреннее похмелье не позволяло многим инокам являться вовремя на правило. Тимофей не собирался мириться с таким положением и дважды после литургии обрушивался в проповеди на пьянистующую братию, нанося болезненные удары по остаткам их совести. Двух послушников, от которых в воскресенье несло тяжёлым перегаром, он не допустил к причастию, а поставил на поклоны, лишив заодно и ужина.

Михаил разведал, что наибольшее недовольство проявляют некие Вакх и Ерм, аптечные работники с большим опытом. И если второй много пьёт и мало говорит, то первый пьёт ещё больше и при этом, ссылаясь на свои связи в губернии и среди военных, распространяет слухи, что Тимофей хитростью добился смещения игумена Зиновия и теперь хочет вовсе закрыть аптеку, сдав всех, кто не в монашеском сане, в солдаты. Именно эти слухи вызывали обиду у смещённого игумена.

Отец Ерм, почувствовав перемену ветра, не постеснялся прийти к новому игумену и предложить свои услуги. В его планы входило стать главным аптекарем, устранив Зиновия, а часть прибыли переткала бы в карманы Тимофея. Настоятель обещал подумать, но крепко закручинился. Простор снаружи, теснота внутри! Святая обитель, где каждый в смирении и послушании должен нести службу Богу, постепенно вырождалась, принося плоды неправедные. И чем больше молил Господа Тимофей о вразумлении, тем крепче укреплялся в мысли, что попал он сюда не случайно, а как орудие промысла. Ему и предстоит наводить порядок, искореняя проросшее в монастыре зло.

С юных лет помнил настоятель историю из древнего Патерика, где рассказывалось о святом старце, ведшем жизнь настолько праведную и подвижническую, что на каждой литургии сослужил ему светоносный ангел. Да только старец тот, несправедливо мыслил о природе Спасителя, сам того не ведая, разделяя еретическое учение. Другой боголюбивый монах, прозрев в Духе ангела, стоявшего со старцем, спросил его, почему он не укажет тому на ошибку.

«Человеческие ошибки человеками исправляться должны», ответил ангел.

Вот так и во всех делах наших, думал игумен. На помощь Божию уповать надо, но действовать самому приходится.

Наибольшую же опасность для духа обители представляли солдаты-инвалиды. Не подчиняясь настоятелю, они вели разгульный образ жизни, пьяниствуя почти ежедневно. Уже днём можно было увидеть праздно шатающихся одноглазых и безруких калек в монастырском дворе, на огородах. Ходили они в Халявное за очередной цецулей лечебной настойки, быстро пьянели, отправлялись за добавкой, съято рыгали и плевали где ни попадя, рассказывали одни и те же истории о своих небывальных подвигах на турецкой войне. В деньгах они недостатка не имели, поскольку казённое их содержание было гораздо выше, чем подушные выплаты во многих штатных монастырях, а пропитание им представлялось за счёт обители.

Второй решительный удар игумен Тимофей решил нанести именно по солдатской партии, расколов её на фракции семейных, живших с жёнами и детишками, и холостых, не имеющих такой стороны влияния. За оградой жили две семьи, а у реки стояли ещё семь крытых камышом домов, где проживали солдаты с бабами и детишками. Внутри монастыря, в кособокой деревянной избе с печкой жили два безруких инвалида - Фрол Корытьев и Иван Жабин, один из которых, а именно Иван, был ещё и глух как пень.

Михаил собрал только одних женщин «на собор» и позвал настоятеля. Игумен, благословив каждую и расспросив хозяек о текущих делах, рассказал им свой план. Жёнам следовало по-христиански мягко, укорами и уговорами, действуя лаской и заботой, начать воздействовать на своих мужиков. Все они дежурили ночными сторожами при монастырских складах и подворьях, получая хорошую доплату к пенсии, позволяющую семьям безбедно существовать. Игумен решил запретить приходить на дежурство во хмелю, ставя солдат перед выбором - пить или содержать семью. Риск был большой, но бездействовать Тимофей себе позволить не мог.

Ещё монастырь открывал места учеников-подмастерий в столярной мастерской и в конюшнях. Дети солдат могли получить хорошие профессии и обеспечить себя в будущем. Открывался и воскресный класс для обучения мальчиков грамоте. Только вот места

эти могли получить только дети тех, кто работал при монастыре целый год подряд, без прогулов.

Женщины, выслушав Тимофея, были изрядно обрадованы и, шумно обсуждая открывшиеся перспективы, разошлись по домам, разговаривать с мужиками.

Но и это ещё не всё. Внимательно изучив указы о заселении бобылей-инвалидов в Илевай, Тимофея нашёл необязательным кормление их за братской трапезой из общего кошта. Оставил им довольно скучный рацион, игумен перевёл солдатский стол в большой сарай за братским корпусом, отгородив часть пространства. Отец Яков, не спросившись, ещё больше сэкономил на опальных пропойцах, выделяя им продукты лежалые, не первой свежести. Когда же недовольные ветераны пришли к келарю с жалобами, тот выставил их вон, пригрозив, что новый игумен, имеющий связи при дворе, вовсе выселит их в Архангельские скиты.

Первые плоды переговоров с бабами созрели уже на следующий день. Шумная и боевая хохлушка Химка, в напоминание уговора, так приложила большим деревянным корцом своему мужу, хромому, кривому и глухому после контузии крещёному татарину Язу, что тот едва не лишился чувств как когда-то в бою. Всё дело в том, что Яз, не пробывавшись спросонья и тайно от жены страдая с похмелья, учゅял с летней кухни запах наваристых щей, заваренных на утиных потрошках. Он представил, как горячие кисловато-сладкие щи, смачивая и согревая пересохшее горло, проскальзывают внутрь, производя чудесную перемену во всех телесных составах. Алча и жаждая, он тихонько пробрался на кухню, улучив момент, и приподнял крышку чугунного казанка. Плотный белёсый пар клубами вырвался наружу, защекотав ноздри. Тут-то его и подстерегала расплата за вчерашнюю провинность. Удар пришёлся точно в висок и сопровождался упрёками и ругательствами, чугунная крышка ребром сильно упала на здоровую ногу. Вместо казанка со щами пред взором ветерана оказался вдруг кривой белёны потолок летней кухни, на котором отдыхали несколько по-осеннему злых и чёрных, как глаза Химки, мух.

Солдат, едва очухавшись, тут же заковылял с жалобами к игумену. Тот как раз собирался в Халявное, потому что к аптеке пока подобраться не удавалось. Не знал пока отец игумен, что сие

малое происшествие с травмой Яза была предтечей больших событий, в результате которых многое в монастыре изменится.

Препоручив солдата заботам Михаила, Тимофей пошёл привычной уже тропинкой вдоль берега. На душе, уже который день, было как-то кисло, в голове теснились, сменяя друг друга мысли, заботы стучали в сердце то поодиночке, а то все разом. Эти невидимые враги, взявшие Тимофея в осаду, были опаснее и куда как коварнее всех внешних недругов. «Суета – враг молитвы», - так учил Студиславльский игумен Захария, уроки которого Тимофей вспоминал со всё большей благодарностью, поражаясь необыкновенному терпению и какой-то кроткой силе своего наставника.

Аптека при Илевайском монастыре была детищем игумена Зиновия, выхлопотавшего отдельный указ о её открытии и особом своём при ней статусе уездного провизора. Было дано также разрешение на самостоятельное курение пяти вёдер вина хлебного в месяц, для производства спагирических тинктур и травяных экстрактов. Никаких особых знаний в фармации Зинько не имел, лечебные настойки делал наобум, всячески нарушая предписанные ему объёмы выгонки. Получалось, что под вывеской монастырской аптеки, вдали от глаз начальства, работал шинок, поивший всех местных мужиков, служилых людей и проезжих купцов. Даже Указ 1765 года, запрещавший монастырям иметь собственные винокурни, никак не повлиял на положение дел в Халявиной слободе, так как аптека проходила по другому ведомству. Аптечный же надзор сюда не добирался ни разу.

Предприняв очередную попытку поговорить с Зиновием, Тимофей вновь натолкнулся на непонимание. Бывший настоятель твёрдо стоял на своём: аптека будет работать, как и раньше: людям польза – монастырю прибыток, а остальное - не твоего ума дело. Выходило, что никакой управы у нового игумена на винокурню пока что не находилось. Приходилось пока отвоёывать монастырь у солдат-инвалидов, считавших его своей вотчиной.

Вернувшись в свои покой, Тимофей отслужил свой ежедневный краткий молебен кресту, долго поминая о здравии всех «аптекарей» из Халявиной слободы. На этот раз отец Яков не появился в своём углу. После молебна сели с Михаилом в кабинете с бумагами и расчётами, послав Бориса отыскать келаря: необходимо было планировать

открытые кухни и столы для кормления приезжающих на ярмарку гостей.

Бориска вернулся довольно быстро, он был изрядно напуган и мелко дрожал, причитая:

- Вин вись у крови! Батька, беги до огородив, иде буряки! Вин у крови лежит!

- Да кто? Не треци же, что случилось, ясно скажи, - игумену пришлось легко тряхнуть мальчионку, чтобы привести в чувство.

- Отец. Якив. Не шеволится, - отрывисто выдохнул Бориска и заплакал навзрыд, размазывая слёзы по грязному курносому носу.

- Беги, я следом! – решительно сказал игумен своему келейнику.

Быстрононгий Михаил стремительно спустился вниз к Илевайке и побежал вдоль берега к огородам. Настоятель устремился за ним, отчаянно молясь, чтобы келарь оказался жив.

Овощи росли на очень пологом склоне и почти ровном верхе холма, называемого у местных по-татарски, шихан. До речки здесь было всего сто шагов, что облегчало, полив огурцов, моркови, свёклы, репы, лука и капусты. У воды примостились два тростниковых шалаша для сторожей и огородников, прятавшихся здесь от летнего зноя. Возле одного из шалашей, приветственно раскинув руки, словно обнимая небо с первой осенней сединой редких белёсых облаков, лежал отец Яков. Лицо его было испачкано зловеще-красными подтёками.

Утром этого дня келарь, как было у него заведено много лет, встал засветло, чтобы лично проводить монахов на утреннюю дойку или вывести послушников на огороды до того, как жаркое солнце сделает невозможным любое пребывание человека вне тени. Прохладные предрассветные часы, предвестники осени, быстро сменялись тёплым утром, прогреваемым огромным оранжево-золотым степным солнцем.

Весь монастырь ещё спал, а келарь уже бдел, обходя своё хозяйство, подмечая недостатки не только по своей части, но и те, что к его заботам не относились. «Порядок – основа крепкого хозяйства», – так повторял его отец, вольный крестьянин Адрыян Дидусько, свято хранивший православие в окружении польских порядков на древней гродненской земле. Встававший с первыми лучами, отец не нарушал привычки и зимой, когда сельский труженик вынужденно пребывает

в безделье, тоскуя по земле, рыхлой, тёплой и бурой, и находя себе утешение в стакане горилки и песнях.

Отец играл на старинной колёсной лире, зовя её «крестец», на южный лад. Инструмент был настолько старым, что его родословная терялась в глубине столетий. Известно только, что музЫке научил маленького Янку дед Богдан, которого учил его дед, прозвывавшийся тоже Адрыяном. Такая вот в семье была традиция, передававшаяся из поколения в поколение вместе с древним инструментом. Переходила лира не старшему и не младшему сыну из большой многодетной семьи, а тому, кого сам инструмент, а точнее, дед, выберет, потому и фамилия у них, Дидусько, такая. Яшкин дедуся Вавило, конечно, говорил внукам, что он тут ни при чём, что крестец ему на ухо шепчет и душа у него, как у человека, только добрая, безгрешная, и пойдёт он в руки самому прилежному в учении. А тот сын, кому обещана была лира, дохаживал и стариков, отца и мать, в своём доме.

Зимой отец, бывало, запивал со скуки. Стриженые вокруг волосы отвисали мочалом, скоблённые обычно подбородок и щёки, заастали сероватой сорной щетиной (вот такого на огороде он не потерпел бы). Большие круглые карие глаза переставали светиться сами, только отражали отблески лампадок, ровно горевших у родовых икон. И после изрядного количества крепкой вишнёвой наливки, толстый дядька Серко или худой, как жердина, дядька Микытко, а то и мамкин брат кривоногий Янко, а иногда и сама мамка Кулына, просили спеть.

Отец неспешно, мысленно творя молитву Святому Духу, покровителю музЫки, доставал тяжёлый крестец из большого кованого сундука. Чистой тряпицей, как новорождённого младенца, обтирали его от несуществующих пылинок и садился на лавку. Немного покрутив по очереди четыре медных колка на коробочке, приделанной к лире, отец начинал вращать маленькую тугую ручку и негромко запевал:

«Ай, дороженька, ты господня,
Ой, и йшли по тоби три а-ангеля...»

Хриплый низкий голос постепенно очищался от посторонних призвуков, утверждаясь на долгих нотах трубным гудением в унисон лире.

«Что ж ты душенька-душа мимо раю пройшла?
Мимо раю душа йшла, к нам у рая не зайшла?»

Все слушали молча, благоговейно. Песня имела до сорока куплетов, строки повторялись, перепевались, перетекая одна в другую, заполняя собой всё время долгой зимы и всё пространство вокруг. Звуки молитвенно взывали к строгим ликам икон, сетуя о бестолковой душе человеческой, искающей только земного счаствия, а потому, устремившейся по смерти мимо рая. Куда? Ответ на этот вопрос слишком страшен и очевиден всем, сидящим за столом и внимавшим пению.

Лира досталась старшему брату Ялисею. Не самому старшему, Климко, тот не блистал ни голосом, ни слухом, ни усердием, а именно Ялику, во всём похожему на деда. Яков, тоже хотел крестец себе и учился усердно, но не судьба.

Прошло несколько лет. Весь мир, привычный для Якова, рухнул быстро и неожиданно. Через год после смерти родителей, умерли внезапно от холеры Ялик и его жена, не оставив детей. Климко забрал лиру себе и в тот же год, разорившись, заложил её луцкому ростовщику из жидов. Яков же не был женат; увидев, что творится, он продал свою долю наследства, выкупил древний крестец и с обозом московских купцов поехал на восток. За пять вёрст до заставы на русской границе он сошёл, оставив драгоценный инструмент на сохранение купцу Марфину, а ночью переплыл реку. А уже на следующий вечер присоединился к обозу, идущему через Воронеж в Астрахань, по пути усердно переучивая себя на великорусский говор. С такими обозами уходили многие православные с правобережной Украины и Беларуси, устав от притеснений шляхты и разорительных набегов османских войск. Азовский архиерей, сам выходец с гомельских краёв, с охотой пристроил Якова в Илевайский монастырь и через три года послушаний постриг его с тем же именем в малую схиму. Шёл ему тогда двадцать восемь год...

...Зашелестели камыши у воды. По земле потянуло холодным ветром. Небо всё больше затягивало рваной мешковиной облаков, отражавшихся в почти стоячей воде Илевайки, полупустых вёдрах и в серых глазах отца Иакова.

«Мимо раю прошла, к нам у рай не зайдла?

Ти за скупости, ты за глупости...» - тихонько подсвистывал ветерок.

«Ти за скупости, ты за глупости.

Ти за тыи слова, слова матерныя!» - вполголоса подпел отец келарь и сел на траве, озираясь вокруг, вспоминая, как здесь очутился. По берегу, маша руками, к нему бежал келейник игумена Михаил. Ветер разевал полы чёрной рясы, делая его похожим на стремительную птицу. «Ласточки низко летают – к дождю!» - почему-то подумалось Якову. Ничего более путного он вспомнить не мог. Голова странно гудела и кружилась, но не так, как с похмелья, к которому келарь был приучен давно, зная более двух дюжин действенных способов борьбы с ним. Фигура Михаила на мгновение раздвоилась, замахав четырьмя руками, и вновь слилась в одну. Подступила неприятная тошнота, управы на которую не было; вновь пришлось лечь.

- Живой! Живой! – обрадованно загомонил келейник, налетел на ведро и растянулся рядом с Яковом.

- Миша, вёдра да мешки в шалаши занеси, дождём смоет, - приказал келарь, продолжая неподвижно лежать, поскольку любое движение вызывало усиление дурноты и головокружение.

- Да уж занесу, ты лежи, отец Яков, лежи, не двигайся, игумен сейчас будет, он полечит, он дело знает, - запричитал Михаил, заглядывая в глаза келарю. Тот посмотрел на него и в то же время, как-то мимо. Один глаз его светился серым ободком радужной оболочки, другой выглядел чёрной окружной бездной.

Якова бережно перенесли в монастырь и положили в келье. Что случилось с келарем, выяснить не удалось. Сам он помнил только, что пошёл утром в Халявное по ярмарочным делам. Надо было организовать склады для полевых кухонь и трапезу для почётных гостей. Помнил также, что заходил он в аптечную избу. А дальше – чистый лист. Очнулся с разбитой головой у речки, где огороды, а это две версты от Халявного. Как туда попал? Загадка!

- Голова-то цела? – заботливо поправляя мокре полотенце на лбу келаря, спросил Тимофей.

- Дык что ж ей станется! – бодрясь, ответил Яков. И действительно, раны на затылке были поверхностные, череп не повреждён. А вот нос, похоже, был сломан. Из левой ноздри сутки подкапывала сукровица. Переносица отекла, заплыли и глаза, превратившись в щёлочки, обвешенные багровыми мешками век. Под левым глазом расплылся багровый фингал. Но главное, что волновало

Тимофея, это потеря памяти. Как ни крути, выходило, что сотрясение было сильное, и здоровье келаря была под угрозой. Нужно было звать доктора.

Михаил, больше всех испугавшийся за жизнь Якова, теперь веселился над тем, что игумен назначил больному мочегонный сбор, и одновременно запретил вставать. Михаил почти не отходил от постели больного, дежуря даже ночью, и всё твердил, что негоже болеть, ярмарка на носу, да и лиру ни ему, ни игумену слышать так и не доводилось.

После соборования Яков попросил отслужить прямо в келье молебен перед игуменским крестом, выпил взвару и крепко уснул на несколько часов. Тимофей, не теряя времени даром, назначил следствие по случаю нанесенияувечий келарю, собственноручно написав указ за своей подписью. В комиссию входили он сам и эконом Дионисий. Третим был обозначен доктор Фриц Файл, живший в имении князя Василия Петровича Костомарова.

К обеду следующего дня вся комиссия была в сбore. К ним присоединился и князь, привёзший лекаря в своей коляске.

Яков полулежал на подушках в своей келье, рядом сидел Михаил и слушал историю про чудесную рыбу.

- Рыба шип, значит, самая редкая и самая вкусная рыба на всём белом свете, - слабым голосом, но с немальным вдохновением рассказывал келарь. - Живёт она в Азове, а попадает туда случайно, из рая, когда из эдемских озёр выпрыгивает. Похожа она на осётра или севрюгу, но шипастая, страсть какая. И не ухватишь, все пальцы поколешь. Рыба эта целит все болезни и язи в людях, даже смертельные. Только поймать её можно после трёхдневного поста и сугубой молитвы. Она в Дон иногда заходит и плывёт медленно по реке вверх, пока нужду человеческую не прознает.

- Это как же она знает? – удивился Михаил.

- Ну, не знает, дык чует, что Бог ей велит, - Яков снисходительно посмотрел на игуменского келейника здоровым глазом, поскольку на синяке вокруг второго, подбитого, лежал ромашковый компресс, сломанный нос торчал немного в сторону. – В рыбе той сила райских вод скрыта, а если её поймать, да заварить уху, то можно вылечить любого больного. Уха та имеет цвет перламутровый с серебром и называется вуйма. Рыбу надо варить целиком, а особой силой

обладают те самые шипы. В вуйме они становятся мягкими и вкусными, как манна небесная! Вот от них сила вся и исходит. Вот если бы ты Михаил, не сидел тут почём зря, а пошёл, да бреденёк повозил на затоне, может и словил бы чудо сие. Бориску возьми в помощь... да только по қуширям не тягайте... а я бы и восстал от одра в одно мгновение от рыбы-той-шип. Ну, а что наловишь поверх рыбины дивной, вели на ушицу игумену и гостям запарить, скажи, я велел. Да с ледника сними леща большого половину, осталось ещё... А вот и гости пожаловали!

В келью вошли игумен Тимофей, отец Дионисий, доктор Файл и князь Василий Иванович. Из двери осторожно выглянул Бориска, желавший «побачить жаленника», но Михаил погрозил ему пальцем и тот исчез.

Игумен дал братское целование довольному заботой Якову и уступил место доктору Файлу, толстому, но подвижному, как ртуть немцу из Йоханнесбурга, приглашённому князем в своё имение для лечения супруги, тяжело болевшей уже второй год.

Доктор запросил таз с водой и чистое полотенце. Два взмаха, два всплеска, прикосновение к полотенцу, и вот, чистейшие пальцы со срезанными до красного мяса ногтями уже держат в руке стальной молоточек на тонкой ручке и деревянную трубочку, называемую стетоскоп. Все замерли в благоговейном молчании перед священномействующим заморским лекарем.

- Эндшуульдиге зи мир битте, герр Якоб, надо есть голова щупать, - забормотал Фриц, приподнимая голову больного над подушкой. - О, майн гот! Зи хабенunterшидлих гроссе пупиллен, это есть плёхо, такой глаза! Шедель есть целый, айне харте нусс, кожа содрал, кровь тьёк, не бояться, герр Якоб...

Доктор ловко стучал молоточком по рукам и ногам келаря, сопровождая свои действия комментариями на смеси немецкого и русского. Он немного помял живот, послушал грудную клетку через трубочку и снял с глаза Якова компресс, замотав укоризненно головой.

- Дер назе, герр Якоб, ах, ду грюне нойне! Сломан есть весь назе. Геденкен, память то есть, пропадал, аух плёхо есть...

Быстро закончив осмотр, доктор Фриц вынес вердикт: жить герр Якоб будет, но лежать недели две в постели придётся. Весьма похвалил он Тимофея за прописанные больному компрессы и

мочегонные сборы. Потом он вынул жёлтого стекла склянку из деревянного ящичка с инструментами и помахал пузырьком перед келарем.

- Это есть зер драгоценный медицин!

- А назе? С носом что? На бок так и будет?! – разочарованно спросил Михаил.

- Кароши вопрос! – весело воскликнул доктор и протянул пузырёк Михаилу. Все в келье, включая самого Якова, заворожено следили за склянкой. – Держи две руками! Не ронять, дер грюне бубе!

Как только лекарство перешло к Михаилу, доктор стремительным движением вскинул руки и, привстав, навалился на Якова, ухватив обеими пятернями за лицо. Михаил истошно завопил, держа склянку перед собой. Не будь её, он бы одним ударом сшиб этого безумного лекаришку с отца келаря. Яков охнулся, всхлипнул и громко чихнул, обдавая красноватой жидкостью герра Фрица и Михаила. Как насосавшийся крови комар немец отвалился от келаря и заулыбался, напевно приговаривая:

- Зер гут, карашо, анфанг гут – аллес гут! Скоро можешь цитра своя играть!

Удивлённо захлопал глазами Михаил, взирая на попрямевший нос Якова. Доктор вновь затребовал таз с водой, чистое полотенце, тут же снял и велел выкинуть серый жилет в брызгах крови, после чего забрал с улыбкой флакон из рук Михаила, открыл крышку, отхлебнул и спрятал его в своём ящике с другими инструментами.

Князь Василий Петрович негромко зааплодировал. Доктор склонил голову, смиренно признавая за собой мастерство во вправлении сломанных носов. Игумен Тимофей перекрестился.

- Лебе ланг герр мёнх! Живьите долго! - возгласил он, подмигнув Михаилу, встал и вышел из кельи.

Все присутствовавшие, оставив келаря отдыхать, проследовали к трапезе в кабинет настоятеля. Едва только пропели молитву перед вкушением пищи, опять появился Борис, пошмыгал, как водится, носом, поводил им туда-сюда, как мышь в погребе и извинительным тоном сказал, обращаясь к настоятелю:

- Батько, тоби Влас побачить хочет, дело дюже важное!

- Зови его сюда, здесь поговорим. А что за Влас?

- Да Влас то Петухов, с Загульного. Там уси воны Петухови, –

Борис почесал затылок с большим сомнением. - Не, вин не пойдет, а коли пойдет, молчать буде. Хиба ж це дило, Петуховим у монастыря рот разевать!

- А что так?

- Да так... ну, идёшь?

Влас, коренастый бородатый крестьянин лет пятидесяти, был, как рассказал по дороге Бориска, природный москаль. И он, и его жена Матрёна были родом из Кохмы. А перебрались они с братом и женами на хутор лет двадцать назад, как топорная плотницкая артель, взяв несколько подрядов, недорого подкупив местных стряпчих.

Влас молча поклонился игумену и вопросительно посмотрел на Бориса.

- Я товмачом буду! – обрадовался Борис, возлагая сам на себя важную должность при игумене.

- Говори! – сказал Тимофей артельщику.

Тот заговорил и несколько минут объяснял, что он, собственно, видел в тот день, когда пострадал отец Яков.

- Что? – поразился игумен, невольно поднявший левую руку с чётками, как бы отграживаясь от услышанного.

«Это... моя... пошли... квашня... огород... чёрные рясы...», – только и понял с непривычки из рассказа Власа об увиденном им вчера на огородах игумен. Да и то, правда, если бы из этого рассказа были удалены все матерные слова и выражения он неминуемо сжался бы до нескольких бессвязных предложений.

- Вот тому он у монастыря и не хотел ийти, – и Борис, довольный своим умением, начал переводить. – Шёл он вчера после обеда с Халявиной...

А если перевести с Борискиного гуттера на более понятный язык, то выходила следующая история.

Вчера, после обеда, а Петухов знатно отобедал в Халявном, где они с братом подрядились делать лотки, временные стойла и навесы к ярмарке... Так вот, после обеда, где подавали наваристые щи да репу с маслом и солёной щукой, а на закуску – квашню, вот после такого-то обеда, ядрёного, хорошего да сытного, где и без посошка не обошлось, ну понемногу, конечно, под квашню... Вот после обеда этого пошёл Влас к себе на хутор один, оставив брата на деле. И проходя по дороге, поднимавшейся на холм, он увидел огороды у реки. Там, с дороги,

огороды очень хорошо видно, хоть и далеко будет. Фигуры там стояли две, в чёрных рясах. А навстречу им из Халявного не спеша шёл отец Яков, шёл медленно, шатаясь, шёл, да всё останавливался. Ну да, пил он, то бишь отец Яков, у Зинько в курене. Да ругался с ним громко. Чего ругался, не разобрать. Но был там долго, с утра самого. Ушёл оттуда отец Яков раньше Власа, тот ещё обедал. Да, заходя к Зиновию за маленькой чаркой, Влас увидел уходящего отца Якова... а потом и обогнал его, шёл хоть он сам и не быстро после такого-то обеда, да с квашнёй холодной... Шёл себе не спеша, но обогнал всё же, поскольку келарь шёл вовсе еле-еле. И свернул Влас потом на хутор, и видел всё с дороги. А видел, что фигуры две на огороде келаря поджидали. Дошёл, шатаясь, отец Яков до огородов, а один, из тех, что в рясах, его камнем по голове и ударил. Высоко поднял левую руку, неуклюже так, и ударил. Отец Яков оседать начал, а второй толкнул его на землю. Потом второй поднял мученика, резко так поднял, одной рукой рванул с земли, на ноги поставил, да по лицу добавил. Яков и упал, по склону покатился. А истязатели побежали по дороге в Халявное. Да ноги высоко поднимали, как цапли на болоте и топали, пыль во все стороны. Нет, Власа они не заметили.

Тимофей призадумался на минуту. Информация была ценная, она проливала свет истины на всё произошедшее. Главное, что было ясно из рассказа Власа: келарь не сам упал, а пострадал от злоумышленников и шёл он из слободы, где пил и ругался с Зиновием.

- А что ж ты, Влас, не помог человеку. Его же по голове ударили! – сурово начал выговаривать Тимофей плотнику. Но тот ответил так, что игумен поморщился, будто съел гнилых жердел.

- Не моё це дило, чего мне благиматом орать? Монах монаху по мусалам засмалил, я ничего не ведаю, сторона – моё дило, - перевёл Бориска.

- Ну а что ж ты так выражаяешься? Нормальную речь, поди, забыл совсем? – упрекнул плотника Тимофей.

- Так Петуховы мы, - вдруг отчётливо выговорил тот.

- Они Петухови. И брат ёго Петухов, тайже и жинка ёго Петухова, и дети уси Петухови, - перевёл Бориска.

- А коли...так ядрено...о том...першака! – выдал очередную тираду мужик.

- А что, коли донёс, то горилки треба за то. Цецюлю али дви, -

разъяснил Борис.

- Нет горилки, и не будет, - отрезал игумен сердито. – Вот пятак тебе, да жене его снеси. Не пропей! А доносчику первый кнут, запомни!

Петухов молча пожал плечами и пошёл в сторону Халявного. В это время Тимофей смотрел ему в след, а в голове его сам собой складывался план. Простота и ясность этого плана были очень соблазнительны, но также заложенная в нём хитрость смущала игумена, заставляя колебаться.

Впервые Тимофею приходилось делать выбор подобного рода: сделать всё необходимое для спокойствия обители, пусть и негодными средствами, или не вмешиваться в ход вещей, ожидая, что всё разрешится как-то, само собой. Но нащупать ту грань, до которой ты можешь идти смело, действуя свободно, а после которой твои решения и поступки будут своевольны и безумны, надо каждому, кто начальствует над людьми. Тем паче в монастыре, где собраны люди хоть и немощные, но всё же, по своей воле оставившие мир, чтобы предаваться молитве и созерцанию. Погрузившись в размышление, настоятель четверть часа бродил вокруг храма, пытаясь услышать «глас хлада тонка», отвечающий на вопрос, как поступить: рвать плевелы с корнем или терпеливо ждать укрепления растений полезных, дабы не повредить их росту? Ничего не надумав, он поднялся в свои покои, где его уже долго ждали.

За большим столом в кельях настоятеля вся компания с аппетитом ела уху (и когда келарь успел распорядиться?) и подробному подшучивала над Михаилом, испугавшегося в момент вправления носа Якову.

- Вот так-то Миша, иногда малое зло в медицине, как и в жизни, употребимо бывает для искоренения зла Большого, - разъяснял князь смущённому Михаилу. – Но зло это надо умело дозировать, и держать его за хвост, чтобы оно не вырвалось и самостоятельной жизнью не зажило.

- Как-как, Ваше сиятельство? – удивлённо вскинул брови игумен: ясно и отчётливо он увидел ответ на мучивший его вопрос. – Хм! Меньшим злом побеждаем большее? Спасибо за совет, вы мне очень помогли! Просто камень с души сняли!

- Да уж не за что! – недоумённо развёл руками Василий Иванович и все сдержанно и благочестиво засмеялись.

К вечеру в монастырь был доставлен игумен Зиновий. Его пригласили в кабинет, где собирались Тимофей, иеромонах Дионисий, доктор Файл, князь и Михаил.

Настоятель сидел за своим столом с весьма суровым видом. В углу на скамье, с тоскливым выражением на лице, стараясь не привлекать внимание к своей особе, расположился эконом. Доктор отрешённым взором смотрел в окно за тем, как два плотника к ярмарочному дню делали сень для молебна перед храмом. Михаил же, взяв перо в руки, расположился за столом сбоку с самым торжественным видом. Он был за секретаря. Наверняка, где-то рядом был и Бориска, но его пока видно не было.

- Вот, отец Зиновий, какие плоды твоя аптека приносит. А по плодам и древо познаётся, - Тимофей начал сразу с места в карьер. - Келарь наш несколько часов без сознания провёл, едва жизни не лишился!

- О, йа! – подтвердил доктор и подвинул к Зиновию медицинское заключение за tremя подписями.

- Не имею к этому касательства, - самоуверенно ответил Зинько, искоса посмотрев на документ.

- Много раз призывал я тебя к совести христианской, да ты не слушаешь. Народ спаиваешь, монахам без конца наливаешь, излишки продаёшь, деньги утаиваешь. А тут ещё и это происшествие. Мы собрали показания свидетелей, что ты и монах Вакх крепко повздорили с отцом Яковом. А потом, поджидали его у огородов, чтобы проучить, за то, что он к тебе не милостив стал. Да побили его крепко. А это, отец Зиновий, тюрьма и каторга. Само собой, и лишение сана, как без этого. Вот и отец Вакх все угрозы твои дословно передал под роспись. Ознакомься!

Доктор подвинул ещё какую-то бумагу. Зинько не заглянул и в неё.

- Не имею ни малейшего понятия об этом происшествии. Всё навет, клевета! – уже менее нагло ответил аптекарь, но предательски прступившие на висках мелкие капли уже собирались в капли крупные и тонкими струйками начали стекать на брови и подбородок. Зиновий снял скуфью и отёр лицо. На спине также начало прступать пятно пота. – Да, ругались мы с Яковом. Так он две чарки опрокинул и говорит, что после ярмарки, мол, игумен аптеку у тебя отберёт. Курьер

секретный уже их столицы скачет с бумагой. Я ему не поверил, на смех поднял его слова. И тоже припугнул слегка. Ходи, мол, аккуратнее, а не то из кустов кто на тебя выскочит! Ну, было. Но не был я его! И знать не знаю об этом!

- А вот плотник Влас Петухов дал показания, что две фигуры на огородах в чёрных монашеских рясах, дождались келаря и, дождавшись, расправу над ним учинили. Все остальные монахи на виду были, при деле. Вот ещё тебе бумага с подписями. А вот и бумага от второго плотника, Сидора Петухова, брата первого. Он показывает, что в момент происшествия ни тебя, отец игумен, ни отца Вакха в аптеке не было. Он де, заглянуть хотел на чарку кумышки, голова разболелась, лечиться изволил, а изба заперта. В окно стучал, а там и нет никого. А как колокол монастырский ударил к вечерне, вы оба воротились, да бегом почти бежали. Говорю же, по уездному суду пойдёшь. Правда, отец Дионисий?

- Всё сходится, отец Зиновий, не отпирайся, - сдавленным голосом проскрипел эконом. Он сидел ещё более красный и потный, чем обычно.

Тут Зиновий на него посмотрел и как закричит, нервы не выдержали:

- Ах ты пьянь, ах ты ярыжка московская! Я тебя выручил, я тебя от гнева Новоспасского архимандрита укрыл, я тебя кормил-поил, возвысил, а ты, значит, вот каким соколом взвился, дятлом застучал да скворцом защебетал! В судьи мои записался, иуда! На совести твоей грех великий будет!

- Не тебе, отец Зиновий о совести теперь рассуждать. Раньше совеститься нужно было, - поддержал обвинение князь. – Брат твой в Воронеже неспроста дом каменный отстроил, да две лавки скобяные открыл. Доказать, что это аптечные неучтённые деньги трудно, но народ-то у нас ушлый. И про это разведали.

- Так! – игумен Тимофей стукнул по столу рукой. – Доказательств предостаточно, дело ясное. Под замок его в дальний сарай. Кормить-поить как обычно, обходиться по-доброму, но не выпускать. А коли поговорить захочешь, отец Зиновий, меня позовёшь, может, что и надумаем вместе.

Мучился совестью Зинько не долго. Сам он хоть и питейным делом заведовал, употреблял хмельного мало, потому и соображал

всегда быстро. Понял он, что обложили его как байбака собаки. Новые порядки пришли в обитель, надо искать себе другое место. На второй день с самого утра позвал Зиновий к себе настоятеля. Вид у узника помятый, спесь сошла, аппетит пропал. Всю ночь он думку думал и теперь понимает: главное, под следствие не попасть, всё против него.

Загремели замки, открылась дверь сарая, а на пороге не игумен, а Бориска с большой глиняной миской.

- Отец Якив гарбуза печёного з мёдом прислав. Говорит, простив тоби грех, как есть усё прощавив.

Крякнул от досады Зиновий, но тыкву взял. Ложкой подцепил сладкую, пропитанную мёдом мякоть, положил в рот. Таёт, растекается во рту тыква.

- Эх, отец келарь, скучать я и по гарбузам печёным и по ухе твоей буду! – вздохнул Зинько.

Следом пришёл игумен Тимофея и сразу поставил вопросом ребром. Если, мол, уезжаешь, следствие закрываем, а коли не хочешь аптеку добровольно оставить, то вызываем судебных чиновников. Зиновий уже всё и так понял. Выбрал первый вариант, написал ходатайство архиерею на перевод в Воронежский Окатов монастырь по состоянию здоровья. Доктор Файл ему и справку приложил, что не способен игумен Зиновий исполнять обязанности уездного аптекаря, а требуется лечение и уход. Так что, поближе к родственникам переехать хочет. Ведь в Окатовом монастыре два брата двоюродных живут, да родной брат в Воронеже торговый дом держит. А ходатайство это к архиерею вызвался отвезти немедленно князь Василий Иванович, всё равно по пути. Так что, препятствий для перевода не будет.

Понял Зиновий, что проиграл, но напоследок уколоть захотел Тимофея. Напустил он на себя серьёзный вид и говорит задумчиво:

- Отец игумен, человек ты духовно опытный, так растолкуй мне одно видение сонное. Заснул я сегодня в этом сарае на сене и увидел во сне петуха. Ходил он важно, всё посматривал то одним глазом, то другим, клевал по зёрнышку, а потом взлетел на кучу пшеницы да как закукарекал! Вот я и думаю, к чему бы этот сон, растолкуй мне?

- Вот так сон! – не растерялся Тимофея. – Наверное, дожди скоро пойдут, потому так и мятётся разум. Вот и я сон видел, отец игумен.

Прежде ты мне истолкую его. А приснилась мне свинья жирная, зелёная, с глазками масляными. Лежит посреди монастыря, никому проходу не даёт, все об неё спотыкаются. А я рассердился на шелудивую, да схватил её голыми руками. А как схватил, так она и исчезла, будто и не было вовсе. Только вонь осталась на руках, до сих пор её обоняю.

В углу сарая захихикал вездесущий Бориска.

Зинько смерил настоятеля презрительным взглядом и говорит:

- Думал я, что ты меня с места скинул, но князь меня разубедил. Рассказал, как ты сам архиерейского места лишился. А вот я до сих пор не знаю, кто меня с настоятелей вытолкал. Архиерей сам никогда бы на такое не пошёл, уж я-то знаю. А я хоть и интересы свои блюл, но доносов никогда не писал и доносчиков на дух не переношу. А теперь твоя власть: где милость, а где страсть. Но только я не трогал Якова, и никак не пойму, что за история приключилась.

- Одному Богу это известно, - наклонив голову, отвечал игумен Тимофей.

Через шесть дней, имея на руках указ о переводе в Окатов монастырь, Зиновий отправился к новому месту проживания. До Покровской ярмарки оставался один день.

Ох и Ярмарка в Илевае, знаменитая ярмарка на всю округу, из самого Воронежа гости приезжают! И как всё умно устроено! На верхней террасе, вокруг главного храма, келий настоятеля и трапезной разрешали располагаться точно только торговцам «благородным» товаром. Крестьяне, ремесленники и купцы сносили и свозили сюда кованые и литые изделия, в том числе кресты, перстни, бусы, серьги. Рядом, прямо на холстине, положенной на землю, деревянная резная посуда и другая утварь. Связки ложек, дубовые миски и плошки, резные наличники, балясины и готовые ставни с узорами в виде ромбов занимали ещё один ряд. За корпусом настоятеля – вязаные носки, козьи платки, телогрейки, мотки шерсти размером с арбуз. Отдельно, под камышовым навесом, на чистых струганых досках – иконы, лампады, церковная утварь. Последний здесь ряд – валенки. Серые белые, чёрные, полосатые, с белым носком и цветами на голенище, детские и взрослые, короткие и «под горло», на любой вкус и кошелёк! Народ разбирает товар, толкается, бабы хватают понравившиеся валенцы – себе и деткам - и прижимают к

груди как драгоценность. Стучат медяки, шуршат не привычные рублёвые билетики, бережно достаются из узелков серебряные целковые: пришло время тратить! При этом общее возбуждение и толчея не перерастают в драку и ругань, ведь рядом храм Божий.

На нижней террасе торгуют товарами попроще – гончарные и кузнечные мастера выкладывают горки из своих изделий. Здесь уже слышны крики, покупатели торгаются и азартно, и умело, а продавцы, щуря глаз, хвалят свой товар и нехотя уступают.

Рядом – огромные котлы, в которых монахи под предводительством ещё слабого отца Иакова варят щи, пшённую и ячменную каши, запаривают репу и новомодную картоху. В деревянную бадью на пять вёдер в несколько ножей послушники крошат редиску, яйца, огурцы, лук – будет окрошка. Квас, мучнистый, серый, как небелёная холстина и густой, как сметана, молодой плечистый монах носит из погреба в двух деревянных вёдрах, выливает прямо в бадью и утирает пот. А вот и сама сметана в широкой крынке! Чтобы взять её себе хоть немного, надо резать острым ножом, деревянная мутовка и сломаться может.

Не меньше народа и в Халявной. В большом кругу выхаживают кони, народ стоит, смотрит, приценивается, языками цокают. По краю слободы - длинный ряд с конской упряжью, сёдлами, подковами.

- Дюжина ухналей за 10 копеек! Лучше не сыскать! – громким басом возглашает молодой кузнец с коротоякских дворов, предлагая подковы и гвозди для них.

- Что вониши как пономарь! Хороший товар сам в руки просится, а у тебя все барашки кривые, - осаживает его пожилой бородатый конюх из Лисок, указывая на головки гвоздей. – А вот четыре дюжины за тридцать копеек возьму!

- Экий ты старик прыткий, не возьмёшь сейчас, в кузне за 12 копеек продавать буду, пожалеешь! – не сдаётся кузнец. Барашки-то у него ровные, ещё дед ремеслу учил.

Казалось бы, бесконечный с виду, торг внезапно прерывается, и кузнец с конюхом ударяют по рукам. Товар переходит в мешки к покупателю, а монеты в гигантскую лапу кузнеца. Откуда не возьмись, появляется жена кузнеца, высокая, строгая зеленоглазая казачка и, выбрав из ладони мужа деньги, неуловимым движением прячет их куда-то в пояс, под косополку. Кузнец подмигивает жене и легонько

щиплет её за ногу. Та смотрит на него с укоризной сквозь прорывающиеся в уголках глаз искорки: «Что ты, дурень, святое место же!»

А вот на новые кожаные казацкие и разъездные сёдла, натёртые до невыносимого блеска, уныло смотрят два помятых чиновника Соляной конторы. Их прислали на ярмарку по казённой надобности. Они, торгуясь в два голоса, сбивают цену на сёдла и сбрую, а сторговавшись, просят расписку, что купили товар чуть ли не в полтора раза дороже. После получения барыша их лица светлеют, они шуршат ассигнациями, делят их между собой и отправляются в аптечную избу, чтобы «поправить здоровье». Но тут их ждёт неожиданность. В аптечной избе действительно находится аптека и на вопросы где купить кумышки, монах разводит руками.

Торговля идёт бойко. Ежегодный доход в пользу монастыря от ярмарки превышает пятьсот рублей, почти столько же уходило на уплату налога в казну государства. Конечно, не чета Макарьевской ярмарке, но всё же, хорошая прибыль для маленькой обители. Одно плохо, нет теперь простору для души русской, поскольку аптека вместо дёгтя и кумышки торгует сухими травами, отварами и настойками в маленьких пузырёчках. Нет уже и Зиновия, который хоронил в аптечной избе, пропал куда-то и монах Вакх, вечно пьяненький, неопрятный, с красным шишковатым носом. Другого аптечного монаха, Ерма, посадили в храме у свечного ящика. А в аптеке – сам новый настоятель хоронит. Недаром до пятнадцати лет при шотландском аптекаре посыльным мальчишкой состоял! Игумен каждого приходящего расспросит, что болит, да как помочь, да не нужен ли доктор. А вот и доктор в углу, в кресле сонный сидит, с потухшей трубкой. Фриц Дедрикович Файл. Важный доктор, жилетка шёлковая, чемоданчик деревянный с инструментами, у самого князя Костомарова проживает. Одним движением руки отца келаря исцелил, нос поправил! Только пока что его услуги не понадобились никому. Заглянет мужик, покрутится-повернется, то да сё, и уходит с разочарованием на лице. Другое место надо искать, где нальют.

Вот и прошли три месяца игуменства Тимофея в Илевайском Покровском монастыре. Уехал в Воронеж игумен Зиновий, отгромела, отшумела ярмарка, стал поправляться отец Яков. Перевёлся в Полтаву монах Вакх, почти не замечалось за другими насельниками монастыря

пьянства. Бывало, конечно, пройдёт кособоком по монастырю эконом Дионисий, пахнёт от него то ли бражкой, то ли прелыми яблоками, но не пойман – не вор. А ещё запили по-чёрному холостые солдаты Фрол Корытьев да Иван Жабин. И где только вино брали? Но свинья грязь найдёт, так в народе говорят. Иван, потерявший слух при контузии, напивался с утра, и весь день спал в избе. А Фрол ушёл в Лиски и прибрёлся к какой-то бабёнке. Слух шёл, вдвоём они втихаря гнали и пили на пару. За такое оставление обители, по закону места лишали сразу.

А игумен Тимофей нашёл отраду для души в беседах с вдовым князем Василием Ивановичем Костомаровым, владевшим обширными имениями в окрестностях Илевая и под Воронежом, домами в Москве и Петербурге.

Вот сидят тёплым вечером в Халявном у аптечной избы Василий Иванович и игумен Тимофей. Самовар гудит, будто выюга за окном, дымок ароматный струйкой в небо уходит. Хорошо на душе, тепло. В Халявном теперь настоящая аптека, а игумен местных крестьян врачует под присмотром доктора Файла. Сейчас доктор в избе ноги, стёртые старому казаку, лечит, Михаил ему помогает. Где-то отец Яков бегает, он без дела не может, хотя нет-нет, да и присядет: голова ещё кружится порой. А между князем и настоятелем идёт задушевный разговор.

- Приехал я сюда, пребывая, по милости Божьей в молитве, которую паче чаяния даровал мне Господь, - говорит Тимофей, согревая руки о большую глиняную кружку с отваром. - Но, видимо, долгу моему надлежит быть оплаченному трудами многими. И теперь молитва сердечная подвергается нападкам более опасным, чем некогда от врагов внешних. Оказалось, что легче потерпеть боль и тесноту, укоризны и голод, чем суetu человеческую и обман. Когда враг виден отчётливо, сомнения не рождаются в душе. А когда один и тот же человек то враг, то друг, и не знаешь, как его понять, вот тогда трудно приходится. Теперь случилось у меня множество искушений и чувствую я, как охладевает молитва в сердце, совсем останавливаясь временами, отчего в сердце холодная пустота остаётся, и тоска охватывает. И я чувствую себя более утомлённым и немощным, чем в темнице. Нет опоры во вне. А всякий человек – ложь.

- Каждый такое о себе сказать может, если глубоко в помыслы

свои заглянет, - согласился Василий Иванович.

- Вот отец Дионисий тому пример. Добрый человек, эконом хороший, а к молитве интереса не имеет, да к вину пристрастен. Как его перевоспитаешь, если он сам того не желает? Часто я думаю, а надо ли мне так беспечно тратить дар молитвенный, на суету, на монахов нерадивых, на хищников и винопийц? Ведь вся эта суета не стоит ничего в сравнении с созерцанием духовным. Недаром, путь Марии, сидевшей у ног Спасителя, назван Им «благой частью», тогда как Марфа погрязла в делах и заботах. И я сейчас полностью Марфа, с утра до вечера, с вечера до утра.

- Отец игумен, ты знаешь, что потерял полгода назад я свою супругу, княгиню Елену Дмитриевну. Но не знаешь ты, что за искушение я претерпел, в какой скорби пребывал и в каком смятении. Будто сердце моё вынули без ножа и похоронили вместе с ней. Белый свет мне не мил стала, пелена застилала глаза, всё краски мира померкли и осыпались с холста жизни. Еда потеряла вкус, люди стали прозрачными тенями и их голосов я не различал вовсе, тяготился любым обществом. Я понимал краем разума, что так скорбеть нельзя, пытался молиться, но слова были пусты и падали в пустоту.

- Сие состояние мне знакомо, - игумен Тимофей сочувственно покачал головой.

- Я не выходил из комнаты больше месяца, только ночью как тать выбирался, поплакать на нашей скамейке в саду. Но однажды, сидя на этой скамейке, я осознал, что Елена скорбит обо мне дураке не меньше, а даже больше. Не радует её, что я так печали предался, заживо себя похоронил. Вышел я к людям, занялся обычными делами, хозяйством, стал помогать нуждающимся, сердце и оттаяло. А потом и молитва в нём завелась, вновь милосердие Божие я ощутил, роптать перестал.

- Значит, ваша светлость, нет единого правила в этом деле. Не скажешь молитве, как слуге: «Приди!» и она приходит. Не ходит Дух по законам человеческим, а веет, где хочет. Многим отцам, подвизавшимся в посте и бдениях, не дано было познать при жизни самодвижную молитву. И я порой в страхе пребываю, что не достоин такого дара.

- Случалось ли уже, отец игумен, тебе молиться в меловых пещерах? – поинтересовался князь.

- Да, и не раз.

- А я воспринимаю этот пещерный храм, как символ человеческого сердца. Укрытое от внешнего мира сердечное место пусто и безжизненно, холодно в нём и сырь. Но вот входит священник со служителями в чертоги сокровенные, возжигают свечи и начинают славить Бога. Это и знаменует посещение сердца человеческого Божественной благодатью. А там глядишь, и подземные монахи, хранители вертепа подпевать начнут, вот уж чудо, так чудо!

Тут улыбнулся игумен, очень ему легенда о тайных старцах-подвижниках нравилась.

- А замечали ли вы, ваша светлость, как обостряются чувства внутри пещер? – продолжил князь. - Ведь внутри горы, под меловой толщей – предельная тишина господствует. А каждая капля слышится как гром небесный. Поди, ту каплю на поверхности услышишь, кругом шум, щебет и вой ветра.

- А если туда народу много войдёт, всё тут же изменится! – воскликнул Тимофей.

- Вот-вот! Два года назад следовал через Илевай казачий полк на турецкую границу. Остановились на постой в монастыре. Командиров разметили по кельям, а казаков в пещеры пустили. И вот, когда двести дюжих молодцов расположились под этими тихими сводами, да задвигались, заговорили все разом, пещера стала напоминать казарму. И ещё с неделю после этой ночёвки казарменный дух в ней ощущался.

- И сие есть образ сердца человеческого, - подытожил Тимофей.

Они посидели в тишине, ощущая, как осеннее солнце из последних сил отдаёт тепло холодной уже земле и воде. Самовар почти погас, но держал тепло хорошо. Они разлили ещё смородиново-мятного отвара. Появившийся из ниоткуда Яков принёс мочёных слив, малинового варенья и белого хлеба.

- Знаю, ваша светлость, что на зиму по обычаю уезжаете в Петербург, - игумен Тимофей отхлебнул тёплого отвара и продолжил разговор. - Есть у меня два вопроса в столице. Если поможете разрешить, в молитвенном долгу перед вами буду.

- Ну, отец игумен, сдаётся мне, что вопросов не два, а три, - внезапно возразил Василий Иванович.

- Это какой же третий вопрос? – недоумённо спросил игумен.

- А об этом узнаешь в час урочный, отец Тимофей, - отвечал

князь, затаив в углах глаз весёлую улыбку.

Из избы с шумом вывалились доктор Файл и Михаил, видно, операция была закончена. Миша тащил табуретку и письменный прибор. Он радостно оглядел компанию и обратился к игумену:

- Благослови, отец настоятель, донос на тебя писать!

- О карашо! фатер-злодейе, ихъ ферштее! – подзадоривал его Фриц Дедрикович, моя руки в глиняной плошке с чистой водой.

- И что же ты писать будешь, Миша? – поинтересовался князь.

- Правду, чистую правду, - приложив руку к груди, с жаром ответил келейник.

- Да ты просто царь правды, сиречь Мельхиседек! – засмеялся Василий Иванович.

Доктор вынул трубку вишнёвого дерева и принял её со всем тщанием чистить, применяя для этого инструменты, по своей сложности не уступающие хирургическим. А вот и серебряная табакерка раскрылась под лёгким нажатием пальцев на потайную кнопку, и все увидели, что она совершенно пуста.

- О, грюне бубе! – закачал головой доктор, так что толстые складки по бокам его шеи смешно перекатывались туда-сюда. – Надо курить. Майн раухпфайфе скоро заболеть...

Он держал трубку, как захворавшего младенца, жалостливо вздыхая, видимо, искренне веря, что она может заболеть без работы.

На столе, на обрывке газеты «Петербургские ведомости» лежали пучки сухих трав для чая: чабрец, мята, смородиновый и вишнёвый лист, немного цветов жёлтой пижмы и бледно-синего бессмертника. Теперь доктор с задумчивым видом созерцал травы, явно примериваясь, что из этого можно набить в трубку. Наконец его выбор пал на маслянистый вишнёвый лист, хорошо пахнувший и крошившийся под пальцами.

Михаил с торжественным видом обмакнул новое перо (для доносов, сам собой, должно применяться только самое новое) в склянку с чернилами и призадумался, как же начать. Оыта в этом деле у него не было. Его взгляд упал на газету и, сдвинув со пучёк травы, он прочитал вслух:

- Благосклонный читателю! При сем подается тебе таки начатие неких новых трудов, которые токмо ради увеселения тебя и ради твоей пользы восприяты. Ты ведаешь о сем... Так. Или же вот! Физики

имеют полное и совершенное знание о сем предмете... Ого! А здесь что? Желающие купить девку, которая знает обходиться с бельём и стряпает кушанья, могут её видеть на Петербургской стороне в доме...

- Эх, - вздохнул появившийся невесть откуда келарь. – Такого где бы монаха купить! А то казачков наших к порядку не приучишь...

- А вот разъяснения слова «па-три-от», - продолжил Михаил. – Это ревнитель о пользе отечества! Вот и начало письма. «Как истинный патриот, сиречь ревнитель о пользе отечества, доношу Вашей милости о житии игумена Илевайского Тимофея, во ввереной ему обители...»

Миша старательно, окружным ученическим почерком выводил буквы. Князь, спеша помочь, уже диктовал дальше:

- Денно и нощно возносит игумен Тимофеи молитвы о здоровье государыни, наследника престола Павла Петровича, священного правительственного синода и лично обер-прокурора, столь ревниво надзирающего за благочестием во вверенной ему отрасли государства российского...

Отец Яков стоял рядом и от нетерпения уже потрясал коротким пальцем:

- Да, напиши ещё! Хозяйство в монастыре находится в полном порядке, благодаря неусыпному попечению настоятеля о телесных нуждах монашествующих. Разбитые вокруг монастыря огороды содержатся в образцовой системе, в чём с великим усердием помогает ему монастырский келарь монах Иаков. Все насельники обители, за исключением немощных, трудятся на монастырских послушаниях, радея о её процветании, во славу русского монашества и Российской империи.

Далее вступил игумен Тимофеи:

- Но телесные утешения братии и процветание обители ничто по сравнению с высокой целью, к которой устремлены сердца всех иноков. Плоть, без благодати Святого Духа удобопреклонная греху, стремится к суетным стяжаниям. Потому не забываем мы в нашем монастыре, что молитва и послушание сердца – суть столпы, на которых зиждется монашество. Потому то, утверждению этих столпов и уделяется главное внимание. Только пройдя путём искусств можно смириить душу и уготовать в ней обитель для Духа. Особенно трудны эти пути для современного нам человека, оставившего Бога,

поработившего сердце суетному миру...

Отец Яков зашёл с другой стороны:

- Потому, все послушания, хоть на огородах, хоть на паромной переправе, или, допустим, в коровнике, лучший путь для смирения буйного нрава молодого монаха. Заодно и растёт прибыль для обители. Зима тут хоть и не долгая, но запасов требуется заготовить не малое количество...

- К тому же есть аптека надо арбайтен! Много пациент, много болеть, монах – ноги болеть, другой монах – спина болеть, крестьяне – болеть, баба – рожать, дер грюне бубе! – сквозь смолистый дым донеслись слова доктора Файла.

- Про валета картёжного не пиши! – подсказал Тимофей Михаилу, усердно выводящему строки этого необычного кляузного письма.

- А потому, - закончил князь, - сам игумен пребывает в молитве за милостивую императрицу, да продлятся годы её мудрого правления, и призывает свою паству следовать этому примеру, восхваляя успехи монархии по укреплению порядка в Российской империи, а наипаче присоединении земель и смирении басурман...

Негромко гудел самовар, вновь заправленный сухой щепой попечением отца Якова. Дымился на столе глиняный чайник с отваром трав. Келарь уже раскладывал белый хлеб, пористый и мягкий внутри, но с хрустящей жёлтой корочкой, пахнущей горячей печью. К хлебу прилагались горшочки с вареньем из тутовника и белым степным мёдом. Минуты мира сердечного, дарованного Богом после стольких трудов и скорбей, все присутствующие воспринимали со смирением и затаённой тревогой, зная, сколь редкими они бывают.

Но с северо-востока уже задул порывистый ветер, несущий в себе едва ощутимую водянную взвесь. Мелко задрожала чистая некогда гладь донской воды. Осень, хоть и с запозданием, заявляла о себе холодными сквозняками на фоне ещё яркой зелени. Скоро зарядят дожди, раскиснут утоптаные тропинки. Всё вокруг, покрывшееся за лето белой меловой пылью, станет тёмным, мыльным и холодным на ощупь. С резкими кряками, подгоняя молодняк, понесутся над Илевайкой возмущённые утиные стаи, ругая подкрадывающуюся зиму, выгнавшую их из родных заводей.

По первым бесснежным ноябрьским морозцам, ударившим на Михайлов день, отправился в Петербург князь Костомаров. Василий

Иванович имел обширнейшие связи в столице, был известен при дворе, дружил с Шуваловыми и Бестужевыми, неоднократно охотился с нынешним фаворитом царицы Александром Семёновичем Васильчиковым. В столице, в Семёновском полку служил и единственный сын Костомаровых Александр. По мысли князя, пришло время для дальнейшего карьерного роста молодого человека и для устроения его личной жизни. Присматривавшая за Сашей в столице тёща, Олимпиада Софронтьевна Якушева, вдовая генеральша, уже неоднократно писала князю длинные послания с перечислениями достойных, с её точки зрения невест, требуя немедленного приезда отца. Прелести этих невест, по словам Олимпиады Софронтьевны, сплошь состояли из отцовских поместий, сундуков с добром и связях при дворе.

- Как только решу все три твои вопроса, напишу. Но не раньше! – при расставании сказал князь Тимофею, украдкой смахивая слезу из уголка левого глаза. – А вернусь, как только сына устрою.

Игумен шмыгнул носом, наподобие Бориски, но чувства сдержал. Редко в жизни встретишь единомышленника, ещё реже сердечного друга, а уж друг духовный даётся, видимо, только в особых случаях. Перед крестом отслужили молебен о путешествующих и княжеский поезд, состоящий из большой кареты и трёх повозок со скарбом и подарками, охраняемый тремя дюжими казаками, двинулся в сторону Воронежа.

Из трудов и молитв, как положено, складывались дни и ночи монахов и настоятеля. Жизнь монастыря вошла в спокойное русло. Только по весне схоронили героя двух турецких компаний, инвалида и пьяницу Фрола Корытева. Пошёл он за брагой по мартовскому льду Илевайки, да в полынью провалился, топором ко дну пошёл. Друг его Иван на отпевании горько плакал, а потом целый день дожидался за воротами игумена, но тот был всё занят. Так и стоял Иван столбом трезвый, щетиной заросший, глаза ввалились, чернеют полыньями, всё шапку мнёт и вздыхает. Вездесущий Бориска понял, в чём дело и шепнул игумену, мол, солдат поговорить хочет.

Дул влажный промозглый ветер с Дона. Тимофей вышел за ворота в тёплом колпаке, отороченном мехом и двойном шерстяном палии. Келейник заботливо накинул поверх мантии игумена ондатровую шубу: не простыл бы. На мокром снегу без шапки,

совсем продрогший стоял Иван Жабин.

- Говори, что надо тебе Иван! – настоятель терпеливо ждал, когда инвалид собирается с духом.

- Умер Фрол без покаяния, вот меня страх и взял за сердце, - сдавленным голосом проговорил солдат.

- Говори смелее!

- Так это же мы с Фролом...

- Ну? – игумен наклонился к Ивану, но тот замолчал. – Вы с Фролом отца Якова изувечили?

- Свят, свят, свят, - в страхе перекрестился солдат. – А ты откуда ведаешь? Как дознался?

- Сразу я понял, что Зиновий не мог такого сотворить. Гордый он да властный, но не злодей и не разбойник. А ещё, ему с келарем не с руки ссорится, себе дороже выйдет. Отец Яков сам Зинько грозил, небылицы выдумывал, аптеку отнять хотел. Думал, что тем монастырю помогает. Вот своеволие и привело его в напасть, в искушение.

- Так и нас он страшал, голодом томил, из монастыря изживал! – возвысил обиженный голос Иван.

- Теперь я про это знаю, да и отец Яков всё понял, покаяние принёс. Но одно скажу: герои сражений пьянством своим монастырь очень донимали. Не дело ведь, когда в обители святой такое бесчинство творится. А где вы мантии монашеские взяли?

- На заднем дворе в Халявиной сушились, с верёвок сняли, - понуро отвечал солдат. – И скуфейки там же.

- Мне сразу понятно стало, кто разбойники, когда я услышал от Петухова, что был келаря, мнимый монах одной рукой, правой, и той же рукой с земли поднимал. Двурукий человек так делать не станет. А тот, что камнем по затылку бил, левой рукой орудовал. Леворукий у нас Фрол был, царство ему небесное и оставление грехов. А ты, стало быть, праворукий. И ещё одно. Все монахи и послушники, кто рясы носят, в сапогах лёгких ходят. А вы с Фролом, в лаптях. И когда вы побежали в слободу...

- Рясы вернуть надо было, пока не заметили...

- Когда вы побежали, то топали как лапотники. Лапти-то ваши я помню. Все развалились, на подвязках, лыко торчит. В такой обувке не побегаешь, ноги поднимать высоко приходится, а то по земле

волочатся.

- Эх, - только и сказал Иван.

- Так признаёшь ты грех за собой?

- Признаю, всё как есть признаю.

- Это очень хорошо. Совесть на исповеди очистишь, и живи, не греши больше. А у отца Якова прощения попроси, да и он перед тобой повинится. Но знаешь, я тоже за собой вину чувствую, - вздохнул Тимофей.

- Это почему? – удивился солдат. А удивился он скорее тому, как запросто с ним настоятель беседует, без крика, назидания, тюрьмой не грозит. Эх, пил бы Иван меньше, чаще хороших людей замечал бы.

- Малым злом большое победил, грех есть грех. Знал правду, но смолчал. Сам теперь прощения у Бога прошу. Обители польза, а мне грех, - покачал головой Тимофей.

- А в монастырь вернёшь жить? – несмелο спросил Иван, чувствуя, что игумен не сердится.

- Коли пить бросишь, возвращайся, - неожиданно строго ответил игумен. – Не будет тебе спуску, если пьяниствовать станешь. В суд сдам, как злоумышленника и разбойника. А сейчас иди чаю с мёдом испей на трапезе, замёрз, поди.

Ночной мартовский морозец уже прихватывал корочкой подтаявший снег, становилось всё холодней. Ветер порывами бился о стены келий и храма, дребезжа толстыми стёклами, стучал плохо прибитыми досками и скрипел ветками деревьев. Однорукий солдат в армяке и игумен в толстой шубе неспешно поднимались по обледеневшей, но тщательно посыпанной песком лестнице к трапезной, где горели несколько лампад и лучин. Там отец Яков уже заваривал душистый монастырский чай, раскладывал мёд, сушеный виноград и чернослив, а Михаил с ещё двумя послушниками мыли горох и овёс для завтрашней трапезы, запаривали яшную крупу для крупяников.

Что сказать о дальнейшей судьбе Ивана Жабина? Пить он, конечно, не бросил, в монастырь не вернулся, но женился в Лисках на вдове, и жить сталтише, пускаясь в загулы только по праздникам.

...Письма от князя пришлось ждать очень долго, пришло оно только в первых числах декабря 1769 года. Видимо, не доверяя государственной почте, Василий Иванович отправил нарочного с этим

посланием. Само письмо было очень большим. На первых трёх страницах князь подробно описывал петербургскую жизнь, но больше погоду, изумляясь, ибо отвык, что по несколько месяцев на небе не видно солнца. Он и привыкать к такому не хотел. Но уж, зато каковы белые ночи! Такой особой красоты на юге, где ночи темны и глубоки, нет и в помине.

Далее шёл рассказ о странной юродивой, живущей в районе Смоленки, и ходящей непременно в красной вязаной кофте. Она называет себя Андреем Фёдоровичем. И, о чудо, эта блаженная передавала поклон Тимофею! При этом она просила игумена «держать крепко, что получено». Что за загадки?

Немного порассуждав об успехах российской кампании в Крыму, восхвалив Суворова и Прозоровского, князь сообщил о готовящейся свадьбе своего сына Саши с юной графиней Антониной Николаевной Самойловой. В ожидании сего события тёща пребывает в полном восторге, граничащим с помешательством. Доктор Файл уверяет, что состояние разума и поведение старой генеральши вполне соответствует маниакальному умопомрачению. После свадьбы князь, оставив дом в столице и небольшое имение под Гдовом молодым супругам, собирается окончательно перебраться в своё донское поместье и посвятить оставшееся ему время жизни чтению, молитве, устроению богадельни и монастырской школы.

Далее князь пускался в рассуждения по поводу своего нынешнего положения в свете. Предмету сему были посвящены такие строки:

«Дорогой друг, отец игумен! С большими затруднениями столкнулся я в столице, когда решил заняться делами благотворительности. Расходование собственных средств на нужды сирых и больных считается в свете прихотью и даже приурью. Всякий, кто только заговорит об этом, становится в глазах общества вроде шута или скомороха. Воистину, сребролюбие не просто корень всех зол в человеке, но и, пожалуй, вообще единственный грех. Все остальные – лишь развитие его в новых формах. Даже гордыня и тщеславие, столь глубоко, наподобие проказы, поразившие высшее общество, суть лишь формы алчности, безудержной жажды обладания. Скажу больше, ибо ты, как духовный мой друг, поймёшь меня. Все добродетели света – лишь прикрытые узорчатыми тканями пороки, имя которым лицемерие, самолюбие, лживость и похоть, а те в свою

очередь – дети алчности. Общество, состоящее из отдельных, вполне приличных людей, превращается в топкое всепоглощающее болото, с коварством и неизбежностью засасывающее всякого, ступившего на сию зыбкую почву. И кажется порой, что люди сии потеряли разум...»

Далее, наконец-то, Костомаров переходил к теме «трёх вопросов», столь важных для Тимофея. Не иначе, он испытывал терпение игумена. А может, зная, что две первые вести их трёх не добрые, пытался как-то отвлечь внимание своего адресата. Вот что было написано в письме:

«После такого длинного предисловия перехожу к вопросам для твоей милости столь насущным. Дело первое распутать удалось легко. Благодаря своим связям в Синоде, Сенате и комиссиях я получил на руки то самое письмо с доносом на тебя, датированное 16 марта 1764 года. Вот начало письма, скопированное мною: «Сим, сообщаю, что 15 марта на вечернем чаепитии у наместника приезжий ростовский иеромонах Авдей и игумен Тимофеи, проживающие в гостевых кельях, о делах государственных премного говорили, после чего уединились и хулили преславное правление премудрой Государыни матушки нашей премилосердной Екатерины Алексеевны». Письмо сие тебе знакомо, копию из него прилагаю лишь для твоего убеждения, что нет здесь никакой ошибки. Именно по этому доносу были арестованы и иеромонахи Авдей, и ты сам, отец игумен. Подпись на том письме стоит такая: «Верноподданно пребывающий в молитвах о здравии Государыни наместник Александро-Невской Лавры иеромонах Климент».

Ты рассказывал мне, что на подозрении, как автор письма, находится у тебя казначай Лавры, монах Иустин. Именно он был обнаружен около двери кельи иеромонаха Авделя подслушивающим. Так вот, никакого касательства к доносу Иустин не имеет. Он действительно, по требованию наместника, отправился на ваши поиски. Но склонился он у двери только для того, чтобы поднять маленькую записку, торчащую из-под порога. Записку я ту видел сам, поскольку она изъята была и к делу приобщена. Написано было в ней следующее: «Отец Авдей, немедленно уезжай, тебе грозит немалая опасность. Твой Друг». Кто автор записки? Этого выяснить не удалось, хотя может, написал её сам Иустин. И спешил он предупредить отца Авделя, зная подлинный характер наместника. После всех событий

казначей выговорил Клименту, призывая оставить доносительство, как дело недостойное монаха. Но, думаю, тщетно. Иустин же был немедленно удалён архиепископом Гавриилом в Шлиссельбург, где освободилась место полкового священника. Разузнал я это от людей близких к преосвященному Гавриилу.

Случай отца Клиmentа удивителен тем, что сам он, чуждый какой-либо корысти, действовал исключительно по искреннему убеждению. Долгое пребывание в столице среди людей порочных, делающих карьеру на интригах, наветах и обмане, затуманило разум бедному монаху, преисполнившемуся чувств патриотических по своему виду, но несущих в себе яд для ума и души. Действия высшего духовенства, компромиссного во всех вопросах, касавшихся нравственности особ высокопоставленных, исказили в нём подлинное восприятие евангелия и истин христианских. Потому и разоблачение крамолы виделось ему служением Богу, а судьбы ваши с отцом Авдеем не рассматривались им как нечто требующее внимания. А ведь последствия сего пасквиля куда как хуже, чем можно себе представить.

Отче, ты хорошо помнишь, что отпустили всех узников по этому делу после некоего происшествия, слух о котором дошёл до Сената и Императрицы. Это происшествие - смерть в крепости одного подследственного на первом же допросе, когда от удара по голове, пусть и не крепкого, случился у бедняги апоплексический удар, да такой силы, что тюремный доктор даже не стал прибегать к кровопусканию, поскольку застал несчастного совершенно без сознания, уже испускающего дух. Узник тот через четыре часа скончался. Начавший допрос капитан Лаврентий Павлов не успел записать в протокол ни слова. Но для «приведения в чувство злоумышленника» решил предварить устное изыскание физическим воздействием. После первого удара всё было кончено. Иеромонаха Авдея Лукова, а это был именно он, не стоит искать более среди живых, а следует поминать об упокоении души.

Всех, причастных к происшествию, конечно, наказали. Павлова сослали в Томский гарнизон с понижением в звании. Доносчика, наместника Клиmentа, перевели в заштатный Казанский Свято-Троицкий монастырь под надзор без права выезда. Небезызвестный Гордымов, под началом которого состоял капитан Павлов, сначала

избежал наказания и даже возвысился, но позже попал в немилость к самому Степану Ивановичу Шешковскому из-за своих любовных похождений и после полугодового отстранения от ведения следствий был отправлен в Крым, в интендантскую роту, что для него стало немалым позором и унижением. Пусть эти известия о явлении силы воздающей десницы Господней хотя бы отчасти уменьшат твою скорбь. Таково дело второе.

Теперь весть добрая. Третье наше дело решалось труднее всего, поскольку представление о хиротонии твоей, отец игумен, во епископа Зарецкого было положено под сукно не без влияния архиепископа Гавриила, находящего в фаворе в связи с известной позицией его в отношении Манифеста 1764 года. На кафедру Зарецка был спешно поставлен московский игумен Митрофан, человек весьма преклонных лет. Но месяц назад всё изменилось. А именно, епископ Митрофан подал на покой с кафедры в связи с тяжёлой болезнью и невозможностью исполнять свои обязанности. Так же и Государыня приняла решение о перемещении архиепископа Гавриила в Киев, что будет исполнено Синодом в ближайшее время. Спешу предварить новость: скоро ты получишь приглашение в столицу для хиротонии во епископа Зарецкого. Но поздравления заранее не посыпаю, всему своё время.

Искренне прошу молитв и надеюсь на скорую встречу.

Твой друг и богомолец кн. Василий.

22 ноября 1769 года от Р. Х.

P. S. Это письмо написано в одном экземпляре, черновик уничтожен. Потому, благоразумным будет избавиться от него сразу по прочтении. Кн. В.»

Как не торопил князь Синод, не скоро делаются дела в недрах канцелярий и кабинетов. Письмо из Петербурга с известием о грядущей хиротонии было получено игуменом только 5 июля 1770 года. Правда, ехать предстояло в Москву, а не в столицу. В первопрестольной изволила гостить в конце лета императрица, и там же, в Успенском соборе Кремля, должны были состояться намеченные Синодом епископские хиротонии.

Настало время прощаться с Илевайской обителью. Пришелец любой человек на земле и странник. Тем паче монах в Российской империи. Только прикипел сердцем к месту какому, получи указ о

переводе. Когда на повышение, когда на равную должность, а когда и в Тмутаракань без объяснения причин. Кому какая судьба выпала. Но начальству-то виднее!

В вечер перед отъездом Тимофея решил отслужить прощальный молебен в пещерном храме. Взяв с собой только келейника, он отомкнул дверь в пещеру, зажёг несколько свечей и, положив на аналой серебряный крест и малое Евангелие, возгласил сквозь проступающие слёзы: «Благословен Бог наш...»

С большой свечой в руке Тимофея зашёл в алтарь, чтобы постоять минуту в тишине. Он подошёл к жертвеннику, сотворил земной поклон и замер на коленях, давая волю искренней молитве за всех, с кем пришлось повстречаться за эти три с лишним года. Выходить наружу не хотелось. Бессмысленность земной суety чувствовалась как-то особенно нервно, обострённо, болезненно, с кислым привкусом тоски. Тимофею не понравилось это душевное состояние, в нём не было мира и смирения. И тут тихо-тихо, почти полушиботом в пещере зазвучали голоса. Сначала они напоминали негромкое гудение, как будто растревоженный рой пчёл вился вокруг своего дупла. Но голоса крепли, и вот уже стали различимы слова песнопения. Тяжёлый чугунный бас, гибкие стальные баритоны и серебристый легчайший тенор отчётливо выводили из недр земных: «Плотию уснув, яко мертв...». Это был экзапостиларий Пасхи. Замерев, Тимофея дослушал пение и вытер рукавом навернувшиеся на глаза слёзы. Такого прощения с обителью и желать было невозможно.

На обратной дороге к монастырю, Михаил, немного отстав, поманил пальцем Бориску, вытянувшегося за зиму и с трудом умещавшегося за кустом дикого шиповника.

- Певчие не по целковому, а по два требуют, батько, - вылупился он на Михаила. – Дюже, кажуть, в такой сырюке петь не сподобно!

Михаил покачал головой, но деньги отдал. Предприятие финансировал князь Василий Иванович, приславший распоряжение и деньги через управляющего, а потому бюджет был рассчитан с запасом.

- Скажи им, чтоб молчали как рыбы, а не то... - начал было Михаил, но Борис уже убегал в сторону пещер, задав в кулаке восемь серебряных кругляшей с дородным профилем царицы и жирной двуглавой птицей, от которой во все стороны, как пух и перья,

отлетали буквы и цифры. Девятый такой кругляш лежал у него в маленьком кожаном кисете за пазухой.

Эту монету Борис Нагольный будет носить всю свою долгую жизнь на шнурке, как воспоминание о добром игумене Тимофеи и его келейнике Михаиле. С ними простой донской мальчишка сроднился душой, впервые увидев в живых людях отблески мира нездешнего и любви Христовой.

Пьяновым принадлежало обширное и богатое имение Лебединское, в шести вёрстах от Зарецка, на противоположном от Зарецкого Предтеченского монастыря берегу узкой и очень холодной речушки Летки, питающихся множеством родников. Хозяином имения был ещё не старый статский советник Гурий Иванович Пьянов, отставной чиновник Дирекции Почт, ближайший помощник графа Панина. Многие недоумевали, как столь ленивый и вялый молодой человек, сибарит и картёжник, смог сделать карьеру, которую без преувеличения следовало бы назвать блестящей. Справедливости ради отметим, что необразованность свою, исходившую исключительно от постоянной праздности, он умело скрывал, умом же обладал широким, пусть и малоподвижным. В целом, человек он был мягкий и бесконфликтный. Но когда требовалось, Гурий Иванович мог угодить начальству даже в мелочах, предугадывая их скрытые желания. В частности, занимаясь, время от времени, перлюстрацией почты иностранных посланников, он предложил организовать дело на постоянной основе по образцу «чёрного кабинета» французов, что позднее и было с успехом реализовано.

Не стоит умалчивать и о важнейшем обстоятельстве жизни Гурия Ивановича. А именно, он был удачно женат. Фрейлина императрицы Елизаветы Петровны Ираида Курцвейн была старше годами Гурия, выше его ростом и громче голосом. Но солидное приданое делало все эти недостатки как бы не существующими. Дочь потомка немецких баронов была вхожа во внутренние покои императрицы и была её душевной собеседницей. Любовь к сплетням, балам и увеселениям, острый язык и наблюдательность сделали её на несколько лет наперсницей сначала полу опальной великой княгини, потом и императрицы. Ираида угождала своей патронессе ещё тем, что правдоподобно умела

изобразить трогательную, наивно-романтическую глупость, присущую большинству придворных барышень и жён сановников. Среди кружка образованных и начитанных женщин это имело большой успех, ведь Елизавета всегда хотела казаться просвещённой европейской монархиней. Череда беспорядочных романов юной фрейлины с придворными всех мастей и достоинств пронеслась перед взором императрицы при полном её попустительстве и даже поощрении. Когда же спелость фрейлины стала вызывающе заметной, Ираида Карловна сама указала Елизавете на дородного и розовощёкого чиновника из почтового ведомства, как желательную ей партию, и получила незамедлительную помощь императрицы в устроении брака.

Уже при Петре Третьем Ираида Карловна была выведена из придворного круга, а через несколько лет подал в отставку и Гурий Иванович. Пьяновы покинули столицу и переехали в собственное поместье Лебединское под Зарецком.

В этом обширном имении, стараниями хозяйки, был устроен первый в Зарецке и уезде крепостной театр, да не простой, а музыкальный, с оркестром и балетом, как у Шереметевых. Уникальность театра состояла в том, что у господ имелся свой собственный сочинитель музыкальных пьес – Лукьян Дыркин, он же и «управитель комедии», руководивший актёрами. Крепостной Лукьян был родом из Новороссии и приобретён был за сорок рублей серебром у батуринского купца Сирина специально для устраиваемого барыней театра, который сразу же стал главным событием провинциального Зарецка и приобрёл славу даже в Курске и Воронеже.

Лукьян сочинял пьесы в стиле оперы-буфф, вошедшей тогда в моду, под строгим надзором барыни, которая любила фривольные шутки, весёлые песни, исполняемые хором и нелепые, нарочито многословные любовные признания в виде долгих монологов-речитативов. Барыня сама задавала основное направление сюжета каждой пьесы и порой подсказывала темы арий и хоров. Вот образчик такого любовного признания из пьесы «Амур, Психея и гrot Сатира»: «Любовь моя сильна, расторгнуть наш союз нельзя. Блаженная доля не высказана в словесах пустых. Опять фортуны злобное коварство! Опять фортуны злобное коварство! Опять коварство! Без тебя, без тебя, все тщетным стало махом без тебя. От вечерней зари до авроры

рассветной без тебя. Так потребна ты мне любушка моя!» В оригиналe у Лукьяна было «коханая моя», но барыня, на дух не переносившая в пьесах малороссийские словечки, велела заменить, что немедленно и было исполнено. Следует сказать, что Лукьян, не видевший своего призвания в творении таких пьесок, писал тексты издевательские и немного сатирические, но зрители принимали всё за чистую монету, ничего такого не замечая. Лишь изредка, просветлённый чувством тихой грусти о нерастраченной любви, Лукьян позволял своему перу изливать подлинные думы, создавая шедевры невообразимой силы.

Престарелый епископ Митрофан, предшественник правящего архиерея Тимофея, часто приезжал в Лебединское «на спектакль», хотя на представлениях почти всегда засыпал, предпочитая домашнюю вишнёвую наливочку Пьяновых, не менее известную, чем театр. Архиерей порой гостил в имении по несколько дней, ездил даже на охоту, но и там засыпал под одеялом в уютном переносном кресле в обнимку с графинчиком «охотничьей тинктуры».

На один из премьерных спектаклей театра и был приглашён епископ Тимофей. В Лебединское он приехал в простой крашеной охрой безрессорной карете, в сером подряснике и черных турецких сафьяновых сапогах, которые носил из-за больных ног. Простая холщёвая скуфья и обыденная одежда делали епископа похожим на скромного заштатного игумена. И только эмалевая панагия с изображением древней Иерусалимской иконы напоминала окружающим, что перед ними святитель российской церкви.

Зрителей собралось человек около тридцати. В основном это были гости из Зарецка и окрестные помещики с жёнами. С трёх пополудни гостей потчевали закусками в прохладной зале, а когда солнце стало клониться к горизонту, все проследовали в сад, в Театральную храмину, где уже были приготовлены декорации. Закуски и наливки переместились следом. Епископ ел мало, отщипывал по кусочку от хлеба, немного похлебал уши (внимательный наблюдатель по движению бровей архиерея понял бы, что едал тот уху и получше). Вина хлебного гость выпил малый кубок, да и то не весь, закусил отборными маслятами с укропом да перепелиным яйцом с чёрной икрой. От кофея решительно отказался, попросив клюквенного крестьянского квасу и выпив большой хрустальный кубок этого напитка.

Спектакль, игравшийся крепостным театром сегодня, был поставлен по новой пьесе «Пятьдесят гrotов сатира» и изобиловал непристойными телодвижениями, двусмысленными намёками, фривольными позами и даже натуральными поцелуями. Сюжет пьесы пересказать не берёмся из-за его полной невнятности и непоследовательности. Но нимфы, привязанные верёвками к камням и деревьям, страдали так натурально, что боевым генералам хотелось ринуться в бой, обнажив свои клинки, на бой с истязателем. Зрители составляли партии, ратовавшие за освобождение приглянувшихся нимф, а некоторые азартные игроки даже делали ставки, гадая, которая из прелестниц будет распутана первой.

Особо рискованными нарядами выделялись хористки. И когда хор, выводя сладкозвучные пасторальные напевы, ступал на сцену, старые боевые генералы в порыве культурного ангажемента начинали пригарцовывать на своих креслах, пришёптывая что-то слюнявыми губами, притоптывая каблуками. Вспоминалась им боевая молодость и подвиги на фронтах военных и любовных во имя матушек-императриц, а то и самого Петра Алексеевича. Однако в те годы театр не отличался такой лёгкостью репертуара, выполняя важную задачу нравственного просвещения. Став, по прихоти зрителей, потехой для глаз и ушей, он перешёл в разряд явлений вредных для человека благочестивого и целомудренного.

Заглавные мужские роли в крепостном театре доставались всегда Петьке Гвоздёву, по прозвищу Лизогуб. Петька тот был уже далеко не юноша, его возраст приближался к сорока годам. Но худой, несколько разинченный в суставах, вертлявый, без единого седого волоса в густой гнедой шевелюре, с глубоко посаженными мерклыми глазками и чистой гладкой кожей лица он выпадал из привычных представлений о возрасте. В пьесах он с одинаковой бойкостью и пародийной достоверностью играл жен-премьера, изображая влюблённого юношу, легко перевоплощался в сладострастного старца и отважного романтического героя. А однажды, заменяя захворавшую статистку, великолепно сыграл сивиллу-предсказательницу, облачившись в просторный балахон и подложив где надо ваты. Большой рот, тонкие подвижные губы, которые Петька постоянно облизывал дали повод для прозвища, которое постепенно вытеснило фамилию.

Петъка, этот служитель провинциальной Талии, был из местных. Отца его никто назвать не мог, а мать его, дворовая крепостная, состояла при столярной мастерской прислуге. Способности к передразниванию, кривлянию, вышучиванию обнаружились у будущего первого актёра уже в отрочестве, когда он, удачно изобразив манеры слуги генерала Фарафонова, был одарён копеечкой от хозяйки имения фрейлины Ираиды Карловны, уже тогда мечтавшей о театре. Попытка изобразить самого генерала неожиданно закончилась красным ухом и слезами обиженного таланта.

И всё же, Лизогуб был не до конца здоров головой. Вне сцены он был человеком сумрачным и язвительным, а иногда становился, попросту говоря, злобен. Кто-то считал даже, что Петъка не ходит к причастию и креста не носит. Но при этом Лизогуб проявлял такую собачью верность барыне и театру, репетировал часами с неистовым упорством, что прощалось ему почти всё. Вот, года три назад он чувствительно приложил по шее певичку из хора скромную девку Алёнку, за то, что отказалась ему в ласке. Барыня на жалобы хористки не отреагировала, боялась испортить настроение актёру перед большой премьерой. Девушка хотела утопиться, но у реки её перехватили усталые крестьяне, возвращавшиеся с боронования. Та стала вырываться, но мужики сердито пригрозили окунуть в воду полуумную дурочку, и она с испугу присмирела, забыв куда шла. Хористка стала бесполезной в театре и её выдали в деревню замуж. Петъка только ходил и посмеивался: никто из девок, певших в хоре, не хотел променять вольготную жизнь певички на тяжёлый крестьянский труд.

Спектакль был в разгаре, намечалась кульминация, в которой герой побеждает злобного сатира с присущей ему ловкостью и порывистостью. Епископ Тимофей ёрзal в кривоногом австрийском кресле, прикрывал глаза и пытался сосредоточиться на молитве-голубице, которая упорхнула с его плеча и никак не хотела возвращаться под крышу летнего театра. Чем более громогласными становились монологи героев, чем больше кривлялся Лизогуб в роли сатира, тем более неотступно преследовала Тимофея мысль о полной неуместности своего здесь присутствия, и тем более разливалась в сердце жалость к бедному Лукьяну. Тем жальче его было, что человек он был умный, тонкий и развитый душевно, что осложняло его

положение в роли крепостного подневольного автора. Ибо, во много мудрости много печали. Простой, грубый крестьянин хоть и живёт жизнью нелёгкой, даже суровой, страдает физически, но не душевно из-за своей полной твердолобости и безграмотности. По опыту своему знал владыка, что в массе своей не ведают мужики и бабы смысла слов «свобода», «мысль» и даже «молитва» и «покаяние». Но хорошо знали они, что такое страх, нужда, наказание и власть. Тем и жили.

Притворно закашлявшись, епископ вышел из-под крыши летнего театра и, заметив в сквозящей тёмно-сиреневой глубине сада беседку и фигуру Лукьяна в ней, пошёл по песчаной дорожке. Лукьян сидел на широкой деревянной скамье грустный и подавленный. Вид его, и без того нездоровий и слегка неряшливый, теперь внушал подлинное беспокойство. Из-под упрямых волос, постриженных вокруг по-малороссийски, тускло горели выцветшие глаза, наполненные то ли творческим огнём поэзии, то ли зарождавшейся болезнью.

- Благослови, Владыко! – поклонился крепостной с безрадостным лицом.

- Бог благословит! Что ж, Лукьян, вид у тебя такой жалкий? Скорбишь ли о чём?

- Я холоп господский, мне жаловаться нельзя. И скорбеть не можно.

- А что ж можно? – Тимофея имел сочувствие к этому человеку, но не знал, как может его утешить.

- Пьески всякие писать мне положено. Quae visa sunt⁹, тем и занят. А ты, Владыко, помяни грешного Лукьяна.

С несколько минут помолчав, Лукьян вытащил из-под лавки старую тёмно-коричневую, как кофейная гуща, домру и вновь, но уже с надеждой, произнёс:

- Дозволь спеть, Владыко!

Епископ молча положил сложенную лодочкой руку на голову домристу и кивнул. Зазвучали глухие жалобные струны. Лукьян запел сперва тихо, с опаской, на высоких нотах пробиваясь сквозь хрипотцу. Однако же, пение было проникновенным, протяжным и действовало на душу слушателя, как тёплое обёртывание на усталые больные ноги.

«Ты коряжка-коряженка,
Гнила батожина, перст колодочный!
Что всё во лесу лежишь,

Одноко заключилась, чёрная кокорина!
Пролежиши во лесу, проваляешься,
Во темноЯ сырой согрЕ,
Всю-то жизнь свою,
Всю судьбу свою, недоль долгую»
Кротко посмотрев на архиерея, Лукьян запел громче и с лёгким
надрывом:

«Ты восстани, коряженъка,
Тёмна досочка, виклина увядшая,
Нарядися баской девицей
Да на варганец выйди-ка!
Там уж пир горой,
На пиру яства знатные,
Будешь гостья званная,
Волей-волюшкой станут подчивать,
Подливать ещё да подслащивать!»

Архиерей не сразу заметил окончания пения, поскольку в воздухе громко и на разные голоса гудели оводы, как неумелые хористы, не оборвавшие последнюю ноту, а в тишине театра перед изумлёнными слушателями, невпопад тянувшие свои ми и соль. Помахав рукавами, Лукьян разогнал подпевал, и они с епископом ещё посидели в тишине.

- Сердце моё тоской сломлено, как будто болезнь тяжёлая меня изнутри подъедает, - вновь начал гориться Лукьян. - Не могу я волю из головы выбросить, не могу любовь свою забыть, как не стараюсь. Разозлюсь, бывало, да такую гадкую арийку в пьесу сочиню, нате, мол, жрите ваш театр! А барыне всё божья роса, ещё и строки подправляет, смеётся. А Петька Лизогуб так этот срам со сцены преподнесёт, что гости хохочут, в ладоши бьют, в креслах подпрыгивают... Негоже мне такое говорить, холоп я барский, но мерзко душе и тесно уму. И думаю я, что писать более ничего для этого театра не буду!

- А барыня что? - участливо спросил епископ, проникаясь сочувствием к такому необычному горю. Не нужда, не болезнь, не слепота и хромота, - тут натура тонкая и страдания душевые, простому глазу не зrimые.

- А барыня ещё не знает. Но как-то перед Рождеством я упёрся, мол, похабные припевки писать не буду, так она посмотрела на меня своими голубыми глазками и говорит холодно так: «Ты кто вообще

такой?» За человека меня не считает. Потом Петъка мне сказал, якобы слышал от барыни, что если я свою работу делать не буду, сразу в рекрутцы сдаст. И ведь сдаст, она такая!

- Откуда ты сам будешь? Откуда грамоту да поэтику знаешь? – Спросил епископ Лукьяна.

Тот рассказал, что родом он происходит из крепостных Малороссии. Имение барона Ульриха Яковлевича Тотлебена, пожалованное тому Петром Алексеевичем в 1721 году за раскрытие трёх заговоров, одной растраты и нескольких мелких интриг, находилось в селе Красный Куст, на самой границе с Войском Донским. Тысяча душ крестьян, немецкие порядки в барском доме, каминь вместо печей, в каждой зале – портреты Императрицы. Сначала – Анны Иоанновны, потом – Елизаветы и Екатерины. Заказанные было самим Пфандельту и Бирху портреты Петра Фёдоровича прибыли слишком поздно и были отправлены в чулан за ненадобностью. А ещё - ежедневные объезды полей, два раза в неделю – охота, после которой - непременная ванна, заменявшая петрову следователю баню, а уж потом - ужин и кофе по расписанию. Вся прислуга учила немецкий, умела обращаться с тонким гессенским фарфором и бернбаховским хрусталём. Повара отменно варили пиво, а на огороде росла розовая, как девичьи щёки, брюква.

Отец Лукьяна, тоже Лукьян, по прозвищу Дырка, был барским псаём, а мать – Олёна, следила за нарядами барыни и молодой барышни. Барыня, Серафима Савельевна, некогда первая московская красавица, дочь служащего налоговой экспедиции Савелия Уварова, была отмечена самим Петром и сосватана им же от имени Ульриха. Любил Царь такие проказы и охотно в них участвовал! На свадьбу и было подарено молодым запущенное имение Красный Куст, с присовокуплением к нему и нескольких казённых хуторов по берегу Кальмиуса. После смерти Петра грозный следователь сразу же попросился в отставку и переехал в имение, употребив все средства на его возрождение.

Первенец родился у Олёны и Лукьяна в 1745 году, крещён был на восьмой день, и записан в местной церкви Лукьянном Дыркой, чтобы во всём походил на отца. Звали же его просто Луташкой. Отец в том же году уехал в Киев к заводчику Тихоновецкому за щенками гончих, заболел тифом и умер на пути домой, лишь сорока вёрст не доехав до

усадьбы. Двенадцать породистых щенков, выросших в отменных охотничьих собак, ещё долго напоминали вдове о рано ушедшем муже.

Грамоте же Луташка обучился не случайно, а по барской прихоти. Быть бы ему, как отцу, псаём, но Бог распорядился иначе.

Летняя жара, с самого престольного праздника Петра и Павла накрывшая азовские степи, стояла уже три недели. Ни редкого дождика, ни единого облачка, ни дуновения ветра; разогретый воздух булькал как кипяток в печном горшке. Всё живое попряталось в норы, в леса, в тени. Посевы находились под угрозой выгорания. Большой барский огород поливали после захода солнца, но вода сразу впитывалась, испарялась и исчезала на глазах. Было ясно, что огурцов в этом году не видать. Ребята, ходившие в ночное, рассказывали Луташке, что нашли в поле целую стаю куропаток, неплохо пропечённых. Вылетели неосторожные птицы из тенистых зарослей кустов, да и поджарились.

Прибыл к графу в то время его давний знакомый, купец Сирин из Батурина. Провозил каждый год он с обозом в Красный Куст тонкие заграничные ткани, ружья, порох и главный товар – батуринскую соль. Забирал у окрестных помещиков воск, холстину, сальные свечи, заячье шкуры, барсучий жир, иногда глиняную посуду, вышивку. Обоз двигался только по ночам, пережидая зной в лесу или на постоянных дворах. Держал обоз путь до Таганрога. Но от Красного Куста до моря лежала голая азовская степь, в которой ни постоянных дворов, ни лесов не было. Купец и остановился на несколько дней в ожидании смены погоды.

Вместе с купеческим обозом возвращался в Таганрог и ярмарочный театр-раёк. На отдельной телеге ехали старый раёшник Олесь со своим скучным скарбом и две его внучки-сироты Галя да Уля.

Галя, старшая из сестёр, лет пятнадцати, была худой, подвижной и егозливой. У неё всегда было превосходное настроение, она без умолку трещала, как волшебное ярмарочное колесо, временами рассыпаясь горошинами смеха. Подвижные брови и внимательные тёмно-зелёные глаза составляли, тем не менее, явление контрастное, такое, будто бы в разгар ярмарочного веселья на площади внезапно появляется странник-монах в запылённой хламиде.

Уля – ровесница Луташки, напротив, была неповоротливой, картавой, немного толстой, задумчивой и какой-то бесконечно, по

небесному доброй. Говорила девочка немного, слова подбирала тщательно, взвешивала их в уме по несколько секунд: достойны ли они выхода в белый свет? Болтать о пустяках она вовсе не любила, но по просьбам Луташки ей пришлось много рассказывать о том, как устроен большой мир и где как люди живут. За несколько лет Уля обхехала десятки городов, а на харьковской ярмарке слышала, как поют думы знаменитые бандуристы Андрий Шут и Остап Вересай. В то же время, Лукьян к своим одиннадцати годкам барского двора почти не покидал. Весь его мир состоял из соседней деревни с храмом, редкого лесочка на пригорке и неглубокой речки Кальмиуса.

Всё свободное время новые друзья проводили вместе. Так, за играми и рассказами у сестёр и Луташки созрел план написать собственную кукольную пьесу для театра. Раёк, ящик с картинками внутри, представлялся им для этих целей средством, не подходящим по причине малой выразительности. Пьеса должна была быть очень взрослой и непременно серьёзной. Разлука возлюбленных, интриги, вероломные злодеи и ехидные шуты, трагические развязки и счастливое воссоединение героев в последней сцене – вот грубая канва этого эпического замысла. Название пьесе придумала Уля: «Лукавство и любовь или Горести не принять, так и сладости не видать».

Скажете, что знают о любви крепостной мальчишка да странствующие сиротки? «Мы с печалью, а Бог с милостью», говорят в народе, а уж в чистом сердце добру всегда обитель уготована. Так и не судите же так скоро, а послушайте, что было дальше.

Дом баронов Тотлебен был окружён обширным парком, с устроеными на английский манер живыми изгородями, насаженными под началом опытного садовника из Бирмингема. Большинство изгородей были сформированы из местных растений, барбариса и чубушника, но попадались и насаждения экзотические типа самшита или вертикального можжевельника. Изгороди отчерчивали строгую геометрию садовых дорожек и тропинок, проложенных согласно хитроумному плану англичанина. Дорожки то расходились, то неожиданно сливались в овальных или круглых площадях с яркими клумбами или скульптурными фонтанами. Порой они выводили на обширные поляны для пикника, покрытые мягкой овсяницей или на каменистый берег миниатюрного пруда с

настоящими лебедями. А иногда изумлённому взору представляла тайная тропинка к поросшему хмелем сумрачному гроту, скрытому в искусно запущенных зарослях.

Человек, впервые попавший сюда, испытывал подлинное изумление от увиденного. Но и это ещё не всё! Для усиления впечатления использовался хитрый приём. В специально устроенных укрытиях прятались музыканты (подсмотрено это было у Шереметевых), которые принимались играть при появлении гуляющих гостей, приводя их в полный и окончательный восторг.

Одна такая сцена для музыкантов находилась в тихом углу парка, за большим прудом, около дорожки, ведущей к щенячим вольерам, но к собакам этим путём никто не ходил. От посторонних взоров это место урывалось египетской пирамидой из туи и сфинксом, искусно выстриженным из какого-то жёсткого кустарника с мелкими кисловатыми ягодками. Именно в этом убежище нашла пристанище новая театральная труппа в составе Гали, Ули и Луташки. Над гротом теперь витал невидимый дух Мельпомены, там совместными усилиями создавался уже второй акт пьесы. В перерывах дети забирались на каменный постамент сфинкса (они считали, что это собака редкой китайской породы) и с удовольствием щипали ягоды из его добродушной морды.

В швейной мастерской, где в избытке водились обрезки разноцветной материи, вата нитки и иглы, дети нашли всё необходимое для изготовления кукольных персонажей. Главный герой, кавалер Серхио (возможно, дело происходило в Испании) был наряжен в голубой бархатный камзол и чёрный плащ с капюшоном. Пышный пепельный парик обрамлял его гордое сухое, слегка удлинённое, со скорбными чёрными бусинками глаз. Дополняла образ красивая проволочная шпага, заточенная Луташкой о постамент сфинкса и висевшая на атласной подвязке. Донья Бланка (точно, Испания!) напротив, была выполнена из обрезков воздушных кружев молочно-белого, сливочного и медового цветов. Её широкие томные глаза, занимавшие пол-лица, и крошечные алые губки были едва видны из-под воздушной вуали. Покров этот поднимался лишь несколько раз за всю пьесу и только для того, чтобы донья могла принять поцелуй от своего кавалера.

А каков был злодей-разлучник граф Порфирио! И почему негодяи

так хорошо получаются в театре? Узкий ярко-красный камзол с золотыми украшениями, багровый плащ и каштановый парик придавали ему вид царственныи и властныи. Он сердито стучал каблуками, поминутно хватался за блестящий эфес шпаги, сыпал проклятиями и хмурил грозное усатое лицо. Внимательный зритель отметил бы сходство испанского злодея с Лизогубом в приступе злобы, но наблюдать за приготовлениями было некому.

Пока что некому. Поскольку, уже через час случилось происшествие, изменившее судьбу Лукьяна Дырки.

В три часа пополудни, на дорожке, ведущей к вольерам со щенками гончих и борзых показались сам барон Ульрих и его гость, купец Матвей Иванович Сирин. За неспешным разговором после хорошего обеда с бокалом мадеры они бродили совершенно без цели и плана. Вот ноги и вынесли собеседников прямо на пирамиду и ягодного сфинкса.

- Держись злодей Порфиро! Учивыми и кроткими словами ты обольщаешь и обманываешь многих! Но знаем мы твой нрав! Дуэль! Дуэль! – яростно завопил чей-то высокий, но охрипший голос.

- Что такое? – опешил Матвей Иванович.

- Какая дуэль? – растерялся Ульрих Яковлевич, невольно провёл рукой по бедру, где должна была быть шпага, но её там не оказалось.

- Как смеешь ты коварно и жестоко повсюду сеять зло? Никто, никто остановить тебя не смеет! Ты силён, возвышен и богат, долготерпенье Божье искушая, то хладною змейой ползёшь во тьме, то соколом взвиваешься к вершинам, с небес высматривая жертву...

Барон и его гость оторопело посмотрели друг на друга. Начиная понимать, что происходит, Матвей Иванович приложил палец к губам и осторожно заглянул за пирамиду. Там поверх белого льняного занавеса метался кавалер Серхио, угрожая злодею, надменно и молчаливо взирающему на соперника. Донья Бланка лежала в обмороке. Она вообще говорила мало и чуть что, лишалась чувств. Но разве не так поступают все благочестивые доны в трудных обстоятельствах?

- Ха-ха! Десятки простаков я нанизал на эту шпагу. Такая ж участь ждёт тебя, несчастный Серхио! – вдруг заголосил высоким девичьим голосом коварный Порфиро. Далее последовала дуэль на проволоках, в результате которой соперники одновременно пронзили друг друга.

Испуская дух, Порфирио произнёс длинный витиеватый монолог, в котором раскаивался во всех злодействах и взывал к милосердию Создателя. Очнувшаяся донья Бланка, рыдала над бесчувственным телом жениха до тех пор, пока он не открыл глаза и не заключил её в крепкие объятия. Актёры с куклами на руках вышли на импровизированную сцену для поклона и тут раздались самые настоящие хлопки ладоней и крики «браво».

Вечерний чай на веранде барского дома закончился горячим спором Ульриха Яковлевича с Матвеем Ивановичем. Барон, как человек просвещённый, трактовал случай с новыми театральными талантами в свете теории человеческого равенства. Если соблюдать во всём строгий порядок, всех хорошо кормить и обучать наукам, то любой человек, даже распоследний тупой мужик, способен развиться в своих культурных основаниях до пределов необычайных, настаивал немец. Матвей Иванович, не забывая подливать себе в рюмку польской смородиновой ратафии, которую сам же и продал барону в количестве семи ящиков, со смехом возражал, что мужик мужиком и останется и что спектакль, виденный ими, не проявление даровитости детей, а просто их слепое подражание увиденным образцам. Так и обезьяны передразнивают действия человека, не являясь при этом тварями разумными. Потому, каждой душе от рождения своя роль в мире уготована.

Слово за слово, да и ударили по рукам друзья-соперники. Суть спора была такова: возможно ли, обучив дворового мальчишку Лукьяна Дырку грамоте и наукам, сделать из него нового Детуша или Кребильона, или, на худой конец, Сумарокова. Условия же спора просты: место обучения должно быть удалено от барского дома, а сами учителя ничего не должны знать о заключённом пари, дабы избежать целенаправленного натаскивания, в противовес естественному ходу усвоения наук. Ульрих Яковлевич нехотя, по настоянию купца, поставил на кон серебряную немецкую табакерку (ах, что за прелестная безделица!), а Матвей Иванович обязался в случае проигрыша снабжать барона солью бесплатно до трёх лет кряду. Такой вот, по сути своей, пустяковый спор, затеянный от жары и томления духа, а какие последствия!

Тут как раз и сама жара спала. Дождь пролился хороший, основательный. Перед грозой нёбо ходило фиолетовыми тучами два

дня, вдалеке грохотали громы, а барон лежал у себя в кабинете с жестокой головной болью, так, что супруга его послала за доктором. Но, невзирая на болезнь, Тотлебен делал все необходимые распоряжения относительно отъезда Лукьяна на обучение. В Великую Крынку, большую казацкую станицу, был послан гонец с письмом, подарками и щедрым авансом. Там в последние годы нашли пристанище известные по всей Малороссии странствующие философы Матвий Латка и Григорий Рассоха. Устав от странствий, они поселились на вольной земле Войска Донского, открыли религиозно-философскую школу для детей и писали назидательные сочинения, популярные в народе.

Оба философа с юности сохраняли целибат. Матвий был годами постарше, под пятьдесят. После окончания Черниговского коллегиума он странствовал по Малороссии в одиночку девять лет, пока не встретил в Харькове молодого учителя латинского языка Григория Рассоху, мечтавшего дойти до Рима. С ним и ещё тремя странниками из Киева они осуществили свою мечту, добравшись не только до Рима, но и до Милана и благополучно вернувшись в Харьков. Между хождениями по Малороссии и югу России они проживали то под Харьковом у благочестивого помещика Зайковского, то в Святогорском монастыре. Три года назад, посетив Святую землю, друзья решили завершить свои долгие путешествия и поселились в Великой Крынке, откуда родом был Григорий. Здесь же жила его мать, баба Ина, или Георгина Георгиевна Рассоха, вдова местного церковного псаломщика. Туда же держала путь лёгкая нетычанка, на которой вслед за купеческим обозом и телегой раёшников отправился Лукьян «за наукой».

... На чистой белёной кухне хозяйничала баба Ина: красная понёва с цветным подолом и расшитой красными угловатыми цветами белом переднике, белоснежный платок, завязанный на затылке и большие круглые очки в тонкой стальной оправе (эту диковинку привёз ей из Милана Гриць).

Баба Ина ловко орудовала в печи длиннорукой деревянной лопатой. Вот она подхватила тяжёлый коричневатый пшеничный хлеб, высокий, как донской курган и нестерпимо вкусно пахнущий. Даже если ты только что встал из-за сытного обеда с клёцками, жареным салом и холодной квашнёй, от куска горячего хлеба с маслом

и солью отказаться невозможно. Баба Ина постучала толстым белым пальцем с желтоватым ногтём по верхней корочке, и хлеб отзвался влажным глухим звуком.

- Ще трохи, - деловито сказала она и пристально посмотрела на Лукьяна, сидящего рядом на лавке, мол, на уроки не опоздал бы.

- Бабаня, я хлебца дождусь, - с предвкушением отзвался тот. Каравай отправился в печь, доходить.

- Перво поди, ботвы з буряков цыплятам нарви, втымеж хлеб и подымется, - показала на окно баба Ина. За окном летней кухни был виден обширный огород, за ним низкий плетень с перевёрнутыми крынками и небольшой сад.

В кухню, пряча улыбку в пышные усы, зашёл Матвий. Быстро поняв, что здесь происходит, он нарочито сердитым голосом начал выговаривать Луцику, как все его здесь называли:

- Plenus venter non student libenter. Sic?¹⁰

- Sic. Ab initio studium!¹¹ – согласился Лукьян, но с места не сдвинулся.

- Мацько, не тереби хлопца, вин ще научиться, - вмешалась Георгина Георгиевна, уже вынувшая из печи хлеб. Она, отрезав от каравая обжигающую горбушку, поливала белоснежную пористую мякоть коричневым ароматным маслом из жареных семечек. Мацько и Луцик расширенными зрачками, не отрываясь, следили за священнодействием. Вот и щепотка грубой сероватой соли просыпалась из щедрых пальцев поверх масла. Баба Ина аккуратно, под надзором двух пар глаз, обеими руками за самые края подняла над столом благоухающее лакомство. «Ну, и кому же достанется?» - одновременно подумали философ и ученик, взвешивая свои шансы. Но в дверях неожиданно появился Григорий.

- Мамо, я ж так тебе люблю! – воскликнул он, поцеловал растерянную бабу Ину и исчез с хлебом. Протяжный вздох разочарования вырвался из уст Мацько и Луцика.

- Тю, Гриць, да я ж тебе... - пыталась в след поругаться хозяйка, но тщетно: поди, поймай странствующего философа. – Экий балобан! - А сын её уже сидел в другом конце двора на крыльце хаты, с аппетитом уплетая добытый хлеб, вытянув в блаженстве ноги.

У круглого каравая хоть и четыре стороны, но резать, как попало его нельзя, иначе засохнет быстро. А пока дойдёшь до второй

горбушки, хлеб черствеет и дух теряет. Вот и пришлось Мацько и Луцику довольствоватьсь толстыми ломтями мякоти. Конечно, резали в пол-ладони толщиной, но всё равно масло насквозь проходит, засалившись весь, пока съешь. А Гриць, хоть и весёлый, к книгам особое уважение имеет. Сразу сердиться начинает, если даже малое пятно на странице увидит. Он и руки всегда перед уроками проверяет. И строгий же из него учитель!

Матвий же, напротив, спокойный и неразговорчивый в обычной жизни, преображался на штудиях, пускаясь в пространные рассказы, в которых было место и многострадальному Иову, и бедному Иосифу, и Гефсиманским страданиям Спасителя, и апостольским трудам Петра с Павлом, и Римскому Колизею, и скрытой под спудом гробнице святого Амвросия Медиоланского, и святому граду Иерусалиму с его главной святыней – Гробом Господним.

Каждые полгода приезжал от барона в Великую Крынку нарочный человек, подолгу беседовал с Лукьянином, всё расспрашивал Матвия с Григорием об ученике, не сочинил ли уже чего? Потом он с аппетитом ел утиный борщ с непременной рюмкой-другой горилки и уезжал до следующего раза. Так и жили себе Луцик Дырка, Мацько Латка, Гриць Рассоха да баба Ина. Хорошо жили, вольно.

Так незаметно для всех прошло четыре с половиной года.

По исполнении Лукьяну шестнадцати лет, философы решили взять его в паломничество к Лаврским святыням в Киев. Давно уже просился ученик в странствие, а то разговоров о том много, но соловья баснями не кормят. Да только Мацько и Гриць, раздobreв на домашних харчах, да заленившись, как любой малороссийский мужик, всё никак не шли.

Но вот, решили разогнать загустевшую кровь по телу, да душу дать пищи нетленной, да ум молитвой поправить, да старцев киевских почтить. А Григорий, и вовсе жениться задумал. Сыскалась одна молодая вдова, казачка, разумная да работящая... Да не о том речь. Впрочем, у игумена киевского Дорофея благословения на женитьбу спросить стоило.

Вышли втроём за сорок дней до Успения Богородицы, главного лаврского престольного праздника. Идти постановили через древний Чернигов и столицу Войска Запорожского Батурина, где все странники кланялись келье святого Димитрия Ростовского и чудотворной иконе

святителя Николая. Гриць, высокий и широкоплечий, стриженый кругом, шёл широкими шагами, опираясь на прочный и лёгкий посох с острым концом. Мацько, худой и мосластый, почти семенил, быстро переставляя ноги и слегка подпрыгивая. За сутулостью его скрывалась удалая казацкая стать и ловкость. Длинные руки были сильными, ноги узловатыми, словно корни старого дуба. С холщёвой котомкой на плече рядом вышагивал Луцик, с непривычки быстро устававший, просивший то пить, то присесть, то хлеба.

Бредущие по русским и малороссийским дорогам странники и странницы, как перелётные птицы в поисках отечества небесного, благословенного птичьего рая, они встречались там и тут. Чаще босые или в лаптях, а кто и в сапогах, в запылённой дорожной одежде, омочённые дождём и высушенные ветром, согретые солнцем, с котомками и заплечными мешками, в которых лишь хлеб да вода, сколько их? Не страшась ни диких зверей, ни лихих людей, не боясь ни гнилых колодцев, ни непогоды идут они по пыльным обочинам, с усилием переставляя ноги, опираясь на посохи и кривые палки, со спутанными волосами и прозрачными глазами в цвет русского неба, идут, творя молитву, испрашивая милость Божию себе и своей земле.

В дороге Григорий и Матвий продолжали свои штудии, только темы выбирали духовные или, как они говорили, философские. Когда говорил Гриць, Мацько отставал и предавался молитве или размышлению. Потом они менялись местами, а Лукьян слушал и слушал. Услышал он много такого, что и понять не смог, говорили философы сложно, витиевато, местами туманно. Обычные рассуждения о делах земных были совсем оставлены, а абстракции не удобны были для усвоения. Но отчёта о слышанном никто не требовал, и Лукьян просто внимал певучей малороссийской речи с множеством латинских вставок. И казалось ему, что это птица Гамаюн с человеческим лицом, виденная в книге, поёт на странном языке о нездешних садах и волшебных нивах, так, что и веки слипаются и ноги заплетаются. А ещё идти и идти...

- Свободы хотят узи, и европейские народы, и русские, и малые, и великие, но при корне свободы лежит змеева хитрость, - не спеша, приоравливаясь к ритму шагов вещал Григорий, не замечая, что Лукьян почти засыпает на ходу. - Лукавство проросло при её стволе, обвито оно плющом гнусным, з ягодами дрибными, да ядовитыми. И

самого древа не видно, тильки сор! *Abussus non tollit usum*¹², не отказываться же от свободы совсем, коли природа человеческая, греху удобопреклонная, к худшему порой от лучшего стремится. К тому и есть свобода внутренняя и свобода внешняя, свобода духа и свобода тела, свобода Божия и свобода вражья. А полная свобода всех от всего, неужели не *aegri somnia*¹³? И разбойники лесные свободными себя мнят.

- Воля – наибольше богатство, - продолжал Матвий, пристально смотря на разморённого Луцика, но не делая никаких замечаний. – Возьми всё злато, всё серебро мира, и вони суть прах и пепел в сравнении с волей. Но коли тоби в неволе жить суждено? И в рабстве, кажу я, сердцу твоему в свободе быть подобает. Только свобода та будет внутри тебя. Будешь добр ко всем, весел и незлобив, искать будешь правды, а не кривды, в духе мирном и любви ко всем людям сердце растворишь, так и духу свободному пища будет. Друзей найди по сердцу, не льстивых, веруй без суеверия и чудес не взыскуй, учёность люби, но без кичливости, будь обходителен, но без лести и лицемерия, не возвышайся над людьми и не унижайся перед господами да панами и терпи тех, кто не любит тебя, злаго им не желая, *bene velle*¹⁴. Сердце в рабство страстям не предавай, в том и свободу соблюдёшь... Что молчишь? *Si taces, consentus*¹⁵?

Дремота, морок, глухие удары посоха, размеренные речи философов, медленно течение времени. Так разве это не свобода? Лукьян шёл и видел сон с открытыми глазами, сон полный света, тишины, нелепых башен-облаков, громоздившихся в полуденном небе, хитрых бесстыжих стрижей и тонкокрылых лупоглазых стрекоз. Небо и земля глядели друг на друга в вечном трагическом изумлении, не смея сказать самого главного: «Ты сгоришь...» - «А ты - совьёшься как свиток». И время, неумолимый господин всего сущего в сем мире, так же беспомощно и немощно перед нетварной вечностью, как любая стрекоза, как всякий человек, ибо в свой срок всё исчезнет, даже сама смерть.

- Можешь ли ты укротить ветер? – вновь вступал Григорий. - Свобода как ветер, весьма неудобна для уловления и в душе производит движение сильное. И терпением немалым следует запастись человеку, чтобы при ветре сем бурном дом свой строить.

Знавал я одного молодого философа, который так глубоко проник в идею свободы и вольного разума, что едва не повредился рассудком, видя несовершенства мира внешнего, противоречащие замыслу Создателя. Сия разница буквально рвала его пополам, лишая сна и еды. Пришлось для терапии поить его крепкой горилкой дней несколько, после чего он пришёл-таки в чувство гармоническое.

А серая долгохвостая вертунья, зигзами пересекая дорогу, зависла на мгновение перед самым лицом Лукьяна, вглядываясь в его прозрачные осовевшие глаза, будто хотела сказать что-то важное, но, передумав, скрылась в пыльной траве.

Скоро Батурина. Потом Чернигов, Киев...

Через год после киевского паломничества, умер от падения с лошади старый барон Тотлебен. Его дочь, Маргарита Ульриховна, вступила в полное наследство после признания недееспособной своей мачехи, перенёсшей подряд два удара и слёгшей в параличе. В имение приехали временный приказчик и поверенный из Петербурга для приведения в порядок дел. Перво-наперво были распроданы все сорок охотничьих собак из питомника. Жестокости в этом никакой не было, дочь барона сама искренне их любила, но без охоты натасканным на зверя псам никак нельзя было оставаться, поскольку инстинкт снедал их изнутри, лишая покоя. После этого занялись лошадьми, садами, деревней и дворовыми крепостными. И если сам Лукьян не понимал, что такие метаморфозы в имении Красный Куст повлекут перемены в его судьбе, то философы, не дождавшись очередной ревизии и не получив полугодового жалования, стали поглядывать на Лукьяна с грустью, а баба Ина всё норовила положить за обедом кусок получше, будто это могло как-то помочь.

В ноябре, не дождавшись никаких известий из Красного Куста, Матвей написал письмо Маргарите Ульриховне, в коем просил оставить Лукьяна для окончания курса ещё на два года, не прося за обучение денег и признавая своего ученика «к наукам зело способным, наипаче же к художественным и поэтическим упражнениям».

Ответа на своё письмо Матвей не получил. До самого Рождества не было вообще никаких вестей от новой владелицы имения. А на святках прибыл приказчик от баронессы Тотлебен с известием, что Лукьяна требуют на экзамен, поскольку купец Сирин пожелал приобрести его во владение, поскольку уже прознал о желании

Ираиды Карловны устроить театр и вспомнил о талантливом юноше. Так очутился Лукьян в имении Пьяновых, где проживает во дворовых крепостных и по сей день, уже без малого семь лет.

...Прошёл год епископского служения Тимофея на Зарецкой кафедре. Наступила необычайно сумрачная и дождливая осень. В последние дни сентября небо заволокло низкими сизыми тучами, и пошёл размеженный холодный дождь. Такая погода стояла уже третью неделю подряд. Всё пропиталось сырьем, в погребах поднялась вода, как при половодье, одежда набухла и не успевала высыхать даже у печки, которую приходилось топить круглосуточно, не столько из-за холода, сколько из-за проникающей до составов естества человеческого влаги.

Епископ, не смотря на усилившуюся боли в ногах и появившуюся одышку, старался служить как можно чаще, и не только в городском соборе, но и в сельских храмах. Много времени занимала канцелярская работа, отчёты и доклады в Синод и митрополиту, а также рассмотрение жалоб и прошений. Благо, что Михаил разбирал невнятные письма и излагал их суть.

- Письмо от городского жителя Поверьева Макара, - докладывал Миша епископу, сидящему в креслах у печки с казачьей буркой на ногах и перебиравшего кипарисовые чётки. - Он пишет, что его шурин, мало того, что скосил Макарову заемку у Летки, так ещё и спутался беззаконно с Шишковой вдовой, а у той, вот тебе крест, пишет Поверьев, дед и вся его родня - тайные староверы, за Лесноозёрской пасекой в землянках молятся. Макар просит беззаконника унять, предать анафеме и наказанию, лучше - бить батогами, хотя не до смерти. А сено, ухищренное хозяину законному, то есть ему, вернуть... Похоже, ради сего последнего и писано.

- А сено сожжёт огнём неугасимым... И сей донос сжечь, - спокойно отозвался Тимофея, продолжая перебирать чётки, - но про моленные землянки разузнать следует всё в подробностях. Пусть туда кто-нибудь завтра съездит. Кто у нас тут на подворье?

- Отец Филофей, иеромонах. Более никого нет.

- Ну, так он пусть и едет.

- Другое письмо. Купец Ягофиров, из крещёных татар, значит, сетует, что при отправке его обоза с льняным холстом, мылом и дублёной кожей в Крым, соборным протопопом Власием было

совершено молебствие, да наложена печать с гарантией защиты товара от расхищения. За это Ягофировым было пожаловано протопопу двадцать рублей серебром, диакону десять рублей ассигнацией, а причетникам сверх того ещё по полтине медными деньгами. Но в пятидесяти вёрстах от Зарецка обоз был разграблен ушкуйниками, а один возница прибит зело сильно. Так зачем же, вопрошают Ягофиров, я святое крещение принимал, коли такие убытки от разбойников и от попов, которые паче татей моего серебра вожделеют, терпеть должен?

- Гарантии! – поднял палец Тимофей и погрозил им в сторону окна. - Протопопа с дьяконом в субботу утром ко мне на аудиенцию вызвать. Сами заварили, сами пусть свои гарантии и расхлёбывают. И указ составь: впредь всем обращаемым в веру православную из мордвы или татар проводить подробную катехизацию перед принятием святого крещения.

- Вот ещё, – Михаил достал из стопки бумаг очередное письмо. – Автор послания – управляющий имения князей Долгополовых Афанасий Вертужников. Жалуется на местного попа. Построили, пишет он, князья в Долгополовке на свои средства храм для народа, а священник тамошний пьёт беспробудно и полгода как литургии не служит, даже Святую Пасху во хмель проспал. Опустился совсем и ходит, нечёсаный, немытый, да побирается. Просит Афанасий нового попа прислать, а нерадивого - с глаз долой.

- А разузнай-ка ты, Миша, про это дело подробнее...

- Всё уже выведал, Валадыко, - Михаил много разговаривал с простыми людьми и знал от них то, что архиерей мог не видеть из своего кабинета. – Священник этот, Иван Фусиков, скончался с год назад супругу, да остался один. Дочь у него есть, та давно за мужем в другой деревне, трое сыновей, все взрослые. Он с горя запил; крестьяне, жалеючи, ещё и подливали ему для утешения. А остальное – правда.

- Каждый свой крест несёт, - епископ трижды погладил бороду, что означало немалое волнение, - но и народ без святого причастия оставлять негоже. Давай-ка, сего попа Ивана к нам на подворье, для исправления. Видно, человек он хороший, может, найдётся и для него утешение. А в Долгополовке пусть с подворья иеромонах пока послужит, да хоть отец Филофей.

- Далее - письмо подмётное, «Вашей милости усердный
богомолец Incognita», так подписано, - продолжил Михаил. – Излагать?

- Нет, - покачал головой Тимофей.

- Но дело сие напрямую архиерейского подворья и имущества
епархиального касается.

- Вещай, только кратко, - поколебавшись, разрешил епископ.

- Пишет Incognita, что имени своего открыть не может из-за
страха перед самовластием помещиков Пьяновых, наипаче же
стращится гнева самой Ираиды Дмитриевны. Далее указывает он, что
есть место тихое и спокойное с лугами заливными и рощей дубовой на
хуторе Лесное Озеро, приобретённое первым епископом Зарецким
Митрофаном для строительства архиерейской летней дачи и
оформлено на Зарецкий монастырь. Сейчас там устроен маленький
скит с часовенкой и разбита пасека, и проживают два монаха для
присмотра за пчёлами. На это угодье в епархиальной канцелярии и
купчая грамотка имеется. И вот с месяц назад, аккурат в день
приезда...

- Как гладко излагает-то сей Incognita, со знанием дела, - о месте
этом, взятом его предшественником под дачу, епископ пока не знал, но
насторожился, предчувствуя что-то не хорошее.

- ...в день приезда Вашего Преосвященства в Зарецк по указанию
Пьяновой произведён покос сена и начата вырубка части рощи для
добычи дерева и устройства на этих землях конного завода.

- Опять сено, - покачал головой Тимофей, задумавшись. – А что ж
скитские монахи молчат?

Михаил пожал плечами.

- Сегодня же поедешь, всё разузнаешь, возьми с собой кого-
нибудь.

- Отца Филофея?

- Да, его; и пусть он бумаги нужные по этому делу отыщет.

- Ещё письмо одно есть. – Михаил вынул из бумаг серый помятый
пакет, весь в свечных и сальных пятнах. От Лебединского священника
отца Фрола. Я конверт не вскрывал, поскольку на письме указано, что
оно исповедального характера и предназначено исключительно для
глаз епископа Тимофея.

Михаил, а с ним отец Филофей, тихий, безответный старец из
простецов, добрались до Лесного Озера за час и застали там полторы

дюжины рубщиков. Работа спорилась. Широкие двуручные пилы врезались во влажную древесину с хищным посистом, деревья отвечали недовольным урчанием и треском, не веря, что всё это в серьёз. Дюжие парубки в холщёвых портах налегали на ручки, таская полотно не очень быстро, но с неотвратимой ритмичностью. Через четверть часа их сменяли двое других. Дерево гудело, выло, шелестело, вопрошая: «Как же так, Господи?», но не получало ответа. Вот здоровый мужик с чёрной бородой упёрся толстым дрыном в ствол сосны, наклоняя её в нужном направлении. Треск сучьев и мягкое, как на перину, падение тяжёлого ствола на усыпанную хвоей землю.

- Бог в помощь, работнички, - крикнул Михаил. – Что за дело, кто правит?

Бородатый мужик, только что валивший сосну, исподлобья посмотрел на незваных гостей, старика и юношу.

- Дело наше простое, лес для конюшен заготавливаем, - ответил он не сразу, а помолчав для солидности. Остальные мужики продолжали пилить, не прерываясь. Отец Филофей сидел молча, лицо его было испуганным.

- А мы вот с архиерейского подворья, - сообщил Михаил. – И есть у нас благословение от епископа, выведать кто вы такие, да рубку остановить.

- Это почему?

- Земля же церковная, а разрешения на работы у вас нет!

- А вот и есть, - бородатый подошёл к распряженной телеге и достал из-под кучи армяков и шапок лист толстой бумаги и протянул его Михаилу.

- Так... сим свидетельствую, - начал бормотать Миша, разбирая написанное. – Благословляю... земли вдоль реки Летки... пользование на пятьдесят лет с правом выкупа... епископ Тимофей... Тимофей!

- Так-то! – строго сказал бородатый.

- Бумага-то воровская, поддельная! – поразился Михаил.

Остальные мужики бросили работу и неспешно обступили Михаила и вжавшего голову в плечи отца Филофея.

- Нам про то не ведомо, нас барыня наняла, да вперёд заплатила, - грозно сказал один из них. – А вот вам здесь, чернецы, делать нечего, не то невзначай деревом прибьёт!

Понимая, что разговаривать с рубщиками бесполезно, Михаил и Филофей вернулись в Зарецк и доложили архиерею о том, что видели своими глазами.

Тимофея был изрядно взволнован и велел запрягать свою карету для поездки в Лебединское, а ещё просил Михаила взять с собой ковчег с серебряным крестом, как будто собирающийся на битву с недругами рыцарь, просил своего оруженосца подготовить верный меч, прославленный в сражениях.

Ехали до Лебединского в полной тишине, Тимофея сосредоточенно перебирал чётки и выглядел растерянно и встревоженно. Высоко в шафрановом небе висели два жаворонка, недоуменно наблюдая за одинокой повозкой, пылившей по просёлкам среди выгоревших лугов.

У самого поворота к имению встретился им Гурий Иванович, верхом на коне совершающий утренний моцион. Он спешился и подошёл за благословением к Тимофею, после чего сказал, не скрывая досады:

- Вижу, Владыко святый, ты человек молящийся, да совестливый, а потому простота в тебе чрезмерная видна - доверчив ты, грозы не чувствуешь. Ты в атаку пошёл, за свою правду, да против кривды, прямо как царь Давид на амаликитян. Но зря ты так, Владыко, нехитро поступаешь, во вред себе. Ираида Карловна спуску тебе не даст теперь. А я уж поперёк неё ходить не стану! И ещё одно... Лукьян новую пьесу оканчивать отказывается, а о премьере широко объявлено. Ираида Карловна подозревает, что ты его на это дело подговорил. Строптивца пока в сарай под замок на хлеб и воду посадили, но завтра уже сечь будут. Вот такие пироги!

Гурий Иванович развёл руками широко, показывая своё разочарование и, забравшись на коня, поскакал по своим делам.

Последняя верста до барского дома далась тяжело. Даже кони, и те дёргались и фыркали, словно сердились.

- А, владыка святый, благослови, проходи, турецкого чаю испей, - ледяным, как колодезная вода голосом, едва заметно поморщившись, сказала Ираида Дмитриевна. Она вышла на крыльце к своим гостям и всем видом демонстрировала утомление и разочарование.

- Бог благословит на дела добрые! - уклончиво ответил епископ. - Не до чая сейчас, время не удобное. У меня же недоумение одно есть.

Хочу лично удостовериться, что ошибка вышла, что место, законно Зарецкой епархии принадлежащее, не будет занято произволом или ошибкою.

Ираида Карловна немного склонилась перед пришедшими с показным смирением, в котором, однако, таилась едкая насмешка. Графиня Курцвейн была женщиной статной, ширококостной. Её массивная фигура и манера держаться свободно и надменно, у людей впечатлительных вызывала приступы робости. Абсолютно белое лицо (хорошо помогают умывания свежей простоквашей), почти полное отсутствие морщин и красивые, классические черты лица делали её облик весьма привлекательным. Она была одета в чёрное домашнее платье, поверх которого накинут войлочный бурнус с вышивкой и кистями. Причёска была убрана чёрными кружевами с угольно-серым и серебристым жемчугом по кайме.

С минуту улыбавшись одними бледными губами, прищуривая глаза, хозяйка ответила:

- Владыко, ты же, хотя и архипастырь стаду, а мы твои чада послушные... но, наипаче же, ты наш друг собинный и душевный собеседник. Ужели мы не поможем друг другу в нужде? Не чини мне досаду отказом в столь пустяковом деле, как пользование малым клочком земли. Хорошо ли то будет, если ты мне обиду нанесёшь и в огорчение ввергнешь?

- Эти земли на монастырь записаны, для нужд архиерейского дома. Древние уставы запрещают мне раздавать монастырское имущество на сторону под страхом наказания. Да у тебя земли своей не мало!

Епископ, не теряя надежды, что произошла нелепая неувязка, взял у Михаила из рук чудотворный крест. Михаил невольно отступил на шаг назад, прячась за невысокую фигуру своего архиерея.

- Ираида Дмитриевна, матушка, вели вырубку прекратить, - как можно спокойнее произнёс Тимофей, держа перед собой святыню и как бы заслоняясь им от самодовольной наглости и вероломства.

- Прекратить? А коли, нет? - хозяйка имения в минуту переменила лицо и уже не скрывала своего презрения к визитёрам, как будто упивалась вседозволенностью. - Что тогда? Анафема, падёж скота, недород, казни египетские?

- Не по совести это. Негоже так с церковными землями поступать.

- Ах вот как? Это ты матушке императрице скажешь. Её воля и её власть в государстве российском, здесь же, в Зарецке, покамест мы хозяева. Ты, Владыко, свою епархию блюди, да чин держи противусолонь ходить! Знаем, наслышаны мы о твоём столичном случае. Всё нам братец рассказал. И не ваше, долгополых, дело мои земли считать! А надобно знать одно: что я восхотела, то и получу!

Епископ молчал. Он как будто искал опору в своей душе и не находил. Словно соскользнул с кочки в топкое болото, и возят ноги в густой трясине, а тверди земной не обретают. Ему даже на мгновение показалось, что опальный митрополит Арсений был в корне прав: нельзя власти земной давать волю над Церковью святой глумиться. И не в землях и мельницах дело, совсем не в них...

Так и ничего не решив, поехали назад. Епископ велел завернуть в Лебединское к тамошнему священнику. И хотя захват земли был возмутителен, больше всего мучал Тимофея совсем другой вопрос, заслонявший собой и наглое поведение помещицы, и ущерб от незаконной вырубки. В исповедальном письме, которое Михаил вручил епископу самым последним, были описаны ужасающие события. И виновницей их полагалась помещица Пьянова.

История на самом деле выходила фантастическая и страшная. В Лебединском, в старинном храме Мученика Трифона, уже более тридцати лет служил священник Фома Перегринский. Находился он в полной финансовой зависимости от господ Пьяновых и безропотно выполнял их волю.

У Ираиды Карловны в столице жил единокровный брат, на двадцать лет младше годами, родившийся во втором браке её отца, Карла Леоновича. За неимением собственных детей, Пьянова всячески опекала брата, баловала его и принимала живейшее участие в его карьере, особенно после смерти родителя. Два года назад, благодаря хлопотам сестры, молодой коллежский секретарь Николай Карлович Курцевайн получил назначение в Святейший синод на должность обер-секретаря. За прошедшее время он приобрёл некое влияние в церковной политике. Его воздействие на внутрицерковные процессы было не заметно не вооружённому глазу, поскольку должность ему досталась канцелярская по форме, но доступ к делам, жалобам и высоким персонам делала Николая Карловича важным колёсиком сложного бюрократического механизма. Именно Николай Карлович

докладывал заседающим в Синоде полусонным митрополитам и раздражительным архиепископам дела, касающиеся жалоб и доносов на правящих архиереев и настоятелей монастырей. И он мог, когда паузами, когда выделением отдельных фраз голосом, а когда и умолчанием некоторых обстоятельств и фактов, склонять голоса комиссии в ту или иную сторону. Право слово, влиятельный был человек!

Прошедшим летом, в начале июня, ожидала Ираида Карловна братца к себе в имение. Обещался он приехать до десятого числа, самое позднее - одиннадцатого или двенадцатого. Но Николай решил заехать по дороге на денёк – другой в имение к своему давнему приятелю и сопернику по зелёному сукну отставному гвардейскому ротмистру Сыромятникову, жившему в своём небольшом имении под Клином, да поразившись гостеприимности хозяйского крепостного гарема, остался на целую неделю.

Нагулявшись вдоволь, Николай Карлович заспешил к сестре, поскольку та ждала его с нетерпением уже несколько дней. Ежедневно в Лебединском готовился пышный обед, натиралось серебро, дежурили на перекрёстке у Зарецка курьеры.

В воскресенье спозаранку барыня послала к отцу Фоме в деревенскую церковь с известием, что уж сегодня Николай Карлович прибудет точно, потому служение литургии следует отложить на некоторое время, дабы гость, важный чиновник Синода, сразу проследовал бы на обедню и почтил своим присутствием скромный храм, содержащийся попечением господ Пьяновых.

Собравшийся в Лебединском храме народ безропотно ждал с восьми часов утра до полудня, поскольку им сообщили, что ожидается важная птица и родственник самой барыни. Не дождавшись известий из господского дома, отец Фома ровно в полдень начал совершение проскомидии и уже через четверть часа дал возглас к совершению литургии. А на запричастном стихе, когда диакон готовился потреблять дары, в алтарь вошёл посланник от Ираиды Карловны, с известием о прибытии долгожданного гостя. Отец Фома с сожалением сообщил через курьера, что служба отошла, и что завтра утром он с благоговением и трепетом отслужит обедню, а сегодня будет совершен благодарственный молебен Спасителю, хранившему гостя в трудной дороге.

Через час к храму прибыли две кареты: чета Пьяновых и Николай Карлович в сопровождении разряженных приказчиков, двух актрис в кружевных платьях с фижмами и Петьки Лизогуба в бархатном кафтане, парике и туфлях с пряжками. Курцвейн-младший оказался полным молодым человеком с мясистым лицом и маленькими цепкими глазами цвета переспелых оливок, прятавшимися за круглыми очками. Ходил он вразвалку, постоянно потирал руки, сопел носом и поминутно нюхал табак, коротко и визгливо чихая.

Пока Пьянов и диакон Антоний показывали гостю новую роспись внутри церкви, Ираида Карловна вела серьёзный разговор со священником. Лизогуб держал отца Фому за грудки в трапезной, периодически чувствительно встряхивая, а Пьянова, тихим страшным голосом объясняла несчастному, что надо уже начинать служить литургию. Напрасно отец Фома объяснял, что две литургии в один день, да на одном престоле служить не положено, что он не может на себя взять такой грех, но всё без толку. Угрозы сыпались одна за другой, и престарелый священник увидел перед собой перспективу лишиться места, содержания, сана, пенсии, бесплатной семинарии для внука и хорошего места для дочери, дававшей уроки в Зарецке.

- Что же ты, долбня, кочевряжешься? – Рыкала барыня на попа, обнаруживая хорошее знание простонародной речи. – Совести в тебе нет, Иуда!

- Совести... Иуда... – эхом ответил отец Фома и сознание его помутилось.

Петька тряхнул попа хорошенъко, приводя в чувство. И вот уже через несколько минут со слезами на глазах, отослав от греха подальше дьякона, отец Фома облачился в фелонь и возгласил: «Благословенно Царство...»

Все возгласы довались с трудом, руки не слушались, ноги подкашивались, но обречённый священник довёл обедню до конца. На дрожащих ногах, не разоблачаясь, он ушёл в ризницу и, упав на пол, лишился чувств.

- В столице я ни у кого не замечал такого слёзного умиления и трепетного благоговения при служении, как у этого скромного сельского попа, - одобрительно заметил Николай Карлович, выходя из храма и предвкушая сытный обед с запечённым гусем, плотно начинённым белыми грибами, бобами и салом, после которого по

сельской традиции следовал долгий отдых на пуховой перине.

- Вот такая у нас алчба духовная! Но хотя и горного взыскуем, о земном тако же радеем, братец! - удовлетворённо проговорила Ираида Карловна.

Петъка, выйдя из церкви, отвесил в сторону алтаря шутливый реверанс и запрыгал на одной ноге, выбивая воображаемую воду из уха. Барыня едва заметно хмыкнула. Гости расселись по каретам и отбыли.

В первую же ночь после этого случая священника Фому Перегринского, отслужившего у Святого престола за тридцать лет почти две с половиной тысячи литургий, посетила жестокая бессонница. Промучившись до первых петухов (он то читал, то молился, то молча смотрел в черноту окна), священник вышел во двор и с облегчением встретил стремительный летний рассвет. На следующую ночь, запарив ноги, и выпив сладкого горячего сбитню для успокоения чувств, отец Фома лёг в постель и ворочался до рассвета, вновь не находя упокоения сном. Попадья, как всегда спала крепко и не знала о поразившем мужа таинственном недуге.

Дни, со своими заботами, проходили как обычно, но ночей наш страдальц ожидал со всё большим ужасом, предвидя погружение в мучительную чёрную пустоту, где не слышна и сама молитва. С наступлением осени, когда дни стали совсем короткими, отец Фома не выдержал и признался жене, что мучается тяжкой бессонницей и полагает, что причиной тому – литургия, отслуженная «страха ради иудейского». Матушка Устинья всячески пыталась помочь: растирала мужу пятки, готовила крепкий валериановый отвар (от него становилось только хуже), молилась святому Маруфу о даровании благословения сонного своему супругу, но всё без толку. К началу зимы дни распались для священника на томительные минуты ожидания ночи, а сами ночи превратились в пустые безмолвные колодцы, куда падала несчастная душа, чая лишь рассвета. Но с восходом солнца круг страданий замыкался.

- Тяжко тебе, сердечный, - жалела мужа попадья.

- Ох, тяжко, матушка, как кол в сердце забили, - вторил ей отец Фома. Но и от жалости облегчения не было.

Иногда он забывался в трудах, играх с внуками, разговорах с прихожанами, но не ненадолго. Тоска и страх возвращались вновь и

вновь, постепенно охватывая сознание, пригибая к земле. Ожидание бессонницы мучало теперь не меньше её самой. Избавление от страданий виделось старому священнику только в смерти.

Несколько дней назад отец Фома решил исповедаться правящему архиерею. В слёзном письме на епископа Тимофея рассказывал свою историю, каялся в нарушении устава и малодушии, и просил правящего архиерея разрешить его от совершенного греха, дабы умереть спокойно, полагаясь на милость Господню.

Приехав к отцу Фоме, епископ нашёл его уже совсем слабым, лежащим в постели. Только полуబезумные глаза тускло сверкали на землистом лице священника. После исповеди и соборования страдалец порозовел и, задышав ровно и спокойно, попросил немного отдыха, чувствуя, что теперь уже может ненадолго уснуть. Устинья пригласила Тимофея с Михаилом отобедать, чем Бог послал. Когда епископ и келейник уже садились в карету, на крыльце вышла попадья и сказала, не столько расстроено, сколько удивлённо:

- Фома-то наш... преставился...

В знаменитом Доме двенадцати коллегий на Большой набережной Васильевского острова, в малом зале заседаний Синода всё было готово для очередного слушания текущих дел. Секретари ещё и ещё раз перебирали бумаги в смежной комнате, откуда их вызывали на доклад к архиереям. В другой зале, камердинеры сервировали турецкий чай и эфиопский кофе в новомодном фарфоре, ловко управляясь с приборами, парами, салфетками и вазочками. Буфетчики, в зелёных сюртуках с золотыми пуговицами, освобождали от пергаментной бумаги благоухающие кремовые пирожные и малюсенькие пирожки «на один укус» с форелью. На чайные столики выставлялись розетки с икрой, высокие серебряные горки с фруктами и фландрийским конфектами. Тут же матово блестели кубики швейцарского сыра на плоских блюдах, облитые тамбовским мёдом.

Ливрейные слуги битый час стояли навытяжку в Малом зале за спинками трёх бархатных кресел, ожидая выхода архиереев.

Заседание началось с большим опозданием, поскольку епископы задержались важными кулуарными разговорами. Но вот двери открылись и три члена комиссии проследовали на свои места. Сегодня председательствовал архиепископ Дмитрий, он степенно воссел на центральное кресло, сурово оглядывая всех присутствующих. Справа

от него расположился престарелый епископ Никодим, пребывающий на покое в Невской Лавре, но периодически вызываемый в Синод для рассмотрения текущих дел. Слева сел молодой епископ Мелетий, впервые участвовавший в синодских слушаниях и потому, державшийся скромно и строго.

Двое лаврских певчих пропели «Царю Небесный» и удалились. Архиепископ кивнул, начинаем. С бумагами в руках из боковой двери появился старый кривоногий синодский секретарь Макаров. На обрюзгшем, тщательно выбритом лице его не было и следа каких-либо чувств. Впрочем, одно желание всё же кружило в его мутных глазах, и если бы кто-нибудь догадался заглянуть глубоко внутрь макаровских зрачков, то с удивлением бы обнаружил некое странное видение. А именно, висевший в пустоте, запотевший хрустальный полушенстоф с высокой рюмкой на тонкой ножке. К нему присоединялась то и дело маленькая двузубая вилка с аккуратно наколотым на неё зелёным, словно синодская ливрея, пупырчатым огурчиком.

Макаров с самым отрешённым видом начал доклад.

- Дело о беглых шести монахинях Духова монастыря Нижегородской губернии, рассматривается повторно. По донесению судебных властей Богородского уезда, шесть лиц женского пола и с ними старец проживали в землянках в лесу около хутора Пострельский Майдан в течении трёх месяцев, с марта по май. В старце один из проезжих коробейников опознал, хотя и не достоверно, монаха упразднённого Павловского монастыря Леонтия, который противился переводу в Тулу. После проявленного властями интереса, беглецы снялись и отбыли в неизвестном направлении.

- Искать лучше! Немедля оповестить все уездные власти в Нижегородской и соседних губерниях! В железо ковать и в тюрьму Городецкого монастыря направить по поимке. – Вынес решительное определение председатель.

- Уж искали! – скрипучим голосом провозгласил епископ Никодим. – И так и сяк искали! Ты бы, Владыко, поинтересовался, чего они с Духова сбегли. Чай, не сахар там был и не мёд.

- Слушанье закрыто, - отмахнулся архиепископ.

Епископ Мелетий напряжённо молчал.

- Сколько они в бегах? – опять заскрипел Никодим. – А настоятельница там кто? Уж, не мать Сусанна ли, которую из Москвы

за биение послушниц по ланитам выгнали?

- Больше года, ваше преосвященство; да, игуменья Сусанна, она самая, бывшая княгиня Троерукова; да, до юшки кровавой, - ответил Макаров на все вопросы сразу.

Старый архиерей погрозил в пространство пальцем. Он сам был столбовой дворянин из рода Нероновых и пиятета перед титулами не испытывал.

- Слушанье дела закрыто, - повторил архиепископ Димитрий. – Дальше что?

- Три монаха из упразднённой Обнорской пустыни до сих пор не прибыли в Чудов монастырь. Четыре года скрываются, где не известно.

- Сколько всего дел на беглых? – спросил председатель.

- Девять, - ответствовал Макаров.

- Резолюция та же: властям в губерниях искать по лесам, в железо ковать, и на суд препроводить.

- Пора и кофею испить, - хрюплю засмеялся епископ Никодим. – Девять дел уже прикончили!

- Ещё одно до перерыва успеем, и тогда - кофею, - возразил архиепископ. – Что скажешь, владыка?

Председатель обернулся на епископа Мелетия.

- Так оно ж в адмиральский час... по чину и ко благовременью, - неожиданно густым басом произнёс тот. Именно за свой особенный голос, будучи флотским иеромонахом, Мелетий снискнул особое уважение, как среди матросов, так и старших чинов.

- Ну, тогда второй волюм. Да недолго! – распорядился Димитрий.

В зале появился другой секретарь, Николай Курцвейн, с тонкой папкой в руке и сразу стал докладывать.

- Дело на сегодня единственное. Жалоба потомственных дворян Пьяновых, проживающих в Зарецке, на местного викарного епископа Тимофея...

Из доклада секретаря выходило, что епископ Тимофей, прибыв на кафедру, повёл себя заносчиво и высокомерно, многократно отзывался о реформе церковных земель без пиятета и даже с сочувствием ко мнению опального Арсения. Также, епископ, выдав сперва разрешение Пьяновым на пользование землями в Лесном Озере, дождался начала работ по строительству конюшен и обвинил

невиновных людей в хищничестве. А в довершении всего нанёс оскорбление Ираиде Карловне Пьяновой, грозя ей анафемой и небесными карами. От этого в умах благородных людей зарецкого общества делается смятение и недоумение. Посему и прибегают они под защиту Синода, прося удаления от них сего волка, облечённого в овечью шкуру, расхищающего стадо под покровом ночи.

- Пьяновы - фамилия известная, благородная, - заметил архиепископ. - есть вопросы?

Епископ Никодим, лукаво улыбаясь, воззрился на секретаря.

- Ираида Карловна, как же, помню фрейлину матушки государыни Елизаветы, - сказал он, щурясь. - Я тогда молодым иеромонахом в Лавре был. А ты, Николай... как по батюшке?

- Карлович, - покраснев как рак в кипятке, ответил секретарь.

- Что-то ты, Николаша, выкомуриваешь. Всё ли так? - С недоверием в голосе спросил старый епископ. - Не утаиваешь ли чего под титлами?

- Разве можно сие? - ещё больше багровея вполголоса отвечал Николай. - А на крамольные слова епископа Зарецкого и отдельная бумага приложена. Дворового крепостного Петра Гвоздёва с показаниями и клятвами.

- Следует епископа Тимофея за деяния, не достойные и порочащие сан от управления епархией временно отстранить и в служении до окончательного вердикта запретить, - предложил Димитрий.

- А доказаны ли те деяния? - опять захрипел старец. - Что если навет мы удовлетворяем?

- Не имею повода не доверять благородным людям, - язвительно ответствовал архиепископ. - Николай Карлович, пиши, любезный, резолюцию.

Потом добавил в полголоса, обращаясь к обоим архиереям:

- Имею достоверные сведения, что епископ Тимофей был связан с низложенным митрополитом Арсением, этим зоилом гнусным. Велось следствие... Я не буду заступаться за каверзника и противника предприятий нашей государыни.

- Пригласить епископа Зарецкого в Синод и выслушать, добавь это в писульку, алконост берёзовый, - строго сказал епископ Никодим секретарю.

Епископ Мелетий примирительно махнул рукой, соглашаясь со всем сразу. Архиереи встали и проследовали в трапезную.

Князь Костомаров на следующий день пытался повлиять через обер-прокурора Акчурина на решение по делу Зарецкого епископа, но Ираида Карловна, предвидя возможное влияние со стороны доброжелателей Тимофея, направила своим конфидентам в столице подробные письма с просьбами о содействии.

Подобное письмо получил дальний родственник Курцвейнов барон Шредер, приехавший в Россию для устройства масонских лож и имевшего влияние на князей Татищева и Гагарина.

В числе адресатов была и старинная подруга, и наперсница бывшей фрейлины княгиня Мария Фёдоровна Головкина, урождённая Дурново, известная благотворительница, которая была накоротке как с обер-прокурором, так и со многими архиереями. Её-то воздействие на галантного и неконфликтного Сергея Васильевича Акчурина было ключевым в этом деле, и решение было утверждено.

Князь Василий Иванович не сдавался и зашёл с другой стороны, через генерал-прокурора князя Вяземского, имевшего огромное влияние на всё, что происходило в Российской империи. За картами и полутоштфом в доме Костомарова, куда были приглашены и Вяземский с Акчуриным, было, наконец, найдено компромиссное решение: епископ Зарецкий подаст на покой по слабости здоровья и дело будет навсегда закрыто. Понимая, что это единственный шанс для Тимофея избежать долгих и позорных тяжб и дознаний, включающих пересмотр старого дела, Василий Иванович одобрил концессию и выступил в ней поручителем епископа.

На следующее утро князь написал подробное письмо в Зарецк и отправил его нарочным, дабы упредить любые ходы со стороны Ираиды Карловны. Худшего, похоже, удалось избежать.

Через неделю письмо было доставлено лично епископу Тимофею.

- Что там, Владыко? – осторожно поинтересовался Михаил, понимая, что в полученном от князя письме далеко не добрые вести.

- Вот и всё, - склонив голову, медленно произнёс епископ, как бы отвечая на свои собственные мысли.

Ещё немного подумав, добавил:

- Собирай вещи Михаил, переедем с тобой в скит на Лесное Озеро. Келья там хорошая, тёплая, часовня новая. Это земля церковная и

отдавать мы её не станем, будь что будет! И прошение напишу государыне, мол, прошу дозволения, дабы удалится мне недостойному на покой в связи со слабым здоровьем. А местом пребывания определить заштатную Зарецкую обитель Иоанна Предтечи, Лесноозёрский скит-то в её ведении. Тут, конечно, помочь Костомарова понадобится. Но Синод о своих интригах императрице докладывать не станет, потому решение провести не трудно будет.

- Жизни лишать нас не станут за эти земли? – с нотками страха и надежды в голосе спросил Михаил.

- Бог не выдаст, свинья не съест, - слабо улыбнулся Тимофей. А келейнику от этих слов стало ещё тревожнее.

Когда-то, ещё во времена Алексея Михайловича, Лесное Озеро со всеми прилежащими угодьями было собственностью Зарецкой пустыни, переживавшей в ту пору расцвет своего существования. Когда мы читаем подобную фразу о «расцвете» в исторической хронике любого монастыря, то представляется нам Град небесный Иерусалим, спустившийся на землю и населённый херувимами бесплотными, без страстей и желаний. Пребывали сии рясофорные ангелы в непрестанной молитве, отличались непоказным смирением и братолюбием, избегали суетного мира и все дружно, взявшись за руки и поддерживая немощных, шагали ко обетованному спасению. Поскольку нам сие не ведомо, мы ограничимся лишь констатацией тех фактов, которые подтверждают материальное благополучие Зарецкой пустыни.

Действительно, в конце 17 века по духовному завещанию нескольких богатых землевладельцев, отошли к обители обширные угодья. В их числе и Лесноозёрская пойма с большой рощей и самим озером Лесным, в окрестностях которого копали торф. Настоятель, игумен Феогност, писал в 1692 году в епархию, что в монастыре постоянно проживают 39 человек, из которых пятеро в иерейском чине, а четверо – в дьяконском, и ещё – 22 мантийных монаха. Монастырю принадлежала одна деревня и четыре хутора с полутора сотнями крестьян в совершенных летах. Процветали рыбный и гончарный промыслы.

В 1764 году, согласно указу Экономколлегии, Лесноозёрские владения, наряду с другими землями, отошли в казну. Пьяновы хотели получить этот участок в собственность, хлопотали о том в столице,

давая взятки нужным людям, но желаемого так не получили. В 1768 году епископ Митрофан выкупил из казны эти земли для устроения на них архиерейской дачи. Место и впрямь было красивое и удобное для подъезда.

Возле рощи уже стояла тёплая добротная келья, построенная монастырём в сороковые годы. Епископ Митрофан распорядился срубить маленькую часовню, хозяйственые постройки, конюшню и два просторных овина для сушки сена. На пригорке была устроена пасека на двадцать ульев, дававшая до двухсот пятидесяти пудов мёда, полтора пуда воска и два фунта лечебного прополиса в год. Там же срубили и летнюю келью для пасечников.

Часто бывает на земле русской, что стоит только человеку молитвенному, желающему проводить свои дни в уединении и покаянии, поселиться в месте пустынном, как спустя короткое время, словно пчёлы на цвет благоуханный слетаются к его келье жаждущие наставления и утешения. Так были основаны многие монастыри. Не укрыться подвижнику и на снежном суровом севере, и в непроходимых болотах. Ни лес, ни одинокая пустыня не страшат тех, кто ищет в качестве примера для своей жизни человека духовного, познавшего премудрость божию в суетном мире, сохранившего целомудрие среди всеобщего разврата и отступления. Не приемлет наш народ веры книжной, но жаждет веры живой, преображающей самого закоснелого грешника, хочет видеть перед глазами живой пример, подтверждающий не ложность обетований Божьих.

В конце концов, вокруг некогда уединённого места возникает община из последователей, к ней прибываются разнообразные проходимцы и бездельники, коих на Руси видимо-невидимо. А потом и крестьяне строят (вроде поодаль, но всё равно, близко) свои избы: тоже не желают жить без духовного окормления. Через какое-то время в монашеской общине, ставшей многочисленной, возникает необходимость введения правил, порядков, назначаются келари, ризничные, уставщики, экономы, наместники. У тех, кто получает назначение, вместо братского отношения к остальным возникает начальственное. На должности стремятся попасть люди ушлые и хитрые. В конце концов, постаревший игумен-основатель со своим смирением и братолюбием (а также строгим постническим житием) становится не мил новой властной партии, и его изгоняют из обители.

Или же он благоразумно отходит в мир иной, становясь знаменем и иконой для тех, кто правит обителью. Вокруг почившего создаётся культ, ему приписываются необыкновенные духовные дарования и дар чудотворения (без этого никак!) и получается очередной монастырь, такой же, как и все. А будет ли в нём, помимо «общего жития и послушаний», ещё и жизнь духовная, зависит теперь от милости Божией.

Стоило только епископу Тимофею поселиться в одинокой клети на Лесном Озере, как сразу соседняя пасека стала очень популярна среди монахов и послушников Зарецкой обители. Понимая, что пребывающий на покое и, практически, в полузатворе, опальный архиерей – подлинный молитвенник и утешитель, братия, помимо своей воли, будто пчёлы, ведомые тонким цветочным благоуханием, устремилась на сей луг духовный.

В мае пасеку решили расширять до сорока ульев. А ещё начали рубить новую келью, уже с печью.

Лето выдалось жарким и немного ветреным, с дождями в июне и солнцепёком в июле. Травы бушевали в пойме Летки, хорошо принялись подсолнечник и конопля. Мёду ожидалось много. Но такая погода стала виновницей лесных пожаров: ветер раздул горячий, тлеющий торф и окрестности озера заволокло дымом. Из-за пожаров в лесу почти не было ягод.

Медведь впервые появился на пасеке на Пантелеимона. В вечерних сумерках, любопытная годовалая медведица, как все барышни охочая до сладкого, перевернула пять ульев и разорила два. Пасечники, благословившись у игумена, поехали в деревню за собаками. Два молодых лохматых пса громким лаем отгоняли воровку в течении двух ночей. На третью ночь, на пасеку вломился матёрый трёхаршинный медведь и погубил третью часть ульев, благо мёд почти весь был скачан. Собаки спрятались и, поджав хвосты, тихо скулили. Монахи в своих кельях сидели, ни живы, ни мертвые.

Медведи, звери умные и осторожные. Они всегда возвращаются в места, где находили корм и не чувствовали опасности. На Медовый Спас пришли уже оба лесных гостя, покуролесили, и не найдя мёда спустились с пригорка к Лесноозёрскому скиту. Всю ночь провели епископ Тимофей и его келейник в осаде. Стучали досками, звонили в колокольцы, кричали, но медведи, лишь отойдя немного,

возвращались назад и продолжали бродить под окнами беззащитной кельи.

Утром, когда непрошенные гости, не солено хлебавши, ушли в лес, затворники запрягли лошадь и уехали в Зарецкий монастырь. Игумен Леонид сразу же дал разрешение на вырубку леса для устройства крепкой ограды и отрядил в скит всю трудоспособную братию. К Успению бревенчатый забор, с торчащими, наружу заострёнными дрынами, был готов. Дубовые ворота, окованные железными полосами, приложены на массивных петлях. Однако, селиться монахам внутри ограды епископ благословения не дал, охраняя по возможности, своё молитвенное уединение. Устроили бревенчатый частокол и вокруг пасеки. Для того, чтобы отвадить медведей от ульев, каждый вечер выкладывали им размоченный хлеб на пеньках в лесу. К Покрову медведи ушли вглубь леса и более не появлялись.

Не считая набегов медведей, лето прошло на удивление тихо, и Тимофей успокоился, предаваясь трудам молитвенным, ежедневно служа литургию на устроенном в часовне и освящённом собственноручно престоле. К осени Ираида Дмитриевна предприняла новую атаку, желая выселить затворников из кельи. Дважды приезжали стряпчие с какими-то бумагами, но Михаил не пускал их к епископу.

Ночь на 20 ноября 1775 года выдалась абсолютно тихой и безветренной. Два дня подряд ложился лёгкий тонкий снежок, не закрывший даже всей черноты пахоты на полях. Небо, серо-лиловое, словно кожа на больных ногах, опустилось на трубы домов и жадно втягивало в себя дым печей, как старый прапорщик вдыхает дым табачный после долгой разлуки со своей трубкой.

Час назад Михаил приехал из Зарецка, где отправлял послания в Синод, князю Костомарову и отцу Якову в Илевай. Иеромонах Филофей, сослуживший утром литургию, отбыл в монастырь ещё днём. Епископ Тимофей и его келейник попили чаю с сухарями и щучьей икрой, но совсем без аппетита. Тимофей больше молчал, дважды призвал не унывать, но заметно было в какой глубокой задумчивости он пребывает. Михаил, рассказывая о своей дневной поездке, заметил, что епископ почти не слушает, погруженный в свои мысли.

После вечернего правила, келейник лёг спать, подбросив дров в горячую и без того печь, а опальный архиерей остался сидеть в трапезной, где вместо чайной посуды разложил на столе бумаги, перья и чернильницу. Здесь же, рядом с писчими принадлежностями, помещались затёртое Евангелие в кожаном переплёте и кипарисовый ковчежец с серебряным крестом. Всё свободное время в затворе он посвящал написанию корпуса проповедей для приходских священников с разъяснениями основ веры и духовных законов. Проповеди составлялись простым языком, чтобы каждый, кто прослушал их, не зависимо от положения и образования, мог напитаться живой водой мудрости евангельской. По своей архиерейской практике Тимофей знал, что гомилетическое искусство не в большом почёте у сельских попов, и что сами они порой блуждают в трёх соснах богословия. Большая часть труда была закончена, оставалось проверить написанное и приложить к нему подробное разъяснение Символа веры. Князь Костомаров уже хлопотал об издании этой книги для нужд приходов.

Проснулся Тимофей от страшного стука в дверь. Он задремал, положив голову на стол, не заметно для себя самого, утомившись от переписывания набело новых страниц книги. Не понимая, что происходит, епископ выглянул в окно. Ночь была тёмной, безлунной, ничего видно не было. Стук повторился с ещё большей силой, казалось, что выламывают дверь. В трапезную выскочил Михаил, босой и испуганный: что случилось?

Теперь затряслось окно, кто-то пытался разбить стекло. С третьего удара это удалось. Со звоном по полу рассыпались осколки, и истощный голос закричал: «Пожар! Бегите!». Действительно, запахло гарью, из-под двери в келью Тимофея выползла дымная полоса. Сухое дерево с каждой секундой всё больше поддавалось напору огня. Зарево уже освещало двор, по которому в сторону забора быстро убегали две фигуры в зипунах. Несомненно, это были поджигатели.

В себя пришли епископ и его келейник уже на улице возле огромного пылающего костра, поглотившего их скучное жилище. Михаил так и остался босым. Тимофей держал в руках Евангелие и ковчег с крестом. Почти полностью готовая рукопись книги, над которой он работал год, сгорала на его глазах в жутком, будто вулканическом, столбе пламени. Исписанные чётким почерком листы

выбрасывало горячим потоком в небо, где они, за секунду чернея, превращались в пепел.

- Как же так, Господи? Человек, выходит, страшнее медведя? – Слабым голосом проговорил Михаил, не чувствуя холода в ступнях. Под ним уже растаял снег, и он стоял, без шапки и смотрел на гибель их маленькой Лесноозёрской помпей.

- Ну что ж, заночуем в часовне, - сказал епископ и вдруг без сил опустился на колени, заплакав.

Ираида Дмитриевна Пьянова умерла внезапно в Петербурге на святках 1775 года. Пребывая в безумии и озлоблении, она поехала в столицу добиваться закрытия Зарецкой кафедры и лишения Тимофея епископского сана. Помещица прямо-таки вошла в раж и хотела ещё большего унижения своему непокорному сопернику. Она, без сомнения, достигла бы своей цели, будь у неё больше времени. Перед отъездом в столицу, устав бороться с Лукьянином, переставшим писать пьесы по желанию барыни, она сдала непокорного крепостного в рекруты.

По барыне, кроме братца Николая, никто не горевал. Да и молодой Курцвейн, не столько печалился о смерти сестры, сколько растерялся, лишившись протекции в самом начале карьеры.

Пятидесятитрёхлетний Гурий Иванович, едва выждав положенные сорок дней, женился на молодой вдовой графине Екатерине Григорьевне Бутурлиной, и в Лебединское никогда более не возвращался, направив туда двух немецких управляющих. Через известное время у Гурия Ивановича с супругой родился сын Пётр, а ещё через два года дочь Елена.

Театр закрыли, крепостные актрисы стали ткать и прядь, а Лизогуб сильно запил, чуть ли, не доходя до безумия от безделья и злобы. Но вскоре его перекупил чугуевский помещик Скоблевский и Петька заблистал на новых подмостках с ещё большим успехом.

Весной, по первому теплу, в Лесном Озере строили новую келью, взамен сгоревшей. Двое рабочих заканчивали окна в скитском домике: вставляли маленькие квадратные стёкла в крашеные решётчатые переплёты. Усталый печник неспешно возился с глиной, широкобородый плотник строгал новые лавки, ловко орудуя рубанком. Последствий рукотворной стихии почти уже не было видно.

Михаил сидел на новой сосновой скамейке возле зацветающей

сирени, понурив голову, и поминутно вздыхал. Епископ опустился рядом и впервые за последнее время улыбнулся.

- Не скорби так сильно, Миша, - сказал Тимофей. - Была на то воля Божия – уйти мне в затвор, поставить келью на берегу Летки и жить в удалении от мира. Пусть сердце твоё мучается и истекает кровью от той несправедливости, что ты видишь, но правда Божия в другом, и согласие с этой правдой не просто даётся. Сам посуди, не моя ли тайная воля таким странным образом исполнилась? Не тяготился ли я многим из того, от чего укрылся в своё время в монастыре, и что впоследствии окружало меня на кафедре? Теперь остаётся только благословлять Промысел, что избавил меня от искушения властью. Но наипаче избавлен я и от симпозиумов, балов, приёмов, подарков, пустых разговоров, суэтных попечений, надоедливых гостей, бесконечных визитов. Не пью кофею, не посещаю театров, невижу глупых дворянских отпрысков и их родителей, генеральских дочек и их суеверных приживалок, выездов, псовых охот, органчиков. С ними развеяны, яко прах ветром, Monseigneur, книксы, старые анекдоты, бесконечные историй о военных походах и любовных победах! Мир вырвал меня из своего тела и выбросил как сор на попранье человекам.

Показалось, что Михаил всхлипнул.

- Сбылось по слову преподобного Арсения: «Всех люби и всех беги». А пока, давай-ка самовар, заварим травничек, да за вечернее правило примемся. Скоро и келью сработают, ещё теплее в ней будет, чем в старой, заживём пуще прежнего. А вот и творог со сметаной приехали!

Во двор на подводе, устланной сеном, въехал смиренный иеромонах Филофей, широко улыбаясь, довольный своей добычей. Сметану в монастыре нынче сбили знатную!

Михаил слабо улыбнулся. Поднялся и пошёл за самоваром. И то верно, горячий травник монаху от любых обид и невзгод помогает...

Епископ прожил в Зарецком монастыре на покое ещё десять лет, часто уединяясь в скит Лесное Озеро для молитвы. Он запретил князю Костомарову хлопотать о своём восстановлении на кафедре. При нём же был построен деревянный храм и заложен каменный на два престола, в честь Покрова Богородицы и преподобного Григория Декаполита, церковного писателя, в день памяти которого сгорели все

письменные труды Тимофея. В своей новой скитской келье епископ принимал больных и страждущих, наставлял заблудших, одаривая всех приходящих частицей божественной любви, жившей в его сердце.

Умер епископ Тимофей в 1886 году, 3 января, отслужив в этот день самостоятельно литургию в новом деревянном скитском храме. После обеда, почувствовав сильное головокружение, он лёг в постель и через два часа потерял сознание. Послали за доктором в Зарецк. Придя в себя на несколько минут перед тем, как отойти душою в горние селения, епископ благословил своего келейника Михаила, в 1784 году в постриге принявшего имя Мельхиседек и заповедал продолжать житие в Лесном озере, строить каменный храм на месте старой часовни и хранить святыню до самой своей смерти.

А там, как Бог управит.

Глава 5

*«Отступление попущено Богом:
не покусись остановить его
немощною рукою твою.*

*Устранись, охранись от него сам:
и этого с тебя достаточно» ...*

Святитель Игнатий (Брянчанинов),
1850-е годы

В Замшело-Чащинском монастыре, где настоятельствовал архимандрит Варавва, был проведён дорогостоящий капитальный ремонт в рамках целевой федеральной программы. В древности монастырь, стоявший, хоть и не далеко от Москвы, но в стороне от больших селений, городов и прямоеездых дорог, мог считаться местом уединённым. Постройки всегда возводились, как при основателях, на маленьких вырубках. Вокруг келий и храмов высались мощные стволы сосен, уходивших в низкое московское небо, то и дело сочившееся холодными дождевыми каплями. Никакие овощи, кроме

моркови и репы здесь не росли. Даже в парниках огурцы получались горькими, а помидоры анемично-розовыми и твёрдыми как неспелое яблоко. За федеральные деньги расчистили территорию вокруг стен монастыря, закатали её в асфальт, забыв устроить хоть малую клумбу или газон. Стены покрасили финской краской молочно-белого цвета, не разобравшись, что такими белыми они были в советские годы, когда в монастыре располагалось отделение психоневрологического интерната для тихих пациентов. До революции стены были кирпичные, не крашеные. Вся земля внутри монастыря тоже попала под асфальтовый каток, правда, монахи успели отгородить несколько прямоугольников земли, на которых теперь торчали оплывшие альпийские горки и чахли от вечной сырости и сумрака цветы. Оба монастырских храма были отреставрированы, а точнее, отремонтированы несколькими бригадами гастарбайтеров; заново отстроены настоятельский корпус, кельи, трапеза, гостевой дом и Дом собраний с современным мультимедийным оборудованием, при котором функционировали несколько переговорных комнат. В старом братском корпусе, сохранившемся в своём первозданном виде с дореволюционных времён, оборудовали барак для трудников.

Настоятель обители, архимандрит Варавва, был широко известен в патриотических кругах молитвенной поддержкой православно ориентированных силовых структур. Основав “Общество православных чиновников” он попал на орбиту близкую к самым влиятельным лицам страны и уже дважды был удостоен приёма у заместителя главы Администрации президента. Сегодня в большом зале Дома собраний проходила рабочая конференция Общества. Об этом всех приезжих оповещали растяжки ещё на подступах к лесной обители. Оставив машину на бесконечной парковке у стены, Денис с Борисом пошли в зал собраний, предполагая, что там они дождутся настоятеля и попросят его уделить им немного времени.

Перед входом в Дом собраний два пухлогубых африканца с кожей цвета кадильного угля, в ярких жилетках и кепках, раздавали душеспасительные брошюры. Получив в руки одну из них, Денис прочитал название: “Вся правда о русском мате!!!”. Именно так, с тремя восклицательными знаками. Автор, назвавшийся “епископом Гораздом Безносовым” (неужели реальное лицо?), в сладострастно-агрессивной манере, с употреблением в каждом предложении

нескольких негативных эпитетов типа “злобный”, “смрадный”, “жуткий”, “вонючий”, “гнилой” или “склизкий” изливал плоды своего безудержно смелого воображения в шокированное сознание читателя. Текст сопровождался мутными фотографиями колдунов в шкурах и рогатых шапках и рисунками лохматых зубастых чудовищ с металлическими штырями, растущими прямо из лба, зубастых полуголых дьяволиц с красными звёздами на плечах и покрытых язвами красноглазых демонов. Что-то подобное Денис видел на выставке творчества тяжёлых психических больных, переносивших на холст или ватман кошмары своего воспалённого сознания. Почувствовав омерзение, он незаметно отправил “правдивую” брошюру владыки Безносова в урну. Отряхнул руки и пробормотал: “Каждый пишет, как он слышит”. Стало легче.

Пройдя в зал сквозь символическую охрану из двух семинаристов, Борис с Денисом присели на последний ряд.

На сцене зала, в котором сидели около пятидесяти человек, в основном в синих костюмах цвета “смерть бизнесмена” и галстуках “двадцать лет на госслужбе”, в президиуме восседал средних лет архимандрит с одухотворённым ухоженным лицом и копной чёрных вьющихся волос, прикрытой шёлковым клобуком. Рядом с ним расположились два неотличимых друг от друга человека, с напряжённо-брэзгливыми выражениями лиц, в серых пиджаках и белых рубашках без галстуков. Они синхронно время от времени чиркали ручками в блокноте, но, казалось, думали о чём-то своём.

Архимандрит прошёл к трибуне, настроил микрофон и сказал:

- А теперь - «Разное». Работа над концепцией Русской войны и Русского мира продолжается. И если с формированием первого раздела проблем нет... Вот, например, сегодня поступило предложение включить в чёрный список чуждые нам понятия «качество жизни» и «индекс человеческого капитала». И вообще, комиссией получено более трёхсот предложений по разделу «Война», это впечатляет. А вот с разделом «Мир» надо работать активнее! Пока только одна идея, да и та спорная: поместить лики святых князей на банкноты.

В зале зашумели.

- И последний вопрос, - архимандрит посмотрел в свои записи. - Нам надо проголосовать, как кратко будет именоваться член нашего общества...

- Братства! - поднял ручку к небесам серый пиджак в президиуме.

- Почти что братства! - подтвердил архимандрит, елейно заулыбавшись. Последнее слово осталось за ним. - А вариантов два. Общество православных чиновников имеет устав, гимн, флаг, эмблему, значок, награды, структуру, духовника в моём лице, место дислокации, утверждённый план работы и эвакуации, программу испытаний и проверок для новичков и многое другое. "Опрачин" - так кратко именуется общество, и те, кто удостоен стоять на страже родины и православия в наших плотно сомкнутых рядах именуются иногда опрачинцами, иногда опрачниками. Какие мнения на сей счёт? Прошу высказываться.

- Эвакуация зачем? - поинтересовался с первого ряда азиатского вида маленький человек в неожиданно не трендовом коричневом полосатом пиджаке.

- Это товарищ полковник постарался, на прошлом заседании утвердили, в рамках антитеррористической готовности, - ответил архимандрит.

- Может, вообще ОПЧ? - Спросил узколицый, подозрительно загорелый мужчина с юркими глазами ди-джея.

- Аккуратнее с аббревиатурами, - возразил синий костюм, знакомый с основами PR.

Тут высокий гибкий чиновник из первого ряда встал и обращаясь к президиуму сказал:

- "Опрачинцы" похоже на "разночинцы". Зачем нам это? Ассоциации с плебсом.

- А "опрачники" звучит как "опричники", - с места выкрикнул его седой сосед с розово-золотыми запонками и драгоценным зажимом для галстука.

- Да ладно, вам не угодишь! Голосуем! - Громко отреагировала густо накрашенная чиновница со следами ботокса.

- В чём причина, опрачина? - загнусил моложавый франт с золотым "Монбланом" на руке.

Все загудели. Председатель поспешил закрыть присутствие.

- Оставляем тему для обсуждения на августовском собрании. Предложения в письменном виде! - гаркнул архимандрит и громко запел "Царю небесный". Зал успокоился и стал нестройно подтягивать. Многие, было видно, слов не знали.

... Денис с Борисом расположились в покоях настоятеля за круглым столом, покрытым вышитой тепловозами льняной скатертью. Просторная комната была заставлена мебелью, статуэтками и разного назначения механизмами советских времён не позже начала шестидесятых. Огромные потёртые кожаные диваны вдоль стены были обрамлены гипсовыми статуями античнорукого молотобойца и метательницы диска с насмешливым взглядом Афродиты Книской . На стене красовались выцветшие плакаты послевоенных фильмов. В углу, на небольшом подиуме были расставлены кинокамеры, осветительные приборы сороковых годов, в продуманном беспорядке лежали жестяные коробки из-под киноплёнки. Настоятель увлекался этой эпохой, а особенно сталинским кинематографом, считая послевоенное десятилетие лучшим временем двадцатого века в киноиндустрии. Любимым фильмом настоятеля была герасимовская "Молодая гвардия" 1948-го года, хотя "Русский вопрос" и "Подвиг разведчика" он тоже часто пересматривал, особенно в дни разгула гнусной либеральной камарильи.

Денис вынул ксерокопию фотографии и положил перед Вараввой. Архимандрит бросил беглый взгляд на фото.

- Да, это я, какие уж тут сомнения, - он постучал пальцем по куличу в руках жидкобородого парня, стоящего рядом с иеромонахом Павлом.
- Редкий кадр. Виктор!

- Что, батюшка? - в дверь заглянул полный грушеобразный юноша.

- Отксери мне это фото. Да чай накрой.- Архимандрит вновь обратился к гостям. - Я вернулся из армии, служил алтарником и учился то ли на втором, то ли на третьем курсе семинарии.

- Это девяносто третий, - подсказал Денис.

- Тогда на втором.

Послушник вернул фото и расставлял на столе стаканы, блюдца, розетки и баночки. Большое блюдо мятных пряников, выставленное для угощения, показалось Денису весьма уместным; последний раз они с Борисом ели вчера вечером.

Денис достал из кармана маленький обгрызенный карандашик и, зачеркнув знак вопроса, написал на фотографии: "Арх. Варавва Смарагдов". Одной загадкой стало меньше. Но к решению главной задачи поездки это не приблизило ни на шаг.

- Вот! Возьмите мою книжицу о епископе Тимофееве. Мы тут собрали уникальный материал! - Архимандрит вынул из початой пачки знакомую гостям брошюру и стал подписывать «От автора». Поставил размашистую подпись с множеством закорючек и вручил брошюру Денису.

- Благодарю, - максимально вежливо сказал Теплоструев, а Борис едва заметно приподнял бровь.

- Сколько архивов перелопатил, записей, писем, воспоминаний перечитал, но не встречал в них о вас малейшего упоминания, - осторожно помешивая чай и гипнотизируя пряники, высказал своё недоумение Денис.

Архимандрит благословил трапезу и внимательно взгляделся на лицо Теплоструева: пропорциональный прямой нордический нос, красивые миндалевидные глаза с сонной восточной поволокой, рязанские уши с мясистыми мочками, изгиб решительных кавказских бровей, массивный румынский подбородок, намёки на окладистую казачью бороду. В некоем замешательстве Варавва спросил:

- А такой Семён Баркат¹⁶ там, в архивах ваших, встречался?

- Угу, - Денис уже уплёл один пряник и тянулся за вторым.

- Ну, так это я. А ваше отчество, Денис, простите?

- Фалерич, - с набитым ртом ответил Теплоструев. - Валерьевич. А матушка - Светлана Васильевна Коробченко.

- А я Борис Альбертович, - с неким вызовом вставил молчавший доселе Караваев. - И что!?

Некоторое время все пили чай и звенели ложками о стеклянные стаканы в старых латунных подстаканниках с анфасами паравозов тридцатых годов.

- Так вы интересуетесь отцом Павлом, его жизнью, наследием? - архимандрит продолжил беседу.

- В некотором роде, - Кара-Борис достал из папки второе фото, с увеличенным Тимофеевым крестом. - Вот этот предмет вам знаком?

Толстый евнухоидный послушник Витюша, в коротковатом подряснике, с унылым лицом молча убирал посуду со стола, потом долго, тщательно, с кряхтением, выметал крошки со скатерти миниатюрной метёлочкой с надписью: «Славянский берег». Едва заметным жестом ладони левой руки Варавва показал ему: «Изыди». Тот, шлёпая подошвами чёрных разбитых сандалий, одетых на

некогда белые носки, вышел, всё так же кряхтя и сопя.

Варавва взял фотографию, и стал внимательно разглядывать, ничего не говоря. Потом он пристально посмотрел на гостей, явно выдерживая театральную паузу.

- А вот это вы ожидали увидеть? - архимандрит внезапно рывком встал из-за стола, подошёл к массивному крашеному сейфу времён фильма "Волга-Волга" и, повозившись с ключами, достал из его недр картонную коробку.

Изобразив на лице заговорщическое выражение и стреляя глазами в сторону гостей, архимандрит поставил коробку на стол и извлёк из неё на белый свет старинный ковчежец кипарисового дерева, открыл крышку и жестом фокусника пригласил: смотрите, удивляйтесь.

В ковчеге лежал шестиконечный серебряный крест, подёрнутый патиной, точно умещавшийся на листе формата А4. Большие лучи креста заканчивались округлыми шлифованными прозрачными камнями зелёного цвета размером с небольшую оливку. Кара-Борис привстал и наклонился над ковчегом, не скрывая изумления. Отец Варавва торжественно вздёрнул брови.

Денис, ощущая звонкие удары собственного сердца, взял крест двумя руками, словно младенца из колыбели и поднёс ближе к глазам. Один из зелёных камней выпал из своего гнезда и звякнул об стол.

- Ну вот, опять! Один момент, здесь нам поможет "Момент", - засуетился Варавва. Он мигом достал из стола скрюченный тюбик и взяв у опешившего Теплоструева из рук крест, начал ремонт.

- Это что? - хрипло спросил Денис. От волнения у него пересохло во рту. Борис, скривив губы, опустился на стул.

- Копия, - архимандрит нанёс несколько блестящих капель клея на фальшивый изумруд и ждал, когда они помутнеют: вот тогда можно клеить.

- Подделка, - разочарованным эхом отозвался Борис, не сводя глаз с пальцев архимандрита активно мнущих истерзанный тюбик. Лжеизумруд в пальцах Вараввы кокетливо заиграл стекляннымиискрами, поймав луч света.

Денис провёл пальцем по ребру креста, ощущив гладкую поверхность: выбитых надписей, как на подлиннике, здесь не было.

- Если хотите, подделка. Я заказал её два года назад. Это почти точная копия Тимофеева креста, воспроизведённая по фотографиям.

Зачем, спросите вы? Да затем... и мне совсем не стыдно. Был я ослеплён, алкал и жаждал святыни. И знаете, это не грех совсем, а особое, очень тонкое благочестие. Описано же в Патерице, как некий благоговейный паломник в порыве умиления и трепетного смирения (о, как я его понимаю!), приложившись к открытой раке великого святого, откусил от усохшей руки палец и вынес его во рту. Вернувшись в свой город, он оправил святыню в серебряный ковчег и выставил в соборе для поклонения. Такое вот хищение, вменившееся татю в праведность.

В дверь просунулась голова послушника:

- Отец Варавва, хористы собрались. Комсомольский цикл сегодня репетируем.

- Скажи, пусть распеваются пока, - отдал распоряжение настоятель. - Ковчег - точно по размерам, сосновый, морилкой покрыт, раскрашен, состарен. Крест из сплава, гальванизирован по новой технологии, состарен серной мазью. Камни - стекляшки... Как же я боялся, что Тимофеев крест не в те руки попадёт! О, мать Вера, она вполне могла поддаться на уговоры человека льстивого. Попал бы крест в руки какому-нибудь безумцу или коллекционеру, что тогда?

- Паравиину? - спросил Денис.

- Ему, или генералу КГБ Бабанову, но, впрочем, это одно и то же, - покачал головой архимандрит, ловко прилаживая стекляшку к гнезду.

- А это - святыня Церкви! Наше общество поместило сей крест на эмблему как символ соработничества власти и церкви в вопросах государственного строительства и мудрого управления народом. Вся жизнь епископа Тимофея была примером подлинной, гармоничной симфонии духовного человека и сильного государства! Он явил нам потрясающий пример смиренного послушания богоугодной власти, нелицемерного сотрудничества... э-э... взаимодействия... архиерея и сильного правительства. Я сейчас об этой стороне жизни епископа Тимофея большую книгу готовлю. "Зарецкий архипастырь: симфония с властью" называется. Ну, так вот, вернёмся к истории. Копия креста была у меня давно. Всё ждал я удобного случая, когда подмену совершить можно будет. Матушка болела уже, лежала не вставая. Служил я на крестопоклонной неделе в её келье молебен с акафистом. Никого больше не было, это лучший момент был. После молебна задремала она, а крест на аналое лежал.

- И что пошло не так? - поинтересовался Кара-Борис.
- Да всё. Я достал поддельный ковчег, заслонил спиной аналой. Говорю: "Господи, благослови!"

Варавва умолк.

- Получилось? - нетерпеливо заёрзal Денис.
- Не благословил, - тихо сказал архимандрит.
- Ха! - с наигранно удивлённым видом развёл руками Кара-Борис.
- Знаете, что! - вдруг тон речи настоятеля изменился, став гораздо прохладнее. - Я перед вами не намерен отчитываться. Вы вообще не в курсе того, что Господь может прямо в сердце человека ответ послать? Ясный, очевидный ответ. Как письмо или звонок. Но не вам, не вам, это уж точно!

- Так крест теперь у Паравкина, что ли? - аккуратно уточнил Кара-Борис, меняя тему.

- Почём мне знать? Самому интересно, кто же его к рукам прибрал.
- Разочарованно, но уже спокойно ответил Варавва. - Потом он посмотрел на Теплоструева и сказал:

- Вы же видели нашего Ивана Самойловича, я так понимаю? А с ним всегда генерал Бабанов Олег Олегович, худой такой, маленький, серенький, брови ещё лохматые, густые, иссиня-чёрные как вороново крыло.

- Э... Был такой, поддакивал всё время, - подтвердил Денис.

- Красит, что ли, брови-то? - спросил Борис заинтересованно. У них в пограничных войсках был генерал, который именно так и делал.

- Да может и подкрашивает для форсу, - фыркнул архимандрит. - Как благодать священника в браде его скрыта, так генеральская честь - в бровях его!

Варавва издевательски поднял вверх указательный палец и продолжил:

- Вам надо знать кое-что. Сейчас в моде всякая спецслужбистская мистика, парапсихология на службе КГБ и всякая такая ахинея. Вот Паравикин из этих самых псевдоучёных с промытыми мозгами, Олег Олегович - его куратор. Начинал Иван Самойлович хорошо, всё-таки, потомок священника, историк, археолог, человек недюжинного ума. Отец Павел его ценил! Иван и кружок исторический организовал, христианские древности изучали, это в советские времена-то. Но, там, где двое или трое собраны по любому поводу, там и агент КГБ среди

них! Ваня к Бабанову в разработку попал: сначала малые поручения выполнял для органов, потом в программу какую-то втянулся, вначале девяностых программу эту прикрыли, Бабанова пятнадцать лет как на пенсию выгнали, ему под восемьдесят уже, он в школу НКВД ещё при Сталине попал. Сталинский сокол, так сказать.

- Им-то крест зачем? Как историческая реликвия? -
Поинтересовался Борис.

- Вы можете мне не поверить, но там всё настолько серьёзно, насколько это возможно при нашем сегодняшнем общем упадке и неверии ни во что.

- В смысле? - не понял Денис.

- Проект их закрыли, да только сами они в нём погрязли, как бычки в трясине и искренне во все эти теории заговоров поверили. Вот и продолжают разработку темы на личном энтузиазме. Если долго играть в конспирологию, она, родимая, поиграет тобой, как сказал то ли Кьеркегор, то ли Керуак.

- А что за тема у них? - услышав слово "конспирология" Денис приготовился к самым неожиданным поворотам.

- Вот я и хотел вас ввести в курс дела и предостеречь от тесного общения с этими людьми. Сейчас у них центральная задача, как Бабанов любит выражаться, - найти Тимофеев крест. Вся теория ими подготовлена, не хватает самого креста. Тогда они выйдут на доклад в контору и приладут проекту законный статус, получив финансирование. В перспективе - создание секретной национальной идеи.

- Зачем нам секретная национальная идея? - Удивился Теплоструев. - У нас и с публичной-то не всё в порядке.

- Для вас, простых обывателей, телевизор работает, а избранные, посвящённые будут знать правду, в утверждённой редакции, конечно. Там всё многослойно, мутно и непрозрачно. Так везде всё устроено, поскольку люди из спецслужб повсюду, в любой стране держат нити в своих руках. Конкурс на секретную национальную идею объявлен был давно, чуть ли на заре Перестройки. Копают на этой делянке многие, в том числе и наш археолог со своим генералом. Я с командой единомышленников, естественно, противостояю этому потоку невежества. У них там старая гвардия, а у нас - молодая! Мы такое важное дело этим пергаментным бровастым генералам да архиереям,

ровесникам коллективизации, не отдадим. Сейчас и молодых полковников предостаточно, да смелых образованных архимандритов хватает. Идея, видите ли! Что тут ещё думать! Сильное государство, спаянное с патриотическим епископатом. Монастыри - оплот государственности и территориальной целостности, а также веры и нравственности. Тут стоит подумать о силовых монастырях и монастырях, закреплённых за городами районами, но это в разработке пока. Ну, и ещё - крепость, монастырь - форпост, опричного не тронь! Далее - старчество как инструмент надзора за чиновниками: регулярные исповеди, контроль помыслов. И всё! Прописал законодательно систему отбора старцев и их отчётность и работай! Желание брать взятки или пилить бюджет можно пресекать уже на уровне помыслов, как и советовали святые отцы. Мыслепреступление! Так сказал кто-то из древних подвижников, не помню кто. На месте не стоять, раз в пять лет - курсы усовершенствования для штатных старцев. И главное, поймите, никаких новых структур не надо, церковь сама по себе готовая к реализации любых государственных задач структура, напитанная не только мудростью, но и благодатью. Страна расцветёт, яко крин сельный. Ни воровства, ни протестов, ни коррупции, ни произвола спецслужб, - мы знаем, что делаем. А всё потому, что наш план исходит из одной простой, но верной посылки: российский гражданин - человек иерархический. Вертикаль власти в государстве, в церкви и семье и все они основаны на благодатном руководстве смиренных старцев-патриотов. Таков простой до гениальности план нашего Общества. А тут Паравикин... Ролевые игры какие-то!

- А как эти старцы в государственной политике разберутся? - не понял Борис.

- Они и в семейные отношения полезут? - уточнил Денис.

- Ум лукав, это вам всё через интеллект да технологии видится, - всем сразу ответил настоятель. - А духовник, живущий не для себя, а для пользы ближнего, особой мудрости исполняется.

Архимандрит встал, подошёл к сейфу, вновь покопался там и извлёк бумажную папку с тесёмками. Папка легла на стол, и гости увидели на ней карандашную надпись: "Копия доклада для ген. Б.О.О."

- Я хочу, чтобы вы это прочитали. Не спрашивайте, как она у меня оказалась, но улов свежий. - Архимандрит подвинул папку гостям. -

Внимательно изучите и сделайте выводы. Для Паавикина эти документы секретны, но я думаю, надо показать миру, что стоит за благими пожеланиями и красивыми словами некоторых людей.

- Что это? - Денис осторожно развернул картонную обложку к себе.

- По мне, так концепция тайного православного заговора. Собственное сочинение господина Паавикина. И такой человек ещё смеет называть себя "учёный"! Хрен верчёный!

Архимандрит погрозил пальцем в пространство. Немного успокоившись, он сделал несколько больших глотков чая. После этого Варавва взял в руки ларец с крестом, подержал на весу, будто взвешивая, но вместо того, чтобы спрятать в сейф, неожиданно для Дениса поставил его прямо перед ним и сказал печально и раздражённо:

- Заберите эту копию. О её существовании кроме вас никто... почти... не знает. Дарю! Благословляю! Мне она не нужна теперь. Только глаза мозолит своей напрасной пустотой и на совесть нещадно давит: была возможность святыню спасти, да не смог, отец Варавва, не сдюжил. А теперь, разрешите вас покинуть: хор заждался. Жила бы страна родная, как поётся, и нету других забот, нету!

Виктор, то ли смиренный, то ли уставший, пошёл провожать гостей до ворот монастыря и, прощаясь, сунул мешочек с сухариками. "От отца настоятеля, благословение", - пояснил он.

- Нам не надо, - возразил Борис.

- Так положено, - пожал плечами келейник архимандрита и зашаркал назад, в монастырь, где из окон трапезной уже раздавались первые звуки хоровой распевки: «Мы перебегали берега».

- Что, по коням? - сказал Борис, засовывая в рот целую горсть ароматных ржаных сухарей.

Московская программа была исчерпана. Надо было ехать в Москву, на квартиру полковника, где их ждал ночлег, а на утро возвращаться в Зарецк.

Но оказалось, что оставленный на парковке Стрикс, был зажат между клумбой, стеной и кособоком припаркованной жёлтой газелью, перекрывшей выезд. В отдалении на скамейке сидели два плотных мужика в чёрных майках. Из открытой двери БМВ, стоявшей рядом, торчали длинные загорелые женские ноги в тяжёлых ботинках не по погоде. Увидев у ворот монастыря Бориса с Денисом, Нура медленно

выбралась из салона и предстала во всём великолепии своей спортивной фигуры, обтянутой чёрной майкой на тонких бретельках и чёрными же кожаными шортами. Довершала образ красная лайковая жилетка, переливавшаяся в лучах солнца. Выглядела она как сошедшая со страниц комиксов женщина-супергероиня. Вот только под стеной древнего монастыря это создавало впечатление нелепой и неуместной пародии.

- У нас к вам одно дело! - бросила она издали.

- Нам не о чём разговаривать, - крикнул Борис, внезапно став жёстким и собранным.

- Что в сумке? - грозно сказала Нура.

- Сухари да пряники!

- Отдайте!

- Отройте выезд!

Борис, толкая перед собой Дениса, пошёл к машине. Нура сделала знак своим подручным, те медленно, не чувствуя подвоха, двинулись вперёд. Но Борис резко ускорился, открыл дверь автомобиля и крикнул Денису:

- Прыгай!

Тот, не видя в этом смысла, ведь выезд был перекрыт, тем не менее, быстро протиснулся на заднее сиденье, втащив за собой сумку с подарками отца архимандрита. Громилы удивились и прибавили ещё в скорости, но двигатель Стрикса взревел и автомобиль, легко преодолевая бордюры, клумбы и кучи строительного мусора рванул вдоль стены монастыря. Через тридцать секунд он уже мчался по асфальту к шоссе, выиграв у преследователей несколько спасительных минут.

На обратном пути Борис молча крутил барабанку, хмуро смотря на дорогу, а Денис достал бумажную папку с запиской Паравикна для генерала Б.О.О. и начал читать при свете догорающего дня ксерокопию текста, отпечатанного с помощью пишущей машинки, где "а" и "з" были перекошены, а "ъ" отсутствовал и заменялся звёздочкой.

"Тогда приступили ученики к апостолу Тимофею и, рыдая, вопросили: "Премногие бедствия, как рекл еси ты многажды, обрушатся на главы верующих во единого Бога и Помазанника Его. Научи нас, как в лета трудные и годину озлобления сохранить Церковь от гонителей, дабы последний христианин не исчез с лица

земли?" И молившись зело много, апостол ответствовал: "Дам вам я средство верное, ключ к тайне великой, благую анафору, дабы всуе кануло веельзевулово вычение, рассеялись яко дым от лица огня вьялицы бесовские. Не плачте, дщери иерусалимские! Не убо прииде кончина!" (Ростовская летопись (из утраченных фрагментов), 1459 год, Ростов)

Подлинные тайны креста Тимофеева и пути верных его хранителей.

Совершенно секретно. Доступ только Шахерезаде и Корсару.

В изъятых из общего доступа ещё до царя Иоанна Грозного списках Ростовской летописи (отдельные фрагменты которой скопированы в другой летописи, Лаврентьевской), есть достоверные сведения об истоках Китеж-Беловодского филиала (как теперь это официально называется) очень древней и очень тайной организации. Единственное назначение её состояло в противостоянии напору сил зла, дошедшего до последнего рубежа, когда надежда христиан уже иссякала, и помочь ждать было не откуда.

Нет никакого сомнения, что преемственность Эфесского ордена (таково одно из многочисленных названий организации Хранителей и самое древнее из них) восходит к апостолу Тимофею, любимому ученику апостола Павла и епископу Эфеса.

Апостол Тимофей почитается как покровитель эфесских хранителей, как небесный защитник.

Поначалу в организацию входили не более семидесяти человек, а возглавлялась она Великим Братом или просто Хранителем. Первое собрание ордена состоялось в Эфесе через год после кончины Тимофея, когда, предавшись трёхдневному посту и сугубой молитве семьдесят мужей объявили, что они (а впоследствии - их последователи) берут на себя охрану последнего рубежа христианства. В подтверждении сказанного все испили освящённого вина из серебряной чаши с четырьмя изумрудами. Именно этот сосуд был передан Тимофеем своим ученикам и его он называл "ключом священным". После этого один из присутствовавших на собрании мужей, Антиох, был избран Хранителем и удалился с чашей в далёкую пещеру, скрытую от человеческих глаз. Задача членов братства была простой: служить Хранителю, охранять его и чашу, пополнять новичками братство. А по смерти Хранителя из своей среды они

должны выбирать нового.

После посвящения Антиох сказал братьям: “Не должен глава ордена жить среди людей, как простой смертный. Он должен умереть для всех, затвориться от мира и предаться молитве. А если не будет возможности скрыться в пустыне или норе, лучше ему поменять имя и судьбу, стать незаметным для глаз, живя как один из многих. Ибо прятаться лучше всего на самом видном месте”.

Так, уже многие века служат хранители делу церкви. Не отмечены их дела в летописях и исторических трудах, не сложены о них гимны и песнопения, не написаны книги. Но всегда, когда зло подступало к самой сонной артерии христианства, аbie вздыпал хранитель над головой вящую святыню, и рассеивалась тьма и расточались враги.

До середины четвёртого века святыня Тимофея существовала в виде чаши с изумрудами. После того, как окончились гонения, из соображений секретности функции хранителей были переданы кентаврам, жившим в египетской пустыни. Из чаши были выплавлены четыре одинаковых колокольца, с изумрудом в венце. Сделано это было для удобства ношения такого предмета на шее. Вероятность попасться на глаза вездесущим епископам и монахам, распространявшим свою власть на всю ойкумену, у этих существ была крайне мала. Кентавры очень умны и осторожны; их слух в несколько раз превосходит слух человеческий, а по силе обоняния они превосходят собаку. Потому-то почти нет никакой возможности для человека встретиться с кентавром, не то, что поймать его. Хранителями, сторожившими кентавров с колокольцами, были египетские отшельники. Но человеческие любопытство, алчность и кровожадность столь велики, что не скрыться от них и в самой пустыне! В коварной засаде охотников из Александрии в начале пятого века погиб Хранитель Геон. Его тело засолили и выставили на обозрение развратной толпе. Хорошо, что начальник стражи Меоседон, подкупленный монахами, смог выкрасть священный колоколец и вернуть его кентаврам, среди которых уже появился новый четвёртый Хранитель. Кентавры вымерли через триста лет и святыня перешла на хранение к людям. Начался епископский период в истории Эфесских хранителей.

Провидя серьёзные перемены на востоке, уже в середине 12 века Хранитель Феодул, бывший одно время митрополитом Фессалоник, но

удалившись впоследствии на Метеоры под именем сербского монаха Павла, дал добро на создание русской ветви ордена. Ветвь эта, прижившись, как лоза к добруму стволу, должна была дать со временем плод обильный, а именно сохранить святыню, в то время как восток попал под удушилвое иго мусульманского мира. Пророческое слово блаженного Феодула сбылось с неумолимостью наступления ночи после светлого дня.

Заметим, что любой человек, долго живущий в непосредственной близости к святыне, из мира, где властвуют скорби, болезни и старость, вступает одной ногой в мир тонкий, где уже видны отблески блаженной вечности и слышны отзвуки хоров ангельских. Так частью своего существа Хранитель приобщается сферам небесным. И, хотя он ещё не способен окончательно победить смерть, жизнь его весьма продляется, а тело укрепляется и не знает болезней и страданий.

Под влиянием райских энергий Хранители преображаются внешне, приобретая некую световидность плоти и совершенную мелодичность гласа. Умирает Хранитель безболезненно, как бы делая шаг из этого мира, переставляя вторую ногу в область света. Впрочем, вопрос сей требует изучения и ждёт своего внимательного и благоговейного исследователя.

(На полях в этом месте чьей-то уверенной рукой было написано “Важно!”)

Лишь огромная ответственность перед церковью, возлагаемая на Хранителя, не даёт ему полностью предаться созерцанию селений эдемских.

В 1174 году архиепископ Феодул тайно прибыл к ростовскому архиепископу Леонтию для переговоров, в ходе которых было принято решение о создании Русской ветви, во главе с Архистратигом Русского двора, не являющимся главным Хранителем, но ожидающим передачи святыни. Так же семьдесят посвящённых получали наименования стратигов.

Летописец Зенон из братии, бывший с Феодулом, замечает, что в земле русской всё пошло не так, как заведено, было тысячу сто лет назад. Порядки, коим подчинялись даже кентавры, были потрясены и поколеблены.

Выслушав речь Феодула, Леонтий захотел сразу же увидеть означенные в беседе колокольцы, а иначе - нет пустым словам веры,

без товара - нет навара. В этом основной закон земли русской. Феодул, будучи Хранителем, естественно, привёз чаши с собой. Он послал братьев в тайное место и преподнёс святыню на старинном деревянном подносе архиепископу. Леонтий попросил Феодула повторить рассказ и крепко задумавшись, вышел, ничего более не сказав.

Феодула перевезли в толстостенную бревенчатую келью с одним узким окном под потолком, выстроенную на архиерейском дворе. Заботясь о безопасности Хранителя, приставили стражу с мечами и топорами. Гулять не пускали, видимо, по тем же соображениям.

Через три дня затвора в келью к Феодулу, пребывавшему в блаженном недоумении и кроткой растерянности, зашёл архиепископ Леонтий, а с ним высокий темноликий мужчина с раскосыми глазами и короткой клочковатой бородкой, одетый в длиннополый красный каftан. С ними была низкорослая курносая женщина в жемчужном борушнике и собольей накидке. Это были князь Андрей и его жена Улита Степановна.

В третий раз поведал блаженный Феодул, на этот раз уже всей честной кампании, об ордене хранителей, его целях, задачах, штатном расписании и дислокации. Гости задавали много неожиданных вопросов, в основном связанных с передачей функций главного Хранителя. Потом князь начал требовать, чтобы в хранители были посвящены, помимо Леонтия, он сам и его супруга, женщина истово верующая, практичная и дальновидная. Князь был столь красноречив и убедителен, что Феодул был вынужден согласиться, не смущаясь того, что женщина ещё ни разу не была допущена к такому служению. Но, в конце концов, кентаврам можно, а женщине нет?

На следующий день архиепископ Леонтий, князь Андрей и Улита Степановна купно были посвящены в хранители, а архиепископ воспринял титул Архистратига Русского двора. Сразу после этого Феодул тяжело заболел, не справившись с воздействием тяжёлого климата, грубой пищи и отвратительной медовой браги. Болезнь оказалась смертельной, и впервые Хранитель умер, не оставив распоряжений. Совет из четырёх новоявленных хранителей (архиепископа, князя, Улиты Степановны и монаха Зенона) единогласно (ввиду особых обстоятельств) избрал хранителем Леонтия и принял решение о переплавке колокольцев в крест с

изумрудами, с целью централизации благодати. Зенона отослали в Фессалоники со скорбным известием, дарами и хорошо отредактированным описанием всего случившегося. Так начался русский период в истории хранителей. С этого момента начинается также и история Тимофеева креста, наследника Часи и Четырёх колокольцев. Вот уже более восьми веков Тимофеев крест пребывает на русской земле, которая является землёй крайнего предела, предречённым Удерживающим.

Крест переходил от Хранителя к Хранителю, иногда появляясь, а иногда исчезая из виду бытописателей. Постепенно у русских формировалось представление о своей земле, как последнем оплоте христианства, крайнем рубеже, который не перейдут силы Антихристовы. Идея эта проникла в народное сознание хотя, и сама собой, но не без некоторого влияния хранителей.

Специфика русского Хранительства сложилась ещё со времён выборов Архистратига Русского двора в 12 веке. С тех самых пор уже существовал узкий круг посвящённых из четырёх человек, принимавших все стратегические решения и влиявший как на жизнь ордена, так и на ход истории. Из этих четырёх, по древней традиции, один был носителем священного сана (не обязательно епископом, он мог быть и простым монахом, и белым священником). Второй был представителем высшего эшелона власти (а иногда, хотя совсем не обязательно, в этой роли выступал сам верховный правитель), а третья сторона силы была представлена женщиной (она могла быть супругой человека из власти, могла быть совершенно сторонней). Четвёртый – чаще всего иностранец. Верховенство (порой, формальное) возлагалось на представителя церкви. Так, в кватрумвирате мистического единства представлены были все четыре элемента единой стихии, определяющей жизнь русской земли, её четыре столпа, краеугольных камня, составляющих таинственное основание её духа

Никаких заметок и записей русские хранители не вели, потому нам приходится восстанавливать путь креста по источникам внешним: официальным документам, воспоминаниям, летописям, дневникам. Наиболее точно можно проследить судьбы хранителей с конца 18 века, когда крест от Митрополита Ростовского (*sic!*) Арсения, удалившегося по благословению Екатерины в затвор, перешёл к

малоизвестному молодому игумену Тимофею Короткову. По историческим документам той поры можно достоверно доказать, что Арсений, Тимофей и Екатерина встречались в 1764 году в Петербурге. Екатерина входила в совет трёмя ипостасями, имея блокирующий пакет в три голоса (она и женщина, и власть, и иностранка). Представителем церкви был Арсений, передавший впоследствии свои полномочия игумену Тимофею. Как видим, подлинная история креста проливает свет на тайну происхождения наименования "Тимофеев". С епископом Тимофеем Коротковым (в момент посвящения в хранители бывшего в сане игумена) это никак не связано; совпадение имён - случайность.

Понимая, какую опасность представляет разрастающееся влияние мирового масонства и поднимающего голову американо-еврейского капитала, мудрая государыня-хранительница решила удалить крест из столицы на периферию империи, сокрыв его на виду у всех, дабы отвести жадные взоры жидовских лазутчиков от тайны земли русской. Так крест попал в Зарецк (1770 г), а позже - в Лесное Озеро, где он пребывал с 1774 года по конец тридцатых годов двадцатого столетия.

Среди хранителей креста было немало епископов, но наибольший интерес представляют случаи участия в тайном обществе российских императоров. Таковых фактов мы знаем три. Точнее, один полноценный и два половинчатых.

Во-первых, это Екатерина Великая, являвшая собой образец уникальный, поскольку сочетала в себе служение трёх хранителей из четырёх. Она могла бы, приняв монашество, взять на себя и четвёртое, даже размышляла об этом, но благоразумно от такой перспективы отказалась. Её влияния на силу креста вполне хватало для громких военных побед и постоянного расширения границ империи.

Случай второй, половинчатый, связан с именем императора Александра Благословенного. Александр, сначала скептически относившийся к подобной "мистике", вынужден был прибегнуть к услугам Хранителей в период наполеоновского нашествия. Впечатление от явленной крестной силы было столь велико, а эффект столь очевиден, что император дал обещание, принять зрак простого обычателя и удалиться от мира, войдя в число хранителей чудотворного креста. Получается, что не действующий, а бывший император вошёл в число хранителей, потому мы и называем этот

случай половинчатым.

История старца Фёдора Кузьмича много обсуждается как в исторической литературе, так и среди обывателей. Ни официальная наука, ни легенды, циркулирующие в народе, не приблизились к истине. То, что Фёдор Кузьмич есть Благословенный, очевидно уже для многих. Но подлинная причина ухода царствующего монарха в пустыню смирения и безмолвия не может быть понята без знания связи произошедших событий с судьбой Тимофеева креста и Хранителями.

Изучение источников (в том числе, секретных) и сопоставление дат (в том числе, неочевидных) показывает, что Фёдор Кузьмич был Хранителем где-то до 1864 года, после чего судьбу Креста можно отследить уже более-менее точно до самого 1937 года. После смерти монаха Мельхиседека, бывшего в числе хранителей, но выполнявшего декоративные функции, Фёдор Кузьмич неоднократно прибегал к чудотворной силе креста, укрепляя могущество и единство Российской империи. Слухи о наличии в России некоего чудотворного артефакта, способного менять ход истории (и главное, более сильного, чем меч Артура и египетское кольцо, принадлежащее германцам) прижился в умах разведчиков и аналитиков всех мировых держав. Но хранители делали всё, чтобы отвести взгляд соглядатаев от очевидных фактов.

В результате спецоперации английской и японской разведок в 1904 году тройным агентом Чайкиным (агентурные клички - Borstig, Black Eye и др.) была похищена и уничтожена Казанская чудотворная икона, которую аналитики приняли за тот самый Ключ Истории (именно такой термин принят в британских документах - "Key of History", немцы же предпочитают говорить "Große Quelle", что может быть переведено как "великий источник"). Посчитав, что Россия лишена своей чудесной защиты, мировые державы начали активные военные действия и спровоцировали бунт крестьян, пролетариата, евреев, интеллигенции, студенчества, газетчиков и мелких предпринимателей. Даже из чиновников и священников (главного оплота нации) многие заколебались, поддавшись тлетворному поветрию мнимой свободы. Хранители с трудом, но отвели угрозу, когда грянула Первая мировая. Уже тогда император Николай явственно увидел, что опереться престолу (в старом формате

Империи) просто не на что.

Когда возбуждённые вражескими агентами массы стали растаскивать великую некогда Империю по кускам, царь лично принял на себя единоличное Хранительство и, имитировав трагическую гибель (с помощью специально созданной для проведения своей линии подконтрольной организации "ЧК"), поселился в одном маленьком городишке под Воронежем. Совместно с иереем Александром Просвириным из Зарецка он осуществлял великую миссию, фактически, растворившись в толпе. Созданная им ЧК (с благодатной помощью, естественно) вернула-таки страну в прежние границы, даже немного расширив пределы.

Примечание: к записке прилагаются фотографии, сделанные в 1929, 1937, 1944, 1955, 1967 годах, а которых, без всякого сомнения, запечатлён император Николай, скрывавшийся все эти годы под именем Николай Фёдорович Баранов.

В середине тридцатых, видимо, враждебные разведки близко подобрались к Зарецку и отцу Александру. В ответ на угрозу была разработана тайная масштабная операция "Terrore Magno". В ходе операции под прикрытием посадок, расстрелов и высылок (масштабы которых значительно преувеличивались) пропал, растворился в людской массе хранитель-священник Александр. В этот промежуток времени (вплоть до 1969 года) Тимофеев крест полностью исчезает с радаров истории. Никаких данных о его местонахождении нет, как нет правдивой информации об этом священнике. В архивах КГБ есть справка, что священник Александр Просвирин, 1888 года рождения, уроженец с. Лесное Озеро Зарецкого уезда, был расстрелян в Зарецкой тюрьме в ноябре 1937 года по приговору тройки. Но мы-то знаем, что всё было совсем не так.

В тридцатые годы активизировались происки германских мистиков, пытавшихся установить мировое господство с помощью агатовой бусины Дзи, хранившейся в монастыре Гамбоцырен на Тибете. Проблема была в том, что подлинная Дзи лежала в сосуде с тысячами таких же по виду бусин, и выяснить какая из них подлинная можно было только опытным путём. Не дожидаясь, пока команда экспертов разберётся, немецкое правительство, завладевшее сосудом, начало войну. Чем это закончилось, всем известно.

Из архивов ЗАГС нам удалось выяснить, что Николай Фёдорович (в

действительности, император Николай) умер в 1967 году. Видимо, в это время состоялась передача креста иеросхимонаху Павлу Яснову. От него в 1994 году крест перешёл игумену Мартирию Трунову, затем, в 2009 году его приняла схимонахиня Вера Пьянова. После её смерти в этом году крест исчез.

Возможно, что последняя хранительница - схимонахиня Вера передала крест неизвестному нам человеку. По крайней мере, местонахождение его уже более чем полгода остаётся тайной.

А возможно, передачи как таковой не было, и крест находится у лица (или группы лиц) не имеющим отношение к его тайне (эта версия требует тщательной проработки).

Исходя из этого, предлагаю:

1. Утвердить центральную задачу: найти Тимофеев крест. Следует бросить все силы на решение этой задачи. Обретение креста - задача всеоправдывающая (*sic!*) и глобальная по возможным последствиям.

2. Тщательнее всего проверить "ближний круг", к которому относятся монахиня Надежда Яковлева (Лесное Озеро), игумен Вассиан Голимов (д. Смысловка Зарецкого района), архимандрит Варавва Смарагдов (Замшело-Чашинский монастырь в Люберецком районе). Установить слежку за внезапно появившимися знакомыми и якобы случайными людьми, контактирующими с лицами из ближнего круга.

3. Следить за инсайдами и анализировать слухи.

На этом документ заканчивался. В самом низу последнего листа рукой было приписано: "Составитель доклада - "Архивист".

Борису пришлось оставить машину далеко от дома, во избежание повторения истории с блокировкой. А если колёса проткнут? От этой Нуры можно ждать чего угодно. Ясно, что преследователи, зная их местонахождение, будут караулить у подъезда, ожидая выхода, но об этом Борис обещал подумать завтра. Он быстро съел ужин и завалился на диван.

Денис долго ворочался, постоянно пил минеральную воду, чтобы заглушить мучительное жжение языка, заработанное при употреблении азиатской лапши, купленной за углом, и никак не мог заснуть. Борис, повернувшись на бок и укрывшись с головой, уже тихо

храпел под одеялом, демонстрируя крепкие нервы. Лишь за полночь Денис, передумав несколько раз об одном и том же, почувствовал, как сон наползает на его сознание, прореживая мысли, будто соседская бабка Фирсовна сорняки: медленно, методично и скучно. Вскоре осталось чистое поле, без мыслей и образов, слышались только гулкие удары сердца. Через несколько секунд Теплоструев вывалился из реальности и очутился в едва освещённом кабинете, обитом лакированным деревом, где сидела за овальным столом группа людей. Взор Дениса, как камера оператора перемещался от одного присутствующего к другому, наплывая на крупные планы и давая общие панорамы. При этом ощущение, что всё происходит и во сне, и в реальности одновременно, не давало возможности сознанию отключиться полностью и провалиться в глубокий сон.

Образы из сна обступили Дениса и захватили внимание. В кабинете за столом сидел толстый мужчина неопределенного возраста, но точно за пятьдесят. Светлые волосы редкими мягкими перьями, как у младенца, торчали из его округлого темени. Лицевая часть головы, расширяясь, переходила в круглый подбородок, гордой скалой возвышающийся среди каскада водопадов-складок шеи и щёк. Что за человек это был, Денис не мог уяснить, но видимо, он был здесь главный. Должен же быть тут главный, в конце концов?

Зато сидевшие вокруг председателя персонажи сразу стали внутренне понятны Теплоструеву. Вот пожилая миниатюрная поэтесса с томиком комсомольской лирики. Далее - отставной майор каких-то силовых структур с плоским лицом и круглым животом и полноватая брюнетка средних лет из чиновниц средней руки, то ли от образования, то ли от культуры. И последний - бородатый казак с дюжиной значков на мундире (один из них, похоже, "ЦСКА - чемпион") со старой кнопочной "Моторолой" в узловатых пальцах.

Пока все молчали, внутренняя камера сна долго смотрела на майора. Он был почти что безлик и при этом притягателен, одновременно очень мужественен и рыхл. В его глазах разом читались патриотизм, беспокойная нервная похоть, желание остаться незамеченным и стремление немедленно раскрыть мировой заговор. "Может быть, именно он тут главный?" - Подумал Денис во сне, или кто-то подумал за него, а он услышал.

Когда-то, ещё в девяностые годы в НИИ Физиогномики и

графологии не смогли дать однозначного ответа на вопрос: "Откуда берутся такие лица?". Учёные старой школы, приведя тридцать восемь цитат из Корифея-Всех-Наук, утверждали, что воспитать такое лицо можно и должно в практических каждом здоровом мужчине. Молодая научная поросль института, побывавшая уже за границей, пусть и недалеко, придерживалась теории генетической детерминированности: с таким лицом нужно родиться, а роль системы - в бережном выявлении и взращивании перспективных носителей особой комбинации генов. Это печатали, в каком-то журнале, а журналы эти Денис читал на чердаке у деда. "Мир сновидений", что ли, или «Юный психоаналитик» ...

Тем не менее, майор был, конечно же, настоящий, поскольку он был неподдельно уныл и несчастлив, а такие сложные чувства симулировать невозможно.

- Начнём? - это и вправду был главный, тот, что толстый.

- У нас хорошая профилактика, - обиженно сказал майор и посмотрел в блокнот. - Очень хорошая.

- Да-да, вам слово, - с запозданием открыл заседание пухистый председатель.

- Мне понравилось предложение товарища из органов создать комиссию, - поддержала чиновница громким голосом.

- Жизненное обустройство, нахождение себя в социуме, телефоны доверия на всех улицах. Это всё - на региональном уровне. А тиражи многотиражек, так ли мы их используем? - начала поэтесса вдохновенно, но председатель её прервал.

- Мы работаем только по жалобам, - механическим голосом произнёс он, изобразив на лице выражение сочувственной готовности, переходящее в деловую озабоченность.

- Органы не могут всё и не должны! Не навешивайте на органы! - захрипел казак со значками. - А место куреней в системе не отрегулировано до сих пор. А курни, или курени, не знаю точно, хотят знать место. Как им без этого!

- Уже давно прошли курсы усовершенствования, ходить надо было, повышаться, а не шашкой махать, - ехидно заметила чиновница.

- Спасибо, что поддержали, - вставил председатель. - Есть ещё предложения?

- А? - заинтересовался казак.

- А вы все в курсе, что всё это сон? - не выдержал Денис, уставший созерцать бессюжетное видение.

-Э...

-О!

Тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл сияющий крест. Точнее вплыл по воздуху, ослепительно светясь, обдавая то ли жаром, то ли светом всех присутствующих. За крестом вошла девушка в длинном белом платье, черты её терялись в ярких лучах света, но были смутно, мучительно знакомы.

- Это что? - Удивился председатель. - Нет этого в повестке!

Волосы на его голове загорелись.

Майор хотел что-то добавить, но не смог, лицо его стало оплывать как свечка от огня. Денис всё старался разглядеть, что это за девушка и ловил едва узнаваемые черты, отзывавшиеся не в уме, но где-то в душе, в тех её местах, которые предназначены для чего-то очень личного, сокровенного.

- Духовность, коренная вера народная - основа нашей работы, - поэтесса приподняла томик комсомольской поэзии, загораживаясь от креста, но вскрикнула и выронила его из рук. Казак, становясь всё более прозрачным в лучах нестерпимого света, просто растворился в воздухе.

Крест полыхнул солнечной вспышкой, осветив все углы комнаты, и пропал. Вместе с ним пропала и гостья, оставив только лёгкое движение воздуха, слегка погладившее Дениса по щеке, вызвав то ли тихую знакомую боль, то ли немой вопрос: "Почему ты закрываешь глаза на очевидное?"

- Бред какой-то, бред, бред, - пробурчал внезапно проснувшийся Денис и потянулся за водой, задумавшись, почему он не видит очевидного ответа на все вопросы той головоломки, в которую его втянули желание подзаработать, любопытство и любовь... У него ныла левая щека, Денис отлежал её на неудобной подушке, набитой слежавшимися комьями ваты, но казалось, будто она обожжена светом из сонного видения. Денис потряс головой, окончательно вытряхивая остатки сна из головы и сел на кровати. Что-то они делали не так, бегая по кругу, это Денис понимал и без сна. Но не хотелось думать ни о чём, впрочем, не хотелось и спать. Тогда он сел за стол, и при свете фонарика от своего телефона стал разглядывать фотографию. Отец

Павел, как всегда улыбался, излучая внутренний свет и силу. Все остальные фигуры были на месте.

Вроде, ничего нового. Но в то же время, на периферии сознания забрезжил тусклый огонёк, задававший один и тот же вопрос. Денис прислушался, но слов было не разобрать, а образы были слишком эфемерными.

Денис проснулся сидячим за столом от того, что Борис шумно плескался в ванной, напевая про утро и прохладу. Однако, вопреки его прогнозу, день обещал быть жарким и солнечным.

Борис вышел из ванной гладко выбритым и довольным.

- Что будем делать? - с тревогой спросил Денис у Бориса, заглядывая в его сосредоточенные, горящие глаза, выдававшие возбуждение старого солдата перед боем.

- У меня есть план! - загадочно ответил тот и распахнул дверцу кладовки, в котором хозяин квартиры хранил инструменты, удочки, заначки и всякий хлам. - Для разведчика, что самое главное в работе?

- Что? - с опаской уточнил Денис.

- Умение замаскироваться, или же перевоплотиться! - раздалось в ответ из недр кладовой. Борис выбрался из темноты (лампочка не работала) с ворохом тряпья и старым лобзиком по металлу.

Разложив найденные вещи на полу, Борис изложил свой план, от которого за версту несло авантюризмом и безумием, но лучшего, похоже, ничего придумать было нельзя. Перевоплощаться предстояло Денису. Образ старухи-побиушки, по мнению Бориса, был наиболее лёгким для начинающего разведчика. Для этого было приготовлено тёмно-оранжевое женское пальто и цветастая шаль.

- Утром я поднимался на последний этаж, - объяснил Борис. - Там есть выход на крышу. Замок серьёзный, миллиметров двенадцать толщина дужки. Мы спокойно сидим в квартире часов до семи вечера. Потом ты выходишь из подъезда в полном прикиде и у гастронома на углу садишься попрошайничать. Я перепиливаю дужку и выхожу через соседний подъезд с сумкой. Если меня замечают, я один от погони смогу оторваться. Как только я снимаю хвост, звоню тебе, ты спокойно встаёшь и ковыляешь через магазин к туалетам, проходишь через чёрный ход во двор и так же не торопливо, через детскую площадку выходишь в сквер. Дальше перемещаешься короткими перебежками через сквер к метро, и - погнали наши городских!

- Может отдать им копию креста? Они, похоже, принимают его за настоящий! – Робко предложил Денис.

- Нет. Поступили чёткие инструкции от Маргариты Генриховны. В контакты не вступать, копию не светить, поддельный крест беречь, как подлинник. Так что, операция начинается в девятнадцать ноль-ноль! А пока - вынужденно отдыхаем.

- Господи, что за трэш! – в отчаянии воскликнул Теплоструев, глядя на шаль с подозрительными разводами пятен.

...От морковного пальто воняло мышиным чуланом, к тому же в нём было невыносимо жарко. Зарывшись лицом в облезлый кроличий воротник, крашеный под лису (о, насмешка судьбы!) Денис ощущал себя тем самым маленьким трусливым кроликом, изображавшим из себя матёрого лиса-охотника, да так расхрабрившегося, что поверившего в эту странную и гибельную идею.

Не зная, как следует себя вести, Денис опустился на колени и воздел руки к небу (он однажды видел такую позу у нищей перед монастырём) и стоял, думая лишь о том, чтобы продержаться положенное время. Люди шли по своим делам, и было их не мало. Картонка для сбора монет была по-прежнему пуста и новоявленный нищий (или нищая?) начал волей-неволей размышлять: почему не подают?

Какой-то одинокий прохожий то ли в шутку, то ли от чистого сердца, сунул в руки костлявой нескладной старухи в стоптанных кроссовках чёрный пластиковый крест, тот, что обычно входит в набор погребальных принадлежностей. Сразу после этого послышался звон металла. Бросали в основном мелочь, но и это было профессиональным достижением на новом поприще.

Теплоструев недоумевал. Удивительно, но после появления креста в руках просящего, рост продаж стыдливого милосердия и брезгливого теплосердечия возрос. "Я поверил в Бога, и мой бизнес пошёл хорошо", - невольно вспомнились ему слова протестантской "манtry". За час привалило на бургер с картошкой и колой, правда, с непривычки затекли руки.

Через два часа пришла эсэмэска, которую «старушка» прочитала, высунув телефон из рукава. "Всё нормально. Я вышел. Двигай через восемь минут"

"Почему именно через восемь, а не через семь или десять?" -

задумалась нищенка и рассеянно посмотрела на чёрные спортивные часы. Проходящая мимо пожилая пара осуждающе покачала головой.

Денис, сутулясь, прошёл через магазин и выглянул в дверь чёрного хода. Там, прижавшись к стене, стоял Борис. Тем временем, начало темнеть.

- Похоже, я спалился, - сдавленно сказал он. - План «Б» простой: быстро сваливаем.

Едва они вышли на детскую площадку, как от противоположного дома отделились три фигуры и, рассыпавшись в каре, устремились наперевез.

Беглецы резко свернули налево, в едва освещённый переулок, надеясь пробежать сквозь него и выйти к метро. Но не тут-то было.

Переулок заканчивался мощными прутьями ограды частного владения. Два бесконечных серых дома без подъездов и дверей запирали его с двух сторон, а единственная арка, ведущая во двор одного из зданий, была закрыта массивными воротами. Вход и выход в эту каменную кишку был один. Луна с тупым интересом смотрела на странное ограбление, видимо, оценивая, наподдадут жертвам или так отпустят.

Дойдя быстрым шагом до ограды и оглядевшись, спутники обречённо развернулись навстречу опасности. В конце переулка маячили четыре фигуры. Нура и два её мордоворота двигались к ним с решимостью и осознанием превосходства в силах и средствах. Даже Кара-Борис, вспомнив все навыки рукопашного боя, не смог бы противостоять столь организованному и решительному противнику, который, наверняка, был ещё и хорошо вооружён.

- Чего они хотят? - испуганно выдавил Денис, отступая к прутьям решётки. Его ноги предательски ослабли, поролоновые мышцы не слушались.

- Померяться силушкой богатырской, - Кара-Борис всё ещё не решил, готов ли он сложить и без того контуженную голову в этом глухом переулке.

- Вот и всё, чудилы, - громко сказала Нура. - Куртки снимите, все вещи из карманов сложите перед собой и опуститесь на колени с поднятыми руками. После этого ответьте на вопрос: где коробка с артефактом?

- Сука, - твёрдо и громко сказал Борис.

- Сама ты артефакт, - поддержал Денис.

- Ну, вам кранты, - Нура похрустела пальцами. - Думали по-тихому, а н нет.

Денис автоматически сунул руку в карман морковного пальто, там зазвенела милостыня. Пальцы сами ухватили тонкую пластиковую плоть крестика и вытащили его на белый свет: чёрная дешёвая пластмасса, едва различимая белая фигура на ней. Глубоко дыша, Денис посмотрел на распятие; мир вокруг него начал вращаться, ускоряясь и колеблясь. Сознание как-то неуклюже, рывками стало затемняться, чувства глохнуть, голос Бориса, говорившего длинную оскорбительную тираду в адрес нападавших, звучал как сквозь подушку. Обморок был близок. Но вместо того чтобы провалиться в спасительное небытие, Денис, повинуясь зову внезапной волевой искры, озарившей мозг, шагнул навстречу преследователям высоко подняв пластиковый крест над головой двумя руками.

- Да воскреснет Бог, и расточатся враги его! - услышал со стороны Денис свой собственный голос, звучавший не очень уверенно, но с дерзновенной надеждой припёртого к стене человека.

Преследователи остановились и переглянулись.

В это же время в начале переулка остановилась машина, уазик с синим маячком. Нура, обернувшись, сделала жест рукой своим громилам, и они вместе, отступив несколько шагов, нырнули в арку серого дома, нажали нужные кнопки замка и растворились во тьме двора.

В несколько гигантских прыжков, почувствовав избавление, напарники преодолели расстояние до автомобиля. Дверца уазика с надписью "04" открылась, и небритый слесарь в синем комбинезоне хрипло спросил Дениса:

- Где тут дом номер три, у нас вызов на утечку!

Вдруг он заметил в руке бледного парня в старушечьем пальто пластиковый крест, пожал плечами, захлопнул дверцу и поехал дальше. За несколько секунд беглецы успели пробежать квартал, и сквозь заставленный машинами двор, перепрыгивая через детские песочницы и обегая качели, устремились к метро. Оранжевые фалды пальто развевались на поворотах, но бегущие напрочь забыли о странностях одежды Дениса.

- Крест убери, - только успел выпалить Борис, протискиваясь

сквозь двери в подземку.

В пустом вагоне метро Борис как-то странно посматривал на спутника, явно размышая над произошедшими событиями. Внезапная удача, тут сомнений быть не могло, а вот поведение Дениса его по-своему впечатлило: историк был со стержнем.

Денис достал крест и благоговейно приложился к пластиковой святыне, помогшей избежать расправы. И тут Борис, снимая разом напряжение тяжёлого дня рассмеялся. Он хохотал приступами, словно кашлял туберкулёзник, на глазах появились слёзы, и он начал подывать от изнеможения. Теплоструев сидел насупившись.

- Это ничего не меняет, - буркнул Денис, потерев горевшие щёки грязной ладонью, и спрятал крест за пазуху.

- Вот именно! - отозвался Кара-Борис, продолжая всхлипывать. Он дружески похлопал Дениса по плечу, что было наивысшим одобрением со стороны дважды раненого и единожды контуженного одинокого воина по отношению к новичку-напарнику, проявившему храбрость в первой боевой вылазке.

Добрались до автомобиля и сразу рванули из города, в котором оставаться было опасно: Нура рыскала в поисках беглецов, а номера машины были ей известны.

Сто километров на юг сквозь черноту летней ночи беглецы проехали в полном молчании. Денис был на взводе и не смог расслабиться, он всё время смотрел на мелькавшие мимо огни автомобилей и думал, думал.

И только окончательно уверившись, что преследователи их потеряли, остановились, наконец, для заправки и очередной порции кофе.

Но как только выехали со стоянки на освещённую трассу и набрали скорость, Борис, заглянув в зеркало заднего вида, заметил синюю "Газель" со знакомыми номерами. Ещё чуть поодаль маячила белый БМВ Нуры. Борис отправил сообщение Маргарите Генриховне, что хвост, приставленный Паравикиным, вновь объявился в поле зрения. Ситуация становилась опасной. Останавливаться больше было нельзя, а до спасительного Зарецка ещё очень далеко. Полного бака для внедорожника с горными шинами едва хватало на четыреста километров. Стоило остановиться для заправки и всё, пиши, пропало, ведь опытная Нура больше не допустит ошибок. И уже не отделаться

фальшивым крестом, она вполне могла получить команду похитить беглецов и привезти в Москву, недаром два костолома с низкими лбами на "Газели" следовали за её машиной, как привязанные.

Около половины четвёртого утра темнота стала размываться, послышались нетерпеливые птичьи голоса, автомобилей на шоссе становилось всё больше. Денис тупо смотрел в окно, не желая думать, что будет, когда закончится бензин. Когда стрелка индикатора топлива показала меньше четверти бака, Борис громко сказал:

- Нам надо использовать преимущество внедорожника. Тут недалеко поворот на Кудновку, сначала плохой асфальт километров семь, потом совсем разбитая дорога с огромными ямами, мы тут рейд устраивали года три назад... За Кудновкой - неровный грунтовый просёлок, уходящий в лес. Туда они не сунутся: вязкий песок и не просыхающие метровой глубины лужи с грязевым дном. Погонят в объезд - лишние десять километров. Если мы прорвёмся через этот лес на параллельную трассу, у нас будет преимущество минут в десять! Свободно хватит, чтобы заправится, и - на всех парах до Зарецка, где дом родной. А туда эти головорезы пусть приезжают, милости просим!

Бодрый спич Бориса прозвучал обнадеживающе, по крайней мере, теперь у них было что-то, похоже на план. У поворота с указателем "Кудновка 12" Борис, не подавая сигналов и почти не сбавляя скорости, резко свернул, и крикнув: "Ну, держись руками-ногами и молись всем святым!", погнал Стрикса в сторону спасительного леса.

Слабость плана обнаружилась сразу же. Ревя гудками и подрезая визжащие тормозами испуганные автомобили, БМВ резко перестроилась в правый ряд для поворота, выехала на кудновский асфальт и тут же показала своё преимущество на ровной дороге. Отставание в семьсот метров белый седан сократил до расстояния вытянутой руки меньше, чем за минуту, словно Тойота беглецов не мчалась, надрывая двигатель, с предельной для горного внедорожника скоростью в сто шестьдесят километров в час. А вот и "Газель" с Нуриной подмогой уже вписалась в поворот и мчалась вслед.

- Мордой на панель! - крикнул Борис.

- Что? - растерялся Денис.

- Пригнись! Если у неё есть оружие, она будет стрелять по колёсам!

“Ах, да... Я такое в кино видел”, - отстранённо подумал Теплоструев и сложился, как перочинный нож.

Дорога стала петлять, асфальт ухудшился, что временно дало небольшое преимущество Стриксу. По крайне мере для пальбы по колёсам у Нуры возможностей не стало. Но на следующем двухкилометровом прямом участке БМВ почти вплотную приблизилась к Тойоте. Борис увидел в зеркало, как у белого седана медленно опускается тонированное стекло со стороны водителя и в проёме появляется загорелая рука с множеством серебряных колец, а в ней крепко зажат (его ни с чем не спутаешь!) уменьшенный спецназовский вариант израильского UZI.

Когда страх внезапно кончился, Денис почувствовал, что его руки, ноги и тело обрели свой собственный разум. Следуя строгой внутренней программе, жившей то ли в подсознании, то ли в мозжечке (кто их там разберёт!), его мышцы сокращались и расслаблялись, суставы двигались, глаза смотрели, а уши слушали. Как оказалось потом, за три секунды он совершил ряд сложных движений: изогнувшись, рывком вытащил из задней части салона довольно тяжёлый ящик с инструментами (параллельно, другой рукой он нажимал на кнопку, открывающую окно), на третью корпуса высунулся наружу, выставив руки с «бомбой», и кинул ящик по дуге под колёса преследующей машины.

Нура, резко вильнула, избежав удара, но потеряла позицию для выстрела, а Стрикс уже входил в затяжную дугу, отыгравая несколько десятков метров. Деревня была близко, почти сразу за поворотом начинались заброшенные заоколичные домишкы. Но всё опять пошло не по плану, поскольку тот самый, сильно разбитый участок перед спящей ещё Кудновкой, могущий дать преимущество внедорожнику, оказался закрыт на ремонт. Ни предупреждающих знаков, ни других признаков грядущей проблемы заранее видно не было.

Проскочив впритирку между навалом срезанного дорожного покрытия и асфальтовым катком, Тойота, уворачиваясь от поставленного поперёк дороги бульдозера, вильнула вправо и, попав левым передним колесом на метровую кучу щебня, взмыла на пару мгновений над землёй, закручиваясь вокруг своей оси в воздух, словно штопор в пробку. Перевалив за край обочины, машина упала в кювет вверх днищем.

...Помощь в лице Маргариты Генриховны подоспела, словно в детективном романе, как раз вовремя, но в последний момент. Едва Нура и её подручные вышли из своих автомобилей и остановились на обочине, разглядывая перевернувшийся Стрикс, к ним сзади чуть слышно подъехал старенький фургончик с надписью: "Зарецкая клининговая компания", из него вышли двое пожилых гладко выбритых мужчин в чёрных брюках и белых рубашках с короткими рукавами. Используя дистанционные шоковые пистолеты "Гром", они в одну секунду нейтрализовали двух бритоголовых бойцов. UZI при Нуре не оказалось, но она готова была сражаться голыми руками, поскольку другого оружия, кроме использованных шокеров у нападавших не было. Тут из кабины фургончика появилась стройная высокая женщина в летнем брючном костюме цвета "фуксия" и очках в золотой оправе. Достав точно такой же "Гром", она спокойным голосом предложила Нуре сдаться, поскольку не хочет подвергать женщину столь болезненному воздействию. Нуру скрутили, после чего всем троим подручным Паравикина ввели снотворное.

Внедорожник, усиленный специальной конструкцией из труб, выдержал падение на крышу. Борис разбил лицо и, похоже, сломал левое предплечье, а Денис почти не пострадал, если не брать в расчёт нескольких синяков и пережитого шока. Немедленно прибывший эвакуатор погрузил на платформу грустного и помятого Стрикса и уехал. БМВ и Газель были отогнаны в посадки, Нуру и её "мальчиков" уложили отдыхать: снотворное рассчитано не менее чем на четыре часа, а после него - ещё и отходняк ловить не менее часа. Местность была зачищена и фургончик «Зарецкой клининговой компании», спрятив в своих недрах Бориса с Денисом, помчал на юг, в сторону Зарецка.

Зарецк - город на трёх холмах. На самом деле, холмов в округе гораздо больше, и будь город крупнее размерами, стоять ему как Москва, Киев или Рим на семи холмах.

Три холма - три старинных слободы, в каждой испокон веков жил свой народец, били свои устои, традиции, святой покровитель и даже говор. Самым первым был заселён Монастырский холм, потому и считается, что Зарецк возник вокруг Предтечинского монастыря,

основанного черниговским иеромонахом Лавром со товарищи. Произошло это знаменательное событие в сороковых годах семнадцатого века. А ещё раньше, совсем уж в седой древности, холм считался священным у обитающих в округе каратаев-язычников. На вершине холма было капище, на котором стояли в ряд грозные деревянные идолы. Следуя традиции, пришлые монахи сокрушили идолов, стянули их на верёвках к реке и отправили вниз по течению. Такие действия вызвали неприязнь живших в округе каратаев, которые, пусть уже давно не приносили кровавые жертвы, но место почитали и единожды в год увенчивали кумиров венками из спелой ржи. Тридцать пять крепких мужиков с дрынами пришли на вершину холма, где уже устроились в землянках три монаха, жаждавших уединения, а попавшие на агору. Местных подстрекал некто Паксай, по талантам – оратор, по роду занятий - бездельник, а по убеждениям – ревнитель веры и патриот родных каратаевских холмов. Этот лупоглазый и лохматый, как леший после спячки, Паксай, убеждал селян пролить кровь пришельцев, дабы откупиться от обиды, нанесённой идолам. Местный анонимный летописец уклончиво замечает, что пришедшие язычники “от чернецов зело укорены бяху и негодоваху”. Однако, согласно официальной летописи, монах Лавр не растерялся и многими увещеваниями, а наипаче чудесами, среди которых было летание по воздухам и низведение огня с неба, склонил сердца не просвещённые верой к познанию истины, после чего крестил местных жителей целыми семьями прямо в Летке. Массовое обращение язычников произошло на большой луговой пойме, обнесённой вековым лесом, где среди крепких стволов и валежника сквозила в просветы тёмно-зелёная гладь древнего Лесного Озера.

Другой летописец, некий дьячок Макарий Кривонос, отмечал в своей летописи, что поганые язычники всё же сильно обиделись за идолов и прошлись дрынами по спинам незваных гостей, хотя до смертоубийства не дошло. Изгнанные из своих землянок монахи жили некоторое время у Лесного Озера, но через год, а именно лета 1646 по Р. Х., прибыл в эти края воевода Фёдор Стародубов с отрядом стрельцов, охранными грамотами, дьячками и подьячими и заложил на ближнем к реке холме деревянную крепость, назвав её Зарецким острогом. На соседний холм вернулись монахи и начали рубить первый деревянный храм. Фёдор Стародубов без всяких чудес быстро

объяснил каратаям, какая вера правая, и вот тут они, действительно, спешно и массово, крестились, переходя во власть и веру царя Московского. С тех пор язычники в тех краях перевелись.

Монастырский холм - самый обширный и пологий, отстоял от реки дальше двух других. Там всегда селились мелкие ремесленники, торговцы и прочие обыватели. Второй холм - Крепостной, самый крутой и высокий. На его плоской, будто срезанной ударом бердыша вершине некогда стояла крепость, а теперь разбиты скверы и прилепилось серое двухэтажное здание городской администрации, с памятником прищуренному Ильичу, смотрящему вдаль, за реку. На Крепостном холме - множество каменных и деревянных домов 18 и 19 веков, не имеющих архитектурной ценности, но создающий особый дух города.

Третий холм - Угольная горка. Там издавна ютилась чернь и пришлые лихие люди, а в специальных печах обжигали уголь. Советская власть расчистила трущобы, застроив холм типовыми двухэтажными домами с микроскопическими кухнями и бетонными балкончиками. В пыльном сквере во времена перестройки был установлен памятник местному поэту, собирателю фольклора, балагуру, картёжнику и сердцееду Алексею Даниловичу Руно-Орошенскому. Поэт, прижав левую руку к груди и выставив правую ладонью вперёд, смотрел влажными глазами растерянно и удивлённо всё туда же, за реку. Каждая свадебная процессия в городе считала своим долгом распить у подножия бутылку шампанского и повязать на руку Алексею Даниловичу белую ленту. А некоторые почитатели даже отдавали ему дань подвязкой с ноги невесты.

Стоит заметить, что и Монастырский холм уже три года как обзавёлся своим памятником. У южной стены монастыря была разбита круглая клумба с вялыми цветами, пространство вокруг неё было облагорожено тротуарной плиткой местного производства и несколькими хлипкими скамейками. А на высоком гранитном постаменте водрузили грузную ногастую фигуру Фёдора Стародубова. В руках грозный воевода держал свиток с планом города, но глядел пристально поверх него, всё туда же, куда смотрели его бронзовые собраться с Крепостной и Угольной. В ногах воеводы, припав на левое колено, расположился непропорционально маленький бронзовый человечишко с растрёпанными волосами, торчащими из-под

островерхой шапки; щурясь, он сосредоточенно водил пером по свитку. Так, по мнению ваятеля, мог выглядеть местный летописец Макарий Кривонос. Скульптурная группа получилась очень милой, как считали местные блогерши.

Если будете в Зарецке в ясный летний день, когда сам воздух обладает мощной оптической силой, обязательно поднимитесь на знаменитую колокольню Петропавловского собора и оглядитесь вокруг. Картина, открывающаяся с шестидесятипятиметровой высоты, буквально потрясает воображение. К северу от города видны уходящие вереницей вдаль холмы, постепенно понижающиеся и переходящие в лесостепь, прорезанную посадками гречихи, подсолнечника и ржи. К югу возвышенности обрываются внезапно, открывая обширные заболоченные пространства, поросшие кустарником. На востоке хорошо развитыми персями высятся Крепостной и Угольный холмы, сходящие террасами к широкой и неглубокой в этих местах Летке. За рекой виднеется большое село - Лебединское. Видны пять маковок местного храма и колокольня, чуть дальше серебрится громада элеватора и виден бывший барский дом, окружённый парком. На запад уходит лента шоссе, от которой ответвляется дорога, ведущая к речной излучине, застроенной домами в две улицы и высоким крестом церкви. Это деревня Лесное Озеро, а старинный храм в ней заложен ещё епископом Тимофеем.

...Денис добрался на автобусе до поворота на Лесное Озеро, а оставшийся километр с удовольствием прошёл пешком. После аварии на правом плече обнаружился большой саднящий синяк, но это пустяки. Борису, вон, наложили гипс на левую руку (рентген показал трещину локтевой кости), и правый глаз заплыл, как от укуса пчелы.

Юле про аварию Денис пока ничего не сказал, что волновать попусту. Она ещё закрывала практику в университете, и слишком много пришлось бы объяснять по телефону.

В Лесном Озере Теплоструева уже ждала монахиня Надежда, у которой он рассчитывал получить хоть какие-нибудь новые зацепки в поисках Тимофеева креста.

Первым делом он показал монахине копию креста, привезённую из Замшело-Чащинского монастыря. На этот раз Надежда не стала притворяться глухой или забывчивой и рассказала, что же произошло в марте этого года.

- Матушка Вера меня предупреждала, что крест владыки Тимофея захотят украсть, - сказала монахиня. - Говорит, я слабая совсем стала, могу забыться или уснуть, и любой человек может зайти в келью и крест тот унести. Следи, говорит, следи внимательнее, а если что не так, то почувствуешь сразу. Вот архимандрит наш однажды приехал, Варавва, исповедовать матушку. Для исповеди попросил крест, положил на аналой. Я вышла, чаем занялась. И чувствую вдруг, что тихо как-то стало в келье. Необычно тихо, ни скрипа половиц, ни голоса, ни шороха. Я тихонько подошла к двери и чуть её приоткрыла. А Сёма-то, архимандрит наш, стоит и крестом любуется, с аналоя его взял и смотрит пристально, к глазам даже поднёс. Потом вдруг в шкатулку его сложил, да льняным полотенцем обернул. А из портфеля своего достаёт такую же точно шкатулку, открывает и вынимает крест с зелёными камнями, я даже обомлела! Что за чудеса, думаю! Только не чудеса это, а кражा была, святотатство. Но из поддельного креста стекляшка вдруг выпала и об пол звякнула. Я зашла тогда внутрь, тоже тихо, мать Вера всё спала, за руку его схватила, вот как тебя сейчас и говорю: "Верни на место, пока матушка не проснулась, да не осерчала и уезжай насовсем отсюда!" А матушку Веру он страсть как боялся, она так могла глянуть на обманщика, что сердце в пятки уходило. Он ларец с настоящим крестом вынул из своего портфеля, мне в руки сунул, камень свой фальшивый подобрал, он под кровать закатился, и бегом, только его и видели!

Денис взял в руки оригинал фотографии со Светлой недели 1993 года и начал пристально рассматривать, то приближая, то отдаляя снимок от глаз.

- Мать Надежда, что ж мы делаем не так? - почти в отчаянии воскликнул Денис. - Где же крест Тимофеев может быть? Ведь у кого-то он сейчас лежит себе, а мы с ног сбились!

- Может, вы не для блага дела его ищите?

- Ну как же не для благого! Я же рассказывал, Кобецкий верит в чудотворную силу креста, и хочет помочь своей тяжело больной внучке!

- Так-то оно так. Только какой он внутри, ваш Кобецкий, да что об этом деле внучка его думает, нам не ведомо. Темна вода на облацах воздушных!

- Эх, отец Павел, задал загадку нам! "Все кто на фото, тем и хранить

этот крест". Может, тут, кто в кустах прячется или за дверью храма стоит? А может, фотографию неправильно обрезали? Вот бы негатив посмотреть. Негатив? А у кого... Э-э-э... Как отец Павел точно сказал-то?

- "Только те, кто связан этим снимком, и только самые достойные из них, будут хранителями креста, пока живы: на то есть воля Божия". Это я со слов отца Мартирия записала, а Вера подтвердила...

- Так кто фотограф? - выпалил Денис, от нетерпения ёрзая на стуле.

- Нина снимок делала, отец Павел благословил, - спокойно сказала монахиня. - Батюшка всех нас, значит, расставил прямо у двери храма, это был светлый четверг. После литургии дело было, кроме нас и не было никого, все разъехались. Нина обед готовила, он её позвал и говорит: "Ниночка, родная, щёлкни нас на память". У неё был свой фотоаппарат, она в заводской газете тогда работала. Сёма фотоаппарат зарядил, а батюшка говорит: "Снимок важный очень..."

- Нина? - шёпотом уточнил Теплоструев.

- Да, Нина Пьянова.

- Пьянова, значит? Это её фамилия? Пьянова!?

- Да что ты заладил! Она самая, Денис, она самая, Ниночка наша!

- Вот оно что, Пьянова! - Совсем потрясённый, Теплоструев радостно всплеснул руками, вскочил со стула и заходил взад-вперёд по комнате, задевая мебель и спотыкаясь о цветастый лоскутный коврик.

- Ну что ты, Дениска, заладил. Да, Нина, но она же не всегда такая больная была, она и в институте училась, в газете работала. А сейчас вот она со мной живёт, почти не выходит из кельи. Только ты не думай, что у неё может быть наш крест. Я бы это знала. А ранней весной страхи у Нины начались, что матушка Вера умирает, ведь после отца Павла она только с ней и ладила. Таблетки приходилось успокоительные давать, а порой ничего не помогало. Сидет, бывало, и плачет, плачет тихо так. Одна у неё отрада сейчас - дочка, та летом часто приезжает, два, три раза в неделю. Всё забрать её хочет к себе, но дочка учится далеко, да и матушка Вера Нине не велела в город уезжать, там ей хуже, это точно. В клинику положат, да уколами заколют, что тут хорошего! У нас ей, поди, лучше, а порой, по милости Божией, совсем хорошо бывает. Вот только из кельи почти не выходит...

- А фотографии кто печатал?

- Да Нина сама всё делала, в редакции. Только вот привезла они эти фотографии отцу Павлу только в сентябре. Она ведь на девятом месяце была, через две недели родила дочку...

- Дочка? Родила! Матушка, это же всё меняет! Вот что ото всех было скрыто... ах, я олень лесной! А увидеться с ней можно? - Денис перестал ходить по комнате и посмотрел на монахиню.

- С Ниной? Нет у неё креста, если ты об этом. Но увидеться можно, конечно, что ж не увидеться. Ей сейчас гораздо лучше, дочь недавно приезжала, очень долго у неё была, чай два раза пили, смеялись даже. Нина, она очень хорошая, тихая, ласковая всегда, но сломалась она, тяжело было, когда муж её с войны на войну кочевал, ранен был, чуть не погиб, потом от её болезни сбежал в Азию, да не появлялся столько лет! Не перенесла она такого... некоторые люди очень хрупкие душою, словно ёлочные игрушки. А у неё наследственность плохая. Дед её, Фёдор Пьянов, хоть и в партийных начальниках ходил, на всю голову болел. Но при отце Павле, вплоть до самой смерти батюшки, пока Ниночка у него окормлялась, всё хорошо было. Батюшка-то, кого хочешь успокоить мог, одним взглядом, одним словом. Он в душу человеческую зрел, как в воду глядел. Тогда она и работать могла и дочку воспитывала.

Нина Пьянова жила теперь в небольшой двухкомнатной келье в этом же доме позади храма, где размещалась и монахиня Надежда, и где некогда жила и матушка Вера. После смерти отца Мартирия в Лесном Озере не было постоянного священника. Чаще всего здесь служил молодой иерей Виктор из Лебединского, но иногда приезжали священники и из Зарецка. Летом в двух пристройках часто гостили духовные дети Павла и Мартирия, приезжали и священники из разных мест, порой, из-за границы.

Денис пробыл у Нины около часа и вышел довольный, держа под мышкой потрёпанный жёлтый портфель без ручки, и сразу бросился обниматься со старой монахиней, сбивчиво твердя, что он, наверное, скоро женится и что крест, похоже, нашёлся. И что всё это его очень радует. А в портфеле много ценных документов, в том числе воспоминания схимонахини Веры об отце Павле.

Денис дошёл до поворота на трассу и уселся за столиком импровизированного маленького кафе при заправочной станции,

заказав кофе (когда усел пристраститься?) и пару хот-догов. Юля приедет завтра и всё решится. Он отправил ей пространное сообщение с любовными излияниями, немного засомневавшись, не перегнул ли. Но ей понравилось. Правда она сразу же уловила необычность его состояния и написала: "Что-то случилось? Надеюсь, хорошее!" "Я завтра приду с предложением, от которого ты не сможешь отказаться". После бесконечно долгой десятиминутной паузы зазвонил телефон Дениса.

- Ты серьёзно? - спросила девушка.
- Скажи, ты изумруды любишь? - вопросом на вопрос ответил Денис.

- Любимый камень, - ответила она. - Но не траться, прошу. Главное, не кредит.

- Что ты! Я неплохо заработал. А тебе под цвет глаз подойдёт.
- Отец тоже вернулся, утром звонил.
- Приглашай его, - Денис откусил хот-дог и начал возбуждённо жевать.

- Я пирог испеку по маминому рецепту, если успею. Но мамы не будет.

- Мама у тебя хорошая, очень. Честно.
- Ты где? - удивилась Юля.
- В Лесном Озере! - гордо чавкая, сказал Денис.
- Ладно, Теплоструев, вот теперь удивил.
- Ага, а размер кольца седьмой. Правильно?
- Точно. Ну, ты даёшь, до мамы добрался. Но у меня тоже будут сюрпризы, готовься!

- Всегда готов!
Только Денис попрощался с Юлей, как раздался звонок от Бориса.
- Дэн, ты где?
- В Лесном Озере, возвращаюсь с новостями. Я иду по следу и близок к разгадке!

- Отбой, сворачивай экспедицию, - неожиданно сказал Борис. - Я сейчас от Маргариты еду. Так вот, Кобецкий увёз дочь в Монголию к шаманам.

- В Монголии ламы, а не шаманы, - возразил Теплоструев.
- Мне без разницы, но он теперь в том направлении копает: ступы, погремушки, Махабхарата, или как её там... Крест больше не нужен,

говорит. На твою карточку придут деньги, обещанная сумма с премией: шеф не поскупился. И мне перепало за ущерб руке и черепу! Деньги как раз вовремя, а то дочь звонила, замуж собирается. На свадьбу теперь точно хватит. Ты знаешь, сколько платье невесты стоит? Как снегоход "Буран", а надеть один раз всего можно.

- Ну, давай, крепись, - поддержал его Денис. - Терпение и смиление!
- Не начинай!
- Что там со Стриксом? – миролюбиво поменял тему Теплоструев.
- Ремонт за счёт Кобецкого, через три недели будет в строю, приглашаю на ознакомительный рейд по лесам и болотам!
- Ты руку залечи сначала, рейдер, - ухмыльнулся Денис.
- Что ж, дело почти закрыто, - немного разочаровано подвёл итоги Борис.

- А как же генерал с его командой? – припомнив погоною, забеспокоился Теплоструев. - Я не хочуходить и оглядываться, не завернула ли за мной в тёмный переулок Нура.

- Это тоже не проблема, - заверил Караваев, - как-то вопрос уладили на очень высоком уровне. Теперь ни Паравикин, ни генерал вообще не интересуются этой проблемой. Сам реставратор улетел надолго в Турцию на раскопки, Бабанов - не выездной, потому укатил рыбачить на Енисей. Нура вернулась в свою частную школу самообороны для женщин... Как про крест разузнаешь, жду подробностей, как ни будь встретимся, кофейку попьём.

- Только не завтра, я буду занят, - сказал Денис.
- Ну, вообще-то я тоже. Дочь приезжает! Может, тебя с ней познакомить? Шучу, будь здоров, историк, созвонимся.

Немного понаблюдав с удивлением, как изящная старушка в лихо завязанном на голове платке и цветастых шортах заправляет свой Порш, Денис раскрыл портфель и наугад вынул одну из толстых тетрадей в синей клеёнчатой обложке, от которой сразу пахнуло пыльным архивом и затхлой кельей, расклеил слежавшиеся страницы и стал внимательно читать.

"Смиренной схимонахиней Верой написано собственноручно.

Уже после смерти отца Павла я, по совету и благословению отца Мартирия, стала записывать свои впечатления о своём духовном отце,

случаи из его жизни, свидетелями которых мы стали. Некоторые воспоминания его о прожитых годах и встречах с людьми также включены сюда, без системы и хронологии. Я записывала и пересказанные отцом Павлом истории из жизни тех, кто по воле Божией встречался ему на жизненном пути. Труд собирания воедино разрозненных воспоминаний и отделения пшеницы от плевел, пусть возьмёт на себя кто-то знающий своё дело лучше нашего. Мы же считаем своим долгом донести до следующих поколений некоторые важные детали образа иеросхимонаха Павла Яснова, человека, прошедшего лагеря и ссылки и сохранившего искреннюю веру в Бога и не растерявшего, а взрастившего в страданиях любовь к людям.

Образ батюшки, всегда благодушного и улыбающегося уголками глаз, сохраняется в моём сердце и не тускнеет, а как-то даже просветляется, становясь отчётилее и понятнее.

Отец Павел был высокого роста, сухой, держался всегда прямо, словно царский офицер, хотя никогда не служил в армии. Даже длинные руки, с излишне вытянутыми узловатыми пальцами он умел пристроить так, что выглядел благообразно. В Лесное Озеро он приехал в 1969 году, поселился в домике на окраине у старушки Плешковой и сразу стал хлопотать об открытии храма, который уже двенадцать лет стоял под замком, после того, как оттуда вывели угольный склад. Власти всячески препятствовали этому, но и отказать напрямую не могли, поскольку хрущёвские гонения остались в прошлом, а борьба за мир не закончилась.

Я познакомилась с батюшкой в 1971 году, когда один мой знакомый, Василий Витальевич Дуров, бывший педагог интерната для психоневрологических больных, а в тот момент уже пенсионер, обратился ко мне с просьбой помочь с регистрацией прихода, оформлением земли и собственности. Он видел меня на службах в единственной тогда церкви, Троицкой, что на Угольной горке.

С первой наши встречи меня удивила какая-то особая бодрость духа отца Павла, хотя к тому времени ему было под шестьдесят лет. Мужчины в наших краях, если доживают до этих лет, становятся тусклыми, скучными и помятыми, как старая районная газета. Только через многие годы я поняла, какое терпение и какую любовь имел этот человек, прошедший горнило войн, гонений, ссылок, тюремных этапов, полуподпольного существования в Белебее и Зарецке,

тяжёлого монашеского быта в кавказских горах и вечного противостояния с машиной атеистической власти.

Второй раз я увидела его в схиме. Был день его ангела по схимническому постригу, 28 января, память отшельника Павла Фивейского. Батюшка облачился в чёрные одежды, несущие на себе знаки смерти и воскресения Христова. От увиденного у меня даже закружила голова, мне показалось, что я увидела ангела небесного, сошедшего в нашу казённую советскую пустынью, дабы напомнить людям, что кроме плоти есть ещё и дух, что земные царства возносятся и рушатся, а Царство Небесное пребывает вовек. На всём схимическом облачении лежит печать крайней монашеской аскезы, сочетающей в себе, помимо умерщвления страстей плотских и богопознание, смиренное молитвенное предстояние перед Богом за весь род человеческий, за вся христианы. В облике схимника присутствует та особенная красота, которая напрочь отвергает красоту земную, и хотя и показывается нам в виде савана, таит в себе искреннюю радость и мир о Дусе Святе. Не многие сейчас понимают, что такое настоящий монах. Уход в монастырь от несчастной любви стал расхожим штампом и люди воспринимают монашество как альтернативу самоубийству: не везёт мне в любви, повезёт в смерти.

Я замерла, увидев выходящего мне навстречу батюшку, а он, продолжая искрить уголками глаз, обратился ко мне и сказал: "Хочешь так же?". Я обомлела и не смогла произнести ни слова. А он усадил нас троих за чай (ещё были Василий и Наталья Яковлева, будущая монахиня Надежда) и начал рассказывать о том, как жил он в раннем детстве, ещё до революции, в имении курского помещика Яховцева. Удивительно, что, будучи совсем маленьkim, Петя запомнил многое происходившее вокруг него. Отец его был управляющим барскими конюшнями. В специально построенном по желанию набожной жены Яховцева флигеле, всегда проживали странники и странницы, сменяя друг друга, пережидая зиму и непогоду, вновь собираясь в пеший путь по дорогам в Киев, Толгу, Почаев, Сергиеву Лавру, на Валаам и на Соловки.

Он помнил отчётливо рассказы странников о красотах святых мест, золотых куполах, высоких колокольнях, чудотворных иконах и святых колодцах. О своём пути, многомильных переходах, тяготах, голоде и зное, никто из них никогда не рассказывал, словно бедные

калики давали каждому слушателю намёк на то, что трудности земной жизни, есть трудности пути к Небесному Иерусалиму, в котором уже ни болезнь, ни вздохание не властны над нами.

Особо почитался у странников Афанасий Сидящий, что похоронен был в городе Харькове, стоящем на перекрёстке ста дорог. Почитался за то, что уснул сном смертным в пути и как бы присел отдохнуть от своего бесконечного странствия. Так и мы, заключил батюшка, на земле этой странники и пришельцы, но только монахи это понимают лучше и жизнью своей должны доказывать это понимание.

Родился Пётр Яснов в день и год начала Первой мировой в Курской губернии. После революции семья его переехала в Воронеж, где Пётр закончил ремесленное училище и даже поступил в медицинский, но был отчислен со второго курса, как неблагонадёжный. Уже тогда он, не особо скрываясь, помогал в храме, пел на клиросе и часто посещал маленькую общину живших в Грязях монахов закрытой в те годы Курской Коренной пустыни.

Первый арест случился в 1940 году. Петра взяли за тунеядство, поскольку он за четыре года сменил несколько мест работы, испещрил трудовую книжку записями и подолгу никуда не устраивался, фактически проживая в Грязях с монахами. Семь лет лагерей он отбыл от звонка до звонка. Вернувшись в Воронеж, где в войну уже умерли родители и единственная младшая сестра, он окончательно переехал в Грязи, где ещё жили два старца-схимника - Мелетий и Николай. В 1951 году Мелетий умер и Пётр переехал в Зарецк, где устроился в открытый в 1945 году Троицкий храм пономарём и сторожем, проживая в избушке при церкви.

Второй арест случился в 1949 году, в апреле. Власти уже не так рьяно боролись с верующими, но Пётр посещал спонтанно образовавшийся антропологический кружок во главе со старшим хирургом Зарецкой больницы Сергеем Трофимовичем Кудревицким, дореволюционным ещё выпускником Московского университета. Его полемические лекции о генетике вышли боком всем членам кружка. Трое были арестованы, в том числе и Пётр. Осуждённый на четыре года за поддержку буржуазного учения вейсманизма-морганизма, он отправился в якутские лагеря. Ещё на этапе, в стычке с охранниками, Пётр лишился двух зубов от удара прикладом и получил перелом

предплечья. После этого левая рука, сросшаяся плохо, как попало, почти не работала.

Батюшка всегда с удивлением рассказывал, что за все годы лагерей и ссылки уголовные его ни разу не тронули. Хотя он и не монах и не священник, а простой политический. А я всегда на это думаю: “Чего же тут удивительного? Кто бы посмел, если благодать Божия охраняет?”

Начавшаяся после смерти Корифея Всех Наук компания по амнистии коснулась и Петра, его выпустили за три месяца до окончания срока. Вместе с ним был отпущен из ссылки иеромонах Димитрий, проведший в Якутии около двадцати лет. После семи лет лагерей его оставили на поселении и не выпускали до пятьдесят третьего. Он пристроился на лесосплав сторожем, раздобыл антиминс и служил в своей полуподвальной каморке еженедельно. Познакомившись с отцом Димитрием, Пётр прожил у него несколько месяцев, подрабатывая на складах грузчиком и поправляя здоровье. Наудачу иеромонах отправил несколько писем по старым адресам, а вдруг кто из бывших знакомых ещё жив. В начале весны пятьдесят четвёртого отец Димитрий получил ответное письмо от своего собрата из Белебея. Иеромонах Мина устроился в только что открытом храме на окраине города и приглашал Димитрия в сослужители, обещая благосклонность епископа Иллариона, также посидевшего в дальневосточных лагерях.

Несмотря на то, что отец Павел много пострадал от советской власти, я никогда не слышала от него никаких ностальгических высказываний, вздохов о былой дореволюционной жизни. Он не ругал партию, не обижался на уполномоченного, бывшего энкавэдэшника и воинствующего атеиста. Лишь состояние церкви назвал как-то раз “аварийным”, но кто пленитель, не уточнил. Уже в конце восьмидесятых годов я спросила его, как же получилось, что советская власть так надругалась над церковью, русской землёй и её людьми? На это он ответил примерно так: “Власть - не персона, а многие сотни людей со своей головой на плечах. И кто знает, не уготовано ли даже худшим из них раскаяние и спасение? Человека ненавидеть - не по-христиански будет. Вот наш уполномоченный, Черевков. Страшный, каверзный и идейный насекомый по виду, как недобитый сталинский сокол, а присмотришься внимательнее - жалкий, бритый криво,

катаракта на левом глазу, жена раковая больная. Глядит грозно и с ненавистью, но кого он ненавидит? Не себя ли? Не жизнь ли свою пустую? И нас заодно, поскольку кажется ему, что мы - попы, значит, счастье у него и ему подобных отобрали, и кукиш показали. Я каждый раз спрашиваю, как Черевкова вижу: "Господи, ты меня, последнего из разумных, умудрил светом веры и даровал мне любовь Твою. А этот что? Ужели его оставил?"

К тому, что он за веру претерпел гонения, прошёл лагеря и тюрьмы, отец Павел относился, как к благословению. "Только, - говорил он, - понимаешь это далеко не сразу. Когда в ледяном вагоне на север едешь, то мысли совсем другие... Чего бы поесть, чаще всего - такие. Иногда гадаешь: сейчас от пневмонии погибнешь, прямо в дороге, как твой сосед, бухгалтер-растратчик Гуляев, или в лагере уголовные на перо посадят? Жизнь порой тебя как тиски на верстаке сжимает, оборот за оборотом, кажется, вот-вот сердце лопнет. А через десять лет оглянешься назад, так это скорлупа с него опадала, а новое сердце рождалось. Вот только путь таких жестоких испытаний - крайность, никому его проходить не надо бы. И тех, кто про очистительные страдания рассуждать любит, я всегда останавливаю. Но, уж коли попал, человече, держись да молись".

Весной 1954 года, переехав в Белебей, сорокалетний уже Пётр Яснов устроился сторожем на овощную базу и помогал в возрождаемом храме иеромонаху Димитрию. Именно в этот период он почувствовал непреодолимое стремление своего сердца к монашеству и понял, что другого пути для него нет. Отец Димитрий поддержал своего духовного сына и 12 сентября 1954 года, в день памяти Патриарха Константинопольского Павла Нового, постриг его тайно в мантию в честь святителя Павла Патриарха Константинопольского. В тот же год состоялось знакомство монаха Павла с Андреем Михайловичем Просвириным, бывшим директором школы, пенсионером, жившим неподалёку от церкви и посещавшего почти все службы.

И то, что узнал отец Павел из долгих разговоров с Андреем Михайловичем, сложилось в историю поразительную и трагическую, имевшую продолжение в его собственной судьбе. А мне, пока разум и память ещё не подводят, надо успеть записать всё услышанное от батюшки, дабы оставить назидание хотя бы тем немногим, кто

захочет узнать о трагической истории церкви и страшных гонениях на христиан в разгар «цивилизованного» двадцатого века.

Диакон Михаил Просвирин был не велик ростом и не громогласен, как подобает служителю его сана. На лицо он был прост, а борода, как ни ухаживай, да ни отмачивай в лопуховом отваре - всё росла редкая и не длинная. Волосы из неё норовили торчать в разные стороны, вместо того, чтобы лечь единой волной на перси. Уже к сорока годам в бороде пробилась седина, но почему-то с одной стороны, левой. А ещё через пять лет, и голова засеребрилась седыми волосами, отчего вид у отца Михаила сделался как у пёстрой курицы, намоченной дождём. Такого нелепого зрака своего отец диакон стыдился, но супруга, дьяконица Анна, женщина мудрая и образованная, объяснила мужу, что в этом есть своя, необычная красота и несомненное благословение.

Но вправду сказать, если ты порядочный дьякон, то должен быть статен, бороду иметь окладистую, а голос - трубный. Всё это вместе нарекается благообразием. А если у тебя ни того, ни другого, ни третьего, то и народу предъявить нечего, а это на семейном достатке весьма отражается. Бывало, дом захочет осветить некий богатый крестьянин, зовёт он батюшку. А чтобы чин выдержать в духе торжественном, ещё и дьяконское умение требуется: войти в залы, как царь Пётр на корабль, развернуться с кадилом, словно линкор перед эскадрой, да возгласить, будто пушки грянули. Подумает тот крестьянин, а не позвать ли нам отца дьякона Михаила? "А не позвать, отвечает ему жена. - На что нам в новом доме с крыльцом плюгавый такой дьякон, да безголосый к тому ж? Соседи засмеют! Вот отец протодьякон Григорий из Зарецка, пусть и берёт дорого, но пудов эдак семь с половиной весит, и если он панихида, к примеру, служит, то на "Вечной памяти" у него стёкла в домах сыплются, и покойник во гробе вздрагивает, будто от трубы архангельской".

Понимая, что жизнь обделила его своими дарами, отец дьякон, тем не менее не унывал, и в сердце своём благодарность к Богу всегда испытывал. Благодарен он был за то единственное подлинное сокровище, обладателем которого он был, и которое служило источником утешения в его нелёгкой судьбе. Сокровище звалось

Анной Ивановной Просвириной, в девичестве бывшей Зениной. Дочь священника из Зарецка была первой красавицей и могла выйти за любого по своему выбору. Почему этот выбор пал на молодого недоучку, дьячкова сына, не окончившего семинарию, пусть останется тайной девичьего сердца, но только получил Михаил себе в супруги женщину необыкновенной русской красоты, подлинной христианской кротости и недюжинного ума. Благодаря стараниям тестя, протоиерея Ивана Зенина, Михаил получил дьяконское место в Лесном Озере. Тесть же помог отстроить хороший дом возле храма и обзавестись хозяйством.

К стыду своему и вящему смирению, отец Михаил осознавал, что и в главном превзошла его дьяконица. Она обладала мощным, даже зычным грудным голосом, который при пении раскрывался цветком созвучий, удивляя прямо таки органной полифонией. И когда она запевала на праздниках, даже самое чёрствое сердце вздрогивало, ощущая таинственный зов любви и вечности, дрожащий в протяжных звуках. Народ обидно шутил за глазами отца дьякона, что не ему, а супруге его возгласы на молебнах подавать следует.

Вся семейная жизнь Просвириных держалась на терпении и сообразительности Анны Ивановны. И хотя отец Михаил любил повздыхать о своей нищей юности и невозможности окончить семинарию при больных родителях, на самом деле, к наукам он склонности не имел, за добровольным чтением замечен не был, а в счёте путался и на пятом десятке лет.

Так бы и жили Михаил и Анна, словно житийные герои, в согласии, любви, трудах и смирении, но нет во юдоли плачевной места, где бы счастье человеческое расцветало пышным цветом, принося плод историчный. Восемнадцатый год пошёл уже, как протоирей Иван пропел на венчании молодых "Исайя, ликуй!", а жена всё не имела во чреве, нарушая предначертание таинственное. Как переносила это обстоятельство матушка Анна, мы судить не берёмся. Но известно, что отец диакон часто уединялся на берегу Летки и ронял там слёзы в одиночестве.

Справили бирюзовую свадьбу, одел на палец супруге Михаил колечко с голубым камнем, и не весело как-то стало на сердце. Поднял он глаза на жену и обмер. Впервые он видел слёзы на глазах своей терпеливой, ровной характером и всегда радостной жены. Такого отец

Михаил вынести не мог, в исступлении, почти бегом отправился он в свой Покровский храм, бормоча отрывки из разных молитв, так, что слова “чадо” и “чудо” слились в одно слово, выразившее новое понятие. В печали упал он на колени перед аналоем. Шли дни празднования Обретения Креста, и посредине храма, весь в цветах, лежал серебряный крест, бывший святыней здешнего храма. Крест этот принадлежал ранее епископу Тимофею Затворнику, основатель скита в Лесном Озере. Через монаха Мельхиседека, достроившего каменный Покровский храм он перешёл на хранение к деду дьякона Михаила, дьякону Акиндину, поскольку постоянного священника в бывшем скиту почти никогда не было.

Несколько часов пролетели незаметно, но молитва всё била ключом и не было ей конца. Молитва была не надрывной, но обиженной, просительной, немного скулящей. Как только дьякон переставал молиться, перед ним появлялось лицо его любимой Аннушки и он, не в силах пережить её страдания, вновь начинал вопить к Богу, требуя ответа.

За полночь он уснул и увидел во сне, как крест, поднявшись над аналоем на мгновение, воссиял светом солнечным и плавно вернулся на место.

Проспав остаток ночи прямо в храме, отец дьякон пробудился с успокоившимися чувствами и смиренным осознанием необходимости нести свой крест и далее. Пропев “Кресту твоему покланяемся, Владыко”, он пошёл домой и нашёл жену в добром расположении духа. Она обучала грамоте соседских ребятишек, рассадив их вдоль длинного стола на лавке в светлой горнице.

Жизнь шла своим чередом.

Появившуюся страсть к солёным огурцам и мочёной антоновке Анна скрывала от мужа долго. А отёчность лица объясняла усталостью и плохим сном. Но когда, опустившись в погреб, Михаил обнаружил почти что разорённый бочонок с соленьями, у него возник резонный вопрос: не заболела ли чем супруга? Может ли быть, что так сахарная болезнь проявляется? Отец Михаил стал уговаривать Анну показаться доктору, на что она ответила, мол, доктору уже показывалась и у неё всё хорошо. Призадумавшись, что же происходит, взволнованный муж ответа не нашёл.

Через некоторое время живот отвердел и округлился, и скрывать

что-либо стало невозможным. Узнав от жены, что он понесла, отец Михаил потерял присутствие духа и впал в растерянность, не понимая, что теперь делать. Вместо радости в сердце поселилась тревога и беспокойство за судьбу ребёнка. Благо, что супруга добрыми увещеваниями и вишнёвой наливочкой вернула его к жизни и нагрузила домашними заботами по самое горло, чтобы меньше размышлял о предметах недоступных.

В мае 1886 года родился первенец, которого назвали Андреем. Через два с лишним года на свет появился второй сын Просвириных, Александр.

Прошли годы. Андрей Просвирин окончил Зарецкое духовное училище и Воронежскую семинарию, женился на голосистой дочери соборного протодьякона Варваре Зениной и был рукоположен во иереи в январе 1913 года. Младший брат последовал его стопами двумя годами позже и, удачно посватавшись к знакомой с детства Лесноозёрской красавице Елизавете Просвириной (не бывшей ему родственницей), принял священный сан в разгар войны, в ноябре 1914 года, когда вся страна, вдохновлённая удачной осадой Перемышля и возвращением исконно русских земель, захлебнулась в патриотическом угаре. До полного краха империи оставалось чуть больше двух с половиной лет.

У меня нет никакого сомнения, что отец Павел обладал даром прозрения глубин сердца человеческого. Сам он это объяснял житейским опытом, начитанностью и любовью к психологии. Но где кончалась психология и начиналась благодать, порой определить было трудно.

Я никогда не видела, чтобы отец Павел пророчествовал, предсказывал, говорил о далёком будущем. Искренне не понимая, зачем людям знание тайн, сокрытых временем, он всегда уклонялся от ответов на подобные вопросы. Меня он дважды спросил, хочу ли я когда-нибудь принять схиму. Оба раза вопрос был задан неожиданно для меня и с едва заметной улыбкой. Но это был именно вопрос, а не предсказание. Схиму я приняла из рук отца Мартирия в 1999 году.

Отец Павел говорил: видеть сердце человеческое - это как проникать с фонариком божественной в любви в тёмный подвал души. Нужно это не для того, чтобы потрясти воображение

собеседника, а чтобы показать, что если мне, недостойному священнику открыты многие тайные грехи человека, то Бог видит всё до самой глубины, и нет смысла заниматься самообманом.

Духовников, пророчествующих о женихах, свадьбах, грядущих бедствиях и видах на урожай батюшка всегда велел остерегаться. С приходящими к нему людьми беседовал о простых житейских вещах, находя в них смысл глубокий и духовный, более всего требуя оставить самооправдание и простить всех, кто вольно или невольно нас обидел. Не всем это нравилось, поскольку многие священники уже тогда (а расцвело это буйным цветом в девяностые годы) создавали у прихожан иллюзию избранности, сбивая крепкие общины на основе своего авторитета. “У священника никакой власти над своими прихожанами нет и быть не может, - однажды сказал он нам с Надеждой и отцом Мартирием, - Пастырь должен полностью отдаваться молитве и только в этом превосходить всех остальных. А ещё - в смирении и добрых делах”.

Казалось, батюшка живёт в присутствии Божиим, видя незримыми очами свет фаворский, настолько мирен и радостен он был всё время. После беседы с ним в сердце человека наступал мир, а не возбуждение, в душе поселялась любовь, а не горделивое осознание избранности. Всякому приходящему открывалась дорога ко Христу, а образ отца Павла никогда не заслонял её.

Отец Мартирий (в миру его звали Михаил Трунов), постриженник грузинского митрополита Херувима, появился в Лесном Озере в 1981 году, в Успенский пост. Жил Мартирий в горах Абхазии с двумя другими монахами почти шесть лет, и после тяжёлой простуды у него развился ревматизм: в 1979 году выдалась очень холодная затяжная весна, разлив горных рек достиг небывалых пределов. Лечение было начато с опозданием, но сухумские врачи всё-таки поставили его на ноги. Из-за болезни и необходимости постоянного врачебного наблюдения он не мог вернуться к пустынному жительству. Митрополит Херувим постриг Михаила в мантию и рукоположил в священный сан, оставив в городе при Софийском храме. Хорошо знавший митрополита отец Павел (они вместе создавали с иеромонахом Херувимом маленький тайный монастырь в селении под Кутаиси в середине шестидесятых) в письме выразил желание

принять в храм второго священника, желательно монаха, но можно и вдового, склонного к уединённому житию и не склонного к пьянству. Митрополит ответил, что для этой роли подходит Зарецкий уроженец иеромонах Мартирий. Так, по благословению владыки Херувима отец Мартирий вернулся в родные края.

Именно митрополит Херувим постригал в схиму отца Павла во время его смертельной, как казалось, болезни в 1968 году. А в 1982 году, во время приезда Херувима в Лесное Озеро, отец Павел также тайно посвятил владыку в великую схиму, которая была открыта им только на смертном одре в 1984 году.

Чудесное исцеление отца Павла от тяжелейшей двусторонней пневмонии с плевритом, на которую не действовали никакие антибиотики, связано с Тимофеевым крестом. Об этом, пусть и не подробно, но неоднократно, упоминал сам батюшка. После выздоровления у него созрело желание поехать в Лесное Озеро, о котором он так много слышал от Андрея Михайловича Просвирина, дабы вернуть чудотворный крест на подобающее ему место. “Потому, - говорил отец Павел, - и болезнь моя была не к смерти, а к славе Божией”

Я окончательно перебралась в Лесное Озеро в восемьдесят первом, а через год нас с Надеждой Яковлевой по благословению батюшки постриг отец Мартирий. Ей имя оставлено было прежнее, а мне дано другое - Вера (в миру я была Валентиной). «Вера и Надежда», - говорил нам часто отец Павел, - да будет любовь меж вами”. А следует сказать, при моём энергичном характере, остром языке, постоянном беспокойстве, а также медлительности и рассеянности Надежды, возникала опасность недопонимания и конфликтов. Бывало, так на мать Надежду разозлившись и станешь роптать: и то она забыла, и это не сделала, и спит много... А она, думаю, не меньше моего обижалась, поводы были. С 1982 года нами жил две совсем старых монахини, Таисия и Даниила, обе приехали из Грузии от митрополита Херувима. В 1991-м они обе преставились.

Батюшка Павел очень жалел отца Мартирия, говоря, что после его смерти слава чудес креста Тимофеева будет столь велика, что в Лесное Озеро хлынут паломники и праздные посетители. Большинство из их

прикладываются к чудотворному кресту в промежутках между обниманием священного дуба в языческой роще, изучением газетного гороскопа и натиранием пятака флорентийскому кабану. Отцу Мартирию, который временами не вставал с инвалидного кресла, придётся очень тяжело. Эти люди захотят подвига, но чужого. Им потребно, чтобы у них на глазах кто-нибудь страдал и горел. А жить повседневной мелочностью добрых дел, ежечасно побеждая свою лень, похоть, гордость и лукавое двоемыслие – не интересно.

Часто советовал батюшка: если возникают какие-либо недоумения, надо помолиться, а потом не спеша, со вниманием, почтать творения Игната Брянчанинова. Так у святителя Игната всё написано чётко, ясно и понятно, что большинство вопросов сами по себе отпадают. Особенно любил отец Павел те места у святителя, где он обличает ложные чудеса, предсказания и видения. Всем монахам и священникам он рекомендовал перечитывать то, что там сказано и на ус мотать. Любое разгорячение, восторг, эмоциональный подъём, даже искренние по виду, отец Павел не приветствовал, памятуя о словах святителя Игната: “Силою своего воображения сочиняет человек себе мечты и картины, заимствуя их из собственного падения, их своей греховности, из своего самообольщения...” Покойный и мирный дух батюшкаставил превыше всего.

Но народ, приходящий в Лесное Озеро, уже с конца восьмидесятых, так мне кажется, искал не Бога, а человека, не Христа, а духовника - яркого, броского, в меру таинственного, умеющего говорить красиво, прозревающего все тайны сердечные, прошлое и будущее человеков. Потому-то, многие со временем в отце Павле и разочаровывались. Он исподволь, осторожно, начинал напоминать такому захожанину о его тайных пороках: гордыне, самомнении, домашнем тиранстве, сребролюбии, лени, трусости и гневливости... Тут человеку становилось не по себе, охватывала его скука, и пускался он на поиски священника более современного, в пророчествах о судьбах страны и человечества искушённого.

При всей любви своей к людям и снисходительности, умении утешить и понять любого, непримирим был отец Павел к женщинам-кочевницам, фактически оставивших свою семью, слоняющихся по приходам в поисках внимания духовников, их ласки и душевной

близости. Я сама была свидетельницей, как жёстко он мог поставить на место такую "мироносицу", призывая её прекратить поучать мужа, вернуть его доверие, в терпении и молчаливом смирении занимаясь семьёй, которую он называл домашней церковью. "Да светит свет ваш перед людьми", - напоминал слова Спасителя батюшка этим "бездомным" кручинницам. А потом, вздыхая, долго молился о такой страдалице, напоминая отцу Мартирию, какой соблазн эти неугомонные женщины несут для священников, хоть женатых, хоть монашествующих. Некоторые духовники не видят опасности, по самонадеянности, не различая тонкую женскую хитрость. Другие же, напротив, привечают таких прихожанок, окружая их вниманием, поскольку заинтересованы в материальной стороне отношений (эти женщины часто деньгами и продуктами оплачивают право обладания частью души и сознания священника). А батюшке семью кормить надо! Вот он, как Сонечка Мармеладова, и "гуляет" на стороне, чтобы на содержание настоящей жены с детками заработать. Так что это такое, как не блуд душевный? А некоторые (примеров-то множество) и до блуда телесного доходят.

Большинство "мироносиц" после обличения и установления чётких границ (а иногда поюродствовать приходилось, мол, стар совсем, не понимаю ничего, тупенький стал да неуклюжий) отваливались, будто пиявки после щепотки соли. Но самую большую опасность, как сокрушённо предостерегал отец Павел, представляют те немногие, коих обличение и суровые слова приводят в состояние, сродни возбуждению, которое уместно лишь на супружеском ложе. От таких женщин с большой душой и извращённой психикой отиться практически невозможно. Им нужно внимание в любой форме, их приводит в экстаз само публичное унижение. Они обладают смиренной внешностью, но смотрят остро заточенным взглядом, легко отделяющим рясу священника от его мужского естества (хотя действуют они чаще не осознанно, на одном кошачьем инстинкте большой души). Недаром старые священники говорили: "Дурная баба хуже беса. Бес, он креста боится. А дурная баба ничего не боится!" Какой тут можно дать совет? Одному молодому протоиерею батюшка рекомендовал даже в другой город перевестись, поскольку начались ночные звонки, история зашла далеко и ущерб для пастырского служения и семейной жизни слишком уж очевиден стал. Помилуй,

Господи!

Тимофеев крест был особенным явлением нашей жизни. Он являлся и несомненной исторической реликвией, и превосходным драгоценным изделием, украшенным чистыми изумрудами, оставаясь при всём при этом, и в первую очередь, святыней Православной церкви.

Нам было явлено два несомненных чуда, связанных с крестом. Об одном из них я расскажу. Году в восемьдесят втором, в апреле, на Светлой неделе, я и матушка Надежда видим один и тот же сон. А надо сказать, что отец Павел снам не верил и пересказывать ночные видения не разрешал. Но я целый день не могла отвязаться от впечатлений, полученных в этом сне, и рассказала обо всём отцу Мартирию, попросив молитв. Он удивился и, вопреки обыкновению, стал расспрашивать подробности сна. А потом признался, что Надежда точно такой же сон сегодня ночью видела, она ему только что рассказала.

А сон такой. Вижу я гору большую, снегом занесённую, а по её склону спускается священник средних лет в полном литургическом облачении. Вокруг тишина; воздух, даже во сне чувствуется - жгучий, морозный, и снег блестит голубымиискрами. Я замерла и наблюдаю за этой картиной. Священник мне не знаком совсем, а идёт прямо на меня. Всё ближе, ближе, уже слышу, как снег скрипит под ботинками. Смотрю я внимательно на лицо этого батюшки: лицо красивое, благообразное, борода не большая, ровная, седина в ней с одной стороны, левой. Волосы по плечи, голова не покрыта. Но вот нос странный, как-то расцарапан, что ли, смазан. На приятном лице его лучатся глаза светло-зелёные, добрые и глубокие, а в них тревога затаилась. И вижу я в руках у этого священника крест, точь-в-точь - крест Тимофеев. Этот батюшка подходит ко мне, но не близко, благословляет крестом и говорит тихо: "Царский путь креста Господня ведёт в жизнь вечную, а пространным путём идут к погибели".

Тут я просыпаюсь, на дворе глубокая ночь, но уснуть уже не могу. Так и села за Псалтирь. Читаю, а священник тот с изумрудными глазами и странным носом у меня из головы не идёт.

После моего рассказа, призвал отец Мартирий Надежду, да пошли

мы втроём к отцу Павлу. Рассказали ему о наших снах, а батюшка задумался и начал о внешности этого священника расспрашивать. И на нос внимание обратил, чем нас смутил особенно. А потом вынул из старого портфеля конверт с фотографиями и достал оттуда одну старую карточку, на толстом картоне.

На картонке той был священник в рясе с крестом, снятый по пояс. Возраст - лет тридцать пять, может, чуть больше. Среднего роста, волосы по плечи, борода не густая, с проседью по левому краю. А нос у него на фотографии стёрт, словно ребёнок ногтём поскоблил. Мы с Надеждой ахнули и разом его признали. Отец Павел перевернул карточку, а там выцветшими чернилами написано: "Священник Александр Просвирин, Зарецк, 23 мая 1924 года".

- Отец Александр был настоятелем нашего храма с декабря 1914 года до самого его закрытия в 1932 году, и там же, со времён самого епископа Тимофея хранился святой крест, - объяснил отец Павел. - Последняя служба в церкви была как раз на престольный праздник - Покров Богородицы. Потом ещё целый год он служил в Зарецком Предтеченском монастыре, вплоть до его закрытия в 1933 году.

К 1929 году, когда советской властью был принят ряд законов и постановлений, направленных на удушение религии, ситуация с храмами в Зарецке и окрестностях была следующей. В самом городе уже не действовал Петропавловский кафедральный собор, закрытый в канун 10-летия революции, ещё в 1927 году. К празднованию первого юбилея Октября была приурочена установка памятника Вождю мирового пролетариата на главной площади города, некогда именовавшейся Соборной, а теперь переименованной в Октябрьскую. Сам памятник, если не брать в расчёт персонажа, был вполне удачным. Ильич получился по-домашнему уютным и романтически настроенным. С прищуром, с каким смотрел он за реку Летку, мог бы взирать на восход озимых добрых хитроватых крестьянин. Кургузый приказчицкий пиджачок, слегка угловато-рубленая форма лысого черепа, по местному преданию слепленная с лысины фельдшера Ухова, и стоптанные ботинки довершили картину. Но установка памятника основателю безбожного государства напротив действующего объекта культа была недопустима, и Собор закрыли.

Предтеченский монастырь хоть и не был формально упразднён, но

все помещения перешли в ведение горсовета, в некоторых из них держали арестантов, а оставшимся монахам достался старый покосившийся деревянный корпус и главный храм. В таком виде обители удалось просуществовать аж до Пасхи 1934 года, когда она была окончательно разогнана, а за крепкими стенами была организована тюрьма НКВД.

Третий городской храм, тот, что на Угольной горке, с 1922 года принадлежал живоцерковникам.

В Покровском храме села Лесное Озеро служил священник Александр Просвирин, а в соседнем селе, Лебединском, его брат Андрей. Оба иеряя категорически отвергли предложение безбородого епископа Елевферия о присоединении к Живой Церкви и находились под постоянным прессом местных властей.

До 1929 года два мира – старый и новый существовали в одном пространстве, но в разных потоках времени. И если до этого рокового года была возможность у человека существовать в двух мирах, то нарастающие обороты антирелигиозной компании, появление первых процессов против врагов народа и агрессивная коллективизация провели чёткую линию, заставляя каждого делать жизненный выбор, последствиями которого могли стать лишение работы, осмеяние, высылка, голодное существование, или сама смерть.

Неурожай 1928-го года превратил следующий 29-й год в череду тяжёлых полуголодных дней. Но надежда, не покидающая человеческое сердце в годы самых суровых испытаний, продолжала жить среди крестьян. «Год перебьёмся, а там и урожай соберём, новая власть нам не враг!» - говорили они, не знаяшие, что грядущие вскорости испытания будут иметь воистину апокалиптические масштабы и последствия. А 30 ноября приехал в Лесное Озеро некто Василий Яковлев, инструктор отдела сельского хозяйства обкома, и созвал большой крестьянский сход. Прокуренный и неопрятный инструктор, герой гражданской, рьяно агитировал за закрытие местной церкви, поскольку по колхозным показателям область была в числе передовых, а в атеистической пропаганде изрядно поотсталая. Лесноозёрцы поддержали колхоз и не выявили рвения в закрытии Покровского храма.

Следующий пункт маршрута инструктора – Лебединское. Население большого, богатого села, где зажиточные крестьяне

составляли почти половину населения, с опаской отнеслось к идее обобществления скотины, земли и орудий труда, но не стало защищать местный Знаменский храм, думая откупиться от власти его закрытием. «А если венчаться, или кого отпеть надо будет, то Лесное Озеро не далеко», - рассуждали они. После собрания делегация из пяти человек во главе с местным активистом злобным Федькой Пьяновым, страдавшим тяжёлыми приступами мигрени и паники, отправились в дом священника с новостью о закрытии церкви.

Отец Андрей молча выслушал посланцев, расписался в бумаге, что уведомлён о решении схода и, не проронив ни слова, проводил гостей за калитку. Едва Федька с кампанией скрылся из виду, отец Андрей почти бегом отправился в свою церковь. Заперев изнутри засов, он пробыл в одиночестве несколько часов, а как только настала полночь, облачился и начал служить последнюю литургию.

Утром отец Андрей переоделся во всё штатское, запряг в двуколку верную каурую Ромашку и отправился в Лесное Озеро. Во внутреннем кармане его пиджака лежало полученное ещё в мае письмо от старого семинарского друга Саши Десницына. Саша, а теперь Александр Иванович, не принял священный сан после семинарии, а женившись на дочери ссыльного революционера, уехал в Белебей, родной город супруги, где дослужился до директора школы. Старый друг писал, что, будучи при хорошей должности, он живёт безбедно, так, что хватает на всю многодетную семью и ещё остаётся. Саша описывал раздолье Усеньской поймы, красивую сибирскую природу, изобилие зверя и рыбы, мирные нравы тихого провинциального городка. В конце была приписка, что если Андрей и Александр, старые его друзья, захотят «переменить судьбу», то в Белебее для этого есть все возможности. Учительские места и жильё будут обеспечены, а благодаря связям жены он устроит так, что об их прошлом никто не спросит. Переезд в Белебей позволит братьям избежать возможных проблем, которые связаны с их нынешним столь тревожным положением, так заканчивал письмо Десницын.

Отец Андрей, горячо поддерживаемой своей супругой, решил воспользоваться советом старого друга, теперь осталось уговорить брата Александра. Но тот, узнав, в чём дело, нахмурился и долго смотрел в пол. Потом сказал: «Переменить судьбу, что с креста сойти». Андрей начал убеждать его, что, возможно, всё это ненадолго, но брат

упрямо качал головой: «Нет, нет и нет, покинуть свой храм я не могу».

Через три дня отец Андрей сбрил бороду и остриг волосы, обрядился во всё тот же пиджачишко и с женой и дочерью сел в Зарецке на поезд до Уфы. В вагоне он уже был Андреем Михайловичем Просвириным, школьным учителем и незаметным обывателем.

Покровский храм в Лесном Озере власти не закрывали до самого мая 1932 года, когда он лишился своего настоятеля, арестованного за религиозную пропаганду. Отца Александра отвезли в Зарецк и приговорили к исправительным работам. Его поселили в Предтеченском монастыре, в монашеских кельях, приспособленных под бараки. И каждый день, кроме воскресенья, под конвоем молодых весёлых охранников, он строил широкую асфальтовую дорогу, столь необходимую молодой советской стране для выполнения пятилетнего плана по сбору зерна. 1932 год, когда на селе окончательно победило коллективное хозяйствование, был настолько голодным, что Александр больше волновался не за себя (арестантов худо-бедно кормили), а за свою семью, оставшуюся без средств к существованию. Ровно через три года, в мае 1935-ого, его отпустили.

Покровский храм за это время был разграблен и осквернён. Из всего имущества Елизавете, жене отца Александра, удалось припрятать только старый латунный потир со лжицей, епитрахиль с поручами да серебряный крест епископа Тимофея.

Отец Александр пристроился на работу в керосиновую лавку, матушка занималась небольшим огородом. Скотину держать не разрешали. Так и жили.

В июне 1938, когда пришла весть об аресте трёх последних зарецких монахов, тихо живших на окраине города после закрытия Предтечинской обители, Александр, позвав испуганных детей, сказал им: «Я свой выбор сделал. Но вы живите жизнью страны, учитесь, трудитесь, и ничего не бойтесь. По милости Божией, вас не тронут».

Повторный арест случился 23 августа 1938 года. Во время обыска следователи изъяли чашу, лжицу и облачение, приобщив эти вещественные доказательства к делу об антигосударственной подрывной деятельности. Крест Елизавета успела спрятать в скворечнике, торчавшем высоко над старой ольхой, а следователям сказала, что продала его как серебро во время голода неизвестному человеку на вокзале в Зарецке.

Отец Александр был помещён в монастырскую тюрьму, а жену с детьми выселили из приходского домика, в котором теперь разместилась Лесноозёрская начальная школа.

В тюрьме священник пребывал совсем недолго. В конце сентября Особая тройка НКВД приговорила служителя культа Александра Михайловича Просвирина к расстрелу по статье 58-10-1. 8 октября 1938 года приговор был приведён в исполнение в подвале районного отдела НКВД. Жене выдали справку, что А. М. Просвирин приговорён к 10 годам без права переписки и этапирован в Амурскую область.

Сын и дочь Просвириных поступили в училища в далёких городах и затерялись на просторах страны, нигде не фигурируя, как дети врага народа.

В марте 1940 года Елизавета собрала свои немудрёные пожитки и уехала в Белебей к Андрею Михайловичу, ставшему к тому времени заслуженным учителем. Среди вещей бывшей попадьи, в плетёной корзине, оборудованной двойным дном, был надёжно спрятан Тимофеев крест, последняя святыня разгромленного Лесноозёрского скита.

В 1954 году после принятия пострига, монах Павел Яснов ютился в маленькой коморке без окна у одной благочестивой старушки, жившей в небольшом домике на окраине Белебея, и служил при храме в качестве псаломщика, алтарника и истопника. Постепенно он сошёлся с Андреем Михайловичем, овдовевшим в 1953 году и жившим в одиночестве в своём довольно просторном доме. Старый учитель после смерти жены стал ходить в церковь на все почти богослужения, но в разговоры со священниками не вступал, тихо молясь в самом тёмном углу. Он и предоставил отцу Павлу небольшую, но светлую комнату, где был отдельный вход и все необходимые удобства.

Однажды, в летний день 1956 года Андрей Михайлович, только что отпраздновавший семидесятилетие, пригласил монаха Павла спуститься в погреб. Только после того, как дверь была заперта изнутри, Андрей Михайлович, постоянно вздыхая и утирая старческие слезы, рассказал батюшке, что он на самом деле – священник Андрей Просвирин из Лесного Озера, близ Зарецка. Он подробно поведал о своей жизни до отъезда в Белебей и жизни своего брата, священника

Александра, следы которого потерялись сразу после вынесения приговора по политической статье. Прошедший в феврале 1956 года XX съезд КПСС давал надежду на то, что если брат жив, то его можно найти. А если нет, узнать правду о его судьбе, смерти и месте захоронения.

Тайный священник рассказал, что в сороковом году, после настойчивых просьб со стороны самого Андрея Михайловича, в Белебей переехала жить Елизавета, которая привезла с собой великую Зарецкую святыню, Тимофеев крест. Она отдала его деверю на хранение, передав только, что так велел Александр, и что делать с крестом дальше, Андрей сам поймёт со временем.

Андрей Михайлович спрятал крест в погребе своего дома в хитром тайнике, который нельзя было обнаружить при обыске, и почти забыл о нём до самого 1954 года. Тогда, во время литургии на Крестопоклонной неделе, он с отчётливой ясностью увидел через открытые царские врата Тимофеев крест, парящий в воздухе над престолом. Была ли это подсказка, всплывшая из глубин памяти, простая выдумка или подлинное чудо, судить не будем. Но только после этого Андрей Михайлович стал внимательно присматриваться к людям, ожидая, не укажет ли сердце на достойного человека, которому можно передать чудотворный крест.

Так святыня Церкви, Тимофеев крест, оказалась в руках у монаха Павла Яснова, который, после возобновления гонений увёз его с собой на Кавказ, где жил отшельником и подвизался в умном делании, а после вернулся в Лесное Озеро, во вновь открытый Покровский храм.

На запросы о судьбе священника Александра Просвирина в образованном недавно КГБ не отвечали, а на письмо в Верховный совет РСФСР был получен ответ, что архивы не доступны. Вера в то, что отец Александр мог быть ещё жив, подкреплялась странным письмом, список с которого хранился у Андрея Михайловича.

6 декабря 1948 года (память св. Александра Невского), в день тезоименитства священника Александра Просвирина, почтальон передал Андрею Михайловичу помятый конверт, на котором был белебейский адрес учителя, но в получателях значилась Елизавета Просвирина. В конверте был сложенный вчетверо лист тетрадной бумаги, исписанной красивым ровным почерком, который вся семья сразу же опознала как почерк отца Александра. В сентябре 1948 года

истекал его десятилетний лагерный срок и Елизавета Михайловна, не зная о мученической кончине мужа, писала письма во все инстанции, пытаясь прояснить ситуацию.

Вот дословный текст этого таинственного послания, переписанный отцом Павлом.

“Дорогие мои Лиза и детки! Вот и написал я вам, как и было обещано. Вы первым делом поинтересуетесь, как я на новом месте. Спешу успокоить вас: я устроился хорошо. Иногда даже не верится, как хорошо, ибо я нимало не потрудился для такого блаженного и безбедного существования. Живём мы в Амурских краях, богатых лесами, грибами, ягодами и, главное, рыбой. И какой только рыбы мы не попробовали здесь, я и названий таких не знал ранее! Слышали ли вы когда-нибудь о рыбе шип? Она только у нас тут да в Дону иногда водится. Вкуснее этой рыбы ничего нет, и не может быть на свете. А наваристая уха из неё исцеляет любые болезни, так что я совсем поправил здоровье.

У вас я не спрашиваю, как вы живёте. Я всё знаю, сердце моё всегда с вами. А если вы напишите, то письма сюда не дойдут, не старайтесь зря, а только поминайте меня. Потому-то на конверте и не будет обратного адреса.

Лиза, у меня будет к тебе одна важная просьба. Оставь Тимофееву вещицу Андрею, а ему обстоятельства подскажут, что дальше делать.

Лиза, верю, что скоро свидимся. Недолго уже!

Деткам посылаю моё благословение.

С любовью, Александр Просвирин, ваш молитвенник.

8 октября, память преподобного Сергия Радонежского”

После получения письма Елизавета Михайловна вернулась в родной Зарецк, где умерла в августе 1949 года на руках у дочери.

В 1992 году на запрос детей священника Александра Просвирина о судьбе отца, архив КГБ выдал справку о вынесенном ему приговоре и дате его исполнения. На момент получения письма, священномуученик Александр Просвирин уже десять лет предстоял перед престолом Отца Небесного, ходатайствуя о ниспослании милости России и миру.

Удивительный человек был отец Павел! Главное его отличие от многих других людей, в том числе и духовников, было в том, что при общении с ним возникало практически в каждом его собеседнике

ощущении душевной лёгкости. Его внутренняя красота привлекала многих, словно бы они имели возможность заглянуть за порог реальности и увидеть недоступную для их скорбного ума и страстного сердца, почти прозрачную и искрящуюся пасхальным светом картину блаженных мест, где текут мёд и млечо духовные. Да и в обыденной жизни батюшка любил красоту, и даже изящество. Сквозило в его движениях, походке, повороте головы, в том, как он брал чайную чашку, некое благородство и гармония. И всё это - при аскетической простоте быта, неукоснительном исполнении монашеских обетов, постоянном самоограничении. Хорошо знавший иеросхимонаха Павла протоиерей Николай Велегоров рассказывал отцу Мартирию, что даже в пересыльной тюрьме батюшка содержал вещи в идеальном порядке, чистил одежду, тщательно следил за бородой и волосами.

Так, в тюрьме и ссылке, во время пустынного жительства на Кавказе, или в самые распущенные нравственно годы, семидесятые и восьмидесятые, отец Павел воплощал идеал монашеской самодисциплины. Он и нас учил, что внешнее есть отображение мира внутреннего. Однажды он очень расстроился, увидев, что гостившему у нас священнику на богослужении не хватило облачения нужного цвета: в бого诞чный праздник он служил в золотом одеянии, вместо положенного голубого, символизирующего небесную чистоту. После этого случая батюшка позаботился о том, чтобы в Лесном Озере было по четыре дополнительных комплекта литургических облачений каждого цвета. Почти всё мы пошили сами. Отец Павел кроил по бумажным лекалам, привезённым из Москвы, я на старом Зингере с ножным приводом шила, мать Надежда пуговицы и тесьму пришивала, а отец Мартирий Святых отцов или Псалтирь вслуш читал, а иногда, молча молились все вместе.

Стоит признать, умений и знаний у отца Павла было на удивление много. Никто не мог лучше него приготовить обычную пшённую кашу, в его руках это простое блюдо приобретало вкус царского яства. Он отлично варил варенье, умел стерилизовать банки и крышки, знал несколько старинных рецептов приготовления мармелада.

Пока не ослабело зрение, батюшка сам чинил обувь, ловко управляясь с шилом и дратвой, кроил войлочные камилавки и подкладки для них.

Отец Павел был превосходным певчим. Иногда он становился на

клирос, когда служил отец Мартирий, и своим ровным сильным голосом пропевал всю вечерню и утреню. Голос его был не то чтобы красивый, но густой, свежий. Мог и прокимен возгласить не хуже протодьякона. Духовные канты он пел очень редко, но так, что заслушаешься.

Говорят, что талантливый человек талантлив во всём. Но теперь, смотря на батюшку сквозь годы, я понимаю, что секрет его необыкновенных умений был прост: он делал всё с любовью, смирением и молитвой, а от этого мир воистину преображается. Простота его поведения была примером для всех нас, ищущих путей спасения. Он не проявлял показного смирения, не выпячивал свой сан или возраст, или опыт, или начитанность.

В ссылке батюшка подрабатывал в библиотеке и проводил один на один долгие ночи с тысячами книг. Среди опусов классиков марксизма-ленинизма, учебников по политэкономии и скучных производственных романов всегда находились тома русских классиков, медицинские справочники, подшивки журнала «Вокруг света», которые он читал при свете тусклой электрической лампы.

Мы неоднократно спрашивали батюшку, бывали ли на его памяти случаи, когда настоящие идеальные партийцы, исповедники воинствующего безбожия, хулигани и гонители Церкви, приходили к искреннему раскаянию. На это всегда следовал ответ, что пока человек не умер, врата рая для него не закрыты и напоминал нам историю ярого гонителя христианства Савла, ставшего после своего обращения первоверховым апостолом Павлом. Но однажды он признался, что на его веку такого случая ни одного не было.

Отец Мартирий вспоминал, что незадолго до смерти отец Павел сетовал, что в открытые церкви сейчас ринулись все кому не лень, но пройдут годы и в восстановленных храмах духом останутся лишь единицы верных. Остальные же будут пребывать только телом, поскольку суетный мир поработит их разум, а вседозволенность парализует совесть, и это будут поистине страшные времена. По внешности церковь будет свободна, а по духу эту свободу надо будет достигать потом и слезами. Где сила, где крепкая рука, где страшная красота абсолютной власти, туда и пойдёт большинство народа, многие священники и епископы. А это верная дорога к Антихристу.

Году в 1989 приехали к нам в Лесное Озеро трое молодых семинаристов. Батюшка встретил их ласково, чаем напоил, подарками одарил, но о будущем их говорить отказался, чем, видимо, разочаровал их немного.

За трапезой, тем не менее, он сказал гостям небольшое наставление, которое мы с Надеждой записали в тот же вечер по памяти. Вот что говорил отец Павел:

«Ребятушки, ваша жизнь духовная только начинается и впереди немало искушений, рогаток, препон, канав ... Враг рода человеческого так хитёр, что истинному христианину, ведущему мысленную брань, не предлагает искушения в лоб. Всякому подвзывающему предстоит научиться разоблачать замыслы врага и разгадывать его загадки, чтобы не быть уловленным с сети греха. Тайные искушения, наиболее тонкие, очень похожие на благие помыслы и желания – самое сложное препятствие в умном делании.

Никакого внешнего, человеческого рецепта для борьбы с такими искушениями нет, только молитва со смиренным пониманием того, что нет ничего доброго в нашем сердце, что от нас самих исходит, и осознание, что мы всегда ошибаемся, когда от своего ума думаем, воли Божией не взыскуя. Скажем, вы решили исполнять послушание духовника для сугубого смирения воли, и он дал вам благословение, к примеру, на сто поклонов. Вот сотворили вы эти поклоны со всем тщанием и думаете: «А если я ещё приложу к трудам своим поклонов двадцать, это же только во благо будет». И давай опять поклоны бить старательно. Хорошо ли это? Сами поклоны, как учили отцы, ни хорошо, ни плохо, это лишь колебания вашего тела в пространстве, а вот устроение ума – главное. Приложили вы к благословению поклоны по собственной воле, перед этим согласившись свою волю отринуть. Но для того вы и просите благословение, чтобы внешние обстоятельства вошли в конфликт с вожделениями вашей души. От непослушания и зародится тончайший помысел, такой маленький, незаметный, жужжит себе, как комарик. Да только комарик тот – малярийный. И от маленького укуса заболеваете вы тяжелой болезнью самомнения, и лечение может быть горьким, как хина...

И наоборот, живёте вы в миру, все делаете по своему разумению, пусть и с молитвой. А тут помысел: «Что ж ты духовной жизнью не

живёшь, послушание не проходишь?» И идёте вы к духовнику и вместо того, чтобы о своих страстиах говорить, рассказываете ему, как вас начальник на работе не любит. А потом берете благословение - покрасить свой забор в синий цвет, вместо зелёного». А помысл тут как тут: «Экий ты послушливый, экий ты смиренный». Эффект такой же как в первом случае. Вот и получается, послушание хорошо, но когда сам решаешь волю свою забыть и со смирением слушаешь совета.

Ну а тот, кто в миру живёт, тот и не может, да и не должен, каждый шаг сверять с духовником. Но как закоснел, как молитва ослабла, пойдёт такой человек и поговорит с опытным священником о своей духовной жизни. Хотите узнать, как найти опытного старца? Сердце чистое притягивается к чистому, страстное также тянется к себе подобному.

Но в жизни всякие чудеса бывают! Вот, отец Владимир из Масловки, какая проблема у него возникнет - помолится хорошенько, да и к матушке, супруге своей, аккуратненько с вопросом, так, мол, и так, что думаешь? И ни разу не подвела его вера. Все по воле Божией рассуждала матушка. А в жизни ведь простая женщина была, не учёная. Но каждому я такой способ, порекомендовать, конечно же, не могу, дабы не потешить лукавого. Я лишь показываю, что всё возможно верующему... Одним словом, как сказал Апостол, стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства.

Ибо довлеет человеку свобода духа!

Лесное Озеро, 1999 - 2004 годы»

Утром в субботу, около десяти часов, Денис в прекрасном расположении духа сидел на летней веранде в «Субмарине» и правил свои заметки о епископе Тимофееве. Человек с деньгами может позволить себе завтрак в пафосном кафе с видом на ухоженный парк. Московское издательство, адрес которого уже прислала Маргарита Генриховна, с нетерпением ждало рукописей от молодого и талантливого историка-краеведа Теплоструева, обещая твёрдую обложку и хороший гонорар.

Отхлебнув из чашки капучино, он достал свой старенький

мобильник, подаренный отцом ещё на совершеннолетие, и написал Юле сообщение: «Ну что, готова? Уже скоро!»

«Что скоро???» - высветилась ответная эсэмэска с кучей смайликов.

«Скоро поменяешь фамилию на самую красивую! Теплоструева то бишь! Как тебе?»

Ответ был неожиданный: «Это третья моя фамилия». И два смайлика: грустный и весёлый.

Денис в это время уже разглядывал необыкновенно изящное золотое колечко с четырьмя маленькими крестообразно расположенными на нём изумрудами: дорогое, но того стоит. Не понимая, что значит Юлино послание, он набрал: «Ты что, замужем была?», подумал, отправил и сразу пожалел о такой очевидной глупости.

Юля не обиделась, прислала в ответ кучу восторженных рожиц, ещё больше пристыдив Дениса своей чистотой, лёгкостью и добрым снисхождением к его неуклюжести.

«Пьянова – мамина фамилия. До трёх лет у меня была папина!» - отгадка была простой.

А потом: «Отбой, я в деканате».

Денис спрятал кольцо, допил кофе, небрежно заказал ещё чашку и углубился в записи.

Через полчаса раздался звонок от Юли:

- Дениска, извини, - быстро заговорила она, - я задерживаюсь на час-полтора, все подписи собрала, но деканат закрыт, сидим всей группой, ждём. Как отдохнешь – сразу на вокзал. Ты иди ко мне домой, не шляйся там по парку, отец придёт к двенадцати, познакомитесь. Ключ у Подовых. У них всегда кто-нибудь дома. Я им уже позвонила.

- А, это твоя Марь Пална с её рыхлыми дочурками...

- Знаю, ты не поклонник семейства Подовых! – в голосе Юли наметилась ирония. - Но ты ведь рассчитываешь стать их соседом?

- А мне никогда не нравилось, как они живут. Не то, чтобы меня что-то раздражает, или я нахожу в их жизни что-либо неправильное, нет...

- Похоже, раздражает, - подсказала Юля.

- Ладно, раз-дра-жа-ет! Но они живут так, как будто знают, как правильно. Во всём, что они делают, самом обыденное даже,

повседневное, есть какое-то глупое нескрываемое самодовольство, чванство, как сказал бы старый литератор. Вот ты знаешь, как жить? Я не знаю. А они знают, будто у них прямая безлимитная линия с Господом Богом. И знают каждую минуту, и гордятся этим, и сомнения им не ведомы! А с каким видом они выполняют свои мелкие ежедневные дела? Без тени смущения, как непогрешимые мудрецы! А меня это попросту пугает. И всё что он делают, они навязывают миру как канон правильной жизни, императив, эталон выбора между добром и злом. И их глупые чванливые дочки такие же, потому родители ими так довольны и живут они, душа в душу. И никакого конфликта отцов и детей! Вот, недели две назад иду мимо, а Марь Пална твоя с Ленкой и Наташкой сидят на лавочке, жрут груши с таким видом, словно они трое юношей под дубом Мамврийским. Или на Успение... семьсот вареников налепили и гляньте на них – Марфа, Мария и брат их Лазарь! Потом, конечно, этими варениками налупились и – благодать, как пособоровались!

- Как в дом войдёшь, позвони. Будет тебе сюрприз! - весело сказала девушка.

Немного послушав её радостный смех, Денис успокоился и пошёл через парк на Гончарную улицу, где стоял небольшой Юлин домик, с зелёными ставнями, доставшейся ей от матери.

Марь Пална ключи отдала не сразу, задавала много вопросов, на большую часть из которых Денису отвечать не хотелось. Он отделался краткой справкой о больных ногах матери, рассказал, чем его отец, Виталий Денисович, травит жука, и уклонился от распросов о личной жизни и перспективах свадьбы с “соседской Юляшкой”.

Потом, уже на пороге дома, он неожиданно спросил:

- Марь Пална, вы же тут сто лет живёте...
- Да мне пятьдесят семь всего! - неподдельно возмутилась соседка.
- Ну, это я образно... Юля ведь фамилию поменяла. Не помните? А то мне свидетельство готовить надо, а оно затерялось.

Денис неумело врал, краснея до кончиков ушей, но Марь Пална сразу подхватила тему, поскольку любила телевизионные ток-шоу, где обсуждались самые интимные подробности чужой жизни.

- Да, это она потом Пьяновой стала, по матери. А так она Караваева была. Как отец на вторую чеченскую ушёл, Нинку в дурку госпитализировали. Ну, а как она вышла, сразу развод и все дела!

- Вот это сюрприз! - опешил Денис. Он стукнул себя с силой по лбу и со словами: "Надо же быть таким близоруким ослом! Ведь всё на поверхности, всё рядом! Так и человек, ищет Бога за тридевять земель, а Христос стоит у двери и стучит, просит впустить..."

Юлин домик был лёгкий, аккуратный, ажурный: сени, кухня, большая комната с мягким ковром на полу и маленькая спальня с окном во двор. Из-за того, что во время семестра за домом присматривали соседи, девушка не заводила ни собаку, ни кошку, хотя у крыльца стояла новенькая будка, покрытая модной мягкой кровлей. Во дворе росла огромная старая груша, а под ней - немного скособоченная беседка, слишком густо увитая хмелем.

В связке, полученной от Подовой, было три ключа. Один - длинный со сложной ступенчатой бородкой - от двери. Войдя в дом, Денис открыл большое окно в зале, впуская внутрь дома поток свежего ветра и уличный шум.

"Я внутри, начал прохождение квеста. Где сюрприз? Пасхалки будут?" - отбил эсэмэску Телоструев.

"Плоский ключ - от спальни, маленький - от правого комода. Ищи в верхнем ящике. В левый комод не лазь, там ничего интересного. Я уже еду на вокзал. Торт купил?"

Торт Денис не купил, припоминая, что Юля хотела испечь пирог. "Нет, съедим твой пирожок" - написал он. "Ладно, папу озадачу" - ответила она.

Денис открыл дверь в спальню и подошёл к двум тяжёлым комодам, над которыми висело овальное зеркало в деревянной раме. Левый предназначался для личных вещей, правый - для документов. Он чуть выдвинул верхний ящик левого комода, и тут же, в воображении, Юлины волосы взметнулись перед ним, обдавая теплом и утешением. Он задвинул ящик, закрыл глаза. Потом, перекрестившись, решительно вставил ключ в единственный бывший под замком ящик правого комода. Внутри были папки с документами, связки писем, какие-то ключи от давно утраченных сундуков, альбом с фотографиями. Справа, особняком, завёрнутая в парчовую материю стояла старинная кипарисовая шкатулка. Он аккуратно, словно боясь проснуться, взял шкатулку и перенёс её в зал, водрузив на столе у окна. Сердце вновь забилось часто и гулко, но причина волнения была совсем другая, не плотская. Последние две недели жизни Дениса так

плотно переплелись с судьбой Тимофеева креста, что они стали, словно близкие родственники. Теперь - долгожданная встреча после разлуки.

Денис медленно и осторожно раскрыл ларец.

Юля позвонила через несколько минут.

-Я в вагоне, - сообщила она. - Ты как там?

- Не могу в себя прийти. Я две недели гонялся по всей стране за миражом, подвергаясь смертельной опасности, а надо было просто пойти к тебе и всё рассказать! Я как Моисей...

- Да, история вышла странная, - подтвердила Юля. - Крест у меня с Пасхи. Перед самой смертью матушка Вера меня позвала и отдала его на хранение. Я отнекивалась, как могла. Но она была непреклонна, ведь это благословение отца Павла! Ещё велела никому не говорить некоторое время про крест, мол, опасно это. А ещё добавила: муж у тебя будет иереем, ему Тимофеев крест отдашь, а он в Лесное Озеро вернёт, служить там будет.

- Ну, дела! - только и смог сказать Теплоструев. Он, конечно, почти уже сосватал Юлю, но в священники ему идти совсем не хотелось, слишком велико пока ещё было разочарование.

Он сел у стола, пытаясь осознать услышанное. Ответы на загадки последних событий оказались не такими, на какие рассчитывал Денис. Будучи историком, он привык смотреть на вещи отстранённо, безэмоционально, фиксируя события с объективной, беспристрастной точностью. А тут он сам становился частью истории, частью активной, важной, вновь попадал в безумный хоровод окружающего мира, становился веткой великого плодовитого дерева, уходящего корнями в далёкие столетия и тянущегося благосеннолиственными ветвями в таинственное будущее.

Крест епископа Тимофея имел такую нравственную тяжесть и накладывал столь невообразимую ответственность, что от одной мысли об этом спина Дениса покрылась липким потом. Он упал лбом на сложенные на столе руки и сидел так несколько минут, пока не забылся тонким сном. На минуту увидел он себя в Лесноозёрском Покровском храме на солее, в череде священников Зарецкого благочиния. Вот, рядом с ним престарелый, почти что обрётий блаженное безумие, отец Мина с драгоценным наградным крестом, а за им - маячит острый взгляд Василисы; напротив - совсем молодой

отец Вассиан с кроткой ухмылкой древнего пророка, тут же три богатыря с бесхитростными лицами, желающие щей и кагора; поодаль, наособицу, утончённый игумен Тит со следами высокомерной скорби на бледном лице; среди гостей - архимандрит Варавва с несколькими строгими мужчинами в костюмах, прибывшими в зарецкое захолустье с новой идеей создания "Общества патриотических имперских философов". И, конечно, Паавикин, но почему-то в клобуке и мантии, бок о бок с бровастым генералом КГБ, заботливо опекаемый Нурой. А вот и сам архиерей, только что вернувшийся из Ниццы, загорелый, подтянутый, отбеливший зубы... Денис почувствовал острое одиночество и задрожал, словно лист на стылом ветру. Поток образов безжалостно захлёстывал, затмевая внутренний взор, перебивая дыхание, останавливая сердце... Но какая-то сила заставила его взглянуть в сторону отверстых царских врат алтаря. Там, вокруг престола, где духовный чад рассеивался, стояли четыре человека в богослужебных облачениях: епископ Тимофей с серебряным крестом в руке, священник Александр Просвирина с большой иконой российских новомучеников, иеросхимонах Павел со старым Евангелием в кожаном переплёте и архимандрит Мартирий со Святой Чашей. Они пристально смотрели на Дениса, а он от этих взглядов светел сердцем и укреплялся духом.

Сон сошёл за одно мгновение, будто от укола, и Денис поднял голову. Скрипнула калитка, в окне замаячила мужская фигура с тремя тортами, связанными в стопку. Борис, гладко выбритый, но в неизменном камуфляже, вошёл в дом, чем-то долго гремел в сенях, тихо бурча и наконец, открыл дверь. Он подготовил приветственные слова для будущего зятя, но увидев Дениса, сразу же забыл родную речь. Замерев на пороге на несколько секунд, он оглядывал комнату, словно пытаясь раскрыть заговор. Потом, ввалился внутрь, рухнул на диван, чуть не погубив розочки на тортах, и стал смеяться, громко, весело, как тогда, в метро. Смахнув пропустившие слёзы, он, наконец, немного успокоился и отправился ставить чайник.

Денис разложил на столе бархатный плат и выложил на него из кипарисового ковчега серебряный крест. Борис, поставив чайник на подоконник, встал рядом и молча смотрел, как в глубине овальных изумрудов, отшлифованных не столько мастером-ювелиром, сколько

самим временем, играет солнечный луч. Вокруг креста была плотная аура, сотканная из молитв, слёз, скорбей, душевных сомнений, благодатного просветления и искреннего раскаяния многих людей: монахов, священников, мирян и епископов... Концентрация духовной энергии была столь велика, что не почувствовать её силу не было возможности, если человек, конечно, не был окончательно слеп душевными очами.

- Да, похоже, это настоящий Тимофеев крест, - проговорил впечатлённый Борис. Он взял его в руки и, повернув ребром к глазам, прочитал вслух:

- «*Regia via crucis*». Что это значит?

- Русский перевод на другой стороне, - ответил Денис. - Слова «Царский путь креста Господня, возводящий в живот вечный» — перевод с латыни названия книги одного бенедиктинского монаха семнадцатого века. Книга построена в форме вопросов заблудившейся в лесу девушки, на которые даёт ответы ангел и повествует о смирении и терпении ради Христа.

Чтобы скоротать время в ожидании, Денис с Борисом выпили два чайника и съели почти целый торт, успев обсудить все детали своего приключения, постепенно перейдя на возможные варианты свадьбы, которая, по мнению обоих, должна была быть максимально скромной, чтобы сэкономленные деньги можно было пустить на ремонт дома.

- Рука под гипсом чешется! – скривился Борис, скобля твёрдую поверхность повязки. – Фантомная почесуха. А всё-таки хорошо мы съездили, горизонты расширили...

- Ага, едва живы остались, - подтвердил Денис. – А я, вот, например, кофе стал пить. И помногу!

- Эх, а мне пока нельзя, - подосадовал Караваев и покрутил головой. - В башке после аварии рой пчёл поселился. То в одном ухе жужжит, то в другом. Похоже, августовский рейд по Тамбовским болотам придётся пропустить.

Борис блаженно улыбнулся, потом откинулся на диване, прикрыв глаза и, казалось, задремал.

Денис так и остался сидеть у стола, смотря через колышущуюся тюлевую занавеску на дворик с маленькой цветочной клумбой и скамейкой возле неё, старую калитку и часть улицы. Он то доставал кольцо с изумрудами, то вновь прятал его в старый кожаный

портфель, доставшийся ему от Юлиной мамы. Иногда он доставал свои записи, но сосредоточиться ни на чём не мог и убирал исписанные листы в папки.

Видимо, прошло немало времени, пока он не заметил у калитки Юлю. Рядом с ней стояла соседи Подовы в полном составе: Марь Пална с дочерьми и мужем, дядей Толей, торговавшим на авторынке чехлами для сидений. Подова, жестикулируя, сообщала Юле последние новости, долетали обрывки разговора, несколько раз прозвучало слово "жених". Наконец соседи убрались восвояси, и Юля открыла калитку. Денис замер. Он смотрел как стройная девушка в синем летнем платье, с рюкзачком на спине, поправляя разметавшиеся на ветру ржаные волосы, проходит по мощёной кирпичом дорожке к дому и понял, что скучал по ней необыкновенно сильно.

Скрипнула дверь, загремело пустое ведро в сенях. Борис, улыбнувшись, встал с дивана и, прогоняя сон, торжественно произнёс:

- Ну, вот и она!

Эпилог

История эта началась в 1710 году и героем её был престарелый игумен Тимофей, в миру Никола Скоряк, выходец со среднего Дона, живший на покое в Троицком Болдином монастыре, возрождаемом после присоединения к России смоленских земель. Он был направлен

по делам имущественным черниговским епископом Иоанном Максимовичем в Киев. Там он имел несколько встреч с представителями Иезуитской коллегии по вопросам церковных зданий и ценностей. На самой первой встрече игумен преподнёс секретарю коллегии преподобному Яго Санчесу только что изданное в болдинской типографии сочинение черниговского епископа под заглавием «Царский путь креста Господня, возводящий в живот вечный».

Преподобный Яго, лукаво улыбнувшись, обещал на следующей встрече ответить не менее ценным подарком. И действительно, монах вынес на подносе драгоценный шестиконечный крест, чистого серебра, с четырьмя крупными смарагдами на четырёх концах. Над горизонтальной перекладиной была тильта с латинскими буквами «INRI». По левому ребру креста шла надпись, видно, что новая: «Царский путь креста Господня», а по правому ребру латинскими буквами было выведено: «Regia via crucis». Сделаны эти надписи, по словам Яго, с целью напоминания православному игумену Тимофею, что одному они с католиками кресту поклоняются и одному Господу служат. Да и книга епископа с таким удачным названием, есть превосходный, и неплохо расцвеченный цитатами, перевод классического труда монаха Бенедикта Хефтена, как раз имевшего название... да, да, «Regia via crucis»! Ну а сам крест, примерно начала 16 века, судя по литью. Он вывезен иезуитами из Смоленска, после российской победы в польской войне.

Приняв крест, как драгоценную духовную и историческую реликвию, игумен Тимофея, заметил, что брат Яго прав не во всём. «Крест у нас», - сказал он убеждённо, - один, да вера наша православная, на том и стоим».

А в 1713 году крест этот по завещанию перешёл от игумена Тимофея к его младшему брату, тоже игумену из Ярославля, Трифону, который так его и называл «Тимофеев крест» до самой смерти в 1726 году. Преставился игумен Трифон в возрасте 85 лет под пытками инквизитора иеромонаха Арсения Мацеевича. Остальную историю мы уже знаем.

Notes

[← 1]

Желаю удачи (англ., сленг.)

[← 2]

Сколько необходимо (лат.)

[← 3]

Тихо молчи в тряпочку (англ., идиом.)

[← 4]

Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся (Откровение 3:19)

[← 5]

Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими (1
Иоанна 3:1)

[← 6]

В те годы тифозной называли любую бурно развивающуюся лихорадку, а не только вызванную сыпным тифом

[← 7]

Семена алтея

[← 8]
Горчичное

[← 9]

Что они находят нужным

[← 10]

Сытое брюхо к учению глухо. Так? (лат.)

[← 11]

Так. С начала учёба! (лат.)

[← 12]

Злоупотребление не отменяет употребление

[← 13]

Сновидения больного

[← 14]
Желай добра

[← 15]

Кто молчит, согласен

[← 16]

Баркат – изумруд (иврит)